10 ГЕНИЕВ СПОРТА

Бубка
Роднина
Каспаров
Мохаммед Али
Джордан Майкл
Латынина
Харламов
Шумахер
Власов
Пеле



FOLIO


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Люди, о жизни которых рассказывается в этой книге, не просто добились больших успехов в спорте, они меняли этот мир, оказывали влияние на мировоззрение целых поколений, сравнимое с влиянием самых известных писателей или политиков. Может быть, кто-то из читателей помоложе, прочитав эту книгу, всерьез займется спортом и со временем станет новым Пеле, новой Ириной Родниной, Сергеем Бубкой или Михаэлем Шумахером. А может быть, подумает и решит, что большой спорт – это не для него. И вряд ли за это можно осуждать. Потому что спорт высшего уровня – это тяжелейший труд, изнурительные, доводящие до изнеможения тренировки, травмы, опасность для здоровья, а иногда даже и для жизни. Честь и слава тем, кто сумел пройти этот путь до конца, выстоял в борьбе с соперниками и собственными неудачами, сумел подчинить себе непокорную и зачастую жестокую судьбу! Герои этой книги добились своей цели и поэтому могут с полным правом называться гениями спорта…

- Андрей Хорошевский
  - От автора
  - Лариса Латынина
  - Юрий Власов
  - Пеле
  - Мохаммед Али
  - Валерий Харламов
  - Ирина Роднина
  - Сергей Бубка
  - Майкл Джордан
  - Гарри Каспаров
  - Михаэль Шумахер
- notes
  - 1
  - 2

Андрей Хорошевский
10 гениев спорта

От автора

Что нужно, чтобы стать гениальным спортсменом? Талант, данный от рождения (матушкой-природой или Господом Богом – это уж каждый решает сам, исходя из своих убеждений)? Желание обязательно стать первым, победить всех своих соперников, заработать много денег, жажда всемирной славы? А может быть, удачное расположение звезд, какое-то счастливое сочетание цифр? Например, трое из десяти героев этой книги появились на свет в 1963 году, но ни один – в 1964-м. Получается, что те, кто родился в год Кота, может стать гениальным спортсменом, а те, кто родился в год Дракона, – не имеет никаких шансов? Так как же становятся гениальными спортсменами?

«Стоп! – скажет кто-то, равнодушный к спорту. – А не преувеличение ли это, может ли быть гением спортсмен? Гениальным бывает композитор, художник, писатель, политик или бизнесмен в конце концов. Но спортсмен?..» Возможно, и так. Но разве не гениальны финты Пеле, доводившие до безумия зрителей на стадионах Европы и Америки, или взращенная годами тренировок сила Юрия Власова, его рекорды и победы, после которых толпа римлян несла его на руках по улицам Вечного города, или же полеты над кольцом Майкла Джордана, заставлявшие поверить в то, что человек может летать…

Но зададимся еще одним вопросом – а существует ли вообще какой-либо универсальный критерий гениальности? Кого вообще можно считать гением? Конечно, однозначно ответить на этот вопрос невозможно. И все-таки… Люди, о жизни которых рассказывается в этой книге, не просто добились больших успехов в спорте, они меняли этот мир, оказывали влияние на мировоззрение целых поколений, сравнимое с влиянием самых известных писателей или политиков. Когда Пеле приезжал в Африку, там прекращались войны, великий Мохаммед Али, не побоявшийся бросить вызов «системе», стал кумиром движения против войны во Вьетнаме…

Может быть, кто-то из читателей помоложе, прочитав эту книгу, всерьез займется спортом и со временем станет новым Пеле или новой Ириной Родниной. А может быть, подумает и решит, что большой спорт – это не для него. И вряд ли за это можно осуждать. Потому что спорт высшего уровня – это тяжелейший труд, изнурительные, доводящие до изнеможения тренировки, травмы, опасность для здоровья, а иногда даже и для жизни. Честь и слава тем, кто сумел пройти этот путь до конца, выстоял в борьбе с соперниками и собственными неудачами,

сумел подчинить себе непокорную и зачастую жестокую судьбу! Герои этой книги добились своей цели и поэтому могут с полным правом называться гениями спорта…

Лариса Латынина



Немцы входили в Херсон быстро и деловито. За три года войны схема была отлажена до мелочей – вначале в город въезжали передовые отряды мотоциклистов, находили лучшие дома, организовывали в них штабы и комендатуры и ждали подхода основных сил. Дело привычное, что им маленький украинский городок, если до этого они брали Варшаву, Прагу, Париж…

После того, как город взят, в нем нужно установить порядок. «Новый порядок», «немецкий порядок». Эти «недочеловеки»

должны подчиняться во всем, слово немецкого солдата – закон. А если кому-то не нравится, на это следует моментальный ответ – очередь из автомата или удар штыком. Они были уверены в своей победе. «Deutschland, Deutschland, über alles!» – «Германия, Германия, превыше всего!» – тихие ночи украинского городка сотрясали крики немецких солдат. Правда, кое-кто уже начинал понимать, что эта затея безумного фюрера может закончиться для них кошмаром. Когда пьяный ефрейтор выносил из небогатой квартиры семьи Дирий скатерти, простыни и патефон, он был очень печален. «Поход на восток кончится для нас могилой», – говорил ефрейтор и надевал свою пилотку, как Наполеон треуголку. Он грабил несчастных людей подчеркнуто учтиво. А когда уходил, пальнул вверх из автомата. Так, для порядка. Шестилетняя Лариса очень испугалась. Она еще не до конца понимала, почему эти люди пришли на украинскую землю и почему они могут безнаказанно убивать и грабить…

Какими важными нам иногда кажутся наши повседневные проблемы и заботы. И какими мелкими и ничтожными они являются по сравнению с тем, что довелось испытать людям, пережившим войну. Особенно детям…

Лариса Латынина (Дирий) родилась 27 декабря 1934 года в Херсоне. Через шесть с половиной лет началась война. Отец Ларисы Семен Андреевич Дирий ушел на фронт и погиб где-то на полях Сталинградской битвы. «Войну я никогда не забуду, – вспоминала впоследствии прославленная гимнастка. – И не забудет ее никто из моего поколения. Тысячи бед принесла она нам. И нет среди семей моих сверстников ни одного, которого бы ни опалили частые неразборчивые молнии военной грозы».

Когда закончилась война, Пелагее Анисимовне Дирий, чтобы хоть как-то прокормить себя и маленькую Лору, пришлось работать днем и ночью на двух работах – уборщицей и истопником. Денег и так не хватало, а тут еще увлечение дочери танцами. Лора не просто мечтала, она бредила танцами. «Сейчас я не могу уже и сказать, в какой момент я отчетливо представила себе огромную сцену и многоярусный зал (видно, тогда я уже видела в кино Большой театр), – рассказывала Лариса Семеновна. – И весь этот многолюдный зал аплодирует мне, танцующей на сцене легко, уверенно, непринужденно. У меня была мечта – танцевать, и обязательно хорошо, танцевать так, чтобы это нравилось людям». Казалось, что в провинциальном послевоенном Херсоне осуществить эту мечту невозможно. И вдруг Лариса узнала, что в Доме народного творчества открылась студия хореографии. Вроде бы все просто – иди и учись, лишь бы

талант был. Однако обучение было платным и стоило пятьдесят рублей в месяц, а Пелагея Анисимовна тогда получала 225 рублей. Но она без раздумий дала деньги. Любящая мама всегда руководствовалась принципом – дочь должна получить воспитание не хуже, чем другие.

Танцевальная студия через какое-то время закрылась – денег родителей не хватало для нормальной работы. Руководитель студии Николай Васильевич Стессо пригласил Лору и еще одну девочку в кружок, который он вел в одном из клубов. И Лариса продолжала заниматься танцами, даже выступала на вечерах самодеятельности, но в душе чувствовала какой-то надлом. Девочка тогда еще не понимала, в чем причина, и только уже будучи опытным тренером и педагогом, осознала, что изменилась атмосфера и она потеряла перспективу. А кроме того, в ее жизни появилось новое увлечение – гимнастика…

Когда Лариса училась в четвертом классе, она приходила минут за пятнадцать-двадцать до начала занятий и, прижавшись к стеклянной двери спортивного зала, смотрела, как старшеклассники занимаются гимнастикой. Гимнастика ей очень нравилась. Ведь это было очень красиво – четкие движения, в чем-то похожие на ее любимые танцы. Ларисе очень хотелось туда, в зал, ей казалось, что она сможет делать упражнения не хуже, чем старшеклассники. Но учитель физкультуры и тренер гимнастической секции Михаил Афанасьевич Сотниченко сказал ей:

– Мала еще. Вот перейдешь в пятый класс, тогда возьму тебя.

Летом Лариса уехала в пионерский лагерь. Каждый день она прыгала и подтягивалась, чтобы хоть чуть-чуть подрасти. А вернувшись в город, Лора еще до начала учебного года караулила возле школы Михаила Афанасьевича. Как только она увидела тренера, тотчас подбежала к нему:

– Я Лариса Дирий из пятого класса! Вы обещали принять меня в гимнастику!

– Раз обещал – значит, приму, – серьезно ответил Сотниченко.

Видимо, Лариса Дирий была талантливой девочкой. Неслучайно два педагога – хореограф и тренер по спортивной гимнастике – пытались перетянуть ее на свою сторону.

– Бросьте вы, Лариса, гимнастику – она вас огрубит, закрепостит мышцы, и вообще это не искусство, разве что к цирку ближе, – картинно заламывая руки, говорил Николай Васильевич Стессо.

– Брось, Лора, свой гопак, – сердился Михаил Афанасьевич. – Это несерьезное дело. Только мешает спорту. А в гимнастике у тебя что-то стало получаться.

Постепенно увлечения Ларисы стали отнимать у нее все свободное время. Кроме танцев и гимнастики, девочка, обладавшая прекрасными вокальными данными, пела в хоре. Она разрывалась между спортзалом, хором и танцевальным кружком. Можно было, конечно, и дальше заниматься всем подряд, но тогда на серьезные успехи рассчитывать не стоило. Надо было выбирать что-то одно…

Михаилу Афанасьевичу Сотниченко очень хотелось, чтобы Лариса осталась в гимнастике. Он видел, что девочка создана для этого вида спорта. Для того чтобы «отвадить» Лору от хора, тренеру пришлось пойти на хитрость. Ему удалось уговорить руководителя хора сказать девочке, что нет у нее ни слуха, ни голоса. А затем, под влиянием тренера и мамы, которая тоже «была против гопака», Лариса рассталась и с танцами. Как говорила сама гимнастка: «Рассталась нелегко и все же не очень трудно. Нет, я не рассталась с мечтой. Ведь была у меня еще и гимнастика».

В 1949 году Лариса Дирий получила второй разряд по спортивной гимнастике. С тех пор она начала выезжать на соревнования. Прославленной чемпионке на всю жизнь запомнился турнир в Харькове, проходивший в зале на Холодной Горе. На этих соревнованиях Лариса вела борьбу за первое место с Ритой Петровой (будущей Николаевой – партнершей Латыниной по олимпийской команде на Играх 1960 года в Риме). Лора была уверена в себе, особенно после упражнения на бревне, за которое она получила 9,8 балла. А Рита Петрова допустила несколько ошибок на этом коварном снаряде и, казалось, не могла рассчитывать на победу. Лариса уже видела себя на первой ступени пьедестала почета, но неожиданно кто-то из проходивших мимо случайно толкнул бревно, на котором в тот момент заканчивала свое выступление Петрова. Судьи разрешили ей повторить упражнение. На этот раз Рита выполнила его безошибочно и завоевала в итоге первое место. После тех соревнований Лариса установила для себя «железный» принцип: «Никогда не думай, что ты выиграла соревнования, если еще не выступила хотя бы одна соперница».

А после чемпионата СССР среди школьников в Казани гимнастка усвоила еще одно правило: «Смейся со всеми, плачь в одиночку». Она неудачно выступила на перекладине, получила ноль и подвела команду. Этот срыв был настолько обидным, что как только Лора оставалась одна, тотчас просто заливалась слезами. Четырнадцатилетняя девочка тогда еще не могла осмыслить, что в жизни, как и в спорте, бывают не только победы,

но и тяжелые поражения, к которым нужно быть всегда готовой.

Когда на соревнованиях в Киеве Лариса получила первый разряд, Михаил Афанасьевич Сотниченко сказал ее маме: «Может быть, Лора станет и мастером». В те времена, когда советские спортсмены только-только начинали выезжать на зарубежные соревнования, для большинства звание мастера спорта СССР казалось вершиной спортивной карьеры. Это уже позже мастерами становились десятки, а может быть, и сотни тысяч спортсменов, а в начале 1950-х в том же Херсоне, например, не было ни одного. Лариса стала первой. После великолепного выступления во Львове на городском стадионе Херсона в торжественной обстановке ей вручили удостоверение и заветный серый значок.

В те годы программа, по которой выступали гимнастки в СССР, существенно отличалась от международной. Во всем мире кольца и перекладина были исключительно мужскими дисциплинами, а в Советском Союзе продолжали оставаться женскими. Брусья тоже были не разновысокие, как за рубежом, а параллельные. Именно эти три вида – перекладина, брусья и кольца – были у Ларисы самыми нелюбимыми. «Особенно досаждала перекладина, постоянно мстившая мне то содранной с рук кожей, то недовыполненными элементами и, стало быть, низкими оценками», – вспоминала гимнастка. Тренеры-новаторы пытались доказать необходимость унификации советской гимнастической программы с международной, однако любители действовать по старинке продолжали упорствовать. Естественно, школьница Лариса Дирий не могла повлиять на эти споры, но была очень рада, когда перед Олимпийскими играми в Хельсинки, где впервые должны были участвовать советские гимнастки, были отменены упражнения на перекладине и кольцах, а брусья стали разновысокими.

Впервые по обновленной программе Лариса выступала на взрослом первенстве Украины в Харькове, где заняла четвертое место. Это был несомненный успех, ведь Украина была самой «продвинутой» в гимнастическом плане республикой. И к тому же в те годы шестнадцатилетняя гимнастка считалась еще совсем юной, это уже позже в таком нежном возрасте спортсменки стали выигрывать «золото» Олимпиад и чемпионатов мира.

Перспективная спортсменка привлекла к себе внимание харьковских специалистов. Ларису даже попытались уговорить покинуть Херсон и переехать в другой город. Позже Лора узнала, что тренеры из других городов звонили маме и говорили с Михаилом Афанасьевичем. Однако ответ был всегда один и тот же: «Пусть девочка сначала закончит школу!» Сотниченко отнюдь

не пытался удержать возле себя Ларису любой ценой, хотя расставаться с ней ему очень не хотелось. Мудрый тренер понимал, что в провинциальном Херсоне подающая надежды гимнастка не сможет раскрыть свой талант на все сто процентов. Он не раз говорил Пелагее Анисимовне: «Лоре надо ехать в Киев, там у нее будущее».

«Учиться не хуже других» – еще один принцип Ларисы Латыниной. Тренировки, соревнования и разъезды по разным городам страны отнимали массу времени, но, несмотря на это, в табеле Лоры Дирий всегда были только «пятерки». Ларисе нравилась математика, и поэтому, когда Михаил Афанасьевич спросил: «Куда пойдешь учиться, Лора?», она ответила: «В Киевский политехнический, конечно». Когда тебе восемнадцать, то кажется, что весь мир открыт перед тобой, что ты всюду успеешь и сможешь сделать все, что задумал. Но немало повидавшие на своем веку люди понимают, что не все так просто. Именно поэтому тренер высказывал сомнения по поводу планов Ларисы:

– Ты смотри, перед экзаменами на аттестат уже сколько времени толком не тренируешься. А в политехническом учиться посложней. Или ты хочешь покончить с гимнастикой?

– Ну что вы, Михаил Афанасьевич, как же я могу покончить с гимнастикой? – отвечала ученица…

В конце 1952 года Лариса впервые приняла участие в проходившем в Свердловске взрослом чемпионате СССР, где заняла девятое место. На сборах перед этим чемпионатом девушка познакомилась с известным тренером Александром Семеновичем Мишаковым. Было решено, что после переезда в Киев Лариса будет работать именно с ним.

А время летело. Пришла пора расставания со школой и первым тренером. На выпускном вечере Лора получила первую в своей жизни золотую медаль, пока, правда, за успешное окончание школы. Незадолго до переезда в Киев Ларисе Дирий пришел вызов на всесоюзный сбор в подмосковное Братцево, где готовилась команда, выезжающая на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухарест. И одновременно она получила путевку в Артек. Как же Лариса жалела, что заветная путевка не пришла на год раньше! Ей очень хотелось поехать в лучший пионерлагерь страны, но конечно же отказаться от шанса попасть в сборную СССР она не могла. А времени оставалось мало, из-за выпускных экзаменов Лариса опаздывала на сборы, да к тому же в тот период практически не тренировалась и даже набрала лишний вес. Приехав на сбор, она на первом же просмотре

новичков команды заняла последнее место. Все, конец мечте? Нет. Лариса собралась, проявила характер, резко форсировала свою подготовку и выиграла решающие контрольные соревнования. Ее включили в состав сборной, и она отправилась в свою первую зарубежную поездку. Лора стала знаменитостью в родном Херсоне – Пелагея Анисимовна Дирий была счастлива, когда увидела большую фотографию дочери в красивой фестивальной форме в витрине самого лучшего фотоателье в городе.

Вскоре после поездки в Бухарест Лариса вместе с мамой переехала в Киев. Им выделили крохотную комнатку в корпункте газеты «Советский спорт». Лариса, как и собиралась, поступила на электротехнический факультет Киевского политехнического института. Совмещать учебу и гимнастику было нелегко. Часто ей приходилось делать домашние задания на сборах после тренировок. Конечно, Лариса нередко пропускала занятия и сдавала зачеты и экзамены уже после окончания экзаменационной сессии. Понятное дело, не всем преподавателям это нравилось. Однажды девушке пришлось сдавать химию позже остальных студентов. «Почему вы не пришли на зачет вместе с группой?» – спросила пожилая и очень строгая преподавательница. «Я была на соревнованиях в Париже», – ответила Лариса. В те годы любая заграничная поездка, а тем более в Париж, была для советского человека недостижимой мечтой, предметом зависти и восхищения. Но студентка первого курса и по совместительству гимнастка Лариса Дирий вместо восхищения услышала: «Девочка, это же ордена Ленина политехнический институт! Здесь нужно денно и нощно учиться, а не кувыркаться по заграницам!» И все же подобное отношение было скорее исключением, чем правилом. Спорт в Киевском политехе был в большом почете, Ларисе охотно позволяли переносить сроки сдачи зачетов и экзаменов, а ее фотография висела на Доске почета вместе с фото отличников. Но со временем Лора все больше убеждалась в том, что занимается не своим делом: «Спорт уже властно захватил меня и требовал все большего и большего внимания. И дело было не во времени, которое уходило на тренировки и соревнования. Просто спорт из увлечения перерастал в дело всей жизни. Да, зачет перенести было можно, можно было подучить и наверстать пропущенное в химии или физике перед экзаменом, и даже грозное «сопротивление материалов» мне, конечно, помогли бы сдать. Рано или поздно можно было бы ответить на все вопросы экзаменационных билетов. Но я все чаще задавала себе один вопрос: каким я буду инженером? И все чаще, отгоняя боязнь,

отвечала: наверное, неважным. Все яснее мне становилось, что надо избирать путь, где моя профессия будет связана со спортом». В конце концов Лариса набралась храбрости и спросила совета у тренера. «Если хочешь стать хорошим инженером, – сказал наставник, – тебе придется расстаться с большой гимнастикой. Будешь потихоньку тренироваться и учиться. Но если хочешь достигнуть чего-то в спорте, тогда переходи в институт физкультуры». Так она и сделала: перевелась в Киевский институт физкультуры.

В общем, не состоялась Лариса Дирий ни как танцовщица, ни как певица, ни как инженер-электротехник. И это к лучшему, ведь она стала гимнасткой, и не просто хорошей гимнасткой, а лучшей в мире…

Но для того, чтобы по праву заслужить это звание, молодой спортсменке предстояло пройти через множество испытаний. А пока что Ларисе удалось прочно закрепиться в сборной СССР, которая в 1954 году готовилась к чемпионату мира в Риме. Это было серьезное достижение, однако девушка понимала, что на мировом первенстве основную борьбу поведут опытные лидеры команды. Костяк сборной составляли абсолютная чемпионка XV Олимпийских игр в Хельсинки Мария Гороховская, обладательница «золота» в упражнении на бревне Нина Бочарова, гимнастки, выигравшие командное первенство: Полина Данилова, Медея Джугели, Галина Минаичева и Галина Шамрай, а также Софья Муратова. Ларисе и двум Тамарам – Маниной и Жалеевой – отводилась роль замыкающих, «вторых номеров».

Гимнастки приехали в Рим задолго до начала чемпионата. «У нас была масса свободного времени, – вспоминала Лариса Семеновна. – К этому надо добавить молодое неуемное любопытство и еще не устающие ноги. Имея в запасе все это, мы бросились вовсю изучать город, до того известный нам по школьным учебникам. И рвение наше было неподдельным, как у школьниц на каникулах». Все было бы просто замечательно, если бы не страшная жара. Это сейчас гимнастические соревнования проходят исключительно в зале, и поэтому зной, холод и всякие погодные катаклизмы на выступления спортсменов не влияют. А в 1954 году чемпионат проходил на открытом воздухе; на стадионе «Форо Италико» термометр показывал больше сорока градусов в тени. Римляне говорили, что такой жары не было уже несколько десятилетий. «И еще столетие не будет», – грустно шутили гимнасты.

В первый день соревнования начались с вольных упражнений. Несмотря на жару, Лариса отлично выполнила свою программу: «Помню ощущение неожиданной легкости, с которой я вышла на

ковер и начала разбег. Повороты, высокие прыжки, прыжок с поворотом – все получалось, и получалось совсем неплохо. Я закончила упражнение и услышала аплодисменты. И как у них хватает сил еще ладошками бить в такую пору!» В целом советская сборная начала выступление удачно. После вольных упражнений шесть наших спортсменок, в том числе и Лариса Дирий, имели лучшие оценки, и только венгерской гимнастке Агнеш Келети удалось вклиниться в группу сильнейших. Если бы все так и продолжалось, но… На бревне Галина Минаичева получила 8,70, а Полина Данилова вообще нулевую оценку. Тяжело было и Ларисе, от былой легкости не осталось и следа. Она вспоминала, что во время выступления на бревне думала о двух вещах – о том, чтобы не упасть, и о воде в самых разных видах: о холодной воде, которую так приятно пить в знойный день в Херсоне из жестяной кружки, и о бутылочках кока-колы, которые продавали на стадионе, и о киевской газировке, о баллончиках с сиропом, над которыми вьются ленивые пчелы…

После брусьев, третьего вида обязательной программы, лидировала Софья Муратова. Два года назад из-за тяжелой травмы она не смогла принять участия в Олимпиаде, и конечно же, в Риме ей очень хотелось показать себя с лучшей стороны. К сожалению, не удалось… На разминке перед опорным прыжком рука Софьи скользнула по снаряду, она неудачно приземлилась и вывихнула локтевой сустав. Для нее чемпионат мира завершился.

Все эти неудачи тяжело сказывались на психологическом состоянии советских гимнасток. Их успокаивали, приводили отчеты из газет: «Советы имеют бесспорное преимущество. Советские гимнастки спокойны, хладнокровны, обладают прекрасным стилем и имеют безусловное превосходство перед соперницами в исполнении упражнений по обязательной программе». Если бы…

Произвольная программа в исполнении сборной СССР во многом повторяла ход обязательной. Вольные упражнения гимнастки отработали просто великолепно. А на бревне, как день назад, пошли срывы. Лидер команды Мария Гороховская получила восемь баллов, а Тамара Манина – меньше четырех. А теперь представьте состояние дебютантки чемпионата мира, которая видит, как ее подруги срываются на самом коварном гимнастическом снаряде: «После бревна у меня кружилась голова, и когда я закрывала глаза, видела почему-то все одну и ту же картину: пенящийся от волн Днепр, чаек, летящих к морю, и яхту, на палубе которой должна была стоять я. Но себя я не видела, и яхта была не белой, как я точно помнила, а желтой, золотистой. И палуба качалась, раскачивалась, прыгала перед глазами. Нет,

подумала я, теперь меня не раскачаешь, теперь я не сорвусь».

Несмотря на волнение, Лариса не допустила серьезных ошибок на бревне. После двух видов в личном зачете лидировала Агнеш Келети, девятнадцать сотых проигрывала ей Галина Шамрай, три десятых – опытная чешская гимнастка Ева Босакова, а четвертой шла Лариса Дирий с отставанием в полбалла. Видимо, сознание того, что она способна побороться за медаль, сыграло с Ларисой злую шутку. В конце простой комбинации она сорвалась с нижней жерди брусьев. Эта ошибка стоила ей двух баллов, и с четвертого места она переместилась во второй десяток. Все, о медалях в личном первенстве можно забыть… Единственным утешением стало «золото» за победу в командном первенстве.

И снова тренировки… Лариса вместе с Александром Семеновичем Мишаковым хотела найти свой неповторимый стиль, в котором сложные технические элементы сочетались бы с артистичным выполнением программы. Но артистизм в те годы был не в моде, ведь тогда даже вольные упражнения проходили без музыкального сопровождения. Нередко Лариса слышала упреки в свой адрес, мол, «тащит балет в гимнастику, а здесь не надо показывать переживания». «Надо все делать чисто и технично – вот наш стиль, – пытались убеждать гимнастку. – Эмоции до и после выступления, а во время соревнования твои эмоции ведут к срывам». За подопечную вступался тренер, но, по большому счету, Александр Мишаков и сам признавал импровизацию только до определенной степени. «Ты сначала выучи, повтори много раз, а потом уже жди искры Божьей», – говорил он Ларисе. И она учила и повторяла десятки и сотни раз. Ларисе казалось, что она делает упражнения чисто и безошибочно. Но Мишаков был очень требователен к подопечной. Чем лучше выступала гимнастка, тем меньше слов похвалы она слышала от тренера. На проходивших в марте 1956 года в Киеве международных соревнованиях Лариса была на голову выше остальных гимнасток. Она обыграла всех своих соперниц по римскому чемпионату: Шамрай, Келети, Босакову, Муратову, Манину. Лора выиграла три вида из четырех. Великолепный, казалось бы, результат, а Мишаков был недоволен – его подопечная проиграла Босаковой вольные упражнения.

– Ну что же, Александр Семенович, мне четыре упражнения выигрывать? Вы хотите, чтобы я какие-то чудеса совершала? – Лариса даже слегка обиделась на тренера.

– Чудес не хочу… Четыре не надо, а вольные должна была выиграть. Ты хочешь созидать, творить – и вольные

проигрываешь. А если проигрываешь там, где оценки больше всего зависят от общего впечатления, что же ты нашла?

Что-то похожее случилось и на Спартакиаде народов СССР в Москве. Лариса получила максимальные 10 баллов за опорный прыжок и выиграла вольные упражнения.

– Ну что, Александр Семенович? Вольные – это уже впечатление, это ведь похоже на созидание?

Но Мишаков был невозмутим.

– Береги эмоции для Мельбурна, – ответил он и не произнес ни слова похвалы.

Вот так они и работали…

Отвлечемся ненадолго от гимнастики. Несмотря на успехи и победы Ларисы, с жильем у семейства Дирий было, мягко говоря, не очень хорошо. Пелагея Анисимовна даже пригрозила в республиканском Спорткомитете, что будет выставлять на улице стул с наградами Ларисы, пока дочь не получит нормального жилья. Наконец им выделили крохотную шестиметровую комнатку, немного позже – чуть побольше. И тогда мама решила вызвать в Киев Ивана Латынина – одноклассника Ларисы, недавно окончившего мореходное училище в Херсоне. С Иваном Лариса начала встречаться еще в 10-м классе. Парень очень понравился Пелагее Анисимовне, и она хотела, чтобы именно Иван стал мужем дочери. Однако в Киеве у Ларисы не было отбоя от поклонников, что очень не приветствовала Пелагея Анисимовна. Она объявила всем, что Иван – жених Ларисы и их свадьба – дело решенное. Брак заключили уже после Олимпиады в Мельбурне. К сожалению, Иван и Лариса прожили вместе недолго. «Мы с Иваном друзья, и мне кажется, что он до сих пор меня любит, – рассказывала в интервью «Родной газете» Лариса Латынина. – Это была моя первая школьная любовь, мой первый мужчина, и мне казалось, что он для меня – все. Но со временем стало ясно, что мы очень разные люди…»

Перед Олимпийскими играми в Мельбурне сборная СССР серьезно обновилась. Из команды, победившей на чемпионате мира в Риме, осталось только три спортсменки: Тамара Манина, Софья Муратова и Лариса Дирий. Всего за два года вчерашние дебютантки стали лидерами сборной.

«Последние перед соревнованиями тренировки были тягостными: не получались даже простые перевороты, неожиданно терялось равновесие в какой-нибудь давно знакомой «ласточке», – рассказывала Латынина. – Девочек это раздражало, а я относилась к таким вещам спокойно: раз я это уже делала, получится и на соревнованиях. Опыт, хотя бы и небольшой, – великое дело… И честное слово, я спала спокойно. Почему?

Думаю, что, кроме накопленного опыта, здесь роль сыграли еще и очень широкая, яркая и совершенно новая картина Олимпиады, и постоянное чувство, что все происходящее относится и к тебе, и множество встреч не давали замкнуться в рамках только «своего» завтра. А потом, я знала, что завтра от меня ничего особенного не ждут. Положим, я уже не новичок, положим, даже один из лидеров команды. Ну и что же… «Сделай все как умеешь, как уже делала, и выступишь хорошо», – говорил мне Александр Семенович. Раньше эти слова посеяли бы у меня множество сомнений, а теперь опыт уже подсказывал: да, пожалуй, это верно. Я видела по тренировкам, что делаю многое не хуже признанных мастеров».

Одной из проблем советских гимнасток в Мельбурне было… обилие разнообразных и легкодоступных фруктов. Можно отказаться от чего угодно, но как устоять перед прекрасным фруктовым компотом, смешанным с мороженым. И вроде бы спортсменки старались не злоупотреблять соблазнительным лакомством, но весы беспощадно показывали, что компот и мороженое даром не проходят. А для гимнастки прибавка даже в несколько сот граммов уже катастрофа. Не помогала даже финская сауна – безотказное, казалось бы, средство. Почти вся сборная парилась до тех пор, пока не истрепались веники. Девушки надеялись сбросить хотя бы по килограмму, но куда там… На весы встала Тамара Манина и тотчас с них соскочила – она сбросила всего двести граммов. С горя прямо в бане, нарушая все ограничения, девушки распили бутылку фруктовой воды.

Соревнования гимнасток начались 3 декабря 1956 года. График состязаний оказался несколько необычным – два вида с утра, затем большой перерыв и вечером – выступления еще на двух снарядах. С первых же минут советские гимнастки почувствовали странное отношение судей. За практически безошибочное выступление на брусьях Софья Муратова получила всего 9,3 балла, а Латынина – 9,233. Не изменилась ситуация и после вольных упражнений – в целом судьи выставляли оценки на полбалла меньше ожидаемых. «Наверное, здесь гораздо строже судят, чем мы привыкли», – пытались успокоить друг друга гимнастки. Но после выступления венгерских спортсменок стало ясно – причина строгости арбитров в другом…

Говоря о вмешательстве политики в дела спортивные мы, прежде всего, вспоминаем 80-е годы, времена холодной войны, бойкот американцами Олимпиады в Москве и ответный шаг советского руководства в отношении игр в Лос-Анджелесе. Но это были не первые случаи «политических разборок» на спортивной арене. Пожалуй, именно в Мельбурне в 1956 году советским

спортсменам впервые пришлось «отвечать» за действия своей страны. За два месяца до Олимпиады советские танки раздавили венгерскую революцию (в те времена в СССР это называлось «восстановлением конституционного порядка и подавлением контрреволюционного мятежа»). Народное возмущение было подавлено настолько жестоко, что это вызвало возмущение во всем мире и коснулось наших спортсменов. В других видах спорта, в тех, где не было прямого соперничества советских и венгерских спортсменов, – это было не так заметно, но гимнастки прочувствовали предвзятость как никто другой. Понятное дело, что двадцатилетние девчонки не имели никакого отношения к кровавым событиям в Венгрии. Даже западные СМИ сочувствовали советским гимнасткам. «Обстановка очень напряженная, имеется явная коалиция судей против чехословацких и советских спортсменок, являющихся жертвами глухой вражды, – писала французская спортивная газета «Экип». – Больше того, некоторые оценки просто скандальны и совершенно недопустимы на подобных соревнованиях». Однако сочувствием делу не поможешь…

После бревна и вольных упражнений лидировала Агнеш Келети, лучшая из команды СССР Софья Муратова была на третьем месте, а Латынина – лишь на шестом. В командном зачете венгерки тоже опережали наших гимнасток.

– Судят нас строго, – пожаловалась Лариса тренеру, надеясь на сочувствие.

– Выступать надо лучше, – хладнокровно ответил Александр Семенович.

«Нет, не женский тренер мой Семеныч, – подумала в тот момент Лариса. – Вот других девчонок тренеры и успокоят, и утешат, и согласятся с ними, даже если те не правы. А Семеныч: надо, надо. Это проще всего сказать. Ну что же, рассердиться вовремя – неплохо».

Вечером у советских гимнасток дела пошли получше – то ли девушки действительно рассердились и решили доказать всем, что они самые сильные в мире, то ли судьи все-таки поняли, что негоже вымещать на спортсменах свое недовольство действиями политиков. В итоге после обязательной программы сборная СССР вышла в лидеры, выигрывая у ближайших соперниц почти два балла. Произошли изменения и в личном первенстве. Агнеш Келети сорвала опорный прыжок и опустилась на четвертое место. Правда, на первую строчку поднялась румынка Елена Леуштяну, но Муратова и Латынина, занимавшие второе и третье место, проигрывали ей тысячные баллов.

Произвольная программа проходила 5 декабря. В Мельбурне

медали в отдельных видах в последний раз разыгрывались одновременно с абсолютным первенством, поэтому каждое выступление было решающим. У Агнеш Келети прыжки всегда были слабым местом, и поэтому венгерская гимнастка в этом виде рассчитывать на медаль вряд ли могла. Борьба за первое «золото» Олимпиады развернулась между советскими спортсменками. Оступилась Софья Муратова – в первой попытке «ноль», во второй – всего 9,166. Неудачно прыгнули Лида Калинина и Полина Астахова. Хорошо, что «выстрелила» Тамара Манина – после двух попыток она захватила лидерство в прыжках. И вот настала очередь Ларисы…

«Сделай все, как уже делала», – повторяла себе гимнастка перед прыжком. Она вспоминала, что в пылу борьбы «не очень-то полно ощутила первую победу». После двух прыжков она стала лидером и завоевала свою первую золотую олимпийскую медаль. Второе «золото» Латынина получила после вольных упражнений, где набрала одинаковую сумму с Келети. За упражнения на брусьях Лариса получила наивысшую за все дни оценку у женщин – 9,6 и завоевала серебряную медаль в этом виде (а если бы в обязательной программе судьи не занизили ей оценку, то могла бы получить очередное «золото»). И наконец, последний вид – коварное бревно…

Чтобы стать абсолютной чемпионкой Игр, Ларисе нужно было получить 9 баллов ровно. Задача вполне реальная, но вот тут для гимнастки наступили самые тяжелые мгновения Олимпиады: «Вот это был тот момент XVI Олимпийских игр, когда спокойствие покинуло меня. Сначала я чувствовала себя на бревне закрепощенным манекеном, а потом, когда движения все же обрели легкость, думала: не сорваться, не сорваться. Это очень плохой рефрен. Под него забываешь обо всем другом. Ну может ли актер зажечь зрителя, если во время монолога он повторяет про себя: «Не забыть, не забыть». Он-то не забудет, но его быстро забудут. После Мельбурна мне удалось избавиться от такого рефрена. Казалось, не полторы минуты, а полтора часа прошло, пока я не соскочила с бревна. Вот и оценка. Я не успеваю еще воспринять ее, но понимаю: коль меня целуют и обнимают и Лина, и Лида, и бегут ко мне все девочки, – победа! Победа. Я – абсолютная чемпионка Олимпийских игр…»

Гимнастки возвращались домой почти месяц. Три недели теплоходом из Мельбурна во Владивосток, потом – восемь дней поездом через всю страну. На остановках их встречали как героев, просили выйти из вагонов, угощали, засыпа́ли цветами, просили автографы. На подходе к Владивостоку шел сильный снег, однако

с теплохода крыши домов казались совершенно черными. Лариса подумала, что их почистили, но оказалось, что крыши были усеяны матросами, одетыми в черные шинели.

В Москве советских олимпийцев ждал традиционный торжественный прием на самом высшем уровне. И тут Лариса проявила себя, да так, что у многих присутствовавших екнуло сердце. Как рассказывал на страницах газеты «Спорт-Экспресс» друг семьи Латыниных Ефим Шаинский, все шло своим чередом, звучали здравицы и традиционные речи. Настал черед Ларисы произнести тост от имени чемпионов Олимпиады. И она сказала…

У Никиты Сергеевича Хрущева была пламенная любовь – кукуруза. В том, что человеку нравится какое-то растение, нет ничего предосудительного, но одно дело – простой советский гражданин, и совсем другое – Генеральный секретарь ЦК КПСС. В общем, любовь к «царице полей» перенеслась на всю страну. И вот Латынина в присутствии самого Хрущева произносит тост: «Знаете, почему мы так сражались на олимпийских аренах? Боялись, если проиграем, Никита Сергеевич все стадионы засеет кукурузой…» Многие испугались за нее, однако то ли Никита Сергеевич не обратил внимания на эти слова, то ли, пребывая в благодушном настроении, оценил шутку, но никаких последствий для Ларисы это не имело.

Кстати, у самой Латыниной тоже была весьма необычная для советской женщины страсть – она очень хотела водить машину. После Олимпиады в Мельбурне мечта, казалось, стала реальностью. За четыре золотых медали ей полагалось 100 тысяч рублей, а новая «Волга» стоила 32 тысячи. Правда, в бухгалтерии Ларисе сказали, что больше 50 тысяч ей не дадут, а после вычета подоходного налога от этой суммы осталось всего 42 тысячи. Естественно, протестовать было бесполезно. «Скажите спасибо, что это дали, – заявили чемпионке. – И никому не говорите, что получили деньги, а то посчитают профессионалом и вообще дисквалифицируют».

«Волгу» Латынина все-таки купила. Это сейчас женщина-водитель перестала быть уникальным явлением, говорят даже, что бóльшую часть курсантов автошкол составляют представительницы слабого пола. А в 1950-х молодая девушка за рулем собственного автомобиля, да еще «Волги», воспринималась как невероятное чудо. Как и любому начинающему водителю, Ларисе пришлось пережить немало приключений. «Когда в тесной комнате проходишь между столами, порой приходится поджимать живот, – рассказывала гимнастка Ефиму Шаинскому. – Мне за рулем тоже почему-то казалось, что в нужный момент машина

может «похудеть». Однажды на людной улице моя «Волга» не «поджала живот» и крылом выбила корзину с помидорами у шедшего на базар крестьянина. Я ужасно испугалась… В другой раз неожиданно заглохла на оживленном перекрестке. Шоферы, не выбирая слов, возмущались «бабой за рулем». Джентльмены все-таки нашлись, откатили «Волгу» на обочину и стали копаться в моторе. В конце концов, наверное, через час, установили, что… кончился бензин… Постепенно охота водить машину как-то пропала. Сейчас у меня «вольво», но за руль не хочется…»

После Мельбурна все пошло своим чередом – чемпионаты, кубки… Летом 1957 года Латынина завоевала Кубок Европы, победив во всех четырех упражнениях, в декабре проиграла чемпионат СССР Софье Муратовой. Победы и поражения – это жизнь спортсмена. Но весной 1958 года для Ларисы это все отошло куда-то далеко-далеко…

– Какие у вас планы, девочка?

– Какие же теперь у меня могут быть планы? Что вы скажете, то и буду делать.

– А я никогда не рекомендую пассивного ожидания. Вы что собирались делать, когда не ждали ребенка?

– Когда не ждала, собиралась в июле выступать на первенстве мира.

– В июле… – Профессор задумался, потом спокойно сказал: – Ну и выступайте!

– В июле?

– В июле, и только никому ни слова. Начнутся комиссии, советы, сами напугаются и вас напугают.

– Но ведь опасно, доктор.

– Послушайте меня, девочка, в гимнастике я разбираюсь, конечно, хуже вас, но в балете, скажем, я известная повивальная бабка. А в медицине я разбираюсь уже намного лучше, чем в балете и гимнастике. Я вам говорю: если вы смелый человек – выступайте. Ребенок будет здоровым, мать будет счастливой, профессор – довольным. Что еще? Если трусиха – сидите, начинайте уже сейчас умирать от страха.

– Профессор!!!

– А знаете, что сказал один врач – Антон Чехов? «Где искусство, где талант, там нет ни старости, ни одиночества, ни болезней и сама смерть вполовину». Риск? А я вам говорю, что это только ваш риск.

Этот разговор между Латыниной и известным киевским гинекологом профессором Лурье состоялся в мае 1958 года. Через два месяца в Москве должен был пройти очередной чемпионат мира. До самого последнего дня Лариса никому ни слова не

сказала о беременности – ни тренеру, ни подругам по команде. И никто ничего не замечал, только врач команды Михаил Михайлович Кузнецов отметил странности в состоянии Латыниной:

– И что это тебя стало укачивать в автобусе? – удивлялся доктор.

– Нагрузки надо снизить, Михаил Михалыч, – отвечала Лариса.

– Ну, уж твои нагрузки…

Преимущество советских гимнасток в Москве было просто подавляющим – сборная СССР заняла первое место, опередив команду Чехословакии почти на 10 баллов. В личном первенстве борьба была более напряженной, и все же победа досталась Ларисе Латыниной. Второе место заняла чешка Ева Босакова, третьей была Тамара Манина. Еще два «золота» Лариса завоевала в упражнениях на брусьях и опорном прыжке. И это на четвертом месяце беременности…

Мишаков был доволен. Еще бы, ведь кроме Латыниной, абсолютным чемпионом мира стал другой его воспитанник – Борис Шахлин. Впервые в истории гимнастики ученики одного тренера стали абсолютными чемпионами.

– Молодец, – сказал тренер Ларисе. Но затем в своей обычной манере добавил: – Хотя готовилась ты как-то вяловато.

Когда Лариса наконец рассказала о беременности, Мишакову досталось от жены Александры Георгиевны за эти слова:

– Тоже мне, наставник, знаток характера. Ничего-то ты не понимаешь.

Пожалуй, впервые Александр Семенович чувствовал себя виноватым перед ученицей и вынужден был оправдываться:

– Так я ведь не врач, а педагог, тренер…

Можно понять Мишакова, ведь даже врачи команды ничего не заметили. Кстати, после случая с Латыниной всех гимнасток сборной СССР перед крупными соревнованиями стали водить на обязательный осмотр к гинекологу.

После чемпионата мира Лариса позвонила в клинику, хотела поблагодарить профессора Лурье. К сожалению, за десять дней до чемпионата Александр Юфимович умер. Вот так – ребенок здоров, мать счастлива, а профессора нет…

Через пять месяцев родилась дочь Татьяна. Рассказывая о своей обширной коллекции медалей, Лариса Семеновна всегда с особым чувством вспоминает награды московского чемпионата мира. Когда Татьяна немного подросла, она показывала приходившим в дом гостям медали и говорила: «А вот эти мы с мамой вместе завоевали». На долю Татьяны еще до рождения

выпало немало приключений. Кроме чемпионата мира, ей «пришлось» вместе с мамой путешествовать по Южной Америке. Ларису вызвали в ЦК комсомола и сказали:

– Поедете в составе молодежной делегации в Южную Америку.

– Выступать?!

– Выступать на собраниях, по радио, беседовать с молодежью.

Латыниной казалось, что на такое «выступление» можно решиться. Если уж она смогла, будучи беременной, выиграть чемпионат мира, то выдержит и долгое путешествие на другой край земли. Но силы человека не беспредельны. Напряженная поездка по Чили и Аргентине привела к гипертонии, но не болезнь тогда беспокоила Ларису. Профессора Лурье уже не было, и никто не мог сказать ей уверенно, как он: «Все будет в порядке, девочка, не волнуйся». И все же профессор оказался прав – роды прошли нормально, дочь родилась здоровой и подвижной.

Казалось, что о гимнастике на какое-то время можно забыть. Но… «Я была счастливой мамой. Чего же еще желать? Я обладала высшими титулами в гимнастике… Но все это уже состоялось. Я же ждала, считая по пальцам, сколько пройдет времени, когда я смогу вновь по-настоящему с головой окунуться в наш бурлящий прекрасный мир спорта. Если вы серьезно и надолго связали свою жизнь со спортом, неизбежно наступит такой момент, когда вас охватит тяжелейшая усталость. В эти минуты, часы, дни она покажется вам всепоглощающей, проникшей во все мышцы вашего тела, во все клетки мозга, в каждый напряженный нерв. Пусть все это не соответствует тому, что рассказывали в институте о планировании многолетней тренировки. Пусть с научной точки зрения вы должны восстановить свои силы за период активного отдыха. Ваша усталость не подчиняется этим закономерным построениям и схемам. Вы верите в них, она – нет. Отдохнуть, отдохнуть – эта мысль не покидает вас. Да, надо отдохнуть. А если этот отдых и заслуженный и вынужденный, чего же больше желать?

Но почему же, занятая такими необходимыми делами, какие возникают у всякой молодой мамы, я все чаще и чаще вспоминала зал? Зал, от которого я вчера так хотела отдохнуть. Зал, последние тренировки в котором казались для меня мукой. Да, этот самый зал манил и звал меня и в бессонные ночи, и в первые весенние дни прогулок. У меня начались в эти дни государственные экзамены в институте. Вот, казалось бы, и еще одна уважительная причина отказаться от тренировок. Ведь уже и не об отдыхе речь идет… А ноги сами ведут в гимнастический зал…»

«Пожелаем мы Калининой побеждать и при Латыниной». Эта шутка родилась вскоре после возвращения Ларисы в гимнастику. В ее отсутствие в 1958 году чемпионкой СССР стала Лидия Калинина, очень сильна была и Полина Астахова. Естественно, что абсолютной чемпионке Олимпиады в Мельбурне и чемпионата мира в Москве никто не «бронировал» место лидера сборной, скорее наоборот.

Летом 1959 года Лариса вместе с мамой и дочерью отправилась в Одессу на тренировочный сбор украинской сборной. Команда готовилась к Спартакиаде в Москве. Возвращение оказалось очень нелегким. Татьяна заболела, и весь сбор Лариса практически не спала. После тренировок болели мышцы. Она не могла выполнить самостоятельно сложные элементы, Александру Семеновичу приходилось ее постоянно страховать, буквально носить на руках.

Место в сборной Украины Лариса все-таки получила, однако за спиной услышала: «За весь сбор не сделала ни одной комбинации до конца. Что же, и в Москве за нее Мишакову придется выступать?!» Но тренер особого волнения не высказывал:

– Спокойно, без ажиотажа, – сказал он подопечной. – Ты уже не лидер. Все это понимают, и очень плохо, если ты выйдешь на помост с одной мыслью – доказать обратное.

– Я и не подумаю это доказывать. Я сама еще ни в чем не уверена.

– Вот и правильно. Что сделаешь, то сделаешь, а готова ты неплохо.

Но «неплохо» не означает «лучше всех». На Спартакиаде в абсолютном первенстве Лариса была четвертой, в отдельных упражнениях завоевала только одну медаль – серебряную в опорном прыжке. И все же это был успех – четвертое место означало, что Латынина вновь в сборной СССР.

Ларису часто называли везучей, многие считали, что судьба всегда была благосклонна к ней. Может где-то действительно так и было, но на проходившем в начале 1960 года в Ленинграде Кубке страны гимнастке пришлось прочувствовать, что такое удары судьбы. Удары в прямом смысле слова. На разминке Латынина сорвалась с брусьев и ударилась подбородком о нижнюю жердь. Она в кровь разбила подбородок и потеряла сознание. Когда очнулась, сразу подумала: «Кровь зальет купальник, выступать будет не в чем». А на следующий день Лариса как ни в чем не бывало вышла на соревнования. В финале случилось второе падение, на этот раз с бревна. Гимнастка летела

к краю помоста, внизу стояли какие-то ящики. Все могло закончиться очень плохо, но, к счастью, она «отделалась» большой гематомой на бедре. Через десять минут Лариса выиграла вольные упражнения. Все эти промахи, конечно, очень неприятны, но именно тогда Латынина поверила, что может хорошо выступить в Риме. Она-то поверила, но нужно было, чтобы поверили другие…

Подобные ситуации всегда будут возникать и в спорте, и в жизни. Есть признанный лидер, позиция которого до поры до времени не подвергается сомнению. Но в какой-то момент он по тем или иным причинам слабеет, и на его место выдвигают другого. Этот другой, может быть, и понимает, что торопиться не надо, но тем, кто стоит за его спиной, очень хочется побыстрее возвести его на трон…

Перед Римской олимпиадой лидером гимнастической сборной СССР безоговорочно считали Полину Астахову. А Латынина не входила в число претендентов на высшие награды…

«Конечно, Лина была отлично подготовлена, – писала позже Лариса Семеновна. – Она стала не просто сильной гимнасткой. За годы тренировок со своим неизменным учителем Владимиром Александровичем Смирновым она добилась своеобразного гимнастического почерка, легкости, изящества, лиричности движений. Возможно, многое дали ей юношеские занятия художественной гимнастикой. Но главное – труд, огромный труд, выдержка, феноменальная для женщин. И вот наши имена все чаще произносятся рядом, а затем лидером становится Лина. Ну и что же, значит, пришло ее время. Но не рано ли еще судить об этом по одному году? Зависть? Трепет старой примы перед молодой дебютанткой? Поверьте, и ни то, и ни другое. Преимущество спорта в том и состоит, что сравнения здесь не умозрительные. И всегда говорю одно и то же: погодите, ведь есть надежный критерий. Вот на этот-то вопрос, кто сильней, спорт ответит сам, отлично, безошибочно. Для того, наверное, соревнования и придумали, чтобы выяснить, «кто есть кто», не умозрительно, а в очном споре. Настанет день решающих соревнований, и он даст ответ на все вопросы».

Решающий день настал 6 сентября 1960 года. В 8 часов утра начался олимпийский турнир у гимнасток. Поначалу зрители были разочарованы выступлением спортсменок, ведь начали выступление не самые сильные сборные Болгарии, Финляндии, Югославии, Кубы, Южной Кореи и Израиля. О высоких оценках пока речь не шла, оценки в 7–8 баллов были обычным явлением, а некоторые гимнастки «умудрялись» получать за свои выступления 4–5, и даже 2,666 балла. Ситуация изменилась в полдень, когда

советские девушки последними в утренней смене вышли на помост.

Обязательная программа у гимнасток начиналась с опорного прыжка. В прыжках лучшей была Софья Муратова – 9,566, Латынина и Астахова немного отстали – 9,533 и 9,466 соответственно. Но после безупречно выполненной комбинации на брусьях Полина смогла отыграть отставание и вышла вперед. Ее оценка была очень высокой – 9,8, у Латыниной – 9,7, Софья Муратова получила 9,633. После бревна Астахова укрепила свое лидерство. Она была второй (9,5), а Ларису во время выступления сильно «качнуло» и в итоге у нее был только пятый результат с оценкой 9,366. За вольные упражнения обе гимнастки получили одинаковые оценки 9,666. Обязательная программа завершилась…

В столовой Лариса услышала, что звание абсолютной чемпионки Олимпиады, безусловно, достанется Астаховой. Такое мнение было не случайно, ведь после обязательной программы Латынина отставала на 0,167 балла. Но Лариса не понимала, почему ее так быстро стали списывать со счетов: «Я до сих пор не могу понять, почему тогда появилось так много людей, сомневавшихся в моем возможном успехе, – вспоминала Лариса Семеновна. – Эти разговоры, а затем и статьи в газетах стали надвигаться на меня увеличивающимся снежным комом. И тогда, и сейчас я хорошо понимала и понимаю, что сама Полина к ним никакого отношения не имела и иметь не могла. Но и тогда, и сейчас я понимала и понимаю, что во многом эти разговоры шли от людей, которым почему-то хотелось быстрее утвердить нового лидера. Лидер в спорте утверждается сам. Искусственный путь здесь – селекция, при которой режут по живому. Самим селекционерам при этом не больно, и они не хотят ждать ни дня, ни минуты. А ведь спешка не идет на пользу и тому, для кого так стараются».

Параллельно с личным первенством гимнастки боролись за звание чемпионок в командном зачете. По результатам обязательной программы четыре советских спортсменки – Астахова, Латынина, Муратова и Люхина – занимали верхние места в турнирной таблице. В целом советская команда набрала 190,693 балла, сборная Чехословакии, занимавшая второе место, отставала на 4 с лишним балла. Тут у наших спортсменок поводов для волнения практически не было. Но вот что будет в личном первенстве?..

Через день выступления пошли по новому кругу. Произвольная программа, как и обязательная, начиналась с опорного прыжка. Ларисе удалось отыграть свое отставание от

Астаховой и выйти вперед. Однако впереди были брусья, «коронка» Полины Астаховой. Донбасская спортсменка еще раз доказала, что на брусьях ей нет равных. Полина получила 9,816 балла и вернула себе преимущество в одну десятую.

Следующим было бревно, пожалуй, самый тяжелый, коварный и нелюбимый многими гимнастками вид. Лариса выполнила упражнение просто великолепно и получила от судей 9,7 балла. Выступавшей вслед за Латыниной Софье Муратовой не удалось улучшить этот результат, у нее было 9,666. А затем настала очередь Полины Астаховой…

После бревна оставался всего один вид. Лариса не сомневалась, что сможет что-то отыграть у Астаховой в вольных упражнениях, но хватит ли этого для победы? Все зависело от выступления соперницы на бревне – если Полина получит за бревно оценку равную или больше оценки Ларисы, то сократить отставание будет практически невозможно.

«Упражнение на бревне проверяет не только ваше координационное, двигательное равновесие, но и равновесие вашей нервной системы, готовность к борьбе», – сказала однажды Лариса Семеновна. В полной мере эти слова подтвердились в Риме. Обычно Астахова работала на бревне, «как на полу». Она очень смело, с большой амплитудой движений начала свое выступление…

«Сказался опыт и мой, и тренера, – вспоминала Лариса Латынина Римскую олимпиаду. – Александр Семенович не пытался меня накачивать перед выступлением, и я была совершенно спокойна. А вот другие наставники взвинчивали своих подопечных. Когда Астахова подходила к бревну, было видно, что она очень напряжена. Видимо, Лина уже думала о «золоте», и, когда борьба обострилась, она чуть дрогнула. Чуть-чуть…»

В середине своего выступления Полина Астахова начала выполнять поворот, сделала широкий замах ногой. Обычное движение, сотни раз проделанное и отработанное, казалось бы, до автоматизма. Но в этот раз гимнастка потеряла равновесие и упала с бревна. Ее падение было настолько неожиданным и ошеломляющим, что просто непонятно, откуда она взяла силы и как смогла отлично закончить выступление. Однако исправить положение было уже невозможно. За падение со снаряда судьи карали безжалостно. Полина получила всего 8,733 балла и выбыла из борьбы за золотую медаль в абсолютном первенстве…

Сколько после Рима было разговоров о том, что Латынина «выехала» только благодаря нелепой ошибке соперницы. Мол,

если бы Астахова не упала, то получила бы за бревно высокую оценку, и Ларисе не удалось бы ее догнать в вольных упражнениях. Сама великая гимнастка всегда говорила, что была бы по-настоящему счастлива, если бы борьба на равных с Полиной за первое место продолжалась до самого конца, до самого последнего вида. Но случилось то, что случилось. Банально, но факт – такие ситуации в спорте были, есть и всегда будут. Неудача одного оборачивается победой другого. «Моя победа – моя радость, проигрыш Полины – ее горе, – вспоминала Лариса Латынина. – Радость и горе жили в одной квартире, а мы, их обладательницы, выступали в одной команде. И на балконе нашей квартиры я думала не об очень-то веселых вещах. Да, вчера еще мы были одной командой, стремились к общей победе, добились ее. А сегодня под тем же голубым итальянским небом не было общей радости или общей печали. Десятки раз после этого мы выступали вместе с Полиной, и жили под одной крышей, и делились горестями и радостями, и стали хорошими подругами. Тогда между нами, не по нашей вине, пробежала змейкой трещина, которая не стала, к счастью, ни ямой, ни пропастью. Можно было бы поэтому о ней не говорить, можно было бы все отнести за счет того, что такие ситуации в спорте неизбежны. И так и так я не погрешила бы против истины. И все-таки здесь я ничего не хочу оставлять недоговоренным или завуалированным. Я знаю, что это не обидит Лину, в нашем споре мы обе были правы…»

В принципе, после падения Полины Астаховой борьба в абсолютном первенстве практически закончилась. Лишить Латынину «золота» могла только случайность. Но осторожничать, работать только на результат в вольных упражнениях Лариса не стала. «Я должна была показать все, что умею, выразить все, что чувствую. Полторы минуты музыки, так же как и девяносто секунд движений, наверное, мало для того, чтобы оставить очень глубокое впечатление. И все же, слитые вместе, они могут многое сказать. В эти мгновения все зависит от вас. Не думайте о том, как пройти диагональ и выйти в стойку, не тратьте последние минуты на то, чтобы повторить фляки. Думайте об одном – как лучше донести все, что вы хотите сказать своими движениями, чему служит каждое из них. Тогда, в Риме, я знала это. Мне очень хотелось, чтобы эти вольные стали событием не только для меня. Я начала и кончила их на одном дыхании. Пожалуй, впервые в жизни я придирчиво вслушивалась в шум аплодисментов. И еще до оценки судей – 9,9 – знала: я выполнила то, что задумала».

В итоге Лариса Латынина второй раз стала абсолютной чемпионкой Олимпийских игр. Всего в Риме Лариса завоевала 6

медалей: 3 золотые (абсолютное и командное первенство и вольные упражнения), 2 серебряные (упражнения на брусьях и бревне) и 1 бронзовую (опорный прыжок).

В Риме на пресс-конференции Ларисе задали традиционный вопрос:

– Каковы ваши планы на будущее, о чем вы мечтаете?

Ответ был неожиданным, однако вполне закономерным:

– Я очень хочу стать… абсолютной чемпионкой Союза.

Действительно, ситуация парадоксальная – двукратная абсолютная чемпионка мира и Олимпийских игр за восемь лет выступлений на высшем уровне ни разу не смогла стать первой в стране. Ее все время обходили подруги-соперницы – Муратова, Манина, Астахова, Калинина. На проходившем зимой 1960 года чемпионате Лариса была близка к успеху, и все же ее совсем ненамного обошла Софья Муратова. В 1961 году в Тбилиси ее мечта наконец-то сбылась – она стала абсолютной чемпионкой СССР, правда, разделила это звание с Тамарой Люхиной. И только в 1962 году Латынина безоговорочно стала № 1 в Союзе.

Новая высота была взята, но удержаться на этой высоте Ларисе становилось все труднее. Конкуренция с каждым днем усиливалась, причем как дома, так и на международной арене. Все громче заявляла о себе молодая поросль, в начале 1960-х особое внимание привлекла к себе восходящая звезда Вера Чаславска. Кстати, как и Латынина, Вера начинала с балета. С трех лет она занималась в балетном классе. В 1956 году мама привела Веру на смотрины к Еве Босаковой, а через четыре года Чаславска уже была партнершей Босаковой по чешской олимпийской команде в Риме.

В целом за несколько лет уровень чешской гимнастики вырос очень сильно, не случайно первенство мира 1962 года проводилось в Праге – сам факт проведения свидетельствовал о признании успехов чешских спортсменов. В Праге буквально в каждой витрине висели портреты чешских гимнасток. Чехи были уверены в победе своих любимиц, ведь они были на подъеме, тогда как в советской сборной постепенно проходила смена поколений, что неизбежно вело к спаду. Латынина, Муратова, Астахова уже считались «бабушками» (относительно гимнастики, конечно, ведь на тот момент им еще не было и тридцати). Организаторы были настолько уверены в победе Чаславской, что заранее приготовили хрустальный кубок с ее именем. Но надпись пришлось переписывать…

Чешские гимнастки старались изо всех сил, им очень хотелось выступить перед соотечественниками как можно лучше. Без «золота» хозяйки чемпионата не остались – в опорных

прыжках первое место заняла Вера Чаславска, на бревне – Ева Босакова. И все же главным действующим лицом первенства вновь была Латынина. Из Праги она увезла три золотых медали – за коронные вольные упражнения, командные состязания и, самое главное, за победу в абсолютном личном первенстве.

И опять чемпионаты, кубки, спартакиады… В 1963 году неугомонная Латынина поехала на Всемирную универсиаду в Бразилию, несмотря на то что ей уже исполнилось двадцать девять лет. Тогда она являлась аспиранткой Киевского института физкультуры и должна была участвовать в студенческих соревнованиях. В целях экономии команда отправилась на универсиаду без сопровождающего персонала, только спортсмены и тренеры. В вольных упражнениях Ларисе пришлось выступать без привычного аккомпаниатора, его роль исполнял старенький проигрыватель. В середине упражнения пластинка перескочила, и вместо лирической музыки раздались бравурные мотивы, которые должны были звучать в финале выступления Ларисы. Ситуация была очень неприятной, но хладнокровный Александр Семенович Мишаков просто вернул иголку проигрывателя на место. Латынина закончила упражнение. Согласно правилам, судьи могли серьезно снизить ей оценку, но тут за дело взялись экспансивные бразильские болельщики. Зал содрогался от аплодисментов и восторженных криков. Оценку Ларисе не снизили, и именно она заняла первое место в вольных упражнениях…

Врачи называют это явление экстрасистола. Если проще – перебои сердца… После универсиады Лариса собиралась ехать в Токио на открытое первенство Японии, однако из-за проблем с сердцем врачи пытались отговорить ее от поездки (кто-то даже предложил закончить спортивную карьеру).

– Идите на консультацию, а лучше ложитесь в больницу! – требовали доктора, однако в душе они понимали, что в больницу Лариса не ляжет.

– Будет большой ошибкой, если за год до Олимпийских игр мы оставим соперников в Токио без конкуренции! – заявила Лариса на тренерском совете.

– Ваши предложения?

– Я должна ехать в Токио!

И что можно было противопоставить такому напору?.. Латынина, несмотря на экстрасистолу, поехала в Токио и выиграла абсолютное первенство, вольные упражнения и бревно. Она радовалась новой победе, однако больше думала о том, что будет в Токио через год, на Олимпиаде: «Время, время. Наступает момент, когда вы убеждаетесь: ваши соперницы гораздо быстрее

овладевают таинствами новых движений. Они побеждают время, значит, они побеждают и вас. Иногда самый опытный специалист не может угадать то мгновение, в которое что-то неповторимо изменяется в спортивной судьбе. Прославленный прорицатель не может предсказать, в какой момент время начнет работать против спортсмена. Почти всегда это неожиданно».

Спортивная гимнастика стремительно омолаживалась. Менялись люди, менялся и стиль гимнастики – если раньше главенствовали красота и гармония, то теперь на первый план выдвигались сложность и насыщенность программы техническими элементами. Перед Токийской олимпиадой в сборной назрел неизбежный конфликт «отцов и детей». Причиной стало нежелание тренерского совета включить в основной состав сборной Софью Муратову. Ветераны команды – Астахова, Латынина, Манина – заступились за подругу. Их внимательно выслушали, а затем спокойно не согласились:

– И вы в свое время кого-то вытесняли из команды, старше и опытнее.

– Мы выигрывали, это было естественно.

– Ну а мы имеем право и на искусственное омолаживание!

Олимпиада показала, что подобное искусственное выдвижение молодых было ошибкой. Людмила Громова, заменившая в команде Муратову, в многоборье заняла только тридцатое место, да и другие молодые гимнастки ничем себя не проявили. На первое общекомандное место команду «вытянули» Латынина и Астахова. Лариса выиграла вольные упражнения, Полина – упражнения на брусьях. Они боролись за «золото» и в многоборье, однако на этот раз сильнее была Вера Чаславска. Оправданий для проигрыша можно было найти немало: возраст, усталость, трудности акклиматизации, судейство, в конце концов. Но Лариса Семеновна, вспоминая Токийскую олимпиаду, оправданий не ищет: «Да, мы проиграли. И проиграли достойной сопернице. Может быть, оставалось лишь повторить: «На пьедестале всякая ступенька почетна». Я смогла ровно, почти так же, как в Риме, выступить на всех снарядах: брусья – второе, бревно – второе, прыжок – третье, вольные – первое. Успешно, ровно, но не хватило блеска, внешнего эффекта, того, чем всегда должен обладать настоящий чемпион».

Если говорить о спортивных итогах, то в абсолютном первенстве Вера Чаславска набрала 77,564 балла, Латынина отстала на 566 тысячных, еще на 0,033 балла отстала Полина Астахова. Это что касается сухих цифр. А что касается впечатлений… Обычно сдержанные и сухие в своих комментариях

журналисты английской газеты «Таймс» написали о вольных упражнениях Латыниной: «В жизни каждого человека бывает несколько моментов такой красоты, которая вызывает слезы и стеснение в груди. Это может быть закат в горах, картина, какой-нибудь музыкальный отрывок, это может быть один из тех редких моментов, когда спорт внезапно становится формой искусства. Один такой момент мы испытали здесь, в Токио, когда Латынина очаровала нас своими вольными упражнениями. В этот момент она была не просто великолепной гимнасткой. Она была воплощением молодости, красоты и блеска. В памяти остается Латынина. Сейчас ей 29 лет, и, возможно, мы уже никогда не увидим ее такой. Но именно такие моменты, как те, которые она нам дала в этот вечер, порождают вечные надежды».

Как вспоминала Лариса Семеновна, она впервые начала думать о возможном расставании с гимнастикой во время чемпионата мира 1962 года в Праге. Но тогда эти мысли вызывали у нее только улыбку: «Я, смеясь, отгоняла мысль о расставании со спортом, думала, что ох как далеко, далеко до момента прощания». К тому же в том году Лариса выиграла все крупнейшие соревнования сезона – чемпионат мира, Европы, впервые стала единоличной абсолютной чемпионкой СССР. От добра добра не ищут – зачем уходить, если сил еще хоть отбавляй и можно побеждать и побеждать?

Но вот завершился 1964 год. После Токио из гимнастики ушли практически все подруги Ларисы по команде – Тамара Манина, Софья Муратова, Тамара Люхина, Лидия Калинина. Из «старой гвардии» времен Олимпиад в Мельбурне и Риме остались только Латынина и Полина Астахова. А молодежь все настойчивее заявляла о своих правах на лидерство. До Игр в Токио Вера Чаславска не выиграла у Латыниной ни одного соревнования, но на Олимпиаде чешская гимнастка была сильнее. А зимой 1964 года девятикратная олимпийская чемпионка проиграла чемпионат СССР Ларисе Петрик. Картина была очень символичной – на второй ступеньке пьедестала почета стояла тридцатилетняя Латынина, а на первой – Петрик, которой недавно исполнилось пятнадцать лет. Третье место заняла сверстница новой чемпионки Наталья Кучинская. «Для того чтобы выиграть у Петрик, мне нужно было прибавить 15 сотых балла, – говорила Латынина. – Или отнять 15 лет…»

Если в 1940—1950-х годах в гимнастику шли с 10–11 лет, то позже – с пяти-шести. Чемпионки становились все моложе и моложе. Латыниной пришлось выступать в одной команде с девочками, которые умели делать на помосте потрясающе сложные элементы, и при этом оставались по сути дела детьми. В

Копенгагене во время чемпионата Европы в один из вечеров Петрик и Кучинская… потерялись. Из отеля они не выходили, но ни в номере, ни в холле их не было. Тренеры даже спустились в бар, хотя трудно было предположить, что пятнадцатилетние девочки проводили время именно там. Оказалось, что члены сборной СССР… катались на лифте: вверх – вниз, вверх – вниз…

На чемпионате Европы Латынина завоевала пять медалей. И все серебряные. Для других такой результат был бы просто великолепным, но только не для Ларисы. Да, ей удалось опередить Петрик, но Чаславской она снова проиграла. «И на этот раз без всяких «но». Она сильнее – вот и все. Затем осень этого же года в Мехико, когда я окончательно поняла: до Олимпиады мне не дотянуть. А коль так, надо было наметить свой последний рубеж. И я его наметила: сентябрь 1966 года, первенство мира в Дортмунде…»

«Я отлично знала, что не выиграю в Дортмунде, но я знала и другое: у меня хватит сил, чтобы выступить для команды!» Ей было 32 года, а рядом с ней выступали совсем юные О. Карасева, З. Дружинина, Н. Кучинская, Л. Петрик – те, кому предстояло продолжать ее дело в ближайшее десятилетие. «Это же наша мама, – говорила тогда Ольга Карасева. – Она добрая и внимательная, но и сердиться умеет, особенно когда мы с девчонками втихомолку едим мороженое. Думаю, что Ларисе Семеновне бывает очень грустно. Наверное, это ее последний чемпионат…»

Был в Дортмунде и Александр Семенович Мишаков, правда, уже не как тренер сборной, а как обычный турист. Настало время уходить и ему:

– А что же, пора. Сколько можно… Теперь пусть другие попробуют так, как я, – философски сказал Латыниной Мишаков, а затем добавил: – Да и ты старая, уже заканчиваешь. Покувыркалась, и хватит. В последний раз…

Это был печальный чемпионат – Лариса не смогла выиграть ни одного индивидуального упражнения, а команда уступила первое место чешским гимнасткам, проиграв всего 0,038 балла. Было очень обидно, ведь проиграть в командном первенстве тысячные балла – это все равно что на финише марафонской дистанции уступить сопернику одну десятую секунды…

Все, карьера великой гимнастки завершилась… Перед Ларисой встал неизбежный в такой ситуации вопрос: «Что дальше?» Ей предлагали поработать в спортивной медицине, но Латынина, хоть и была аспирантом института физкультуры, считала, что для серьезной научной работы знаний у нее

недостаточно. Раздумья были недолгими. Когда-то у нее были мудрые учителя. Теперь пришла пора и ей из подопечной стать тренером. «Гимнастика – из тех страстей, что на всю жизнь», – сказала себе Лариса Семеновна и сделала решительный и точный выбор – перешла «из гимнастики в гимнастику». Она стала тренером сборной СССР, а в 1967 году ей предложили пост главного тренера.

Первым серьезным испытанием для Латыниной-тренера стали Олимпийские игры 1968 года в Мехико. Что-что, а задачи в Советском Союзе ставить умели – в Мехико в командном первенстве любое место, кроме первого, расценивалось бы как провал. Легко сказать, да нелегко сделать. Сборная была очень молодой, в ее составе не было ни одной участницы Олимпиады в Токио. Четверо – Наталья Кучинская, Лариса Петрик, Зинаида Воронина и Ольга Карасева (Харлова) – выступали вместе с Ларисой два года назад в Дортмунде. Две – шестнадцатилетняя Людмила Турищева и пятнадцатилетняя Любовь Бурда – только начинали выступления на высшем уровне. Но перед советской командой оказались не только чисто спортивные проблемы…

Венгрия, октябрь 1956 года – советские войска подавляют народное восстание. Через два месяца молодая советская гимнастка Лариса Латынина дебютирует на Олимпийских играх в Мельбурне. Главными соперницами советских гимнасток на той Олимпиаде были именно венгерские гимнастки. Ларисе и ее подругам по команде пришлось на себе испытать, что такое предвзятое отношение судей, вызванное пускай и праведным, но не имеющим никакого отношения к спорту возмущением действиями советского руководства…

Через двенадцать лет на Олимпийских играх в Мехико эта история повторится, с той лишь разницей, что на сей раз чешские гимнастки из-за подавления советскими войсками народных выступлений на их родине считали главного тренера олимпийской сборной Латынину и ее подопечных кровными врагами. Они перестали здороваться, при встрече смотрели на них как на пустое место и демонстративно проходили мимо. Во время Олимпийского турнира чешки выступали в черных купальниках и с черными траурными ленточками в волосах. Безусловно, судьи вольно или невольно сочувствовали им. Много лет спустя в газете «Известия» было опубликовано письмо Веры Чаславской, в котором она извинилась перед советскими гимнастками и лично перед Латыниной за свое несправедливое и обидное поведение в Мехико. К сожалению, это письмо попало к Ларисе Семеновне спустя значительное время после его опубликования и она не смогла на него ответить. Но это было

гораздо позже, а тогда, в 1968 году, Латынина понимала, что нужно что-то противопоставить соперницам, которые выглядели мученицами. Перед соревнованиями она повела всю сборную в парикмахерскую, где девочкам сделали потрясающие прически. На помост вышли шесть королев. Арбитры очень лояльно оценивали выступления чешских гимнасток, но все-таки наша команда сразу захватила лидерство. После обязательной программы сборная СССР оторвалась от преследовательниц на полбалла.

Наверное, это чувствует любой бывший спортсмен, выбравший тренерский путь, – выступать самому гораздо легче, чем следить за выступлением учеников. Не стала исключением и Лариса Латынина. «Ночь прошла так, как будто между матрацем и простыней были разложены колючки первосортных мексиканских кактусов, – рассказывала она о своих тренерских чувствах. – Раньше я была действующим лицом, актером – центром внимания. Как я сыграю, выступлю – зависит от меня. Удачно: цветы, аплодисменты, медали… Неудача – сама виновата. Теперь я режиссер: человек за сценой… И режиссер, беспомощный что-либо изменить уже в ходе самого представления…»

Как старший тренер сборной, Латынина, по правилам соревнований, не могла подойти к своим воспитанницам, чтобы помочь им советом, успокоить. Она наблюдала за их выступлениями с трибуны. Для Ларисы это были самые трудные мгновения Олимпиады. И «чудо-команда» не подвела своего тренера. Командное первенство выиграла сборная СССР, на втором месте были чехословацкие гимнастки, на третьем – спортсменки ГДР.

Абсолютной чемпионкой Олимпиады стала Вера Чаславска, «серебро» завоевала Зинаида Воронина, «бронзу» – Наталья Кучинская, которая могла бы побороться за победу, но срыв на брусьях лишил ее этой возможности. Две золотые медали подопечные Латыниной завоевали в отдельных видах: Наталья Кучинская в упражнениях на бревне, Лариса Петрик, разделившая первое место с Верой Чаславской, – в вольных упражнениях.

На посту главного тренера сборной СССР Лариса Латынина проработала 10 лет. Были победы, случались и поражения, но все это время женская гимнастическая команда была гордостью, своеобразным символом всего Советского Союза. И все эти годы Латынина пыталась отстоять тот стиль, который она исповедовала, когда сама была спортсменкой. Стиль элегантный и красивый, когда гимнастка на помосте была прежде всего женщиной, а не механическим роботом, выполняющим

сложнейшие элементы. «Мне хотелось, чтобы спортивная гимнастика, несмотря на ее сложность, оставалась женственной, пластичной, – говорила Латынина. – Я много спорила с тренерами, убеждала их: нужна хореография, сухая акробатика снижает зрительский интерес. Бесполезно!» Спорить было действительно нелегко, особенно после первенства Европы 1969 года в датской Ландскруне, где доминировала молодая гимнастка из ГДР Карин Янц, выигравшая абсолютное первенство и три из четырех золотых медалей в отдельных видах. Наступала «эра куколок», девочек, которые умели то, что не делали в свое время Латынина и ее подруги. После Ландскруны на Ларису давили, требовали, чтобы она пошла по пути усложнения программ, омолодила состав сборной. Но она не соглашалась, отстаивала свою точку зрения, верила в правильность выбранного пути. «Сложность, которую связывают с «эрой куколок», не может привести их к чемпионским титулам. Она должна цениться только при целостности, легкости, артистизме всей комбинации. Да, гимнастика молодеет, и вздыхать по этому поводу бесполезно. Утверждение молодежи на пьедестале сильнейших закономерно. Но нельзя всю женскую гимнастику превращать в детскую. Гимнастика молодеет, ну что же, значит, можно ждать – в двадцать, в двадцать два или в двадцать пять лет достигнет та или иная гимнастка апогея. Но не в двенадцать или четырнадцать. Выиграть в эти годы можно, творить по-настоящему, создать свою гимнастику нельзя! А без одухотворенности, интеллектуального начала, женской красоты не может быть подлинной большой гимнастики. Поэтому я не верю в то, что когда-нибудь наступит «эра гимнасток-куколок». Поэтому я глубоко верю в то, что наша команда сумеет доказать обратное». Время подтвердило, что она была права…

Чемпионат мира 1970 года показал, что советская школа гимнастики – лучшая в мире. Наши гимнастки взяли реванш у немок за поражение в Ландскруне, а в личном первенстве абсолютной чемпионкой стала Людмила Турищева, опередившая в напряженной борьбе Карин Янц и ее соотечественницу Эрику Цухольд.

Перед XX Олимпийскими играми в Мюнхене сборная наполовину обновилась. Год назад ушла из гимнастики Лариса Петрик, опытные Зинаида Воронина и Ольга Карасева не прошли отборочные соревнования. Их место заняли юные Ольга Корбут, Эльвира Саади и Антонина Кошель. Перемены переменами, а задачи у советской команды были прежние – выиграть командные соревнования и вернуть звание абсолютной чемпионки, которое

до этого дважды завоевывала Вера Чаславска.

В командных соревнованиях все прошло по плану – подопечные Латыниной сразу же захватили лидерство и в итоге опередили гимнасток из ГДР почти на четыре балла. А вот личное первенство получилось очень драматичным. На протяжении трех дней попеременно лидировали Тамара Лазакович, Карин Янц, Ольга Корбут, Людмила Турищева. После падения на брусьях из борьбы выбыла Корбут, но три другие гимнастки до самого последнего вида программы сохраняли шансы на победу. Все решили вольные упражнения, в которых убедительную победу одержала Людмила Турищева, в итоге завоевавшая звание абсолютной чемпионки. Второе место заняла Карин Янц, всего на несколько тысячных от нее отстала бронзовый призер Тамара Лазакович.

Чемпионат мира 1974 года, состоявшийся в Варне, стал триумфом Латыниной и ее учениц. В командном первенстве наши гимнастки с большим отрывом опередили спортсменок ГДР, в личном – абсолютной чемпионкой стала Людмила Турищева. Особенно показательным было их преимущество в отдельных видах. Спортсменкам других стран удалось завоевать всего две медали – «золото» на брусьях и «бронзу» в опорном прыжке, остальные награды получили советские гимнастки.

Под руководством Латыниной за десять лет сборная СССР выиграла практически все крупные соревнования, а проиграла только раз, в 1969 году чемпионат Европы в Ландскруне. Казалось бы, есть успешный и уже опытный тренер, есть победы, что еще нужно? И все-таки в 1977 году Лариса Семеновна ушла с поста главного тренера, а точнее, как говорят в подобных ситуациях, «ее ушли». Это случилось после Олимпиады 1976 года в Монреале. Нет, команда не проиграла, сборная СССР вновь стала победителем в командном первенстве. Советские гимнастки завоевали 8 медалей из 12 возможных: 3 золотые, 4 серебряные и 1 бронзовую. Это был несомненный успех, и тем не менее, на Латынину обрушился шквал критики со стороны спортивных чиновников. Причиной стала победа в абсолютном первенстве 14-летнего «вундеркинда» из Румынии Нади Комэнеч. Ларису критиковали за то, что она «проморгала» Комэнеч, что ее методы уже устарели. Самым обидным было то, что ее «топили» коллеги по гимнастическому цеху, такие же бывшие спортсмены, как она. Они почему-то были уверены, что талантливые гимнастки могут рождаться только в Советском Союзе. В конце концов Латынина не выдержала и написала заявление об уходе с поста с главного тренера сборной СССР.

Некоторое время Лариса Семеновна работала в Оргкомитете

по подготовке Московской олимпиады-80. После Олимпиады Оргкомитет расформировали, и прославленная гимнастка осталась без работы. Ей постоянно поступали предложения из-за рубежа, и в какой-то момент она хотела уехать на работу за границу. Однако чиновники Госкомспорта СССР очень настойчиво рекомендовали ей этого не делать.

Латынина перешла на работу в московский спорткомитет, возглавляла женскую гимнастическую команду Москвы. С 1991 года работала в благотворительном фонде «Физкультура и спорт», который возглавляла ее подруга, знаменитая легкоатлетка Тамара Пресс. «Кем я работаю? Попрошайкой!» – говорила Латынина о своей благотворительной деятельности.

Она является рекордсменом по количеству завоеванных медалей за всю историю Олимпиад. В ее коллекции – 18 наград (9 золотых, 5 серебряных и 4 бронзовых). Всего за свою карьеру гимнастка завоевала около 150 (!) медалей различных первенств. Немалых успехов достигла Лариса Семеновна, работая главным тренером сборной СССР. Так что с работой у Латыниной до поры до времени все было в порядке. А вот с личной жизнью… «Я через многое прошла. Дважды была замужем. В лучшие женские годы мне пришлось пережить безумную гамму жутких переживаний и страстей. И не дай бог какой-нибудь женщине это испытать. Но в конце концов мне повезло, я встретила Юру. Я знаю, что за ним пойду куда угодно и сделаю все, о чем бы он меня не попросил!»

«Курортные» романы известны всем, а у Ларисы Латыниной и Юрия Фельдмана случился «санаторный» роман. Они встретились в 1985 году в подмосковном санатории «Вороново». Юрий Израилевич – доктор наук, профессор, академик, в свое время возглавлял московский электротехнический завод «Динамо». В молодости он серьезно занимался велогонками. Юрий Фельдман мог сделать неплохую артистическую карьеру – он был солистом популярного ВИА «Искатели», а кроме того, ему предлагали главную роль в фильме «Вий». И все же страсть к науке пересилила – Фельдман отказался от карьеры киноартиста, хотя все же снялся в эпизодических ролях в «Вие», «Бриллиантовой руке» и других фильмах.

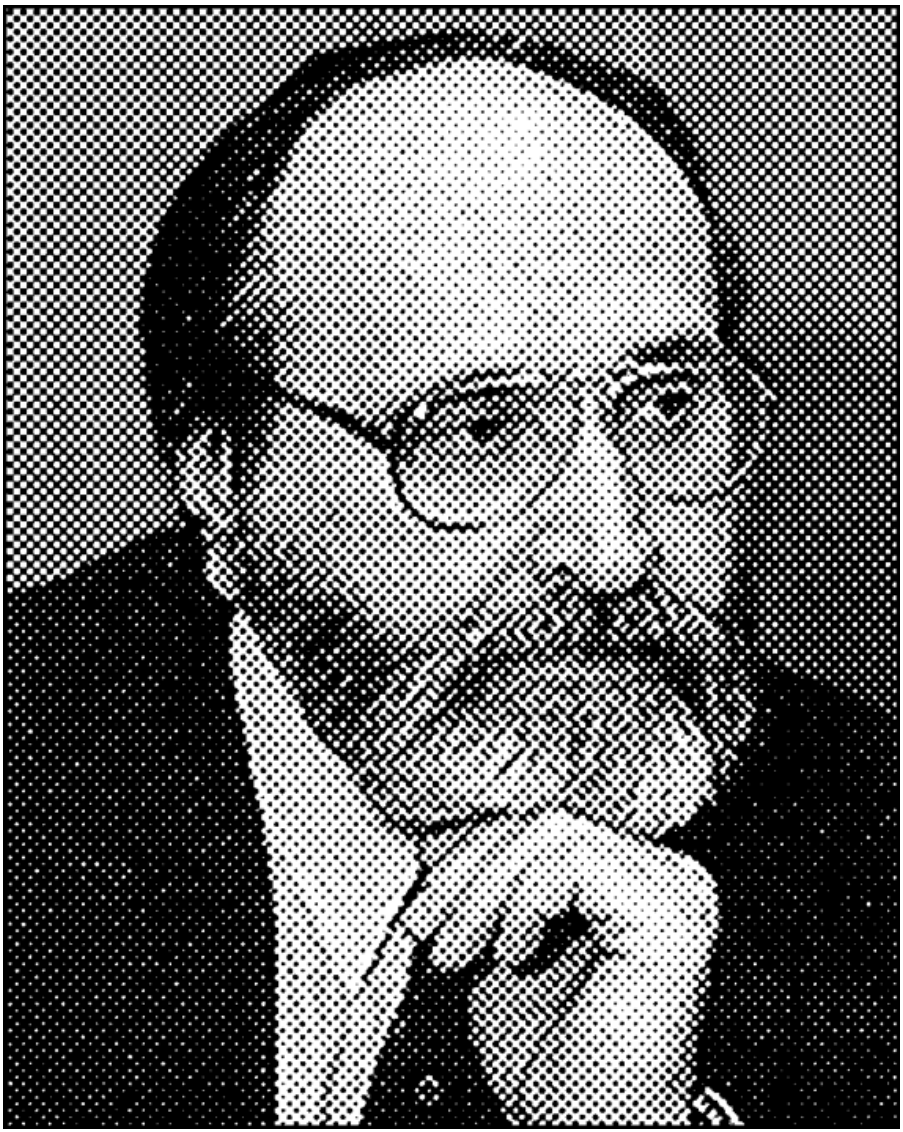
Два известных и успешных человека – казалось бы, их встреча должна была произойти где-нибудь на светском приеме или, например, в театре. В общем, в каком-нибудь романтичном месте. Однако произошло совсем иначе. «Юра обратил на меня внимание сзади, когда я бежала на шпилечках в вельветовых джинсиках», – рассказывала Лариса Семеновна. Они разговорились, а затем Юрий Израилевич предложил Латыниной научить ее играть в теннис. На корте он выглядел почти как

профессионал, а девятикратная олимпийская чемпионка не умела даже держать ракетку в руке. Сейчас теннис стал семейным увлечением. Но, конечно, не он объединяет Юрия Фельдмана и Ларису Латынину. Этих людей, которые очень долго не могли найти свою половину, объединяет любовь…

«В Москву! В Москву! В Москву!» – говорили чеховские «Три сестры». А вот у Латыниной все наоборот. «В Москву и не хочется, – говорит Лариса Семеновна. – Там не хватает воздуха, да и суета утомляет». Сейчас Юрий Фельдман и Лариса Латынина бóльшую часть времени проводят в деревне Колялнино, которая находится в ста километрах от российской столицы. Участок в 12 соток они получили в начале 1990-х годов. Сейчас имение семьи Фельдманов – Латыниных разрослось до трех гектаров. Здесь есть все: большой дом, бассейн, теннисный корт, спутниковая антенна, гараж с хорошими автомобилями. А рядом подсобное хозяйство с животными, теплицами и огородом. «Идея завести ферму возникла у меня и мужа Юрия много лет назад, – говорит Латынина. – Мы не искали для себя каких-то обустроенных мест, выбрали участок в лесу, на «дикой» природе. Ведь лес для меня – это воспоминание о детских годах, когда я часто бывала в Цюрупинском лесу. Красота природы вдохновляет меня на занятия живописью: я рисую пейзажи, натюрморты. Поэтому для меня ферма – это еще и эстетика. Теперь все по-иному, и я с радостью живу каждый день, благо рядом любимый муж, неподалеку дом дочери с двумя внуками. Я с радостью живу каждый день…»

Она действительно счастлива. Как спортсменка, Лариса Латынина достигла большего, чем любой другой спортсмен мира. Пускай и поздно, но она получила то, о чем мечтает любая женщина. Но ее до сих пор волнует состояние дел в любимой гимнастике. Могучая когда-то советская школа спортивной гимнастики распалась на несколько самостоятельных. Секции закрываются, лучшие тренеры уезжают на работу за рубеж. Таланты-то наверняка есть, но ведь их еще нужно найти и, самое главное, воспитать чемпионов. И все-таки «королева гимнастики» верит, что найдутся те, кто сможет достойно продолжить ее дело. Дело служению прекрасному и гармоничному виду спорта – спортивной гимнастике…

Юрий Власов



1955 год. На время Москва забыла о футболе и хоккее. Штанга – вот что интересовало москвичей, даже тех, кто до этого был равнодушен к спорту вообще и тяжелой атлетике в частности. Москва ждала приезда «чуда» из далекой Америки. «Чудо» звали Пол Эндерсон. «Человек – гора», «человек – подъемный кран», «самый сильный человек на планете». О нем говорили в институтах и на заводах, в трамваях и метро, в ресторанах и магазинах…

Поднять по сумме трех упражнений – жима, рывка и толчка –

500 килограммов… В те годы это казалось нереальным, долгое время атлеты подбирались к заветному рубежу, но так и не могли его преодолеть. Победитель Олимпийских игр 1952 года в Хельсинки Джон Дэвис набрал 460 кг. Его соотечественник Норберт Шеманski через два года на чемпионате мира в Вене победил с результатом 487,5 кг. Потрясающая сумма, колоссальный вес, новый мировой рекорд. И все равно до пятисот килограммов было еще далеко… И вдруг словно гром среди ясного неба из Соединенных Штатов пришло сообщение – рубеж в 500 кг преодолен! 22 апреля 1955 года уроженец небольшого городка Токкоа, штат Джорджия, 22-летний Пол Эндерсон набрал в сумме троеборья 518,5 кг! Правда, тогда мировые рекорды фиксировались лишь на Олимпийских турнирах, чемпионатах мира и Европы, а соревнования в Южной Каролине, где Эндерсон показал свой феноменальный результат, в этот список не входили. Так что официально мировой рекорд пока был не превзойден. Но сама цифра – 518,5 кг – потрясала воображение. В 1935 году немецкий тяжелоатлет Йозеф Мангер, «король силачей на все времена», как его тогда называли, набрал в троеборье 401,5 кг. С тех пор спортсмены медленно, шаг за шагом, подбирались к новому рубежу. И вдруг появился человек, который сломал все устои тяжелоатлетического мира, легко и непринужденно перешагнул через казавшийся непреодолимым рубеж.

5 июня 1955 года на чемпионате США в Кливленде «крошка Пол» вновь показал свою силу. Он набрал в троеборье 519,37 кг. Дэвис, второй призер чемпионата, отстал от него почти на 80 кг. Буквально за несколько месяцев Эндерсон из никому неизвестного спортсмена превратился в мировую знаменитость, «чудо-человека», супермена, имя которого не сходило со страниц газет и журналов. Ни одному тяжелоатлету еще не оказывали столько почестей.

Через неделю после чемпионата США знаменитый меценат Роберт Хоффман, фактический хозяин американской тяжелой атлетики (ему принадлежал легендарный «Нью-Йорк Барбэлл клаб», представителями которого являлись почти все лучшие тяжелоатлеты США), привез американскую команду во главе с Эндерсоном в Москву. Когда Пол вышел из самолета и ступил на трап, по Внуковскому аэропорту разнеслось восторженное «ого-ого-го!» Да, «крошка Пол» действительно производил неизгладимое впечатление. Рост 177 см… Ну, в этом-то как раз не было ничего удивительного. Но все остальное… Вес 165 кг, огромные бицепсы 57 сантиметров в окружности, невероятно мощные ноги, объем бедра – почти метр… Конечно, на первый

взгляд Эндерсон казался неповоротливым монстром, но под слоем жира скрывались невероятной силы мышцы, которые и позволяли ему поднимать рекордные веса.

Где бы ни выступал Эндерсон, билеты на соревнования с его участием расходились мгновенно. Так было и в Москве. 15 июня 1955 года, в дождливый сырой день, почти пятнадцать тысяч зрителей заполнили Зеленый театр Центрального парка культуры и отдыха Москвы. Конечно, главной «звездой» был Эндерсон. И «крошка Пол» не разочаровал московскую публику. Для жима он заказал 172,5 кг, что на 4 кг превышало официальный мировой рекорд канадца Дага Хэпберна. Пол не просто поднял этот вес, на глазах изумленной публики он три раза выжал штангу. По сумме троеборья он повторил результат, показанный им десять дней назад в Кливленде, – 518,5 кг. А под конец выступления Пол взял на плечи штангу весом 275 кг и легко присел пять раз.

Среди тех, кто наблюдал в Зеленом театре за выступлением Эндерсона, был и девятнадцатилетний курсант Военно-воздушной академии имени Жуковского Юрий Власов. Он взял 16-миллиметровую кинокамеру, подаренную отцом, и пошел в Зеленый театр. Билета у него не было, но тогда любительские кинокамеры были большой редкостью. Его приняли то ли за иностранца, то ли за кинооператора и беспрепятственно пропустили через все посты. «Я делал вид, что снимаю, а сам глазел на Эндерсона! – вспоминал Юрий Петрович. – Я заглянул к нему и в раздевалку. Как же я был счастлив!»

«Что, вот этот… Да, парень, конечно, крепкий, но… Нет, это смешно, это невозможно…» Наверное, так бы отреагировал любой из присутствовавших в тот дождливый вечер в Зеленом театре, если бы кто-то, какой-нибудь прорицатель, доморощенный московский Нострадамус, показал бы на Власова и сказал: «А вы знаете, что этот молодой человек через несколько лет превзойдет рекорды Эндерсона, и не просто превзойдет, а уйдет далеко вперед». Те, кто видел Пола, были уверены, что перед ними величайший атлет всех времен и народов, рекорды которого будут жить вечно. В октябре того же года на чемпионате мира в Мюнхене он установил официальный рекорд мира, подняв по сумме троеборья 512,5 кг. Прежнее достижение Норберта Шемански было улучшено на 25 кг. Преимущество Эндерсона над соперниками было просто подавляющим. То, что он делал, казалось пределом, границей человеческих возможностей. В 1956 году рекорд СССР в жиме составлял 161 кг, лучший результат Эндерсона – 185,5 кг. В толчке американец превзошел рекорд СССР на 19 кг (199,5 против 180,5). А по сумме троеборья Пол опередил лучшее достижение советских тяжелоатлетов на 60 кг!

Ну как бороться с такой невероятной силищей! В те годы многим спортсменам, выступавшим в тяжелом весе, советовали бросить тяжелую атлетику и заняться каким-нибудь другим, более перспективным в плане мировых достижений видом спорта. «Займись лучше легкой атлетикой, попробуй метание, – говорили Власову, – ведь в штанге страшные цифры, в штанге результаты Эндерсона».

Даже американцы жаловались, что Эндерсон, несмотря на все свои потрясающие достижения, на какое-то время «убил наповал американскую тяжелую атлетику», по крайней мере, в тяжелой весовой категории. Многие молодые штангисты, понимая, что не могут даже приблизиться к результатам «крошки Пола», уходили в другие виды спорта. Да что там молодые… Неоднократный призер чемпионатов мира и Олимпийских игр Джим Брэдфорд, по комплекции, кстати, напоминавший «крошку Пола», четыре года не появлялся на крупных турнирах. Сопротивляться напору Эндерсона было бессмысленно… Но Юрий думал иначе…

Вернувшись домой после выступления Эндерсона в Зеленом театре, Власов записал в своей тренировочной тетради: «Ничто не властно надо мной!..»

Юрий Власов родился 5 декабря 1935 года в городе Макеевке Донецкой области. Его отец, Петр Парфенович Власов (позже он изменил фамилию на Владимиров), происходил из воронежских крестьян, работал на воронежском ремонтном заводе, чинил паровозы. А затем была революция, Гражданская война, советская власть… Сын простого крестьянина сделал головокружительную карьеру – рабочий стал высокопоставленным дипломатом. После окончания Московского института востоковедения Петр Парфенович попал в Китай, где работал корреспондентом ТАСС. В мае 1942 года он был направлен в Яньань (так называемый Особый район Китая) в качестве связного Коминтерна при ЦК Компартии Китая. После окончания войны Петр Владимиров перешел на работу в Министерство иностранных дел СССР. С 1948 по 1951 год находился на должности генерального консула СССР в Шанхае, а с 1952 года – Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Бирме. Петр Парфенович прожил очень яркую и интересную, но, к сожалению, короткую жизнь. В 1953 году, когда ему еще не было пятидесяти, он скончался. Через двадцать лет в свет вышла книга «Особый район Китая», автором которой значился некий журналист Владимиров. Эта книга, как сказали бы сейчас, моментально стала бестселлером, о ней много говорили и спорили. И каково же было удивление читателей, когда они узнавали, что эта книга написана бывшим

спортсменом, а не историком-китаистом, настолько подлинно и достоверно, с приведением мельчайших подробностей была показана история, философия и жизнь Китая. «Я боготворил отца, – говорил Юрий Петрович. – Больше всего меня восхищал культ разума и знаний, который он старался привить всем, кто был рядом с ним. А «Особый район Китая» – это мой долг перед отцом. Отец, когда понял, что умирает, стал рассказывать мне то, что узнал. И просил завершить главное дело его жизни».

Мать Юрия Петровича, Мария Даниловна, родом с Кубани. Она работала библиотекарем, заведующей библиотекой. От матери, как считает великий спортсмен, к нему перешли и любовь к книгам, и немалая сила. «Помню, как осрамила она носильщика: тот не мог заложить на багажную сетку шестидесятикилограммовый мешок с ее любимыми кубанскими яблоками, – вспоминал Власов. – Мама отстранила его и одним движением сунула мешок под потолок, а ей было под шестьдесят. И до старости она сохраняла стройность и женственность».

Юра мечтал пойти по стопам отца, стать дипломатом или разведчиком. Но Петр Парфенович думал иначе. В 1946 году Юрий был зачислен в Саратовское суворовское училище. Естественно, что крепкий парень (в пятнадцать лет он весил почти сто килограммов) не мог остаться в стороне от спорта. «Рос я в суворовском училище, среди крепких и здоровых мальчишек, – рассказывал Власов о начале своего спортивного пути. – Сила и удаль особенно ценились и уважались у нас. Мы понемногу занимались борьбой, боксом (в начале пятидесятых он стал чемпионом Саратова по боксу в тяжелом весе. – *Авт.*), легкой атлетикой. Все вместе – книжные герои, желание двигаться, бороться, побеждать – зародило в нас любовь к спорту. Поэтому, когда я окончил училище и поступил на первый курс Военно-воздушной академии имени Жуковского, я уже не мыслил себя вне спорта. И если слепой случай привел меня в гиревой зал, то уже не случай заставил полюбить этот с виду малоинтересный и по-настоящему тяжелый спорт».

В 1953 году после окончания суворовского училища Юрий поступил на радиотехнический факультет Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Здесь и состоялось его знакомство с тяжелой атлетикой. Все было по-военному просто. «Курсант Власов, шаг вперед! Будете выступать за факультет по штанге. Явитесь в шестнадцать ноль-ноль в спортивный зал академии. Становитесь в строй». Хочешь не хочешь, нравится тебе поднимать штангу или нет – никого не интересует, приказы не обсуждаются. На этих соревнованиях тренер секции тяжелой атлетики Евгений Николаевич Шаповалов кое-как объяснил

Юрию, что такое жим, рывок и толчок и как вообще нужно поднимать штангу.

Власову прочили успехи в легкой атлетике (относительно «легкой» – Юрий показывал неплохие результаты в толкании ядра). А штанга… Штангу он поначалу недолюбливал. Но с каждой тренировкой ему все больше и больше нравилось браться за гриф, принимать снаряд на грудь, а затем, мгновенно включив энергию всех мышц организма, покорять казавшийся неподъемный вес. И конечно, ему повезло с тренером: «Без Шаповалова я никогда не занялся бы тяжелой атлетикой, и моя жизнь, безусловно, сложилась бы совершенно иначе. Вспыльчивый, крутой, он самозабвенно любил тяжелую атлетику, а еще больше – сильные и ладные мускулы».

Под руководством Евгения Шаповалова за три года Юрий Власов сумел выдвинуться в число лучших штангистов тяжелого веса в стране. Первые серьезные успехи в тяжелой атлетике пришли к Власову в 1957 году. На чемпионате Вооруженных сил во Львове он выполнил норматив мастера спорта, улучшил всесоюзные рекорды в толчке и рывке. Но вместе с рекордами пришли первые травмы – штанга показала Юрию, что может не только покоряться, но и ломать, травмировать спортсмена: «Штанга ломала меня, а я медлил. Я рассчитывал утихомирить ее. И лишь когда оцепенел от боли и желто, тягуче поплыл свет в глазах, а рот свела судорога, я выскользнул из-под веса. Я опоздал, но могло быть хуже…»

И первые международные выступления для Юрия Власова оказались неудачными. Перед соревнованиями на Приз Москвы 1957 года столицу поразила эпидемия «азиатского» гриппа. «Повезло» и Власову – он заболел как раз перед самым началом соревнований. «Однако не грипп отравил мышцы – страх, – вспоминал спортсмен. – И даже не страх перед заданными весами или соперниками, а непреодолимая оторопь перед необычностью обстановки. Я привык к тесной комнатке с двумя помостами впритык – таким был спортивный «зал» ЦСКА тех лет на Ленинградском проспекте. А тут необъятность лужниковского Дворца спорта. Я сомлел в ней. Спас от позора врач сборной, списал по болезни с соревнований». В апреле 1958 года Власов снова был травмирован – на чемпионате СССР в Донецке он повредил левый коленный сустав. Целый месяц проходил в гипсе. «После этих травм, по мнению многих, мне уже не было места в испытаниях большой игры, – рассказывал Юрий Петрович. – Знаменитый старый атлет съязвил: «Мальчик сразу из ясель пошел на покой…» Но Власов не сломался, он уже влюбился в штангу, не мог жить без «железа» и ежедневных тренировок,

нередко заканчивавшихся далеко за полночь. Юрию приходилось делить спорт с учебой в академии, точнее, отдавать тяжелой атлетике те крохи, что оставались после занятий. Поблажек и скидок ему никто не делал. Шесть-семь часов лекций, лабораторные занятия, курсовые работы, консультации, экзамены и лишь потом – маленький тренировочный зал и штанга.

В это же время начал формироваться образ Власова, совершенно неповторимый и уникальный, образ, в котором сочеталось, казалось бы, несочетаемое. Интеллектуал, эрудит, полиглот, человек, боготворивший книгу, писатель – и спортсмен, избравший для себя грубый и примитивный, по крайней мере на первый взгляд, вид спорта.

В 1957 году Власова начал тренировать Сурен Петрович Богдасаров – мягкий и спокойный человек, скорее советник, чем тренер. Юрий рвался вперед, устанавливал рекорды и тут же хотел улучшить собственный результат, жестоко, как врач, испытывающий на себе действие смертельного вируса, экспериментировал над своим организмом, подвергая себя на тренировках сверхнагрузкам. «Бешеный слон» – говорили о Власове его коллеги-штангисты. Он просто сходил с ума, впадал в какой-то экстаз, когда видел штангу и слышал звон железа. А Сурен Петрович, мудрый тренер, останавливал его: «Не нужны потрясения, опасны эти сверхнагрузки и пробы. Довольно! Твоей силы хватит на добрый десяток лет вперед. Верь: я тебе не принесу вреда, ты мне как сын…»

«Сколько же он принял зла, назначенного мне, нес, таил несправедливость, назначенную мне! – говорил Власов о Сурене Богдасарове. – Он, как умел, защищал меня от моих же, подчас грубых, промахов. Он верил, считал, что я могуч силой и недоступен в ней, если отдамся «железу», не стану дробить себя между литературной работой и спортом, но главное – всегда верил в меня, не считал риском мои выступления против соперников любой силы и подготовленности, когда я плавал в болезнях и слабостях, – и это, в конце концов, было самой большой кровно-неразрывной связью. Я был привязан к нему уже не дружбой, а родственной, неумирающей связью…»

1959-й – год взлета Власова. Еще недавно он был «подающим надежды», затем «вторым номером», и вот уже его называют «лучшим штангистом тяжелого веса в стране». 22 апреля на первенстве Вооруженных Сил в Ленинграде Юрий установил свой первый мировой рекорд – в толчке взял 196,5 килограмма. По сумме троеборья он показал третий в истории тяжелой атлетики результат. Тренерский совет решил – Власов достоин

представлять страну на чемпионате мира.

Итак, Варшава, первый чемпионат мира в карьере Юрия Власова. И соперники – вот они, рядом. Вся мировая элита тяжелого веса. Правда, нет Эндерсона. После победы в 1956 году на Олимпийских играх в Мельбурне Пол ушел из любительской тяжелой атлетики. Но все остальные – здесь. Болгарин Иван Веселинов, финн Эйно Мяккинен, итальянец Альберто Пигаяни… И конечно же американцы, которые везде чувствуют себя хозяевами. Дэвид Эшмэн и Джим Брэдфорд. «Большой Вашингтонец» (так журналисты называли Брэдфорда) вернулся после долгого перерыва и очень хотел доказать всем, что он, по крайней мере в отсутствие Эндерсона, является самым сильным человеком на Земле.

Первое упражнение – жим. Юрий начал очень нервно. Во втором подходе допустил ошибку и в результате перед рывком проигрывал Брэдфорду 10 кг. Можно, конечно, сказать судьям, не засчитавшим фактически чистую попытку, пару «добрых» слов, но что толку…

В рывке Юрий отыграл 2,5 кг. Немного, но в этом упражнении много не отыграешь, только если соперник не сорвется. Но Брэдфорд срываться не собирается, да и Власов не рискует в зачетных попытках. Главное, взять свой вес, не отстать от соперника. И тут Юрий попросил четвертую попытку. Он шел на мировой рекорд. И взял вес! Эта попытка в зачет троеборья не пошла, но у Власова появилась уверенность в своих силах, он приготовился выложиться на все сто, чтобы достать Брэдфорда. А «Большой Вашингтонец» в этот момент, видимо, дрогнул. Уже после первой попытки в толчке Власов догнал Брэдфорда и, поскольку он был легче соперника, завоевал звание чемпиона мира. А в следующих двух подходах увеличил свое преимущество до 7,5 кг. «Конец гонке! На несколько недель я свободен от «железа» и мыслей о завтра. Долой все заботы! Через несколько недель начну снова гонку, снова игра в «кто кого», а сейчас можно все забыть! Все!..»

О чем же думал Юрий, когда стоял на высшей ступени пьедестала почета? О том, что годы изнурительных тренировок прошли не зря, что он завоевал для своей великой страны золотую медаль чемпионата, опередив американцев, главных и самых ненавистных соперников? Нет, он думал о птице… О какой такой птице? Может быть, о «птице счастья», которая здесь и сейчас выбрала именно его? Да нет, об обычном петухе… «На протяжении всей церемонии возведения в чемпионы мира и Европы одно и то же нелепое воспоминание: этот петух! Я крепился в серьезности – фанфары, цветы, медали… Но этот

петух! Сборная три недели тренировалась в Балашихе под Москвой. Оттуда выехала в Варшаву. Ну что за отважный петух водил кур за соседней оградой! С какой яростью атаковал! Самые сильные ребята улепетывали. Надо быть серьезным: гимн! А я боюсь разжать зубы. Очевидно, разом начал отходить от многонедельного зажима чувств…»

Ну а потом – было ли ощущение счастья, чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы, радости победы? Нет. Юрий понимал, что между ним и всеобщим признанием незримо стоит тень Эндерсона и его «вечных» рекордов: «Чем дотошнее пытался разобраться в себе, тем явственнее приходило понимание того, что для всех я всего лишь победитель чемпионата. Но первенство в силе за мной не признается. И я уже догадывался почему – Эндерсон! У Эндерсона сила, Эндерсон и внешне несокрушим. Лишь за такими будущее – уже доказано. А я?..»

На банкете после церемонии закрытия чемпионата к Юрию подошел слегка подвыпивший Дэвид Эшмэн и многозначительно, с пафосом прорицателя произнес: «Власов – Варшава прима, но Рим – Власов ноу прима…» А затем и Боб Хоффман решил поставить Власова на место: «Ты хороший парень, но в Риме разберемся…» Ну что ж, посмотрим, что будет в Риме…

«Город с фантастическим именем – Рим! Каков он? Неужто увижу? Как же так, проба результатов, озорство силы – и вдруг все это проложило дорогу в сказочный город? Несерьезное оборачивалось полной неожиданностью, и еще такой серьезной! Рим, Рим…»

В 1956 году на Олимпийских играх в Мельбурне американцы завоевали на одну золотую медаль больше, чем советская сборная, и в неофициальном командном зачете стали первыми. Что же будет в Риме, не повторится ли Мельбурн? Три чемпионата мира подряд, с 1957 по 1959 год, наши штангисты убедительно переигрывали главных соперников. Но главный босс американской тяжелой атлетики не унимался: «Русские остаются нашими самыми опасными соперниками, – говорил Боб Хоффман в интервью французской газете «Экип». – Но из Рима мы уедем непобежденными. Если в Варшаве мы завоевали один титул, то теперь возьмем три. Мы привезли в Рим самую большую и самую сильную команду». И конечно, главная мишень американцев – Власов. «Наследство» Эндерсона все еще оставалось не разыгранным. И Власов, и американцы подбирались к достижениям «крошки Пола» и его «вечные» рекорды уже не казались такими уж вечными. Но цифра «512,5» – мировой рекорд

Эндерсона по сумме троеборья – продолжала давить на всех своей неподъемностью.

А ведь у Юрия был шанс за несколько месяцев до Олимпиады побить самый главный мировой рекорд в тяжелой атлетике. И хороший шанс. На чемпионате СССР, проходившем в июне в Ленинграде, Власов установил три всесоюзных рекорда, один из которых – в рывке – был выше мирового. И если бы не досадная оплошность в одном из подходов, когда Юрий задел локтем колено при подъеме штанги на грудь (это считается технической ошибкой и попытка не засчитывается), то он вполне мог превзойти рекорд Эндерсона. В итоге в троеборье Власов набрал 510 кг. Близко, очень близко… Кстати, на том чемпионате главным соперником Юрия был Алексей Медведев. До «эпохи Власова» именно Медведев считался самым сильным тяжеловесом в Союзе. Но с приходом Власова Алексей был обречен на участь «второго номера». Медведев сопротивлялся, а когда понял, что против Власова у него нет шансов («против лома нет приема»), попытался даже перейти на категорию ниже. Но и в первом тяжелом весе Медведеву досталась роль статиста. В 1963 году Алексей Медведев ушел из спорта и засел за кандидатскую диссертацию. Тема: «Основы тренировки в тяжелой атлетике». А через год Алексей Сидорович Медведев все-таки отомстил Юрию Петровичу Власову. Отомстил классно, со вкусом… Не сам, а с помощью своего ученика («против лома нет приема, если нет другого лома»). Но об этом чуть позже, придет время и для тяжелоатлетической вендетты…

Держитесь, русские, держись, Власов, и держись… Пол Эндерсон, хоть ты уже давно выступаешь в цирковых шоу и рекорды любительской тяжелой атлетики тебя мало интересуют. «Большой Вашингтонец» вышел на тропу войны и готов к борьбе! На Власова и всю советскую тяжелую атлетику будет сброшена «межконтинентальная бомба» убойной мощности!

На кого же так надеялся Боб Хоффман? На Джима Брэдфорда? Да, Джим силен, но ведь Власов переиграл «Большого Вашингтонца» в Варшаве. Однако и Брэдфорд не дремал. Он целый год наращивал силу, готовясь к Олимпиаде. Отказывал себе в обычных человеческих радостях, забыл семью – только тренировки, только «железо». Американцы приехали в Италию гораздо раньше наших. И здесь тренировались до изнеможения. На одной из таких тренировок Брэдфорд поднял в троеборье 520 килограммов. А это на 7,5 кг больше «вечного» рекорда Эндерсона.

А что еще можно противопоставить Власову? Хоффман давно

приметил излишнюю восприимчивость Юрия, его не всегда адекватную реакцию на происходящее на помосте. «Взять его в клещи, вывести из себя, заставить волноваться. Ведь он один, а моих ребят двое», – наверное, так думал Хоффман, когда решил выставить двух атлетов в тяжелом весе. Вместе с Брэдфордом «брать в клещи» Власова должен был опытнейший Норберт Шеманski. «Я дал американским тренерам направление удара: решительно давить меня в каждом упражнении, для этого выставить двух атлетов в тяжелом весе, и я дрогну, – признавался Власов. – Не могу не дрогнуть. Доказано. Слабодушен я на помостах – нести мне теперь это клеймо… Но ведь сила была!»

Была сила, была… Эту свою силу Власов показал всему миру на церемонии открытия Игр, 25 августа 1960 года. Стадион «Форо Италико» взревел от восторга, когда Юрий на одной руке пронес знамя Советского Союза. А ведь это было нелегко и физически (знамя-то тяжелое), и морально. «В ответственности нести знамя, отвечать за него я одеревенел, – вспоминал Юрий Петрович. – Нести знамя как у нас на демонстрации? На плече? Упереть древко в живот, как большинство? А вот уже и поле, аплодисменты! Я и захватил древко за самый кончик, а руку вытянул. Стадион дрогнул и заревел…»

Он молод, он силен, он накопил невероятную силу и готов выплеснуть ее сполна на помосте. И вдруг… Как часто такое «и вдруг» встает на пути к мечте. Судьба словно не хотела, чтобы Юрий выиграл эту Олимпиаду. Сборная СССР проводила последние тренировки перед Играми на Рижском взморье. Несмотря на запреты тренеров, Власов однажды не удержался и искупался в ледяной – семь градусов – воде. Итог – воспаление среднего уха. Вернуть Юрия в строй удалось лишь заушными инъекциями пенициллина. Болезнь быстро победили, но кто знал, что в Риме Власову вновь придется колоть пенициллин в лошадиных дозах?

Утром на бедре появилось легкое раздражение. А вечером нога была покрыта огромными фурункулами, сплошным нарывом с пульсирующей болью. У Юрия поднялась температура, он плохо спал, совершенно пропал аппетит. «Будь это какие угодно другие соревнования, а не Олимпиада, я бы просто запретила ему выходить на помост, – рассказывала врач олимпийской команды Зоя Сергеевна Миронова. – Но как пойти на это, если Власов собирается стать сильнейшим атлетом планеты? А победит ли он в таком состоянии? Но под напором Власова я начала сдаваться. Видимо, это был тот случай, когда ситуация заставляла человека мобилизовать все силы».

Власов не собирался отказываться от Олимпиады. В ход

пошли специальные повязки, новокаиновая блокада. И пенициллин… По дюжине уколов в бедро… На какое-то время воспаление удавалось снять, но после очередной тренировки нарывы опять вырастали до прежних размеров. Пришлось Зое Мироновой проводить операцию, вскрывать нарывы, удалять отмершую ткань. И снова пенициллин. А потом… «А потом меня рвало, – рассказывал Власов. – Не дай бог, об этом узнают! Готов на все – лишь бы работать! Я столько шел к этому дню!»

Болезнь – это всегда плохо. А тем более в такой неподходящий момент. Для болезни вообще нет подходящих моментов, но для спортсменов это особенно важно – одно дело перехворать где-то в межсезонье, когда ты свободен от соревнований, и совсем другое – накануне самого ответственного в твоей жизни старта. Но болезнь – это случайность «случайная». Если уж подхватил, то ничего не попишешь. Есть только два выхода – бороться или сдаться. А если тебя к тому же пытаются «выжить» из олимпийской команды за ничтожный проступок?

«Я забывал о тренировках и несчастье. А несчастье привалило за болезнью. И накликал его я…»

Жарко в Риме, очень жарко, температура – далеко за тридцать. Что можно делать после обеда – только лечь в шезлонг и отдыхать где-нибудь в тенечке. Что Юрий, собственно говоря, и делал. Ушел бы свою комнату, ничего бы и не произошло. Но в комнате тоже жарко. А здесь, под домом, в благодатной тени, на свежем воздухе – хорошо, легко… Власов дремал в шезлонге, когда его окликнули. Прыгуны с шестом Владимир Булатов и Игорь Петренко и толкатель ядра Виктор Липснис. «Не откажи, выпей с нами за победу. У нас самая малость – бутылка бренди». До выступления Власова еще целая неделя – можно и расслабиться. Хотя, в принципе, нельзя. Но если очень хочется, то можно. Бутылка бренди на четверых здоровых мужиков – это же ничего, за два часа выветрится. Да и согласился Власов на предложение легкоатлетов не потому, что уж очень хотел выпить: «Я почти не знал их. Тем более тронуло приглашение. Не от потребности выпить – победа ведь! Значит, я для них свой – это тоже приятно».

Выпили. Разошлись. Вроде бы никто ничего не заметил. Но узнали, донесли. Власова подняли прямо с постели на командный суд. «Да здравствует наш суд – самый гуманный суд в мире!» – за несколько рюмок коньяка, выпитых за неделю до соревнований, решили ходатайствовать перед руководством о запрещении Власову участвовать в Играх и отправить домой, а до принятия окончательного решения в назидание объявить спортсмену бойкот. Пытались, правда, «исправить положение»: «Назовите, с

кем пили, – говорили «судьи», – и вам все простят». Власов, естественно, никого не назвал.

«…Господи, за одну глупость платить практически жизнью, генеральным изломом ее! Дикость ведь! Тогда многие карьеры строились на доносах. Многих сметали с пути (из жизни тоже) доносами. Исключат из партии, погонят из армии – и скребись на карачках по жизни с «волчьей» характеристикой. И будь это единичный случай! Господи, оглянись! На что ж направлялись и измалывались силы во все десятилетия: не на развитие способностей, спокойное созидание, а на преодоление среды, иначе говоря – всех этих мокриц, этой злобы, зависти, неправды…»

Быть или не быть… С одной стороны – болезнь и дурацкое «нарушение спортивного режима». С другой – великолепная форма Власова. Его тренировки привлекали толпы зрителей и журналистов. Он рвал, выжимал и толкал штангу на этих тренировках, не скрывал из тактических соображений свою силу, показывал всем: «Вот он я, я готов к борьбе, я заберу себе золото!» А потом репортажи об этих тренировках появлялись во всех ведущих спортивных газетах мира.

Его простили. Нет, не из человеколюбия, мол, «простим парню небольшой грех». «Золото» – вот что важно. «Золото» в самой престижной весовой категории, титул «самого сильного человека в мире». К тому же борьба с американцами, главными идеологическими противниками. Отстранить Власова, отправить его домой? И что дальше? Конечно, два американских тяжелоатлета воспользуются великолепной возможностью, в отсутствие главного конкурента и фаворита разыграют между собой первое место. Нет, этого допустить нельзя…

Власова пригласил к себе председатель Спорткомитета СССР Романов. «Забудь все, – сказал он Юрию. – Ни о чем не думай, кроме победы. Больше дергать не станут. Готовься к выступлению…»

Наконец-то… 10 сентября 1960 года. «Нас ждет битва колоссов», – писали итальянские газеты. Игры почти закончились, но организаторы оставили «на десерт» самое интересное – соревнования штангистов тяжелого веса, «самых сильных людей на планете». Огромная толпа зрителей собралась у «Палаццето делло спорт», где состязались тяжелоатлеты.

Вот и Боб Хоффман со своими «ребятками». Американцы спокойны. Неизвестно, знают ли они о злоключениях Власова, или нет. А Юрий нервничает, ожидая начала соревнований: «… Окаянные полчаса до разминки в жиме. Проверка сил впереди.

Ничто не известно, пока не опробую веса. А сейчас жди, жди. Не давай себе гореть. Не думай о «железе». Да, там, на разминке, узнаю о силе. Опробую себя несколькими подходами – и все ясно. Не подвели ли новые приемы тренировки? Не раскачала ли болезнь?.. Не противостояние весам было самым трудным, но ожидание…»

Ну слава богу, началось… Первое упражнение – жим. Вначале на помост выходили те, кто ни на что особенно не претендовал и решал свои локальные задачи. Медленно растет вес – 135, 140, 145 кг… Это пока несерьезно, зрители скучают. А многие просто спят. Время-то позднее, первый атлет вышел на помост в девять вечера. Как проснутся, начинают галдеть, пить и закусывать. А потом закуривают. В зале постоянно дымится тысяча сигарет, жарко. Хоть и ночь на дворе, но «Палацетто делло спорт» не успел остыть. Температура – за сорок. Можно ли себе представить, что чувствовали спортсмены? В принципе, можно. Для этого нужно слегка растопить баню, пригласить нескольких приятелей, всем вместе закурить, а затем взять хотя бы двухпудовую гирю и десяток-другой раз ее поднять. Ощущения будут просто «замечательные»…

Жим – упражнение своеобразное. Здесь очень многое зависит от центрального судьи, так называемого «фиксатора» (возможно, именно поэтому в 1973 году жим был исключен из программы всех официальных соревнований, остались только рывок и толчок). В жиме спортсмен должен взять штангу на грудь и ждать хлопок в ладоши «фиксатора». И вот тут-то у недобросовестного судьи есть простор для «деятельности». Он по своей воле может затянуть паузу после поднятия штанги на грудь. В таком случае атлет теряет силы и может сорвать попытку. В Риме центральным судьей был американец Тэрпак. Как он поведет себя, когда Власов, Брэдфорд и Шемански сойдутся в решающей схватке? Не станет ли он «зажимать» советского штангиста? Об этом тоже надо было думать и, несмотря ни на что, каждую попытку выполнять безупречно…

Наконец-то вступили в бой главные силы. Норберт Шемански в жиме зафиксировал 170 кг. Настала очередь Брэдфорда и Власова. Захватит ли кто-то лидерство? Нет, в турнирной таблице – двоевластие, Джим и Юрий выжали по 180 кг.

После жима стало ясно, кто разыграет между собой медали. Итальянец Пигаяни, занявший в жиме четвертое место, отстал от Шемански на 17,5 кг и, соответственно, от Брэдфорда и Власова на 27,5. Тройка претендентов как будто определилась, но кто из этой тройки станет первым?.. Формально лидировал Власов, поскольку он был легче Брэдфорда (122,7 кг против 132,8). Но

даже Шеманski все еще сохранял шансы на победу, не говоря уже от Брэдфорде… Через полгода после Римской олимпиады американская команда приехала в Москву. Джим Брэдфорд пришел в гости к Власову. Юрий всегда с уважением относился к «Большому Вашингтонцу»: «Атлет из славных, дрался не по-крохоборному, от души». Несколько часов откровенного разговора, понятное дело, по большей части они вспоминали олимпийские состязания.

«– Вы с Шеманski думали разбить меня в Риме? – спросил Власов у своего соперника.

– Откровенность за откровенность. Думали, надеялись… Кое-кто полагал, что в вас еще слишком играет молодость, неопытность, что этим вы будете наказаны, но… как известно, этого не случилось. Я, откровенно говоря, не думал, что вам удастся выжать 180 кг.

– На тренировках я выжимал и 185, – ответил Власов, – и, должен признаться, результат 180 кг, с одной стороны, обрадовал меня, поскольку он не уступал вашему, а с другой – заставил поволноваться…»

«Поволноваться» – слабо сказано. «Нервы были накалены до предела, – рассказывал Власов. – В жиме все не так, как рассчитывали. Насколько я был сильнее в тренировках! И легче, управляемее… Сомнения парализуют убеждением, а убеждение – это взятые веса. Но где они, когда ждешь?.. В эти часы и проигрываются соревнования. Порой самые верные победы. Там, на помосте, лишь отмечается то, что утверждает себя раньше, когда один на один с собой. Не борьба стирает силу – мысли. Между жимом и рывком я пережил постылые минуты. И температура обрадовалась, калит. Пытка!»

В рывке первыми начали американцы. Шеманski и Брэдфорд сразу же взяли 140 кг. Власов для начала заказал 145 кг и очень легко выхватил штангу. Этот же вес одолели и американцы, но у них осталась всего одна попытка, а у Юрия две. Легкость, с которой Власов взял 145 кг, привела их в замешательство. Брэдфорд и Шеманski сначала попросили поставить 147,5 кг, но через несколько минут и тот и другой после долгого совещания с тренерами отказались подходить к этому весу. На штангу, стоящую на помосте, добавили еще 2,5 кг. Оба американских атлета не без труда, но смогли вырвать 150 кг. Ответ Власова – 155. Перед последним, толчковым упражнением Юрий опережал Брэдфорда на 5 кг.

Толчок – «коронка» Власова, самое любимое упражнение. Год назад, на чемпионате мира в Варшаве именно толчок позволил Юрию отыграть упущенное в жиме и рывке и обойти Брэдфорда.

А ведь сейчас Власов впереди… Можно успокоиться? Да какое там спокойствие! Еще свежи в памяти весьма неприятные воспоминания о чемпионате Европы в Милане, состоявшемся за четыре месяца до Олимпиады. Казалось бы, Власов легко выиграл тот чемпионат – в сумме троеборья он взял 500 кг, второй призер, болгарин Иван Веселинов отстал от него на 40 кг. Но какой же трудной была та победа! Юрий дважды пытался толкнуть 185 кг, но оба раза не смог удержать штангу. И лишь в третьей попытке, с огромным трудом, «на отчаянии», как он сам говорил, сумел-таки взять вес. А в Риме Власов собирался начинать толчок именно со 185 кг. К тому же он, несмотря на выигрыш в рывке, был неприятно удивлен высокими результатами американцев. «То, что Брэдфорд и Шемански вырвали 150, походило на гром, – вспоминал Юрий Петрович. – Я понял: американцы в блестящей форме». А что Брэдфорд, он-то, наверное, готов к борьбе?

«– Хотите знать, что я думал эти полтора часа (в перерыве между рывком и толчком. – *Авт.*)? – спросил Брэдфорд у Власова во время их встречи в Москве.

– Конечно!

– Как это ни странно, но после жима и рывка я сложил оружие. Я понял: не имея запаса, бороться дальше против Власова в толчке – утопия. Все, что мне теперь было нужно, – второе место. Я решил толкать ровно столько, чтобы меня не обошел Шеманski. Семь часов борьбы были сверхизнурительны…»

Да, «Большой Вашингтонец» устал. Высасывающая все соки и нервы семичасовая гонка с железом в душном прокуренном зале измотает кого угодно, даже такого атлета, как Джим Брэдфорд. Только со второго подхода он толкнул 177,5 кг, меньше, чем зафиксировал в жиме. Невероятным усилием воли в третьем подходе Брэдфорд взял 182,5 кг. «Большой Вашингтонец» сделал все, что мог. Он повторил мировой рекорд Эндерсона в сумме троеборья – 512,5 кг. И стал бы олимпийским чемпионом, если бы… Если бы не этот светловолосый русский, который вышел на помост вслед за ним. Брэдфорд понимал – Власов возьмет вес, его сегодня не остановить…

Мировой рекорд пал как-то даже буднично – первая попытка, никакого напряжения, Власов просто подошел к штанге и без видимых усилий толкнул ее. Есть 520 кг по сумме троеборья – мировой рекорд превышен на 7,5 кг. Брэдфорд отдыхал, он уже ничего не мог сделать. Но оставался еще Норберт Шеманski. В первой попытке он толкнул 180 кг, а потом раз за разом пропускал веса. Наконец Шеманski попросил поставить 192,5 кг. Если возьмет – то займет второе место, а там все надежды на третью попытку. Но нет, дважды Норберт подходил к штанге, и

обе попытки оказались безуспешными.

Все, соперники позади? Да, здесь в «Палацетто делло спорт» у Юрия соперников больше нет. Но Власов должен решить еще один давний спор. Эндерсон! Уже в первой попытке в толчке Юрий превзошел официальный мировой рекорд по сумме троеборья, но у «крошки Пола» пока еще оставался последний суперрезультат – 533 кг, рекорд США, неофициальное высшее мировое достижение.

Власов уже олимпийский чемпион и рекордсмен мира, но у него еще оставалось две попытки. И он намерен их использовать на все сто. Отбыть номер, пожалеть себя, сделать скидку на усталость после семи часов ожиданий и борьбы? Нет, это не по-власовски. Юрий попросил на вторую попытку установить 195 кг. По залу пронесся гул удивления и восторга. Есть! Есть 195 кг в толчке и 530 кг по сумме троеборья! А Власов продолжал свой бой, он уже не удивлял, а шокировал. По залу разнесся голос диктора: «Юрий Власов просит установить 202,5 килограмма». Кто-то начинает аплодировать, но тут же со всех сторон доносилось: «Тише! Тише!» Все правильно, так ведь можно спугнуть чудо, нельзя сейчас мешать человеку, который собрался поднять вес, еще никем не покоренный…

«Не спеша собираюсь с силами, – рассказывал Юрий Петрович о той исторической попытке. – Тщательно натираю шею и грудь магнезией, чтобы не соскользнул тяжелый гриф. Как тихо вокруг. Так тихо, что, кажется, можно услышать и в десятом ряду, как тревожно бьется мое сердце, как легкие вдыхают жаркий, душный воздух. Оглушительно хрустит под ногами канифоль. И тут же все отодвигается куда-то далеко. Теперь весь мир сузился для меня до размеров неподвижно лежащей на помосте штанги. Ну… Снаряд, на мгновение повиснув в воздухе, ложится на мою грудь. Еще усилие… Встаю, слегка пошатываясь под рекордной тяжестью штанги. Проходит несколько секунд. Пора! Штанга отрывается от груди, на которой она покоилась, и начинает свое движение вверх. Все это происходит в какие-то доли секунды. Автоматически, без контроля сознания, руки мгновенно подхватывают ее, удерживают… И вдруг откуда-то издалека нарастает все громче, обрушивается многоголосое: «А-а-у-у!» Из-за шума не слышу команды судьи-фиксатора американца Тэрпака. Но я вижу его отчаянную отмашку. Штангу можно опустить. В тот момент, когда она валится на настил, прогибая доски, надо мной разом вспыхивают три белые лампочки. Попытка засчитана судьями единогласно. А вот она утверждена и зрителями. Зал ревет от восторга. И для меня сейчас нет более прекрасной музыки, чем этот рев… Слушая его, я упиваюсь, всматриваюсь в

лица людей. Первый, второй, третий ряды… А дальше за морем поднятых рук не видно ничего. И вдруг, неожиданно растолкав всех, на сцену ловко вскочил какой-то человек, за ним ринулись и другие зрители. Множество рук тянутся ко мне, тискают, подталкивают. Незнакомые мне люди целуют, обнимают меня. Сон наяву! Охмелевший от неуемной радости, я внезапно взлетаю в воздух, а потом лечу вниз, совсем как во сне. Нет, это не сон. Это люди из разных стран радуются моей победе. Это они подхватили меня на руки и несут из зала…»

В зале творилось что-то невообразимое. Растолкав полицейских, толпа ринулась на сцену. Сотни рук тянулись к Власову. Люди хотели прикоснуться к «живому богу», как будто думали, что от этого прикосновения его невероятная сила перейдет к ним. Не выдержали даже музыканты итальянского военного оркестра. Им положено стоять и в назначенное время сыграть торжественный марш в честь победителя, но какие тут могут быть приказы, да будь в «Палацетто делло спорт» хоть сотня генералов, они все равно бы бросили свои места и вместе со всеми кричали: «Браво! Брависсимо!»

То, что происходило потом, больше походило на триумф римского полководца, чем на победу советского штангиста. Представьте себе: три часа ночи, спящий Рим и толпа людей с факелами, несущая на руках Власова. На следующий день (точнее, в тот же день, ведь соревнования закончились далеко за полночь) Власова узнавали на улицах, просили автограф, слушали, словно пророка. А вот как о нем и его выступлении отзывались некоторые СМИ.

«Гадзетта делло спорт»: «Не говоря уже о силе и «технике», какую волю, мужество и выносливость должен был проявить Власов, чтобы около трех часов утра (после семи часов напряженных, изнурительных соревнований) поднять в толчке 202,5 кг – вес, недоступный никому в мире. Это героический спортивный подвиг…»

Агентство «Франс Пресс»: «Героем последнего дня состязаний тяжелоатлетов – а этот день можно с полным правом назвать самым блистательным из всех – был русский богатырь Власов. Именно он унаследовал золотые олимпийские лавры американского «подъемного крана» Пола Эндерсона. Установив олимпийские рекорды в жиме и рывке, Власов поступил еще лучше. После того как он в великолепном стиле поднял 202,5 кг, зал словно охватило общее безумие. Десятки зрителей бросились на помост и торжественно унесли на руках русского триумфатора…»

Шведская газета «Идроттсбладет»: «Власов молод,

гармонично сложен, чертовски силен и к тому же блещет интеллектом… Власов – это сенсация из сенсаций! Его выступление было настолько потрясающим, настолько сказочно-необыкновенным, что с ним не может сравниться ни одно событие в истории Олимпийских игр. В мировом спорте еще никто не был столь велик и недосягаем. Он эталон настоящего спортсмена и блестящий представитель своего народа».

Не остался в стороне даже Боб Хоффман. Вот уж от кого трудно было ждать похвалы. Но, с другой стороны, Хоффман искренне любил «железную игру». И пускай победил не американец, разве можно не восторгаться тем, что сделал Власов: «Это потрясающе! Я уверен, что Власов не достиг еще своего «потолка». Меня не удивит, если вскоре он сделает 560–570 килограммов (так и случилось. – *Авт.*). А главное – он не «робот», а настоящий образцовый спортсмен, который сознательно и досконально постиг тонкости «железной игры».

«Идеальный тяжелоатлет всех времен и народов», «самый сильный человек на Земле», «спортсмен из XXI века» – как только не называли Власова после Римской олимпиады, какими титулами не награждали. И вполне справедливо. Он заслужил все эти титулы. Пять лет, с 1960 по 1964 год, он выигрывал все – чемпионаты мира, Европы, СССР, все соревнования, в которых принимал участие. Власов захватил власть в тяжелом весе, и казалось, что он никому ее не отдаст до тех пор, пока сам не решит уйти…

«Неужели все?! Я не увижу зал, зарево огней?! Все, теперь уже все! Я шагнул к окну и швырнул серебряную олимпийскую медаль в окно. Что за глумливая награда? За все годы в ярости поиска, преодолении, жестокостях борьбы и беспощадности к себе – вот это, серебряный кружок на пестренькой ленточке?! Я отрекался от этой награды, не признавал ее.

Ночь эту отчетливо помню до сих пор. Одиночество этой ночи. Черную, хлюпающую мглу за окнами.

Та ночь после поражения…

Я казался себе смешным. Как же, в одиночку выстроить всю огромность силы, выгнуть напрямую все пути к силе – и подавиться ею!

Я отрицал усталость, как слабость духа. Я наделял силу, тренировки смыслом одушевленности. Я выдумывал, выдумывал… Слишком всерьез принял я эту игру в силу. Ведь для всех она лишь забава, приятные часы у телевизора или за спортивной газетой. Меня дергали за шнуры самолюбия – и я кривлялся в потугах рекордов…»

«Ты приглядись, Юра, – говорил Власову тренер. – Этот хохол тебе не подарок». Но Власов не слышал тренера. Не хотел слышать. Кто такой Жаботинский? «Второй номер», его-то в Токио взяли случайно. Власов был спокоен. Он «самый сильный человек на планете», он сметет любого, кто осмелится соперничать с ним. И вдруг… Он долго, год за годом выстраивал свой замок, свой мир, и в одночасье все рухнуло… Хохлы – они ведь хитрые…

«Тот, кто не видел поединка Жаботинского и Власова – не видел Олимпиады», – писали японские газеты. Соревнования тяжелоатлетов завершались 18 октября 1964 года. В последний день турнира зал «Шибуйя», где проходили соревнования, штурмовали десятки тысяч болельщиков. Все хотели посмотреть на соперничество самых сильных людей планеты. «Кто же на этот раз выиграет «золото»?», – задавали вопрос журналисты на страницах газет. Претендент № 1 – Власов. Безусловный фаворит, лидер, обладатель всех возможных титулов в тяжелой атлетике. Сможет ли кто-то бросить ему вызов? Среди претендентов (не то чтобы очень реальных, но все-таки) специалисты называли американцев – Норберта Шемански и Гэри Губнера. А как же «второй номер» советской команды Леонид Жаботинский?

В 1960-м, после Рима, Власов на какое-то время остался один. То есть соперники, конечно, выходили на помост, поднимали штангу, но шла борьба за второе место, с первым все было ясно заранее. Есть Власов, и есть все остальные, если Юрий участвует в соревновании, значит, он и будет победителем. Власов был вынужден соревноваться не с соперниками, а со штангой. И вот тут-то наступил кризис, спортсмен фактически стоял на месте. В 1961 году на чемпионате мира он взял 520 кг, в 1962-м – 540. Этого вполне хватало для победы, но не для рекордов. Да, в 1962 году Юрий на полкилограмма превысил достижение Эндерсона в жиме, но особого прогресса в результатах не было. Как сказал победитель Олимпиад в Мельбурне и Риме, знаменитый советский тяжелоатлет, старший тренер сборной СССР по тяжелой атлетике Аркадий Воробьев: «Власов очутился в своеобразном вакууме. Он кружил вокруг своих прежних результатов, не осмеливаясь далеко от них отходить». И вот наконец-то у него появился соперник…

В 1957 году девятнадцатилетний сумчанин Леонид Жаботинский стал мастером спорта по толканию ядра и бронзовым призером чемпионата Украины. И в том же году дебютировал в чемпионате Украины по тяжелой атлетике. Набрав в сумме троеборья 415 кг, завоевал бронзовую медаль.

«Человек, решивший, что вместе с Жаботинским тяжелая

атлетика вернулась к эпохе силачей-комодов, ошибся бы по всем статьям, – писал Аркадий Воробьев. – Грузный на вид, Леонид тем не менее отличался необыкновенной для своего веса подвижностью и быстротой. С места он выпрыгивал вверх на 87 сантиметров. Многих в команде обыгрывал в прыжках с места в длину. Когда он играл в настольный теннис, зрители невольно забывали о его гигантском весе. Настолько он легко двигался». Действительно, на первый взгляд Леонид был похож на шкафообразных тяжелоатлетов вроде Эндерсона или Брэдфорда. Но первое впечатление, как известно, обманчиво. При всех своих внушительных габаритах он был необычайно ловок, подвижен и очень хорошо координирован. Чем он только не занимался до того, как полностью посвятить себя штанге – футболом, волейболом, баскетболом, легкой атлетикой, даже участвовал в спринтерских велогонках. Кстати, в Токио, во время Олимпиады, толпы японцев с восхищением и трепетом наблюдали за тем, как Жаботинский, «человек-гора» ростом под 2 метра и весом за 150 кг, лихо ездит на велосипеде по Олимпийской деревне.

На первенстве СССР 1961 года в Днепропетровске Жаботинский впервые набрал в троеборье 500 кг и завоевал серебряную медаль. На этом же чемпионате Власов установил новый мировой рекорд в толчке. В порыве чувств серебряный призер на руках вынес со сцены мирового рекордсмена. А кто-то из тренеров сказал: «Вот придет время, он его и из спорта вот так вынесет». Но до этого было еще далеко. Жаботинский пока что ходил в «ассистентах» у Власова, ему отводилась роль перспективного аспиранта при «профессоре» тяжелой атлетики. На чемпионате мира 1963 года в Стокгольме Леонид сделал первый серьезный шаг в наступлении на «империю Власова»: установил мировой рекорд в рывке (165 кг). В троеборье он все равно уступил Юрию, проиграв ему по сумме 12,5 кг, но Власов впервые за последние годы почувствовал, что он не один на помосте и что наконец-то появился атлет, который может посягнуть на его рекорды: «Когда о себе серьезно заявил Жаботинский и я увидел, что это тот человек, который не постесняется наступать мне на пятки, я взял себя в ежовые рукавицы и за два года довел рекорд до 580 килограммов. Конечно, в том, что этот рекорд появился, есть немалая доля «вины» Жаботинского».

К началу 1964 года, года Олимпиады в Токио, Власов довел рекорд в сумме троеборья до отметки 557,5 кг. Но в марте Жаботинский впервые захватывает лидерство в борьбе с весом – на кубке Москвы по сумме троеборья Леонид набрал 560 кг. Журналисты были в недоумении: раньше был Эндерсон, потом

Власов, а кого теперь называть самым сильным человеком планеты? Тут уж Власов наконец-то проснулся. Ведь речь шла не только о рекорде, но и о том, кто поедет на Олимпиаду (тогда штангисты еще не знали, что тренерский совет решит выставить в тяжелой категории двух спортсменов). На чемпионате Европы в Москве в отсутствие главного соперника Власов вернул себе рекорд в троеборье – 562,5 килограмма. Жаботинский понимал, что для убедительной победы над Власовым ему нужно взять в троеборье как минимум 570 кг и начал готовить себя к этому весу. Но тут Юрий нанес новый сокрушительный удар – 580 кг.

Турнир в Подольске, состоявшийся 3 сентября 1964 года, был последним выступлением Власова перед Олимпиадой в Токио. Официально эти соревнования назывались «10-й традиционный чемпионат подольских атлетов, посвященный началу учебного года». Не бог весть какой турнир, но его результаты засчитывались в качестве мировых рекордов (если, конечно, таковые будут). Власов мог спокойно рисковать – вряд ли бы он сильно огорчился, если бы в случае неудачи не стал победителем «10-го традиционного чемпионата подольских атлетов, посвященного началу учебного года». Начал Юрий неудачно. Первая попытка в жиме, на штанге всего на 2 кг меньше мирового рекорда и… штанга сорвалась с груди. После этого Власов словно разозлился на снаряд и начал «снимать» рекорды (не бить, не устанавливать, а именно «снимать» – так на своем жаргоне говорят штангисты) один за другим. Жим – 196 кг, рывок – 170,5, толчок – 215,5 и, наконец, сумма троеборья – 580 кг.

Это был триумф. Праздник силы. «Выступление запало в память свободой владения силой, – вспоминал Власов турнир в Подольске. – Казалось, ей нет конца. В каждом из упражнений я заканчивал выступление рекордом – и всякий раз был далек от натуженностей последних усилий. Везде энергия владения штангой, запас силы. Я выложил четыре здоровенных рекорда и даже не устал. Добротная мускульная работа, слаженность работы. В каждом из упражнений – запас. То был порыв, вдохновение – пусть заранее определенное. Я уже научился складывать силу. И все же нервный и физический подъемы были необыкновенны.

Говорят, что на эти соревнования в Подольске приехал только один фотокорреспондент. После он рассказывал: «За два часа я заработал почти тысячу рублей, а ехать сначала не хотел, из Москвы тащиться в такую даль…»

К борьбе с такими весами Жаботинский был не готов. И до того мало кто сомневался, что в Токио сборную СССР в тяжелом весе будет представлять именно Власов, а теперь стало ясно –

место Власова в олимпийской команде неприкосновенно. А что же Жаботинский? Леонид долго пребывал в неведении: поедет он в Токио, или останется дома. По существовавшим тогда правилам, в одной весовой категории страну могли представлять два штангиста, но общее число атлетов, выступающих в национальной команде, не должно превышать число весовых категорий. Тренеры советской сборной долго решали: пожертвовать ради Жаботинского местом в другой весовой категории, или нет. Причем скорее «нет», чем «да». На последнем предолимпийском сборе в Хабаровске Леониду даже не выдали спортивную форму, в которой члены олимпийской сборной ехали в Токио. Верный признак того, что Жаботинский из Хабаровска поедет не на восток, в Японию, а на Запад, домой, в Харьков. Леониду «помогли» американцы и чешский средневес Ганс Здражила. Чех установил новый мировой рекорд в полусредней весовой категории, тем самым снизив шансы советского тяжелоатлета Виктора Куренцова. А затем стало известно, что американцы выставят в Токио в тяжелом весе двух штангистов, опытнейшего Норберта Шемански и молодого Гэри Губнера. Наши решили ответить тем же, и в результате Леонид Жаботинский оказался в олимпийской команде.

В Токио Власов и Жаботинский сразу же показали, «кто в доме хозяин». В жиме Губнера хватило только на 175 кг, Шемански взял 180. Американцы попытки в жиме исчерпали, наши же только начинали. Жаботинский в первом подходе выжал 180 кг, во второй попытке – 187,5. С этого же веса начал соревнования Власов. Во второй попытке Юрий уверенно выжал 192,5 кг, а Леонид с этим весом не справился. У Власова осталась еще одна попытка. По залу прокатилась волна восхищения, когда судьи объявили: «Юрий Власов, третья попытка – 197,5 кг». Это же на 2 кг выше мирового рекорда, установленного Юрием месяц назад! «Есть, опустить!» – дает отмашку главный судья. Вес взят, отныне 197,5 кг – новый мировой рекорд в жиме.

Вряд ли кто-то в тот момент согласился бы заключить пари на то, что Власов не станет чемпионом Олимпиады. А о чем спорить, и так все ясно. Власов – фаворит, и в жиме он доказал свое превосходство. Жаботинский? Он, скорее всего, второй, ставить на его победу бессмысленно, разве что совсем немного, а вдруг чудеса все-таки возможны в этом мире. После первого упражнения Леонид проигрывал 10 кг, а учитывая, что его собственный вес был больше веса Власова (154,5 кг против 136,4 кг), то ему фактически нужно было отыгрывать в рывке и толчке 12,5 кг.

В рывке Жаботинский в первой попытке заказал 160 кг, Власов на 2,5 кг больше. Юрий легко взметнул штангу вверх, но не удержал над головой и уронил на помост. Осечка… Ничего страшного, в запасе еще оставалось два подхода. Вот это да!.. И второй подход оказался неудачным… Что с Власовым? Неужели травма? Если и в третий раз штанга ему не покорится, то все, «баранка» за рывок и прощай, Олимпиада… Что же произошло? «Все несчастье рывка – маленький начальный вес, – вспоминал Власов. – Я выхватывал штангу, не успевая толком развернуться под ней и почувствовать, чтобы уравновесить. Я выкладывался на полную, а вес был слишком мал. Я мог вырвать его в стойку. И только в третьем подходе – это отчаяние, закованное в решимость, это и беспокойство, и омертвение чувств, и жестокий контроль чувств». В третьей попытке Юрий без особых проблем взял вес.

Жаботинский сумел вырвать 167,5 кг, а затем пошел на 172,5. Это на 2 кг больше мирового рекорда, принадлежащего Власову. Но третья попытка Леонида закончилась неудачно. Все, рывок закончен? Нет, на помосте появился Власов и заказал те же 172,5 кг, которые не покорились его главному сопернику. Юрий использовал все три попытки в рывке, однако по правилам атлет может попросить четвертую, не зачетную, попытку для того, чтобы установить мировой рекорд. И вот они, парадоксы борьбы на помосте – только что Власов дважды не справился с весом 162,5, а затем легко вырвал 172,5 кг. Новый мировой рекорд, второй за один вечер! Но вот вопрос – а был ли нужен этот рекорд?

Рекорд рекордом, но в сумме троеборья Юрий не увеличил сумму ни на грамм. Это была «демонстрация силы», спортсмен рассчитывал на то, что соперник будет сломлен его мощью, выбит из колеи такой психологической атакой. «Меня обыграли в рывке – я обязан отвечать силой, – вспоминал этот момент Власов. – Не мог не ответить. Ведь я доказывал силу. Ведь вся эта игра и существует лишь для доказательства силы. Если не это, позволительно спросить: что взамен?.. И потом, любой твой успех – это удар для соперника, а такой, как мировой рекорд, даже не удар, а подрыв его веры и воли. Это я тоже учитывал». Власов судил по себе – он со своей восприимчивостью наверняка бы оказался в психологической яме после такого рекорда. Но Жаботинский – человек спокойный и, можно сказать, флегматичный. Он приехал в Токио за «серебром» и свою задачу практически выполнил (американцы после рывка уже ни на что не претендовали). Пусть Власов впереди, пусть он сильнее, ну и что? Выиграет Жаботинский «золото» – честь ему и хвала. Не

выиграет, останется вторым – тоже хорошо, Леонид свою задачу выполнит и со спокойной душой поедет домой…

– Давай закончим выступления? Сделаем по одному подходу на 200 для зачета – и финиш!..

Перед толчком, последним упражнением многоборья, Жаботинский неожиданно сделал предложение, изумившее Власова. «Так ведут себя лишь те, кто сломлен, – подумал Юрий. – И я решил: соперник сдался, треснул… Соперник предложил больше не выступать. Соперник снизил подход. Мне стало ясно, что он сломлен, или, как говорят атлеты, накормлен «железом». Мне было ясно, что мои рекорды в жиме и рывке оглушили его. И я сбросил его со счетов». А зря… Все могло закончиться в тот момент, за сценой, когда Юрий и Леонид ждали, когда их вызовут на первый подход в толчке. Остановиться, взять свое «законное золото» и уйти? Нет, это не по-власовски, он так не может.

– Я буду клепать все по плану, – сказал Юрий. – Это мое последнее выступление. Я уже накрыл два мировых рекорда. Может быть, удастся и этот, в толчке. Не хочешь – не работай, а меня не держи. Не пойдешь на другие веса – я пойду…

– Как хочешь, – ответил Жаботинский…

Никому из соперников Власова и Жаботинского рубеж в 200 килограммов в толчке не покорился. До этого тактикой борьбы наших атлетов руководил старший тренер Аркадий Воробьев. Но после того как стало ясно, что первые два места достанутся советским штангистам (в первой попытке Жаботинский взял 200 кг, Власов – 205 кг), Аркадий Никитович предоставил право Юрию и Леониду решать, кто из них сильнее. Со второго подхода Власов и Жаботинский вольны были сами определять, на какой вес идти.

На вторую попытку Власов попросил поставить 210 кг, что, с точки зрения тактики борьбы, казалось абсолютно правильным. Вес большой, но Юрию вполне по силам. Если Власов возьмет 210 кг, то наберет в сумме 569,5 кг, а это значит, что Жаботинскому, чтобы сохранить шансы на победу, нужно взять 217,5. А это, между прочим, мировой рекорд…

Власов взял 210 кг, Жаботинский этот вес пропустил. Он ждал, ему больше ничего не оставалось, как ждать. И вот, наконец, Леонид вышел на помост брать вес, который еще никому не покорялся, даже самому Власову…

Жаботинский ухватился за гриф штанги, медленно поднял снаряд вверх, как вдруг его лицо исказила гримаса боли. Леонид отпустил штангу, и она с грохотом упала на помост…

«Это не уловка, это неудачный подход. Но я знал, что

подготовлен и на больший результат. Это многие тогда уже начали говорить, что это уловка какая-то была и прочее… Нет, в спорте все бывает. Просто подход у меня не получился, просто заторможение какое-то определенное. Психологическое какое-то, может быть…»

Много лет не утихали споры об этой второй попытке Жаботинского. Что это было – уловка, блеф, попытка обмануть соперника, поставив его в безвыходное положение? Жаботинский объяснял все просто – «неудачный подход». Да и травма у него действительно была. За несколько дней до Олимпиады Леонид сильно растянул предплечье. Ему делали уколы новокаина, чтобы избавить от боли. Во время соревнований в рывке спортсмен опять почувствовал боль в плече. Его тренер Алексей Медведев (тот самый Медведев, которого Власов «выдавил» из лидеров тяжелого веса в 1959 году) растирал ему плечо до красноты специальной разогревающей мазью. Так что вряд ли можно обвинять Жаботинского и Медведева в какой-то нечестной игре. Но если даже Леонид и перехитрил своего соперника – что в этом плохого? Власов мог выиграть, мог поставить на третью попытку 215 кг. Это всего на полкилограмма меньше мирового рекорда, им же и установленного, но Юрий не раз брал этот вес, психологически был готов к нему. Но о чем речь, какие 215 кг, только 217,5, только мировой рекорд! «Я мог бы установить другой промежуточный вес и обезопасить себя наверняка. Тот промежуточный вес я уже брал не один раз и зафиксировал бы уверенно. Тогда Жаботинский вообще не мог угрожать мне. Но в том-то и дело, что я уже не считал его соперником. Все факты выстраивались один к одному, и вывод следовал вполне определенный: Жаботинский из борьбы выбыл, фактически признал свое поражение».

Итак, их осталось трое: Власов, Жаботинский и штанга весом 217,5 кг. Первым на штурм мирового рекорда пошел Юрий. «Посыл с груди этих рекордных 217,5 кг почти удался, – вспоминал Власов. – Вес чуть-чуть не добрал до распрямления рук. Я уже прилаживался его дожать в темпе. Но мысль о том, что это всего лишь рекорд, совсем иначе заставила себя вести. Она уже сидела приказом в мышцах. Я был уже в чемпионах. И без этой третьей попытки выходил на первое место. И не стал бороться с весом… Все, больше попыток у меня нет. Все выстрелены. Были три – и все выстрелены, но это не имеет значения: олимпийская медаль за мной, это факт. И опять попытка Жаботинского – теперь уже последняя. Для меня – чистейшей воды авантюра». Власов был слегка раздосадован неудачей, но, в общем-то, доволен и спокоен. «Ерунда! – подумал

он. – Все равно уже два мировых рекорда сегодня мои – в жиме и рывке! И я чемпион! Все сбылось! Конец!» А действительно, чего волноваться? Вторая попытка Жаботинского ясно показала, что он с таким весом бороться не способен, да к тому же травмирован. После этой неудачной попытки Леонида тренеры и соперники начали поздравлять Власова, считая его уже состоявшимся олимпийским чемпионом. И Юрий еще не знал, что через несколько минут другой человек подумает: «Все! Сбылось!..»

Власов спускался с помоста, а навстречу ему поднимался Жаботинский. В это время кое-кто уже потянулся к выходу. А зря… «Жена мне после Олимпиады говорила, – рассказывал Леонид Жаботинский, – Знаешь, когда передали, что ты на 10 килограммов отстаешь от него, я поняла, что ты уже золотой медали не выиграешь. Но, зная твой боевой характер, ты до конца будешь соревноваться». Я говорю: «Конечно. Не бывает, чтобы я на половине остановился».

Авантюра?.. Власов вдруг заметил, что соперник – совершенно другой. Куда делся человек, который предлагал по-мирному разойтись, отдать «золото» без борьбы, говорил, что устал от этой чертовой штанги и непомерных весов? Где человек, который всего несколько минут назад шел на вторую попытку в толчке, словно на плаху? Где Жаботинский, который даже не смог поднять штангу выше колен, а затем безвольно бросивший ее на помост?.. И эти его слова, сказанные Медведеву: «Если Юра возьмет 217,5, ставь, Сидорович, на 7 килограммов больше!» Это же 224,5 килограмма! Неужели Жаботинский так уверен в себе и своей силе… Леонид с каким-то звериным рычанием сбросил плед и рванулся на помост. Подбежал к штанге, кистями рук буквально вцепился в гриф. «Что-то в его жестах, поведении насторожило, – вспоминал Власов. – Я с тревогой впился взглядом в штангу. Она у него на груди! Он встает! Штанга на вытянутых руках!!»

Леонид держал штангу. Он улыбался. Зал «Шибуйя» видел, как атлет держал на руках вес, который еще не покорялся ни одному человеку на планете, и улыбался… Главный судья уже дал команду: «Есть! Опустить!» Но Жаботинский ждал, когда судья второй раз махнет ему. Чтобы уже наверняка знать, что он чемпион Олимпиады. Штанга с огромным весом сейчас не тягость… «Главный судья уже дал отмашку: «Опустить». Но я думаю, пусть он еще раз повторит, буду держать до тех пор, пусть второй раз даст команду, и тогда опущу. Уж знаю, что точно уже вес будет засчитан. Потому что минуты бывают такие, что судья дал отмашку, а тут смотришь, и не засчитан. А я думаю, дождусь еще вторую отмашку, тогда уже точно знаю, что буду чемпионом

Олимпийских игр».

Жаботинский стоял на помосте и смеялся. А затем опустил штангу – очень бережно. Он любил ее, говорил ей «спасибо», ведь именно эта штанга принесла олимпийское «золото». «Все! Сбылось! Покорным, ласковым зверем лежит снаряд у моих ног, а все еще не понимаю, что произошло, и только улыбаюсь счастливо и растерянно, внимая разноязыким восклицаниям: «ура!», «вива!», «хох!» Да неужто это правда? Неужто я – олимпийский чемпион?.. Неужели набрал 572,5 килограмма в сумме?»

«Я ненавидел соперников, – говорил Власов в интервью «Комсомольской правде». – Быть может, это меня и не украшает, но это так. Ни риск, ни отношение зала, ни боль – ничто не имеет власти на помосте – только сопротивление! Только бой! Ярость возбуждает мышцы. Достать, сбросить соперника. Из невозможного – достать, победить!» А теперь Власов проиграл. И ему нужно поздравить соперника, хоть он его и ненавидит. Ничего не поделаешь, таковы законы жанра…»

«На помост поднимается Власов и целует Жаботинского: «Молодец, Леонид, я не думал, что ты возьмешь 217,5, поздравляю!» Так написал «Советский спорт». Все правильно, один за всех, все за одного, советских спортсменов всегда связывает крепкая дружба, и когда один побеждает, другой искренне радуется за своего товарища… Чушь это все. В спорте вообще нет места дружбе, когда речь идет о прямом соперничестве за право быть первым. «Эти слова я не говорил, не мог сказать, – писал Власов. – Да и как, и кто мог услышать нас, если мы находились одни на сцене? Я поздравил Жаботинского – не с радостью, а по долгу. Я представлял команду. Жадно, во все глаза следили за нами из зала и из-за кулис. Чувствам я дал волю после, когда, не дожидаясь никого, ушел в Олимпийскую деревню. Я уже был в правах частного лица… Великая гонка сильных не признает исключений. Я отказывался принадлежать ей. И я выпал из нее…»

За свою карьеру Юрий Власов установил 29 мировых рекордов: шесть в жиме (от 186 до 199 кг); семь в рывке (от 151,5 до 172,5 кг); девять в толчке (от 197,5 до 215,5 кг) и семь в троеборье (от 537,5 до 580 кг). Он выиграл шесть чемпионатов мира, ни разу за свою карьеру не уходил с помоста с нулевой оценкой… И что? Что потом, после этих рекордов, после побед и всемирной славы?

«Спортивная слава. В ней всегда вкус горечи. Слава для спортсмена – это прежде всего необходимость ужесточения

тренировки, необходимость нового уровня работы, ибо она отмечает лишь достигнутый порог умения и силы. Слава в спорте может быть смыта в один день громовым успехом соперника. У писателя остается книга, у музыканта – ноты, у ученого – его формулы, у рабочего – машины, дома. У атлета – сила, отныне ненужная, ибо в своей чрезмерности она непреложима к обычной жизни. И выходит, огромная сила, физическое умение что-то делать, доведенное до виртуозности, совершенно непригодны для жизни, даже обременительны. Через десять лет не всякий вспомнит прежде знаменитое имя. А суть не в обидах: стерт труд. Выступать в осознании этих чувств сложно; понять верно свое положение – еще сложнее; думать справедливо далеко не всегда и не всем удается…»

В 1961 году редакция газеты «Советский спорт» и Московское отделение Союза писателей провели конкурс на лучший короткий рассказ о спорте. 500 человек – от профессиональных писателей до школьников – прислали свои произведения. Жюри конкурса решило не присуждать первую премию. А вторую премию получил Юрий Власов. С тех пор его работы стали регулярно печататься в газете «Известия», журналах «Юность», «Огонек», «Физкультура и спорт». За несколько недель до Токийской олимпиады вышла первая книга Власова – сборник рассказов «Себя преодолеть». «Я не обольщался: сборник, безусловно, ученический, посредственный, даже хуже, но это неизбежный этап в писательстве… Но сколько мне эта книга стоила! Первая моя книга…»

Все чаще и чаще Власова посещала мысль оставить спорт и заняться литературной деятельностью. Бросить тяжелую атлетику? Но как же Олимпиада, чемпионаты, медали, рекорды, 600 килограммов в троеборье, которые он мечтал покорить? Юрий долго разрывался между литературой и штангой, не мог остановиться на чем-то одном.

Все решило Токио. Власов объявил, что уходит из спорта. Правда, через два года он нарушил свое обещание и вернулся. «Во мне постоянно боролись два чувства, – сказал спортсмен в интервью накануне своего возвращения. – С одной стороны, желание вернуться на помост, победить и вновь обрести все, что приходит с победой, с другой стороны, страх снова потерять это и вторично пережить ту драму, которую я однажды уже пережил. В конце концов, пересилило первое. Я понял: если снова не возьмусь за штангу, то всю жизнь потом буду думать, что упустил верную возможность победить, и никогда не прощу себе этого. Таковы личные мотивы моего возвращения на помост». В 1967

году на чемпионате Москвы он установил новый мировой рекорд в жиме – 199 кг. Но этот рекорд оказался последним в его спортивной карьере. Жаботинский ушел вперед, он был сильнее, а быть «вторым номером» Власов не хотел. Возвращения не получилось…

В 1968 году Юрий Власов уволился из рядов Советской Армии и полностью переключился на литературную деятельность. «Окружающие воспринимали мои занятия литературой за прихоть. Я же – за смысл жизни…» А действительно – зачем ему это нужно? Жил бы как все, стриг бы купоны с былой славы, стал бы тренером или, например, каким-нибудь спортивным начальником. Обычное человеческое счастье (в «классическом» понимании обывателя) – квартира, машина, дача, деньги, положение в обществе, знакомство с сильными мира сего. Для этого ведь надо совсем немного – бросить эту литературу и… чуть-чуть прогнуться перед теми, кто волен решать судьбы, умерить свою гордыню. Но Власов прогибаться не желал.

После выхода книги «Особый район Китая» ему предложили работу в Международном отделе ЦК. Говорят, сам Брежнев интересовался его судьбой, хотел сделать своим личным референтом. Вот оно «счастье», лови его, держи! Но нет, Власов отказался, он слишком хорошо понимал, что такое власть и те люди, которые находятся у власти. Мало того, продолжал писать книги, в которых говорил все, что думал. А вот с этим «система» не желала мириться. Ладно, не хочешь служить – не служи, найдутся другие, но вольнодумствовать… Как же наказать строптивца – посадить, выгнать из страны? Нет, ему придумали самую страшную кару для писателя – не печатать его книги и забыть о его существовании! Нет такого человека, Юрия Власова, нет и все!

Сколько же ему пришлось пережить в те проклятые годы. Власов буквально погибал, травмы и нагрузки (как-то Власов и Сурен Богдасаров подсчитали, что за годы выступлений на помосте Юрий на соревнованиях и тренировках поднял в общей сложности 20 тысяч тонн, четыре железнодорожных состава!) напомнили о себе невыносимой болью и болезнями. «Я был не просто болен – я умирал, – рассказывал Юрий Петрович в интервью «Комсомольской правде». – Сначала стали отниматься ноги – сказалась травма позвоночника, полученная на помосте. Боль такая, что я вынужден был каждые полчаса присаживаться на корточки, будто шнурую ботинок, – тогда боль стихала. Потом, позже, начались мучительные мозговые спазмы – врачи сказали, что это неизлечимо. Потом – диабет. Потом грипп за гриппом, я

все время был в лихорадке, несколько лет мог спать не более двух часов в сутки – сущая пытка!.. Почти все время проводил в постели. День за днем приближалась гибель. Впрочем, я и не хотел жить: зачем жить, если не можешь оставаться самим собой?» А в сентябре 1985 года скончалась жена Власова Наталья, с которой он прожил без малого тридцать лет. Но он выстоял. Продолжал писать, даже когда не мог делать это физически. Страшная боль в спине не позволяла ему долго сидеть за столом. Он писал наскоками, 15–20 минут, потом ложился на диван, отдыхал, и снова бросался на рукопись, словно в бой.

Весной 1979 года Юрий Петрович написал в своем дневнике: «Если мне суждено погибнуть в борьбе, которую я начинаю с болезнями, то я погибну сильным. А сильные не умирают». Несколько тяжелейших операций, долгие периоды восстановления… Было очень тяжело, но железная воля и желание жить смогли победить недуг.

В середине восьмидесятых, с началом перестройки, Власов «воскрес» из небытия. Наконец-то стали выходить его книги, среди которых «Белое мгновение», «Соленые радости», «Геометрия чувств», «Стужа», «Верить!», «Справедливость силы», трехтомный исторический роман «Огненный Крест» и другие. В 1985 году Юрий Власов был выбран председателем Федерации тяжелой атлетики СССР, а в 1988 году стал председателем Федерации атлетической гимнастики СССР. В 1989 году Юрий Петрович активно занялся политикой, был избран в депутаты Верховного Совета СССР, участвовал в Межрегиональной депутатской группе, отстаивал необходимость демократических преобразований. В августе 1991-го, Юрий Власов вместе с тысячами соратников защищал Белый дом. Сколько было надежд – вот уйдут старые лидеры, сгинет КПСС, придут к власти новые, чистые душой люди, и Россия наконец-то заживет по-человечески. Но… Уже через год после прихода к власти Бориса Ельцина Власов очень жестко критиковал Президента России и со страниц газет требовал, чтобы тот ушел в отставку. В 1993 году Юрий Петрович стал депутатом Госдумы России. А в 1996-м – он баллотировался в Президенты России, но потерпел, в общем-то, неизбежное поражение. Набрав в первом туре менее одного процента голосов, Власов выбыл из борьбы. С тех пор о нем практически ничего не слышно. Даже «всемогущий» Интернет не может сказать, где сейчас Власов и чем он занимается…

«Я мало видел среди «экс» людей, довольных судьбой, – писал Юрий Петрович. – Еще реже видел расцвет человека после ухода из большого спорта. Представьте себе: вместо громадной нужности всем – вдруг никчемность и непригодность к другой

жизни. Из громадности славы, почета – в подвал забвения, тишины, оцепенения…» Экс-спортсмен, экс-политик… Скоро Власову исполнится 70 лет. Вспомнят ли о нем хотя бы в связи с юбилеем? Или же опять оставят в «подвале забвения и тишины»?..

Пеле



Знаете ли вы, кто такой Пеле? Наверняка знаете. Более того, в 70-е годы прошлого века в разных уголках Земли были проведены специальные опросы, и в среднем 95 процентов людей (среди них были даже те, кто не знал, что такое футбол) слышали это имя. А вы знаете, что означает это имя? По одной из версий – вообще ничего, просто прозвище. Ни сам «король», ни его близкие и родные не знали, откуда появилось это прозвище. По другой версии, которую предложил известный журналист и знаток бразильского футбола Игорь Фесуненко, – «пеле» в переводе с

португальского означает нечто вроде «мазила» или же «неудачник». А вы знаете, что Эдсон Арантес ду Насименту (таково настоящее имя легендарного футболиста), в детстве… бил тех, кто осмеливался называть его Пеле? «Мое имя Эдсон, слышите вы! – кричал он мальчишкам. – Эдсон, а не Пеле!» Бесполезно… «Когда я стал ходить в школу, прозвище уже намертво прилипло ко мне, – рассказывал Пеле в интервью газете «Советский спорт». – Меня стали так называть девчонки. Их я тоже бил… Однажды меня за это отстранили (чуть не сказал – дисквалифицировали) от школы на пару дней. Моему отцу пришлось идти разбираться с директором. Они спросили меня, почему я дерусь. Я ответил: из-за того, что меня называют Пеле, а я не знаю, что это имя означает. Короче, я яростно сопротивлялся ему, но так и не смог ничего поделать…»

Представим себе, что в какой-нибудь монархии родился наследник престола, будущий король. Что в этом случае обычно происходит? Торжестваь – официальные и неофициальные, салюты, парады, кое-где даже амнистию объявляют, счастливые родители со всех концов света получают поздравления… В ночь на 23 октября 1940 года родился «король». Однако в маленьком городке Трес-Корасоэс, как и в штате Минас-Жераис, как и во всей Бразилии, все было совершенно спокойно. Ведь никто тогда еще не знал, что родился король. Просто в бедной бразильской семье родился мальчик, вот и все. Молодой отец наклонился над ребенком, чтобы получше рассмотреть своего первенца. «Что ж, из Эдсона выйдет хороший футболист, ноги у него что надо…» После этих слов с лица счастливой матери моментально исчезла улыбка. «Все сделаю, чтобы этого не было, – сказала она. – Ну уж нет, хватит. Одного футболиста нашей семье вполне достаточно, а может быть, даже слишком много! Нет, нет, нет. Он станет врачом, чтобы чего-нибудь добиться в жизни. Футболист? Да вы сами посудите, ну зачем желать ему зла?..»

Эдсон с самого детства знал, что такое нищета. Его отец, Жоао Рамос ду Насименту по прозвищу Дондиньо, в молодости был известен во всем штате Минас-Жераис как один из лучших футболистов местного клуба, его даже приглашали в самый известный в округе клуб «Атлетико Минейро». Но, к сожалению, футбольная звезда Дондиньо быстро закатилась. Однажды шел обычный товарищеский матч, но Дондиньо выкладывался на все сто, он очень хотел, чтобы люди из богатых клубов заметили его и пригласили к себе. В какой-то момент он пошел на невысоко летящий мяч, но, не успев еще к нему прикоснуться, почувствовал сильнейший удар. Защитник пошел на перехват и изо всех сил ударил Дондиньо по колену. От этой травмы футболист так и не

смог оправиться. Он пытался лечиться, но все было напрасно. От малейшего усилия колено распухало, словно большое яблоко, а боль была просто невыносимой. Дондиньо вынужден был забыть про футбол. Он устроился на работу санитаром. А много ли зарабатывает санитар в государственной больнице в захудалом бразильском городке? «Если мы не испытывали недостатка в самом элементарном, в пище, жилье или деньгах, чтобы заплатить за квартиру, мы были счастливы, – вспоминал Пеле. – Нищета – это страх, но не страх смерти, который оправдан ее неизбежностью. Нищета – это страх жизни. Это жуткий страх…» Маленькому Дико (так звали Эдсона родные) приходилось помогать отцу в больнице, выносить с ним горшки. А по вечерам мальчик отправлялся на вокзал и чистил ботинки пассажирам.

Отец не стал футболистом, судьба не была к нему благосклонна (кстати, над семейством ду Насименту, видимо, все-таки висит какое-то «футбольное» проклятье – старший сын Пеле Эдиньо был вратарем «Сантоса», однако в одном из матчей сильно травмировал колено (!) и вынужден был оставить футбол). Но Дондиньо решил перехитрить судьбу. У него есть сын, крепкий и здоровый малыш, готовый бежать за любыми предметами, которые можно пинать ногами, – мячами, консервными банками, пробками. Так почему не сделать из Дико футболиста? И отец начал учить сына тому, что умел сам, и умел, надо сказать, очень неплохо. Целыми днями маленький Эдсон «разговаривал» с мячом, приучал к себе сначала непокорный, а потом все более и более послушный круглый шар. «Главное, чему я научился в детстве, – это дриблинг на ходу, на скорости, – вспоминал Пеле. – Водиться и обыгрывать друг друга любят и умеют все ребята. Но при этом часто забывают, что главное – не просто обвести противника, а сделать это на скорости, выигрывая пространство, наступая. С детства я инстинктивно почувствовал, что нужно добиваться исполнения всех финтов, любых самых сложных технических приемов в самое короткое время…» А когда у отца выдавалась свободная минута, он показывал Дико, что еще можно сделать с мячом, как отдать мягкий пас точно на ногу партнеру, как нужно обводить защитника, чтобы тот не сумел подобраться к мячу. Отец был для Пеле самым лучшим другом и первым тренером. А мама… Мама Селесте, конечно, не могла запретить сыну играть. Но, как и всем мамам на свете, ей почему-то совсем не нравилось, когда ее сын приходил домой весь в пыли, грязный с ног до головы, с разорванными в клочья штанами.

Когда Дико исполнилось семь лет, семья переехала в Бауру. Тоже, скажем прямо, городок так себе, но по сравнению с Трес-

Корасоэс Бауру казался Эдсону настоящей столицей. Поначалу Дико неплохо учился в школе. Но футбол быстро сделал свое дело. Из-за него Эдсон дважды оставался на второй год, и первые четыре класса закончил за шесть лет. Ну разве можно неподвижно сидеть за партой, когда там, на улице, ватага таких же, как ты, мальчишек, гоняет по полю мяч? Конечно же, нет. И пусть мяч был сделан из носка, набитого тряпьем и бумагой. Такому вот «мячу» кое-как придавали форму шара и крепко сшивали веревками. Нередко носки «заимствовались во временное пользование» с соседских бельевых веревок. Все правильно, человек может прожить без носков, но бразильским мальчишкам без мяча никак нельзя.

Дико, все мысли которого были заняты только футболом, учился уже не так усердно, а потом и вовсе стал прогуливать уроки. Правда, Эдсона и нескольких его сверстников поначалу не хотели принимать в школьные команды. «Малы еще, подрастите, наберите вес», – слышали они. Иногда мяч вылетал за поле, и тогда малыши подхватывали его, пасовали друг другу, успевали даже разыграть мини-матч, пока старшие, отвесив наглецам по ходу дела изрядное количество тумаков, не забирали мяч обратно. Однажды Пеле это надоело. «Не берете нас, считаете, что мы маленькие и ни на что не способны? – подумал он. – Ну что ж, держитесь… У нас будет своя команда!» Наверное, Пеле тогда впервые понял, что такое быть богом для своих сверстников. «О, какой молодец наш Дико, – считали друзья. – Как хорошо он все придумал. Да-да, у нас будет своя команда, мы всем покажем, как мы умеем играть!» Сначала у них был мяч, сшитый из тряпья, и старые ботинки вместо штанг. У них не было денег, зато у них была команда. 7 сентября – День независимости Бразилии, «7 сентября» – улица, на которой жили родители Пеле, «Сеттимо де Сетембро» – первая команда, в которой играл «король». Всеми правдами и неправдами они раздобыли немного денег, купили трусы, майки и резиновый мяч. Этот мяч, главная драгоценность команды, всегда хранился у Пеле, ведь он был капитаном «7 сентября».

Однажды мэр Бауру объявил, что местный муниципалитет собирается организовать городской турнир с участием команд, возраст игроков которых не превышает 15 лет. Это был великолепный шанс для Пеле и его друзей показать себя во всей красе. Но было одно условие участия в этом турнире, страшное, ужасное, невыполнимое условие… *Все участники турнира должны играть в бутсах!* Какие бутсы, ведь у большинства ребят даже обычных ботинок не было! Все пропало, теперь мир никогда не узнает Пеле, не увидит его великолепной игры… К счастью,

нашелся какой-то болельщик, уговоривший местные клубы отдать ребятишкам вроде команды «7 сентября» старую обувь и форму. Пеле досталась весьма потрепанная пара, которая была на размер меньше, чем нужно, но он был счастлив. Команду Пеле взял под свою опеку клуб «Америка» и поэтому «7 сентября» стала называться «Американья» – «маленькая Америка».

После окончания турнира об «Американье» говорил весь город. Еще бы, команда, о которой никто ничего не знал, выиграла турнир, обыграв всех признанных фаворитов. Естественно, что на игроков «Американьи» обратили внимание не только болельщики, но и серьезные люди из профессиональных клубов. Мы привыкли к тому, что у нас 6—7-летний мальчик приходит в футбольную секцию, тренер оценивает его физические данные, решает, подходит паренек под общепризнанные стандарты или нет, и если подходит, начинает учить его футбольному искусству. Бывают, конечно, и исключения, но обычно обучение начинается практически с нуля. В Бразилии же все происходит по-другому. «Бразильский мальчишка является в клуб первой группы и уже умеет делать с мячом что угодно, – пишет в своей книге Игорь Фесуненко. – Его первый контакт с тренером происходит так: «Кроме вратаря, могу играть на любом месте. В команде своей улицы предпочитаю играть полузащитником…» Поэтому задача тренера в Бразилии – не обучать футболу, а подбирать игроков. Любой мальчишка, появляющийся в профессиональной команде, способен пробежать вокруг поля, ни разу не дав мячу упасть на землю… Но он не знает ни одного параграфа правил. Знает только одно: рукой разрешается играть лишь вратарю. Все остальное приходит благодаря интуиции, природной сметке, опыту, полученному в суровой жизненной борьбе…» Так было и с Пеле…

Вальдемар де Бриту – человек известный. А как иначе, ведь он – участник чемпионата мира 1938 года, тренер молодежного состава клуба «Бауру» – одного из лидеров первенства штата Сан-Паулу. «Парнишка был способным, Дондиньо был моим другом, а семья – бедная… Вот я решил ему помочь», – вспоминал Вальдемар. Он-то и стал вторым «футбольным» отцом Пеле. Де Бриту был одним из сотен тренеров молодежных команд, главная задача которых – поставлять способных новичков в большие команды. Но в отличие от других, он никогда не ставил целью заработать во чтобы то ни стало, а просто хотел помочь молодым футболистам найти свою дорогу…

Вальдемар де Бриту сидел, опустив руки, посередине кухни, а рядом беззвучно плакала донна Селесте. Это был трудный разговор, очень трудный.

– Поймите, донна Селесте, – сказал Вальдемар. – Ваш Дико – талантливый парень и может добиться многого в этой жизни. Ну что он увидит в Бауру? А «Сантос» – это другой мир. Я чувствую, что из него кое-что получится…

– Я понимаю, сеньор Вальдемар, но ведь Дико всего пятнадцать лет…

– Скоро шестнадцать. Он уже не маленький и должен сам решать свою судьбу…

Вальдемар посмотрел на донну Селесте и понял, что настаивать бесполезно.

– Ладно, это не мое дело, решать вам. Если вы хотите, чтобы Пеле всю жизнь оставался никем…

Де Бриту быстро встал и пошел к выходу.

– Сеньор Вальдемар, подождите! Извините меня, сеньор Вальдемар! Вы правы, надо отвезти Дико в Сантос. Я верю вам, если вы считаете, что так будет лучше…

«Все, – понял Вальдемар де Бриту, – я выиграл и второй тайм». «Первый тайм» состоялся, когда тренер сказал о своем намерении самому Пеле.

– Слушай, Пеле, хочешь провести несколько дней в «Сантосе»?

Сначала Эдсон подумал, что тренер просто шутит.

– Где, в «Сантосе»? – испуганно переспросил он.

– Да. Несколько дней, может быть, месяц. Я понимаю, что ты привык быть рядом с родными, но если хочешь добиться чего-то…

– А сколько километров от Бауру до Сантоса?

– Пятьсот. Это, конечно, не рядом с домом. Но мой тебе совет – если ты хочешь сделать что-то стоящее в этой жизни, тебе придется решиться на это. Поверь, с такой техникой, как у тебя, следует попытать счастья…

Несколько минут тренер и ученик сидели молча. Де Бриту понимал, что Пеле очень нелегко принять решение, но он чувствовал, что парень в конце концов согласится.

– Наверное, вы правы, сеньор Вальдемар, – прервал молчание Пеле. – Если у меня есть такой шанс, то я должен им воспользоваться.

На лице тренера промелькнула улыбка.

– Вот и молодец…

Лула, тренер «Сантоса», повидал на своем веку немало новичков. Таких, как вот этот негритенок, которого привез из Бауру его приятель Вальдемар де Бриту. «Еще один мальчишка, который решил показать себя, – подумал Лула. – Еще один… Ладно, дирекция клуба дала разрешение на его просмотр, а

Вальдемар – мой друг, так что…»

– Эй, малыш, ты можешь выйти на поле. Если, конечно, хочешь…

Сколько было надежд, и какое страшное разочарование… Ради чего он покинул родных, трясся целую ночь в поезде, ждал, когда его позовут и разрешат выйти на поле? Ради того, чтобы выйти на поле на несколько минут, а потом уехать? А тренер, ведь он и его подвел. Сеньор Вальдемар потратил на него столько времени, а он ничего не показал. И что случилось с его ногами, всегда такими быстрыми, а сегодня словно деревянными?

– Видишь, малыш, все прошло нормально, ничего страшного, – Вальдемар де Бриту прекрасно понимал, что творится на душе у его ученика.

– Я плохо сыграл, сеньор Вальдемар. Я никому не понравился, – грустно сказал Пеле.

– Глупости. Ты что, в первом же матче хотел сыграть как Леонидас[1]? Вот что, малыш, мне пора возвращаться домой, я и так задержался дольше, чем думал.

– А я?

– А ты останешься здесь. Я за тебя не волнуюсь, потому что оставляю тебя с отличными людьми. Ты скоро поймешь, что «Сантос» – хорошая команда. Я повидал на своем веку немало клубов, так что знаю, что говорю. Вот увидишь, скоро ты станешь настоящим футболистом…

Как все просто было раньше. Когда тебе весело, то от радости хочется скакать и прыгать, словно ты ненадолго сошел с ума. Если тебе грустно, то весь мир кажется серым и унылым. А сейчас… Сейчас Пеле впервые в жизни чувствовал одновременно и радость, и грусть. Он был счастлив от того, что его взяли в «Сантос», настоящую профессиональную команду. Но… Сейчас уедет сеньор Вальдемар, и он останется совсем один. Может быть, уехать вместе с ним в Бауру, в маленький домик, где нет никаких забот. Нет, нет, он должен быть мужчиной…

– До свидания, сеньор Вальдемар. Дома… поцелуйте их всех за меня. И скажите, что… Нет, ничего. До свидания…

Вальдемар де Бриту оказался прав – Пеле быстро прижился в «Сантосе». Несколько месяцев он играл за молодежный состав, пока однажды тренер Лула после тренировки не подозвал его к себе:

– Вот что, гигант из Бауру, завтра мы едем на матч с «Коринтиансом», и ты поедешь с нами запасным…

И опять Пеле словно раздвоился. Он и ждал этого дня, и одновременно боялся того момента, когда ему придется выйти на

поле вместе с игроками, которых знала вся Бразилия.

Матч с клубом «Коринтианс», проходивший 7 сентября (вот ведь интересное совпадение, если вспомнить название первой команды Пеле) 1956 года, складывался для «Сантоса» достаточно хорошо. За первые 20 минут партнеры забили три гола, затем соперники закатили один мяч в их ворота и на этом первый тайм закончился. А минут через пятнадцать после начала второго тайма к Пеле подошел массажист. «Эй, малыш, тренер сказал, чтобы я тебя помассажировал». Это означало, что он скоро должен выйти на поле…

О господи, почему же ему так страшно? Это потом он, играя вместе с лучшими игроками Бразилии тех лет, мог накричать на партнеров, подчас беря на себя обязанности тренера. Кстати, это была особенность характера Пеле – в обычной жизни мягкий и дружелюбный человек на поле нередко превращался в раздражительного и сварливого игрока. «Крик – это тоже элемент игры, – сказал однажды прославленный футболист. – В «Сантосе» я, наверное, кричу больше всех. И частенько помогает. Среди игроков бывают такие, которые смогут играть только тогда, когда на них хорошенько прикрикнешь. Выходит такой на поле, сонный и вялый, еле ноги переставляет. А крикнешь на него разок-другой, да погромче, так он, глядишь, и забегает… Нет, крик – это оружие, такое же, как финт, как удар головой, как хороший пас, как рывок к воротам». Да, временами Пеле не стеснялся в выражениях…

«Сантос» забил четвертый гол, после чего Лула подозвал к себе Пеле. «Как только мяч выйдет из игры, ты заменишь Дель Веккио». Пеле подошел к боковому арбитру.

– Здравствуйте, господин судья. Счастлив с вами познакомиться.

– Привет, малыш. – Арбитр с удивлением посмотрел на пятнадцатилетнего парнишку. – Что тебе нужно?

– Я должен заменить Дель Веккио.

– О, это дело серьезное. Что ж, удачи тебе, парень.

Пеле стоял у бровки, а игра все продолжалась. Наконец мяч вылетел в аут, и Пеле смог выйти на поле. К нему сразу же подбежал Жаир Пинто, один из самых опытных игроков «Сантоса».

– Что тебе сказал Лула? – спросил Жаир.

– Ничего.

– Ладно, тогда будешь играть в нападении левым полусредним.

Жаир понял, что тренер решил обстрелять новичка в практически выигранном матче, и поэтому старался почаще

пасовать мяч именно на Пеле. В какой-то момент Жаир отобрал мяч у противника, выдвинулся на свободное место и увидел Пеле, рванувшегося вперед. Пас был просто идеальным – Пеле обработал мяч, обыграл защитника, вошел с левого края в штрафную площадку и в тот момент, когда вратарь бросился к нему навстречу, направил мяч в ворота. Вряд ли Сулуар, голкипер «Коринтианс», мечтал войти в историю таким образом. Но ему, можно сказать, повезло – он стал первым вратарем, пропустившим гол от Пеле.

Конечно, первая удачно проведенная игра и первый забитый мяч еще не означали, что юный футболист сразу закрепился в основном составе «Сантоса». В следующий раз он вышел на поле только через три месяца. Но его великолепная игра не могла остаться незамеченной. Летом 1957 года тренер «Сантоса» подошел к Пеле, мечтавшему о чем-то своем на скамейке.

– Привет, Пеле, как дела?

– А, здравствуйте, сеньор Лула, все хорошо.

– Ты какой-то задумчивый в последние дни. Может быть, думаешь о том, правильно ли ты поступил, оставшись в «Сантосе»?

Пеле удивленно поднял глаза на тренера. Лула словно читал его мысли. Да, он попал в «Сантос», все чаще оказывался в основном составе, но все-таки еще не был удовлетворен своей игрой до конца, удачные матчи иногда сменялись провалами.

– Я понимаю, малыш, тебе нелегко. Но дальше будет еще труднее. Отныне ты – игрок основного состава «Сантоса».

– Спасибо, сеньор Лула, – сказал потрясенный Пеле.

– Не надо, не благодари меня. Ты поймешь, как все меняется, когда речь идет о настоящем чемпионате. Защитникам ведь все равно, кто перед ними, – шестнадцатилетний парнишка вроде тебя или опытный игрок. Так что шишек ты нахватаешь о-го-го…

– Я не боюсь, сеньор Лула, – спокойно ответил Пеле, хотя в душе у него бушевала буря.

– Отлично. Да, с сегодняшнего дня ты больше не называй меня сеньором, а я не буду звать тебя малышом. Ты уже серьезный человек – игрок «Сантоса»…

У Сильвио Пирилло была записная книжка. Ничем не примечательный обычный блокнот. Но в 1957 году эта книжка была самой главной книгой бразильского футбола. Почему? Потому что Сильвио Пирилло – тренер национальной сборной, а в свою записную книжку он вносил имена всех кандидатов в главную сборную страны. Принцип отбора был прост – тренер не обращал внимания ни на возраст футболиста, ни на его прошлые заслуги. Только игра конкретного игрока в конкретном матче. И

вот однажды в записной книжке Сильвио Пирилло появилось имя Пеле.

Когда Пеле узнал, что включен в сборную страны, он сбежал из тренировочного лагеря на центральный телеграф, где двадцать минут говорил с отцом по телефону. Дондиньо чувствовал себя словно заново рожденным. Его сын, его маленький Дико в неполные семнадцать лет в сборной страны, рядом с самыми великими игроками Бразилии!

7 (опять счастливая для Пеле цифра семь) июля 1957 года Пеле сыграл свой первый матч за сборную Бразилии. И не просто сыграл, а забил гол! Выйдя на замену в матче против сборной Аргентины, он, освободившись от опеки, получил мяч, сделал вид, что хочет отдать пас, а сам неожиданно рванулся вперед. Аргентинские защитники поздно заметили опасность, а разобраться один на один с вратарем для Пеле было сущим пустяком. 1:1! В тот момент казалось, что знаменитый стадион «Маракана» в Рио-де-Жанейро просто взорвется от восторженного крика болельщиков. Правда, радость бразильцев была недолгой. Аргентинцам удалось забить еще один мяч, и в итоге они выиграли 2:1. Но Пеле в этом проигрыше не виноват. Он сделал свое дело – вышел на поле и забил гол.

Очень быстро Бразилия обрела нового футбольного бога. Эдсон Арантес ду Насименту, прозвище Пеле, 17 лет, рост 1 м 69 см, вес 67 кг 400 г. Обычный паренек, даже слегка грузноватый для нападающего. В общем, с виду ничего необычного, ничего божественного. Но как же он играл! Не зря его часто называли «заместителем Бога по футболу». Чего стоит хотя бы чемпионат штата Сан-Паулу 1958 года, в котором знаменитый футболист забил 58 голов, до сих пор непревзойденный рекорд. Пеле получал мяч, оставлял в дураках нескольких защитников и бил по воротам. А вратари только и делали, что вынимали мяч из сетки ворот после его неотразимых ударов. Ни у кого не было сомнений в том, что Пеле должен ехать в составе сборной на чемпионат мира в Швеции. Конечно, все было не так просто. Висенте Феола, сменивший на посту главного тренера сборной Бразилии Сильвио Пирилло, перед мировым первенством просматривал более тридцати игроков, и как минимум пятеро из них, не считая Пеле, претендовали на место в нападении. Но Пеле доказал свое право играть в главной команде не только великолепной техникой и многочисленными голами, но необыкновенным трудолюбием и добросовестным отношением к игре. В одном из последних контрольных матчей он забил два мяча в ворота сборной Болгарии. Все, дорога в Швецию была ему открыта. И вдруг, перед матчем с Парагваем, Пеле получил травму. Оказалось, что он

вытеснил из сборной нападающего Луизиньо. Друг Луизиньо, защитник Клементе, решил поставить на место выскочку и в одном из контрольных матчей жестоко ударил Пеле бутсой.

Эдсон растерянно смотрел на распухшее колено и думал, что Бог, видимо, решил очень жестоко посмеяться над футболистами из семьи ду Насименту. Отец неплохо начинал, но из-за поврежденного колена не смог продолжить карьеру, сын, лучший нападающий Бразилии, должен ехать на чемпионат мира, но из-за все того же проклятого колена может оказаться за бортом сборной. Болельщики молились Христу, призывая на помощь ему всех местных индейских богов, но к началу чемпионата Пеле полностью восстановиться не смог. «Малыш, доверься папочке! Ты еще побегаешь за девчонками!», – бормотал массажист бразильской сборной Марио Америко, когда Пеле кричал от боли. Воду нагревали до кипения и на пару́ держали бинт, которым затем обматывали больное колено, и так несколько раз в день.

Без Пеле бразильская атака потеряла остроту. Да, справа в нападении был гениальный Гарринча, который мог в одиночку расправиться с обороной противника, но ему было очень трудно, когда на него наваливались все защитники. И Пеле все-таки поставили в состав на первый матч чемпионата мира со сборной СССР. Это было великое противостояние двух супернападающих и лучшего вратаря планеты. Хромоногий Пеле и коротконогий Гарринча[2] устроили «футбольный бенефис» в штрафной советской сборной. Яшин боролся как мог, не раз вытаскивал, казалось бы, безнадежные мячи, но и он не смог спасти ворота советской сборной от двух голов. Позже Пеле вспоминал, что игра великого вратаря запомнилась ему на всю жизнь. «Знакомство с великим Яшиным, который в 1958-м на чемпионате мира в Швеции первым предсказал мне, 17-летнему мальчишке, большое футбольное будущее, – одно из самых ярких событий в моей жизни, – рассказывал Пеле в интервью газете «Спорт-Экспресс». – Помню даже не столько сам матч со сборной СССР, сколько то, что ваш вратарь после игры вручил мне замечательный кубок, ставший для меня первым на чемпионатах мира. Когда после окончания матча обе команды собрались в центральном круге, Яшин подозвал к себе переводчика и, передавая мне приз, сказал: «Парень, вспомнишь мои слова – ты будешь лучшим футболистом мира. Только береги ноги!»

Следующий матч с Уэльсом не предвещал бразильцам больших трудностей. Однако валлийцы понимали, что играть со сборной Бразилии в открытый футбол – равносильно самоубийству. Поэтому команда Уэльса чуть ли не всем составом

ушла в оборону. Казалось бы, Бразилия и Уэльс – команды с разных планет, но «кудесникам мяча» никак не удавалось распечатать ворота валлийцев. Наверное, европейцы уже начали думать, что им удастся добиться желанной ничьей. Но у Бразилии был Пеле. Находясь спиной к воротам, он принял пас от Диди. «В тот момент, когда я получил мяч, я, пожалуй, уже ни о чем не думал, – вспоминал Пеле. – Я делал то, что обдумал раньше. На поле игрок должен думать до того, как он принимает мяч. Тот же, кто размышляет, что ему делать с мячом тогда, когда мяч находится у него в ногах, не может быть хорошим нападающим… Поэтому-то я всегда стараюсь обдумать два-три варианта дальнейшего продолжения игры еще до того, как мои партнеры передадут мне мяч». Вокруг него было несколько защитников, но Пеле двумя молниеносными финтами обыграл всех и метров с одиннадцати послал мяч в правый нижний угол. Это был первый гол Пеле на чемпионате мира. Он бросился в ворота, схватил мяч и стал его целовать. Ради этого момента он жил, ради этого тренировался, чтобы принести победу своей стране!

Настала пора решающих матчей. В полуфинале бразильцам противостояла сборная Франции. После первого тайма преимущество было на стороне сборной Бразилии, однако добиться решающего превосходства не удалось. Первый тайм закончился со счетом 2:1. Бразильцы лидировали, однако один удачный удар французов мог выровнять ситуацию. И тут свое слово сказал Пеле. Весь первый тайм он держался в тени, а во втором выскочил словно чертик из табакерки и вколотил три мяча в ворота противников. Все, что удалось сделать французам, – забить второй мяч в конце матча. В итоге 5:2 и Бразилия в финале должна была встретиться с хозяевами турнира.

Видимо, шведы заранее чувствовали, что Бразилия станет их соперником в решающем матче чемпионата, и поэтому с самого начала турнира применили против бразильцев свое самое грозное оружие. Ядреные белокурые шведки буквально сводили с ума молодых бразильских парней. «Мне было всего 17, и я никогда прежде не видел столько красивых женщин вокруг, – рассказывал Пеле. – Я не верил своим глазам. У меня они, глаза, просто разбегались в разные стороны! Я думал про себя: «Как вообще можно готовиться к играм чемпионата мира в такой обстановке?» Все они были с такими светлыми волосами, какие я видел только у кукол! Но и они тоже смотрели на меня как на какое-то чудо природы. Тогда в Швеции черные парни были еще в диковинку. Девушки подходили ко мне, чтобы поговорить, попросить автограф, а иногда и просто потрогать руки и лицо. Они были

удивлены цветом моей кожи. Партнеры по команде постоянно подтрунивали над мной: «Скажи им, Пеле, такой цвет дождь не смоет!» Или: «Не бойтесь, девушка, этот малыш никогда не линяет!» Или: «Его даже в ванне не отмоешь!» Одна девушка запомнилась мне больше других. Ее звали Лена, и было ей семнадцать, столько же, сколько и мне. Лена приходила ко мне в гостиницу, и мы, взявшись за руки, счастливые, шли гулять. Когда я улетал домой, она плакала, и я казался самому себе очень взрослым, потому что такая красивая девушка плакала из-за того, что я ее покидал». А однажды Пеле и компания оказались возле пляжа, на котором загорали абсолютно обнаженные девушки. Конечно, футбол был смыслом жизни бразильцев, но разве можно думать о футболе, когда видишь *такое*… Это было ужасным испытанием для горячих бразильских парней. Футболисты накручивали круги вокруг пляжа, во все глаза разглядывая обнаженных красавиц.

Раз мы уже затронули эту тему, то стоит продолжить рассказ о Пеле и его женщинах. «Король» никогда не был обделен вниманием представительниц слабого пола. Конечно, журналисты делали все возможное, чтобы выведать тайны личной жизни лучшего футболиста планеты, но Пеле, обычно очень общительный, на эту тему никогда не распространялся. О том, что «король» собирается жениться на очаровательной брюнетке Роз-Мари Шолби, весь мир узнал только перед самой свадьбой в начале 1966 года, хотя они были знакомы семь лет. «Пеле, а почему ты раньше не познакомил нас со своей невестой?» – спрашивали его партнеры по команде. «Понимаете, – отвечал тот, – я не хотел заранее оповещать о нашей помолвке, потому что подумал: а вдруг у нас с Роз-Мари что-то произойдет? Мы расстанемся. И она на всю жизнь так и останется с прозвищем Невеста Пеле, как с клеймом. Может быть, это помешало бы ей устроить свою жизнь с кем-то другим…»

О своей жене Пеле всегда говорил только в превосходной степени: «С виду Роз-Мари кажется серьезной и строгой интеллектуалкой. Но на самом деле под этой оболочкой скрывается огромная нежность и жизнерадостность. Ее доброта не знает границ, а сердце – вот такое большое! Даже если предположить, что это единственная девушка, которую я хорошо знаю, то все равно другой такой мне не найти. Она ничего не понимает в футболе и путает угловой с пенальти. Роз-Мари никогда не видела, как я играю! Но зато она изумительная хозяйка, и это, пожалуй, поважнее».

Через год после свадьбы у них родилась дочь Келли-

Кристина, потом сын Эдиньо, затем еще одна дочь Дженнифер. Эта самая известная в Бразилии пара всегда считалась образцовой. Но в 1978 году бразильцы с изумлением узнали, что их кумир разводится с Роз-Мари. Надо отдать должное супругам – разводились они без скандалов и публичных взаимных упреков. Все прошло образцово-показательно – Роз-Мари и дети получили немалое денежное содержание, и бывшие супруги сохранили вполне нормальные отношения.

Пеле опять стал самым завидным и желанным женихом Бразилии. В те времена одним из главных событий знаменитого карнавала в Рио-де-Жанейро стало появление «короля» вместе с очередной подругой. В числе последних были звезды бразильского телевидения и победительницы всевозможных конкурсов красоты. Долго бразильцы гадали, женится Пеле во второй раз или нет. Наконец, в начале 1994 года футболист объявил о своей помолвке с тридцатичетырехлетней Ассирией Сейшас Лемос, врачом-психологом. И вновь, как и 28 лет назад, женитьба Пеле стала чуть ли не самым главным событием года в Бразилии. Улицы Ресифи, родного города Ассирии, долгие годы не ремонтировались. Но к свадьбе Пеле городские власти оперативно провели капитальный ремонт улиц, по которым двигался кортеж молодоженов. Сотни тысяч фанатов окружали местную церковь, которая отныне стала знаменитой, потому что в ней венчался «король» футбола.

У Пеле, как мы знаем, уже имелось трое детей, у его новой супруги была трехлетняя дочь от первого брака. Но Ассирия хотела иметь детей от любимого супруга. И вот тут выяснилась еще одна интимная подробность из жизни знаменитого футболиста. После рождения третьего ребенка Пеле сделали операцию по резекции семявыводящих протоков, после которой зачать детей естественным способом он уже не мог. Нет, с мужской силой «короля» все было в порядке, просто таким образом Пеле решил избавиться от проблемы нежелательных беременностей. Но после женитьбы на Ассирии он пожалел о своем поступке – супруга во чтобы то ни стало хотела скрепить их союз детьми. К счастью, выход из этой щекотливой ситуации был все-таки найден. Звездная пара обратилась в одну из самых лучших клиник США, занимающихся вопросами искусственного оплодотворения. Никаких противопоказаний против такого способа зачатия не было, и через положенные девять месяцев Ассирия родила двойняшек, мальчика и девочку, которых назвали Джошуа и Селесте.

Только Пеле справился с одной семейной проблемой, как тут же появилась другая. У него объявилась внебрачная дочь. Некая

Сандра Реджина Машадо утверждала, что она родилась от связи Пеле с ее матерью, в начале 1960-х работавшей домработницей у футболиста. Так оно скорее всего и было – девушка была поразительно похожа на Пеле, а генетический анализ показал, что ДНК-код Сандры совпадает с ДНК-кодом «короля». Дело дошло до суда, который однозначно установил – Сандра Реджина Машадо действительно является дочерью Эдсона Арантеса ду Насименту. Однако Пеле категорически не хотел признавать свое отцовство. Конечно, он мог дать дочери если и не отцовскую любовь, то, по крайней мере, приличное денежное содержание, тем более что Сандра требовала, в общем-то, не слишком много – профинансировать ее учебу в институте физкультуры. Но Пеле боялся, что примеру Сандры последуют десятки его настоящих и мнимых детей, и тогда ему до конца жизни придется кормить целую ораву наследников. Учитывая весьма бурную молодость и горячий темперамент Пеле, такой сценарий не кажется совсем уж невозможным. В общем, несмотря на решение суда, Пеле так и не признал своего отцовства и помогать Сандре Машадо отказался. Правда, в 2002 году у Пеле появилась-таки официально признанная внебрачная дочь. На этот раз великий футболист не стал отрицать своего родства с Флавией Кристиной Курц ду Карвалью, родившейся в 1968 году после очередного скоротечного романа Пеле.

Вернемся в 1958 год. Очаровательные шведки, конечно же, произвели на Пеле неизгладимое впечатление, но это никак не сказалось на футболе. Его хватало на все – и на ночные прогулки с девушками, и на футбол. Говорят, он потому-то и носился по полю как угорелый, чтобы его полюбили.

Финальный матч Швеция – Бразилия проходил 29 июня 1958 года в Стокгольме на стадионе «Росунда». Футболисты обеих команд без раскачки сразу же взялись за дело. Уже на 4-й минуте матча шведский нападающий Лидхольм открыл счет. Впервые на чемпионате мира сборная Бразилии первой пропустила мяч. Но, как писали после матча газеты, «сборная Швеции была чемпионом мира всего пять минут». На 9-й минуте Гарринча совершил свой фирменный проход по правому краю и прострелил в штрафную. Вава не оставалось ничего другого, как просто подставить ногу. Ближе к концу первой половины игры сборная Бразилии забила второй гол, который был точной копией первого. Снова Гарринча прорвался по правому краю и Вава замкнул прострел. Первый тайм закончился со счетом 2:1. Во втором – за дело взялся Пеле. Третий гол, забитый бразильцем, был просто шедевром. Пеле получил мяч стоя спиной к воротам.

Рядом были четыре шведских защитника, но это не смутило Пеле. Он мягко сбросил мяч с груди на ногу, затем перебросил через головы защитников и, не давая ему опуститься на землю, пробил в угол ворот! Ну как не любить такого гения, даже если он забил гол в ворота твоей команды! Второй мяч Пеле установил окончательный счет финального матча – 5:2.

После победы на мировом первенстве вся Бразилия плакала от счастья. 29 июня был объявлен днем национального праздника. Чемпионаты мира проводились с 1930 года, но еще ни разу бразильской сборной не удавалось стать лучшей на планете. И вот наконец-то мечта стала реальностью. На несколько дней жизнь в Бразилии остановилась – болельщики (а в Бразилии болеют все, начиная от трехлетних малышей и кончая глубокими старцами) праздновали победу своей команды. Сборная, выступавшая в Швеции, до сих пор считается лучшей в истории бразильского футбола. «Конечно же, равной сборной 1958 года нет, – говорил Пеле. – Гарринча, Диди, Вава, Нилтон Сантос, Джалма Сантос, Зито… Ну, Пеле, само собой… Какие имена, какие игроки!»

После триумфа в Швеции жизнь Пеле вернулась в привычную колею. Уже через две недели после возвращения домой «Сантос» сыграл очередной матч в рамках чемпионата штата Сан-Паулу. Вскоре Дель Веккио принял предложение одного из европейских клубов, и Пеле стал основным центральным нападающим «Сантоса», как по амплуа, так и по количеству забитых мячей. «Сантос» быстро стал самой популярной командой Бразилии. Техничный, типично бразильский атакующий футбол импонировал зрителям, причем не только на родине Пеле, но и в других странах. Со всех концов света руководству «Сантоса» приходили приглашения на товарищеские игры, и, конечно, главной звездой, главной приманкой, обеспечивающей немалый кассовый сбор, был Пеле.

1959 год был очень напряженным – турне по Южной и Центральной Америке, матчи в Перу, Эквадоре, Коста-Рике, Гватемале, Мексике. После возвращения в Бразилию – игры со сборными Чили, Боливии, Перу, Парагвая и Аргентины, серия матчей со сборной штата Рио-де-Жанейро. Затем – тяжелейшее турне по Европе, настоящая карусель стран, гостиниц, стадионов и команд. Картолы (так в Бразилии называют владельцев футбольных клубов) на полную катушку использовали популярность своих футболистов. За двадцать два дня «Сантос» сыграл семнадцать матчей, и, естественно, к концу турне игроки были вымотаны до предела. Игры, переезды, травмы, недосыпания – футболисты нуждались в длительном отдыхе. Но

вместо этого – еще один незапланированный матч, и не с кем-нибудь, а с самим мадридским «Реалом», который тогда (как и сейчас) считался лучшим клубом Европы. Как считает Пеле, «Сантос» тогда был сильнее мадридцев, но изматывающее турне не позволило бразильцам проявить себя во всей красе. «Сантос» проиграл со счетом 3:5, но и «Реалу» эта встреча запомнилась надолго. Не желая рисковать репутацией, испанский клуб много лет под любыми предлогами отказывался играть с «Сантосом».

По возвращении домой Пеле ждал еще один «сюрприз» – рядовой бразильской армии Эдсон Арантес ду Насименту должен был отбыть военную службу в шестой группе моторизованной береговой артиллерии в Сантосе. Пеле сначала не слишком серьезно отнесся к повестке тем более что командующий группой полковник Осман, помимо всего прочего, являлся одним из менеджеров «Сантоса». Но армия – это не шутки, «здесь вам не тут». Пеле, как и любой другой новобранец, должен был овладевать всеми «премудростями» военной службы – подбирать окурки на плацу, мести полы в казарме, копать землю, а иногда, по просьбе офицерских жен, косить траву на газонах перед их домами. Использовали его и по «прямому назначению». В армии футболом были увлечены не меньше, чем на «гражданке», и, естественно, такой игрок не мог остаться в стороне от различных армейских первенств. Команда шестой группы выиграла гарнизонное первенство, затем Пеле был включен в сборную вооруженных сил Бразилии, которая участвовала в турне (опять эти проклятые турне!) по Южной Америке.

В матче со сборной Аргентины Пеле впервые удалили с поля. Аргентинский защитник весь матч охотился за Пеле, нещадно бил его по ногам, а судья упорно делал вид, что все в рамках правил. В конце концов бразилец не выдержал, ответил ударом на удар, соперник бросился на него с кулаками, завязалась драка, и в результате обоим игрокам показали красную карточку. С тех пор Пеле нередко удаляли с поля, хотя, конечно, он не был грубым игроком, по крайней мере, никогда не начинал первым. Самое «знаменитое» удаление Пеле случилось в конце 1960-х в Колумбии. Местный арбитр «засуживал» бразильцев, и Пеле высказал все, что думал о нем и его родственниках до седьмого колена. Арбитр, на свою беду, решил примерно наказать «говоруна» и показал ему красную карточку. И вот тут произошло то, что могло произойти только с «королем». Колумбийской публике было плевать на то, что удаление Пеле серьезно увеличивало шансы на победу. Они хотели видеть игру «короля», а тут какой-то недотепа-судья удаляет его с поля. Толпа разъяренных зрителей выбежала на поле, и незадачливый арбитр

спасся только благодаря вмешательству полиции. Место главного судьи занял один из боковых арбитров, а Пеле по требованию зрителей был возвращен на поле и доиграл матч до самого конца.

Целый год Пеле пришлось играть на два фронта – и за армейские команды, и за «Сантос». В тот год он сыграл более ста матчей, зачастую ему приходилось выходить на поле с незалеченными травмами. Контракт есть контракт, хочешь не хочешь, а его условия надо выполнять. А в армейских командах приказы вообще не обсуждались. К счастью, служба в бразильской армии продолжается всего один год, и в 1960 году Пеле смог освободиться от «почетной» обязанности играть за армейские команды. И хотя бешеный темп игр практически не изменился, все-таки лучше просто играть в футбол, чем играть в футбол и одновременно мыть полы в казарме, маршировать на плацу и слушать указания тренеров, которые за малейшую провинность могут тебя отправить на гауптвахту. «В армии, кроме всего прочего, я научился разбирать и собирать винтовку, – вспоминал Пеле. – Этим умением мне меньше всего хотелось бы воспользоваться в жизни…»

– Очень больно? – спросил доктор Гослинг.

– Не очень, – неуверенно ответил Пеле.

– Или все же очень?

– Чуть-чуть…

– Что ж, ладно. Но если боль не пройдет, тебя придется освободить от тренировок.

– Я вам сразу же скажу, доктор…

Освобождение от тренировок автоматически означало отстранение от матчей. А Пеле очень не хотелось пропускать чемпионат мира. Потому-то он не признался доктору Гослингу, врачу бразильской сборной, что боль в паху была сильной…

Как победитель мирового первенства, сборная Бразилии была освобождена от отборочных игр чемпионата мира 1962 года, который должен был пройти в Чили. Чтобы проверить сборную в деле, новый главный тренер Пауло Амарал организовал перед чемпионатом несколько товарищеских встреч. В конце матча с командой Португалии Пеле был вынужден покинуть поле из-за растяжения паховой мышцы. Он надеялся, что травма не слишком серьезная, продолжал играть в тренировочных матчах и забивал голы, однако боль не стихала.

Первым соперником бразильцев в Чили была сборная Мексики. Бразилия победила 2:0, Пеле забил один из голов. Он уходил с поля счастливым, но невероятно уставшим из-за огромных физических нагрузок. К тому же усилилась боль. Тогда-

то Пеле и решил посоветоваться с доктором Гослингом, однако всей правды ему не сказал. В те годы замены по ходу игры были еще запрещены, и поэтому тренеры старались не ставить на матч травмированных игроков. А Пеле рвался в бой и потому делал вид, что ничего страшного не произошло и он в полном порядке.

Второй матч Бразилия играла с очень сильной сборной Чехословакии. Поначалу Пеле удавалось справляться с болью. Игра захватила его, ему казалось, что он снова может играть в полную силу. В какой-то момент футболист в своем фирменном стиле прошел оборону противника и изо всех сил ударил по воротам. Мяч попал в штангу, снова отскочил к Пеле. Еще один сильный удар и все…

Пеле упал как подкошенный, боль в паху была просто невыносимой. Кое-как он поднялся и продолжил матч, но играл фактически на одной ноге. Этот злополучный матч для Пеле стал последним на чемпионате 1962 года. И все-таки «король» всегда с особой теплотой вспоминал игру с чехами. «Это настоящие спортсмены!» – говорил Пеле о защитниках сборной Чехословакии Масопусте, Поплухаре и Лале. Они прекрасно понимали, что самый опасный нападающий бразильцев получил травму и одно столкновение, один жестко выполненный подкат окончательно добьет его, может быть, сделает инвалидом на всю жизнь. А ведь это не какая-нибудь товарищеская игра, это чемпионат мира, и чехи, как и бразильцы, боролись за выход в четвертьфинал. Но Масопуст, Поплухар и Лала делали все, чтобы Пеле смог доиграть матч. Конечно, они не пускали его к воротам, но делали это очень аккуратно. «Я всегда с особым чувством вспоминаю чешских защитников, – говорил Пеле, – подаривших мне одни из самых прекрасных минут за всю мою футбольную карьеру». Символично, что сборные Бразилии и Чехословакии еще раз встретились на том чемпионате, на этот раз в финале. Если первый матч закончился вничью 0:0, то в финале бразильцы были на голову сильнее соперников и довольно легко выиграли 3:1. Бразилия второй раз подряд стала чемпионом мира.

«Где вы, Масопуст, Поплухар и Лала, где вы, благородные соперники?!» – наверное, примерно так думал «король» во время чемпионата мира 1966 года в Англии. Руководство болгарской сборной, с которой бразильцы играли первый матч, дало установку на жесткую оборону. Но защитник Жичев играл не просто жестко, он откровенно бил по ногам Пеле, раз за разом доставляя ему невыносимую боль, а судья на все это не обращал внимания. Бразилия выиграла 2:0, но это была очень дорогая победа. «Пеле – это суперчеловек, гений, который затмевает всех

остальных игроков. Он полностью господствовал на протяжении всего матча не только благодаря великому голу, забитому им, и множеству возможностей, предоставленных партнерам, но и за счет своего класса, который просто деморализовал соперника», – писала английская газета «Дейли Миррор». Но что толку от этих похвал, если «король» не смог выйти на следующий матч с Венгрией. А в игре с португальской сборной дело Жичева продолжил защитник Мораис. Он неустанно охотился за Пеле, преследуя цель вывести «короля» из строя. И Мораис добился своего. В одном из эпизодов он откровенной подножкой скосил Пеле, а затем прыгнул на него бутсами. Все, что смогли сделать врачи бразильской сборной, – это помочь Пеле подняться и вывести его с поля. Для «короля» чемпионат мира был закончен. Но это было только полбеды. Беда же заключалась в том, что после матча с Португалией сборная Бразилии вылетела из борьбы за кубок Жюля Римэ. Это даже нельзя было назвать неудачей, это был полный провал – после двух побед подряд не суметь выйти даже в четвертьфинал!

Уверенность в победе – это хорошо, но только тогда, когда она не переходит в самоуверенность. Перед чемпионатом мира все в Бразилии настолько уверовали в победу, совершенно забыв, что в мире умеют играть в футбол не только бразильцы. Поехать в Англию, выиграть шесть матчей, завоевать кубок и золотые медали и с триумфом вернуться домой – вот и все, что предстояло, сущий пустяк для великой бразильской команды. Однако не получилось. Да, можно сетовать на травму Пеле, на необъективное судейство, трудности с долгим переездом и акклиматизацией. И все же бразильцы сами виноваты в своем поражении. Чрезмерная уверенность в победе плюс абсолютно неоправданные эксперименты при подготовке сборной – вот главные причины провального выступления двукратных чемпионов мира. Поражения с одинаковым счетом 1:3 от венгров и португальцев – и двукратные чемпионы мира с позором возвращаются домой.

Пеле настолько тяжело переживал провал в Англии, что поклялся больше не участвовать в чемпионатах мира: «Буду спокойно играть за «Сантос» и, может быть, иногда за национальную сборную, но только не на чемпионатах мира! Я не хочу расплачиваться своими костями в матчах на Кубок Жюля Римэ за несостоятельное руководство сборной. Я участвовал в трех чемпионатах, и с меня хватит!»

Кто виноват? Бразильская пресса обвинила в поражении Пеле и его партнеров (правда, самому Пеле доставалось меньше всех, поскольку он был травмирован и не смог сыграть в полную силу),

считая, что если на поле выходит бразильская сборная, состоящая из одиннадцати суперфутболистов, и не может выиграть, то значит, она играет слабо. «Футбол – коллективная игра, ни один самый талантливый игрок не способен выиграть за всю команду, – отвечал Пеле на все эти несуразные обвинения. – Выигрывают не звезды, а команды – это правило хорошо знакомо каждому футболисту. Хоть Пеле – известный футболист, но он забивал голы благодаря своим партнерам, которые вовремя пасовали ему мяч. С другой стороны, Бразилия выигрывала многие игры потому, что Пеле не пытался забить все голы сам, а выводил на удар других игроков. Так в футболе приходит успех».

Наверное, 1966 год – самый неудачный в жизни Пеле. К чисто футбольным совершенно неожиданно добавились и финансовые проблемы.

Свой первый контракт с «Сантосом» Пеле подписал, когда ему было всего 15 лет. 6000 крузейро в месяц – смешная сумма (в те времена – примерно 70 долларов), но для мальчишки, который еще недавно не знал, что такое нормальные ботинки, это были очень приличные деньги. Собственно говоря, контракт подписывал отец Пеле, поскольку сам футболист считался еще несовершеннолетним.

После чемпионата мира в Швеции Пеле, естественно, стал зарабатывать гораздо больше. В 1960 году его доход приближался к 100 000 долларов. По сравнению с нынешними заработками футболистов – эта сумма кажется смешной, но по бразильским меркам 1960-х годов это было целое состояние. Босоногое детство осталось в прошлом, теперь Пеле мог позволить себе жить на широкую ногу, делать родным подарки. Так, он купил родителям газовую плиту. Дом семьи ду Насименту в «плане газификации» стал самым передовым в Бауру, ведь газовой плиты не было даже у самых богатых людей города. Увы, этот подарок оказался совершенно бесполезным – Пеле забыл, что в Бауру в те времена не было ни газопровода, ни баллонов со сжиженным газом.

«Деньги не должны лежать мертвым грузом, деньги должны делать деньги!» Этот вечный принцип известен любому предпринимателю. Однажды Пеле тоже решил «ринуться в беспокойное море бизнеса». Однако его знания делового мира были равны нулю и он, на свою беду, воспользовался советом друзей. Когда Пеле только пришел в «Сантос», ветераны команды взяли своеобразное шефство над молодым неопытным игроком. Зито, один из «шефов», познакомил подопечного со своим знакомым испанцем, неким Хосе Гонсалесом Осорисом, прозванным за соответствующую комплекцию «Пепе-толстяк». Сразу скажем, что Зито действовал исходя из самых лучших

побуждений, желая помочь молодому партнеру по команде…

Как все красиво начиналось! «Санитариа Сантиста» – фирма по продаже хозяйственных товаров и сантехники, «Инкопорадора Нетуно» – компания, строившая дома для последующей сдачи квартир в аренду, еще несколько фирм, одним из хозяев которых был молодой успешный бизнесмен Эдсон Арантес ду Насименту. Но почему-то от всех этих операций банковский счет Пеле не пополнялся, а наоборот, уменьшался с каждым днем, пока, наконец, не оказался совсем пустым. Мало того, выяснилось, что на футболисте «висит» масса неоплаченных счетов, а кредиторы отнюдь не собирались прощать «королю» его долги.

Как же так получилось? Из-за постоянных тренировок и разъездов сам Пеле заниматься собственным бизнесом не мог и полностью доверился своему компаньону. С тех пор состоянием футболиста бесконтрольно распоряжался Хосе Гонсалес Осорис. Нет, он не воровал у Пеле деньги, не обманывал его. Просто оказался никудышным бизнесменом. Одни поставщики сантехники всучили ему некачественный товар, другие – взяли аванс и быстро исчезли. Не лучше обстояли дела и в строительной фирме. Дома были построены настолько бестолково, что в них никто не желал жить даже за небольшую арендную плату. Единственное, в чем Хосе Осорис проявил деловую смекалку, это в том, что не вложил в дело ни единого цента собственных денег.

К началу 1966 года Пеле оказался совершенным банкротом. У него просто не было сбережений – даже если бы он продал все свое имущество, то все равно не смог бы расплатиться с долгами. Все, что он умел, – играть в футбол. Пеле заявил, что разрывает все отношения с Хосе Гонсалесом Осорисом и отныне будет осторожен в выборе деловых партнеров. Но что толку от этих заявлений, если они не подкреплены звонкой монетой?

Пеле не оставалось ничего другого, кроме как обратиться к руководству «Сантоса». И картолы помогли своему лучшему игроку, но отнюдь не бескорыстно. В бизнесе нет места благотворительности, хотя уж кто-кто, а Пеле мог бы рассчитывать на помощь клуба, ведь один матч с его участием приносил от 20 до 50 тысяч долларов прибыли. Пеле был поставлен перед выбором: или признать себя банкротом со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями, или подписать с «Сантосом» новый трехлетний контракт на очень невыгодных для себя условиях. Пеле, естественно, предпочел (а точнее, был вынужден это сделать) второй вариант. По контракту клуб выплачивал все долги футболиста, а Пеле обязывался два года отыграть за фиксированную зарплату, не требуя повышения,

а за третий сезон он вообще не получал никаких денег! Приятного мало, но это, надо признать, не сказалось на игре «короля». Да и финансовые дыры ему удалось залатать достаточно быстро. Он был самым популярным спортсменом на планете, и рекламные фирмы быстро поняли, что с помощью одного только магического имени «Пеле» можно продать все что угодно. Что он только не рекламировал – кока-колу и пепси-колу, кофе собственного имени и леденцы «Дропс», бутсы «Пума» и одежду «Спарта», магнитофоны «Сони» и мотоциклы «Хонда», нефтяные и авиакомпании, банки, компьютеры и прочее, прочее, прочее. Даже в рекламе знаменитой «Виагры» засветился.

Единственное табу – реклама сигарет и спиртных напитков. Это у Пеле было с детства. Однажды Дондиньо застал сына с сигаретой в зубах. «Лучше бери у меня последние деньги, чем одалживать у друзей на курево», – сказал отец. Пеле вспоминал, что в тот момент был готов провалиться под землю от суровых слов отца. Не лучше закончилось и знакомство с вином. Один из приятелей напоил Пеле какой-то отравой, отчего ему стало совсем худо. Когда сын немного пришел в себя, Дондиньо провел с ним душеспасительную беседу, используя в качестве аргументов увесистые подзатыльники. С тех пор Пеле смотреть не может на сигареты и алкоголь, разве что позволит себе бокал шампанского в рождественский вечер. И надо отдать ему должное, не призывает делать то, что сам считает вредным для здоровья. Недавно одна табачная компания предложила Пеле весьма соблазнительный в финансовом плане контракт, но «король» это предложение категорически отверг. «Представьте, что я появляюсь в рекламном ролике и рассказываю, что курение наносит огромный вред здоровью, вызывает зависимость и может привести к раку легких. Потом я говорю, что сам вообще-то не курю и меня все вышеперечисленное не касается. Но вот если бы курил, о-о-о, тогда только сигареты именно этой марки. Ведь это же просто глупо…»

В вестибюле знаменитого стадиона «Маракана» в Рио-де-Жанейро висят мемориальные доски, свидетельствующие о самых знаменательных событиях бразильского футбола. Почетное место занимает доска с надписью: «19 ноября 1969 года в матче с «Васко да Гама» великий Пеле забил 1000-й гол и навеки утвердил себя как лучший игрок всех времен и народов». К этому событию начали готовиться заранее. Примерно за год до памятного матча заволновались футбольные статистики – Пеле уже был близок к заветному числу, однако в точном количестве забитых «королем» мячей были некоторые несоответствия. Пеле попросил

статистиков прийти к какому-то единому мнению, чтобы не забивать юбилейный гол несколько раз. Получалось, что 1000-й мяч он должен был забить где-то до 1 ноября 1969 года. С начала осени вся Бразилия с волнением следила за каждым матчем с участием Пеле. Сотни фото– и тележурналистов ездили за «Сантосом» по всей стране, чтобы запечатлеть на пленку историческое событие. Пеле перевалил за отметку в 990 мячей, но затем слегка притормозил и к началу ноября забил только 996 голов. «Старались» и соперники, упорно не желавшие, чтобы 1000-й мяч влетел именно в их ворота.

4 ноября «Сантос» потерпел разгромное поражение от «Коринтианс» со счетом 1:4. Пеле не забил. Девятого числа в матче с «Сан-Паулу» команда Пеле добилась ничьей (1:1), но сам «король» вновь не смог поразить ворота. Когда же, когда это случится? Через три дня в матче с клубом «Санта Круз» из Ресифи Пеле быстро забил два мяча. Публика была заведена до предела, еще два мяча и наконец-то *это* произойдет. Но неожиданно вратарь «Сантоса» получил травму, и Пеле… встал в рамку своих ворот (что, кстати, в подобных случаях делал не раз за свою карьеру).

15 ноября «Сантос» выехал в штат Баия на матч с «Экспорте». «Выходя на поле, я очень нервничал, – рассказывал Пеле. – Как же мне хотелось забить этот чертов гол, чтобы наконец-то обрести покой! Наверное, это желание никогда не было таким сильным, как в тот день. Неожиданно мне пришла в голову мысль: «А что, если на этот гол мне понадобятся многие годы моей жизни, и он будет ускользать от меня, не давая нормально играть. Мешали и сотни фото– и кинокамер, которые фиксировали буквально каждый мой шаг по полю. Мое возбужденное воображение превращало их в марсианских чудовищ, бесстрастно взиравших на меня своими стеклянными глазами». А тут еще власти Баии объявили, что, если Пеле забьет тысячный гол на территории их штата, они закатят такой карнавал, которого еще не видела Бразилия, а «королю» поставят огромный памятник. Пеле старался как мог, но за весь матч ему так и не представился стопроцентный момент, чтобы забить. Незадолго до финального свистка «король» рванулся вперед, обыграл нескольких защитников, обманным движением уложил вратаря и хлестко ударил по воротам… Но нет… Мяч попал в перекладину, отскочил прямо на ногу партнеру Пеле Жаиру, и тот добил его в ворота. Матч так и закончился со счетом 1:1.

19 ноября в Рио команда Пеле играла с «Васко да Гама». Хозяева открыли счет и до середины второго тайма умело отбивали все атаки. Наконец защитник «Васко» Рене неудачно

прервал острую передачу, адресованную Пеле, и счет стал равным. Но публика хотела не этого: зачем ей автогол какого-то Рене, если она хочет видеть мяч, забитый «королем». На этот гол трибуны ответили оглушительным свистом, но не потому, что их команда проигрывала, а потому, что Рене помешал «королю» забить тысячный гол. И вот наконец-то… На 77-й минуте матча великолепный пас Клодоалдо на Пеле отсек почти всю оборону «Васко». Перед Пеле было всего два защитника – Фернандо и Рене. «Король» рванулся к воротам и в этот момент Фернандо, стараясь предотвратить выход один на один с вратарем, поскользнулся на мокром поле и врезался в Пеле. В ворота «Васко де Гама» назначили пенальти… Пеле сначала не хотел подходить к одиннадцатиметровой отметке, но весь стадион скандировал его имя. И он изменил свое решение…

«Это был, наверное, первый раз, когда мне действительно было страшно. Я весь дрожал, и ноги у меня просто тряслись. Я так боялся, что не забью этот пенальти, потому что весь стадион был готов взорваться, все кричали, все орали. Я стал думать: «Господи, если я сейчас не забью, если только я его не забью, это будет ужас и кошмар…»

Вратарь «Васко де Гама» угадал направление полета мяча, но Пеле пробил точно в нижний угол и голкипер не смог отразить удар. Казалось, что от крика зрителей обрушатся трибуны. Как говорили бразильцы, в тот момент Пеле достаточно было махнуть рукой, и рухнули бы не только трибуны, но и правительство, по повелению своего бога торсида сделала бы все что угодно. Матч прервался, на поле выскочила толпа журналистов и болельщиков. Игроки обеих команд пронесли Пеле на руках вокруг стадиона. Все это время футболист рыдал от счастья, потом плакал в душевой, долго не мог успокоиться и продолжал всхлипывать, сидя на скамейке. По окончании матча Пеле вручили специальную грамоту от ФИФА. Через несколько дней министерство связи Бразилии выпустило специальную почтовую марку, единственную в мире, посвященную отдельному достижению футболиста. С тех пор 19 ноября отмечается в «Сантосе» как «день Пеле».

Всего за свою карьеру Пеле забил 1281 гол в 1363 матчах (большинство статистических источников сходятся именно на этой цифре, хотя по некоторым подсчетам число мячей, забитых Пеле в официальных и товарищеских матчах, достигает 1400). При всей фантастичности этой цифры Пеле не является рекордсменом по этому показателю. На счету знаменитого бразильского нападающего начала XX века Артура Фреденрайха 1329 мячей. Но, отдавая должное великому предшественнику

Пеле, следует отметить, что Фреденрайх играл 26 лет (с 1909 по 1935 год), а Пеле – на пять лет меньше. К тому же Артур Фреденрайх выступал только в Бразилии, где на оборону обращали мало внимания, Пеле же немало забил голов и европейским командам, которые к защите относились куда более серьезно. 90 раз Пеле делал хет-трик, 30 раз – «покер», 4 раза забивал 5 мячей за матч, а в 1964 году в матче с «Ботафого» на его счету 8 (!) голов.

Но дело даже не в том, что он много забил, а в том, как он это делал! «Пеле умеет делать все, – писал Игорь Фесуненко, неоднократно видевший игру «короля». – Он обладает высоким прыжком и стремительным рывком (несмотря на кажущуюся грузность фигуры), одинаково отлично бьет с обеих ног, в совершенстве владеет техникой финтов и обводки, потрясающе видит и даже чувствует поле, молниеностно ориентируясь в самых запутанных игровых ситуациях (врачи даже пытались объяснить эту способность «короля» особым устройством глаз). Он также обладает остроумным футбольным интеллектом, ставя противника в тупик своими неожиданными тактическими и техническими находками. Он обгоняет самых стремительных защитников, перепрыгивает самых высоких игроков противника, борется корпусом против самых атлетически сложенных гигантов… Иными словами, Пеле – это эталон, это – идеал современного футболиста. Идеал, к которому все стремятся, но которого достиг только один: Эдсон Арантес ду Насименту – Пеле».

За всей этой кутерьмой, связанной с тысячным голом Пеле, как-то незаметно стало подкрадываться время решающих игр чемпионата мира 1970 года в Мексике. Пеле, естественно, предложили место в сборной. Поначалу он оставался верен своей клятве, данной после чемпионата мира в 1966 году, однако затем все-таки изменил решение. Пеле видел, что из поражения в Англии были сделаны правильные выводы и команда вполне способна бороться за высший титул в мировом футболе. На руку бразильцам было и то, что чемпионат проходил в Мексике. Многие европейские федерации резко возражали против проведения первенства именно в этой стране. Жара и высокогорье, конечно же, создавали определенные трудности европейцам. Бразильцы же наоборот, привыкли играть при высокой температуре, им нередко приходилось выступать и на высокогорных стадионах в той же Мексике, Боливии или, например, Колумбии.

Бразильцы блестяще провели отборочный цикл, не проиграв

ни одной встречи. В этом была немалая заслуга главного тренера Жоао Салданьи. К сожалению, талантливый тренер обладал трудным, если не сказать буйным характером. Все чаще и чаще возникали стычки между Салданьей и каким-нибудь не в меру назойливым журналистом (интересно, что сам Салданья несколько лет занимался журналистикой). Пока дело ограничивалось кулаками, Салданью еще терпели, понимая, что репортеры нередко сами провоцировали неуравновешенного тренера на подобные поступки. Но однажды Салданья выхватил пистолет, и если бы тот не дал осечку, дело могло бы закончиться трагедией. В конце концов бразильская федерация решила расстаться с Салданьей. Найти нового тренера сборной удалось не сразу. Многие специалисты не хотели рисковать своей репутацией, понимая, что в случае провала все претензии будут высказаны именно главному тренеру. Рискнуть решил Марио Загало, партнер Пеле по сборной, игравшей на чемпионатах 1958 и 1962 годов. Загало был полной противоположностью Салданьи. «Марио отличался удивительным самообладанием, – вспоминал Пеле. – Его спокойный и уравновешенный характер в немалой степени способствовал тому, что наша команда вновь ощутила себя единой семьей».

Если четыре года назад в Бразилии перед чемпионатом царили исключительно победные настроения, то в 1970 году ситуация была обратной. И дома, и за границей считали, что у бразильцев немного шансов в третий раз стать чемпионами мира. Кое-кто полагал, что сборная Бразилии может даже не пройти дальше первого раунда. Подгруппа была действительно очень сильная – кроме Бразилии, в нее вошли действующие чемпионы мира англичане, сильная чешская сборная и команда Румынии, не причисляемая к фаворитам, но вполне способная преподнести конкурентам неприятные сюрпризы.

С самого начала первого матча с чехами над бразильцами замаячил призрак английского провала четырехлетней давности. Уже на 11-й минуте нападающий Петраш вывел сборную Чехословакии вперед. К счастью, еще в первом тайме Ривелино со штрафного сравнял счет. А второй тайм прошел при полном преимуществе сборной Бразилии. После великолепного удара Пеле с лета счет стал 2:1, а два гола Жаирзиньо завершили разгром чешской команды. Следующим соперником бразильцев были чемпионы мира.

«Преждевременный финал чемпионата» и «борьба лучшего в мире нападения с лучшей в мире защитой» – так газеты характеризовали противостояние сборных Бразилии и Англии. От Пеле и его партнеров ждали яркого атакующего футбола, однако

Марио Загало решил, что на этот раз Бразилия не будет сломя голову нестись в нападение и основное внимание уделит сохранности собственных ворот. В этом был определенный риск, ведь бразильцы по сути дела избрали тактику, характерную как раз для англичан. Однако риск оправдался. Как ни старался великолепный вратарь Бенкс, но и он не сумел спасти англичан от великолепной комбинации в исполнении Тостао, Пеле и завершающего удара Жаирзиньо. Свои же ворота бразильцы сумели отстоять, и в итоге матч закончился со счетом 1:0. Выиграла сборная Бразилии и у румынской команды. Правда, в этом матче присущая бразильцам самоуверенность чуть было не сыграла с ними злую шутку. Два быстрых гола, и показалось, что дело сделано. Но не тут-то было. Румыны сократили счет. Во втором тайме Пеле вновь довел преимущество бразильцев до двух мячей, но за восемь минут до финального свистка разрыв в счете снова сократился до минимума. Не без труда, но бразильцам все-таки удалось отстоять свои ворота и матч так и закончился со счетом 3:2.

В четвертьфинале бразильцы встречались со сборной Перу. Две южноамериканские команды, конечно же, не стали играть в оборонительный футбол (тем более что перуанцев тренировал Диди, старый знакомый Пеле и Загало по сборной, игравший вместе с ними на чемпионатах в Швеции и Чили). Главными действующими лицами стали нападающие. Бразильцы пропустили дважды, однако ответили перуанцам четырьмя великолепными голами.

«Бразилия проиграла… Я никогда не забуду того дня… Я решил стать футболистом, по крайней мере, таким же, как мой отец, чтобы однажды выйти на матч с уругвайцами и отомстить! Я поклялся, что когда-нибудь обязательно отомщу Уругваю!» Эту клятву Пеле дал 16 июля 1950 года. Этот день до сих пор остается одним из самых черных дней в истории бразильского футбола. Бразилия со счетом 2:1 проиграла уругвайцам решающий матч чемпионата мира, и не где-нибудь, а на знаменитой «Маракане» в Рио-де-Жанейро. Никто не сомневался, что Бразилия выиграет, никто… Это была катастрофа. На несколько дней смеющаяся, искрящаяся Бразилия погрузилась в глубокий траур. Это было невероятное унижение. В течение двадцати лет бразильцам не представлялось возможности смыть позор поражения, и вот такой шанс наконец появился…

О господи, неужели опять… На 18-й минуте полуфинального матча вся Бразилия схватилась за сердце, когда защитник Пиацца направил мяч в собственные ворота. Бразильцы ринулись вперед, они не имели права проиграть. Уругвайцы сопротивлялись как

могли, но в конце первого тайма Клодоалдо сравнял счет. На 30-й минуте второго тайма Жаирзиньо обыграл двух защитников и неотразимо пробил по воротам – 2:1. А в самом конце матча Пеле великолепным пасом нашел Ривелино, и тот окончательно снял вопрос о победителе матча. 3:1 – и Бразилия в финале…

Это было величественное зрелище, состоявшееся в дождливый день 21 июня 1969 года. На стадионе «Ацтека» в Мехико собрались 110 тысяч зрителей, еще миллиард (!) по телевизору наблюдал за ходом самой главной игры четырехлетия. На 17-й минуте матча счет голам открыл Пеле, замкнувший головой навес Ривелино. Однако через двадцать минут итальянцы сравняли счет. Гол возник буквально из ничего. Бразильцы, конечно, мастера эффектной игры, но иногда лучше просто, но надежно. Клодоалдо возле своей площадки пяткой отдавал пас партнеру, но итальянский нападающий перехватил мяч и спокойно переиграл вратаря Феликса. Конечно, нелепый промах в обороне на какое-то время деморализовал бразильцев, но сборная Италии не воспользовалась моментом и продолжала играть в строго оборонительный футбол. Основное внимание итальянские защитники уделяли Пеле, чем воспользовались коллеги «короля» по нападению. В середине второго тайма Герсон прошел прямо по центру и мощно пробил – 2:1. Через пять минут пас Пеле вывел на ударную позицию Жаирзиньо, который с убойной дистанции просто не мог промахнуться. Последний мяч чемпионата забил Карлос Альберто, и опять после великолепной передачи Пеле.

Что творилось после финального свистка! Толпа болельщиков ринулась на поле. Пеле заблаговременно сорвал с себя футболку, опасаясь, что из-за нее зрители просто разорвут его на куски. Но этого оказалось мало, с Пеле сорвали бутсы, гетры, трусы, хорошо, хоть плавки оставили. Он надеялся спастись в душевой, но и туда вскоре нагрянули журналисты. Так они и брали интервью, стоя в одежде под струями горячей воды.

Бразильцы в третий раз выиграли мировое первенство, Кубок Жюля Римэ был им вручен навечно. А Пеле стал трехкратным чемпионом мира, единственным в истории футбола…

«Fica! Fica! Останься! Останься!» 180 тысяч болельщиков, собравшихся на «Маракане», умоляли Пеле остаться. Но нет, «король» принял решение уйти… Пока еще не насовсем, однако выступать за сборную он больше не будет. Матч со сборной Югославии, проходивший 16 июля 1971 года, был далеко не лучшей игрой Пеле. Конечно, он не мог сдержать эмоций, понимая, что в последний раз вышел на поле в желто-зеленой

форме национальной сборной. После финального свистка «король» пробежал вокруг стадиона, приветствуя зрителей. Он снял с себя футболку, стал махать ею болельщикам, а затем этой же футболкой вытер слезы. Он уже не мог сдержаться и плакал навзрыд. Вместе с ним плакала вся Бразилия. «Я плакал и на следующий день, до того мне было плохо. Я тогда чувствовал себя совершенно убитым, у меня началась депрессия. Был огромный прием по этому поводу, и на следующее утро я действительно чувствовал себя очень одиноко. Я даже думал: может быть, вернуться еще? Какие-то такие сомнения у меня были».

Конечно же, он мог сыграть на чемпионате мира 1974 года. Пеле стоило только сказать «Я буду играть!», и Марио Загало тотчас бы включил его в состав сборной. Но «король» почувствовал, что его время прошло, и поехал на чемпионат в качестве телекомментатора. В полуфинале Бразилия проиграла 0:2 сборной Голландии, в которой тогда блистал великий Йохан Кройфф. В случае выиграша футболистов носили бы на руках, но как только сборная потерпела поражение, виноватыми стали все, даже те, кто уже не имел к команде непосредственного отношения. «Поражение сборной на чемпионате в Германии вызвало в стране глубокое уныние, – вспоминал Пеле. – Досталось и мне за отказ участвовать в чемпионате. Но я-то знал, что от моего участия ничего бы не изменилось. Тренер команды – хозяин, и это естественно. Именно он определяет тактическую схему игры. В данном случае имел место явный просчет. Проигрыш в турнире был целиком на совести тренера. Индивидуальное мастерство игроков здесь ни при чем».

В последний раз Пеле сыграл за «Сантос» 3 октября 1974 года в матче против клуба «Понте-Прета». На 20-й минуте матча мяч попал к Пеле. Неожиданно он взял мяч в руки, побежал к центральному кругу и опустился на колени. Огромная «Маракана» на несколько секунд притихла. Зрители поняли, что «король» прощается с футболом. Матч прервался. Пеле под аккомпанемент приветственных криков совершил круг почета, а затем скрылся в тоннеле, который вел в раздевалку. «В это трудно было поверить, – вспоминал «король». – В тот момент футболист Пеле перестал существовать. Вместо него появился бизнесмен Эдсон Арантес ду Насименту. В тот момент я точно знал, что это действительно так».

В конце карьеры он все чаще мечтал о нормальной человеческой жизни – в девять утра приходить в контору, в пять возвращаться домой и проводить вечер с семьей. Наконец-то его мечта сбылась, но, как оказалось, ненадолго.

Еще в 1971 году на Ямайке Пеле встречался с директором

Североамериканской футбольной лиги (NASL) Филом Уоснэмом, менеджером нью-йоркского футбольного клуба «Космос» Кливом Тоем и секретарем федерации футбола США Куртом Ламмом. Американцы в то время пытались сделать футбол таким же популярным, как и другие традиционные для Америки виды спорта. Своих великих игроков в США, понятное дело, не было, и поэтому американцы старались привлечь как можно больше звезд со всего света. Американцы привыкли видеть все самое лучшее, а самого лучшего футболиста на планете звали Пеле, и поэтому его хотели купить. Но Пеле не продавался. «Зачем мне Нью-Йорк, если и «Барселона», «Реал», «Милан» и другие клубы предлагали гораздо больше, чем я зарабатывал в «Сантосе». Я закончу выступления в «Сантосе», а потом хочу жить, как простой смертный. Хочу посвятить свое время семье и бизнесу».

Кроме нежелания самого Пеле, против переезда «короля» за границу возражало и бразильское правительство. Пеле – это национальное достояние, и поэтому он должен радовать своей игрой бразильских болельщиков. Но бизнесмену Эдсону Арантесу ду Насименту правительство отнюдь не собиралось прощать незнание бразильских таможенных законов. Компания «Фиолакс», занимавшаяся производством резиновых изделий для автопромышленности, якобы нарушила правила ввоза некоторых видов сырья. И хотя Пеле владел всего шестью процентами акций «Фиолакса», он опрометчиво подписал обязательство, касающееся всех финансовых дел фирмы. Под его поручительство была получена и банковская ссуда, по которой «Фиолакс» не смог расплатиться. В итоге Пеле должен был заплатить около двух миллионов долларов, чтобы погасить ссуду и штраф правительству. До банкротства, как было в 1966-м, было далеко, однако Пеле, чтобы быстро расплатиться с долгами, был бы вынужден за бесценок распродать бóльшую часть своей собственности. И тут он вспомнил о предложении американцев, которое до сих пор оставалось в силе. Контракт с «Космосом» (семь миллионов долларов за три года) позволил «королю» благополучно избежать серьезных финансовых потерь.

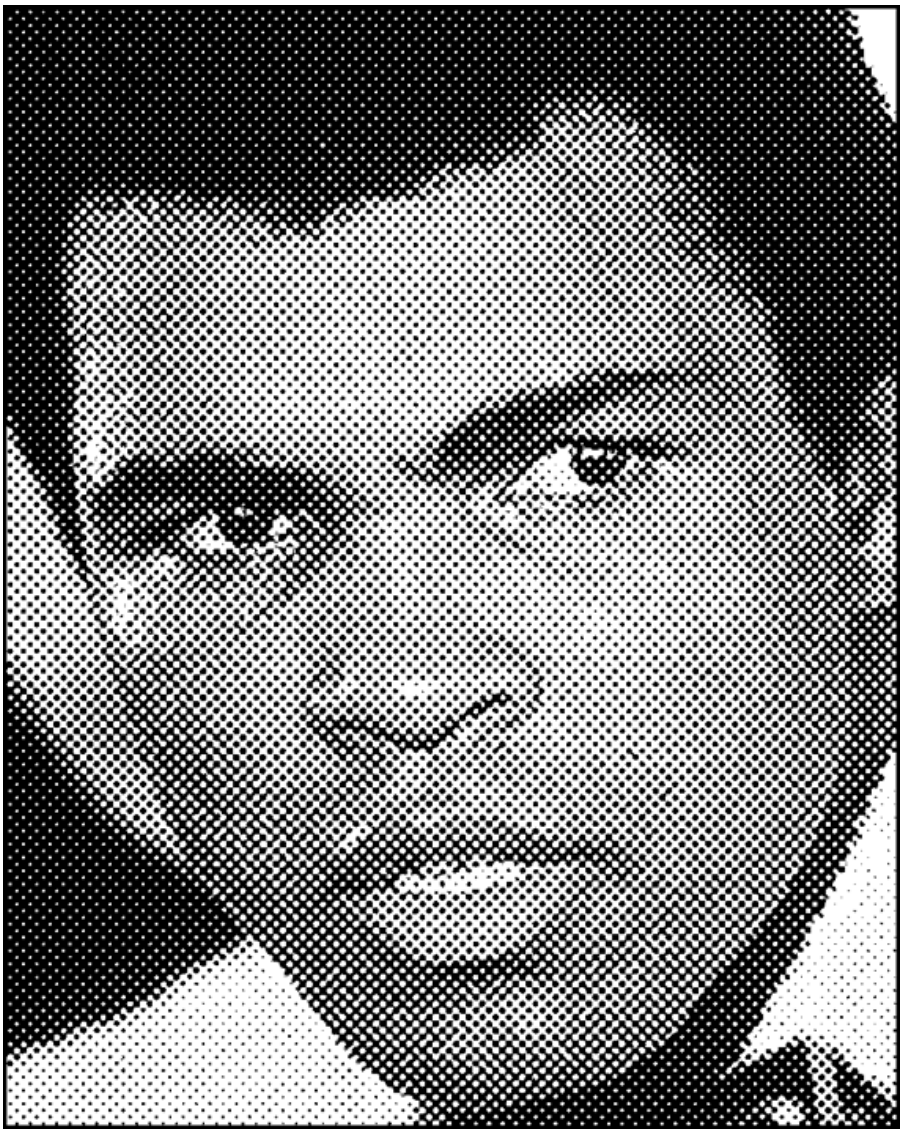
Конечно, это скорее было шоу, чем настоящий футбол (собственно, футболом в США называется совсем другая игра, а привычный нам футбол американцы именуют соккером). И все-таки свою задачу Пеле выполнил. Если раньше на матчи «Космоса» приходили в среднем 7–8 тысяч человек, то с его приходом посещаемость увеличилась до двадцати тысяч. Соккер не стал видом спорта № 1 в Америке, однако середина 1970-х годов стала периодом расцвета (к сожалению, очень недолгого) футбола в Соединенных Штатах.

Свой третий по счету «последний» матч Пеле сыграл 1 октября 1977 года на нью-йоркском стадионе «Джайнтс». Всю свою карьеру легендарный футболист провел в двух клубах – «Сантосе» и «Космосе». Неудивительно, что эти клубы встречались в прощальном матче «короля». Пеле сыграл по тайму за ту и другую команду, на 43-й минуте забил гол за «Космос», который в итоге и выиграл – 2:1.

«И швец, и жнец, и на дуде игрец», – где только Пеле не проявлял свои таланты. Он выпустил несколько музыкальных дисков, выступал в роли телекомментатора, снимался в кино. Его партнерами по сценической площадке были Сильвестр Сталлоне и Макс фон Зюдов. А однажды ему предложили сняться в откровенных сценах с самой Брижит Бардо. И он бы снялся, и блестяще сыграл бы свою роль, но Роз-Мари (это было во время первого брака Пеле) категорически воспротивилась этому.

Со времени ухода «короля» прошло без малого тридцать лет. С тех пор среди болельщиков не утихают споры по поводу того, появится ли когда-нибудь на свет «новый Пеле». Последним претендентом на трон «короля футбола» был объявлен 18-летний английский нападающий Уэйн Руни, блестяще проявивший себя на чемпионате Европы 2004 года. Многие специалисты говорили, что игра Руни на Евро-2004 произвела такое же сильное впечатление, как и игра Пеле на чемпионате мира 1958 года в Швеции. К этому мнению присоединился и сам Пеле. «Руни – огромный талант, – сказал Пеле. – Он показывает не по годам зрелую игру. Со временем он может добиться таких же успехов, как я». Однако при этом великий футболист не устает повторять: «Такой, как я, больше никогда не родится! Мои папа и мама давно закрыли производство королей футбола…»

Мохаммед Али



Сколько же их уже было, этих самоуверенных юнцов, в жизни Анджело Данди? Только научатся махать кулаками, побьют какого-нибудь уличного соперника и уже мнят себя будущими великими боксерами. Вот и еще один… Опытный тренер взял телефонную трубку и услышал ломающийся мальчишеский голос:

– Алло, это мистер Данди?

– Да.

– Мистер Данди, меня зовут Кассиус, Кассиус Клей. Мне шестнадцать лет, и если вы возьмете меня к себе, я через два года

стану олимпийским чемпионом.

«Ну, это уже слишком, – подумал Анджело Данди. – Подобной наглости я еще не встречал. Парень думает, что стать олимпийским чемпионом легко и просто. Что ж, послушаем дальше этого мальчишку».

– Это все замечательно, Кассиус. Ты станешь олимпийским чемпионом, а я стану тренером великого олимпийского чемпиона. А что потом?

– А потом я буду лучшим в мире профессионалом. Я себя знаю, я вполне способен на это, правда. Если вы возьмете меня, то не пожалеете об этом…

«Вот так вот, ни больше ни меньше… Послать бы его куда подальше, – позже Анджело Данди вспоминал, что в какой-то момент хотел бросить трубку. – А с другой стороны, интересно посмотреть на этого умника. По крайней мере гонора парню не занимать. В конце концов я выгоню его в любой момент».

– Ну что ж, Кассиус, я буду очень рад видеть будущего лучшего боксера мира, – откровенно съязвил Данди. – Приходи.

И он пришел…

Одесса Клей собиралась возвращаться домой из родильного дома. 18 января 1942 года у нее родился сын Кассиус. Медсестра принесла ей ребенка. «Какой-то он сегодня тихий, – подумала Одесса. – Не то что тот, который все время орет за стеной. Да, вот это голосина, перекричит кого угодно». Она уже собиралась выходить, когда взглянула на прикрепленную бирку. «Это же не мой ребенок! – закричала женщина. – Верните мне моего сына!» Слава богу, ошибку заметили, и матери принесли ее ребенка, именно того, непрерывно орущего во весь голос. Кассиус Клей с первых минут жизни громко заявил о себе.

Кстати, с предками Кассиуса Клея связана еще одна интересная история. Недавно исследователи Центра наследия округа Клэр, расположенного на юго-западе Ирландии, сообщили, что в родословной великого боксера обнаружены ирландские корни. Некий Эйб Грейди, проживавший в этом округе, в 60-х годах XIX века эмигрировал в Америку, поселился в штате Кентукки и женился на темнокожей девушке. Их сын тоже взял в жены темнокожую девушку, а одна из внучек – Одесса Ли Грейди – вышла замуж за Кассиуса Клея-старшего. «У нас нет никаких сомнений, что Эйб Грейди – прапрадед Мохаммеда Али, – говорит специалист по генеалогии Антуанет О’Брайен. – Правда, у нас нет уверенности, что об этом знает сам Али…»

Детство и юность большинства чернокожих боксеров похоже на очерк из книги «Тяжелое детство несчастного подростка из

негритянского гетто». Неблагополучная семейка, чаще всего без отца, безрадостная жизнь в грязном и темном квартале, постоянные уличные побоища, жизнь по принципу: «Кто сильнее, тот и прав»… Вспомните хотя бы Майка Тайсона с его папашей-алкоголиком, сбежавшим из семьи после рождения сына, матерью-шизофреничкой, общавшейся с ангелами и душами умерших родственников, и старшим братом, от побоев которого Майк прятался за холодильником. А что еще может вырасти из ребенка, которого чуть не повесили за кражу голубей, которых он так любил? Немногим «генералам негритянских гетто» удавалось выбиться в люди, большинство оказывалось в «казенном доме» или же погибало на улице от ножа или пули. Одним из выходов был бокс, и хорошо, если на пути способного подростка попадался неравнодушный тренер, который мог втолковать парню, что спорт, пусть жестокий, все же лучше, чем тюрьма или могила.

Однако у Кассиуса Клея все было совершенно иначе. Он вырос в Луисвилле, штат Кентукки, в приличной семье, его родители были интеллигентными и не бедными людьми. Отец Кассиуса работал рекламным художником и зарабатывал 60 долларов в неделю – вполне приличные по тем временам деньги. В детстве мальчик неплохо рисовал и интересовался поэзией. Так что жизнь Кассиуса Марцеллиуса Клея была если и не райской, то вполне нормальной. Но и в его судьбе улица сыграла определенную роль.

Когда Касси исполнилось двенадцать лет, сбылась его самая сокровенная мечта – родители подарили ему велосипед с большими катафотами спереди и сзади. Целый день он носился по улицам родного Луисвилля. «Ну все, – подумал он, – сейчас еще пятнадцать минут покатаюсь, а потом поеду домой, мама уже, наверное, приготовила праздничный ужин. Ай-ай-ай, совсем забыл, ведь мама просила купить продукты…» Мальчик подъехал к ближайшему магазинчику, оставил велосипед у входа и пошел за продуктами. Довольный и счастливый он возвращался с сумками к велосипеду и тут увидел, что его «драгоценное сокровище», новенький, сверкающий свежей краской велосипед уводит незнакомый парень лет пятнадцати. На какую-то секунду Касси оторопел, а потом бросился на воришку. Но силы были не равны, похититель быстро справился с разъяренным ребенком, оставив ему внушительный синяк под глазом.

Это была катастрофа… Заплаканный Касси брел по улице. Мало того, что он лишился подарка, о котором мечтал не один год, так его еще и побили. Нет, боли он практически не чувствовал, ему было до слез обидно, что с ним разобрались так

легко и просто, а он ничего не смог сделать…

Джо Мартин, луисвилльский полисмен, совершал свой обычный обход. Вряд ли он предполагал, что судьба свела его с будущим величайшим боксером всех времен и народов. Сейчас же он видел перед собой обычного мальчишку, явно обиженного на весь мир.

– Так, парень, перестань реветь, как девчонка, и расскажи, кто это тебе поставил такой замечательный синяк?

– Сэр, он украл мой велосипед, я пытался, я хотел, но он…

– Не спеши и рассказывай все по порядку, – прервал Джо Мартин сбивчивый рассказ. – Кто именно украл твой велосипед и почему ты позволил ему это сделать?

– Я не знаю, я видел этого парня в первый раз. Я хотел ему помешать, но ведь он старше и сильнее меня. Сэр, пожалуйста, найдите мой велосипед!

Джо Мартин на секунду задумался.

– Как тебя зовут?

– Кассиус Клей.

– Ну вот что, Кассиус… Велосипед твой я, конечно, поищу, но мой тебе совет – чтобы такого больше не повторялось, научись-ка ты лучше драться.

Велосипед так и не вернули, но, как оказалось, Кассиус Клей тогда нашел гораздо больше, чем потерял. Джо Мартин оказался тренером местного любительского клуба, и именно он стал первым наставником будущего чемпиона.

Рисование – это занятие для маленьких девочек, теперь смыслом жизни юного Касси стал бокс. Его упорство в достижении поставленной цели подчас переходило рамки разумного и было больше похоже на самоистязание. «Мы с братом шли на задний двор, – рассказывал он позже. – Я вставал к стенке гаража и просил брата кидать в меня камни изо всех сил. Поначалу мне крепко доставалось, мое тело было в сплошных синяках, но с каждым днем брат попадал все реже и реже. Не спрашивайте меня, чего стоит реакция в боксе…» Вскоре Кассиус стал тренироваться на заднем дворе маленькой бакалейной лавки. Конечно, его родители могли оплатить занятия сына боксом, но тогда перед входом в каждый луисвилльский спортивный зал на самом видном месте висела табличка: «Только для белых». Леонард Такер, хозяин лавки, был помешан на боксе и сразу понял, что Кассиус Клей далеко пойдет. «Он был сильнее всех тех парней, которые приходили в мою лавку, – вспоминал Такер. – Частенько противники просто не могли достать его. Он был хорошим парнем, только уж слишком много болтал».

Действительно, Касси частенько вмешивался в разговоры взрослых любителей бокса и зачастую с удивительной точностью предсказывал результаты поединков ведущих боксеров-профессионалов. И конечно, он постоянно повторял, что скоро станет лучшим боксером мира, заработает кучу денег и купит себе огромный «кадиллак». Тогда взрослые воспринимали это как обычный треп хвастливого мальчишки…

А через четыре года состоялась та самая встреча Кассиуса Клея с Анджело Данди…

– Кто тебя тренировал? – спросил Анджело Данди, впервые увидев работу шестнадцатилетнего Клея на ринге.

– Джо Мартин, – ответил Касси.

– Джо Мартин? Никогда не слышал о таком. Он, наверное, неплохой тренер.

– Нет, мистер Данди, на самом деле Джо Мартин – полицейский.

– Полицейский?! Очень интересно…

Данди сразу понял, что перед ним алмаз. Да, этот алмаз нуждался в огранке, но уже тогда был виден особенный, неподражаемый стиль Кассиуса Клея. Парень легко переигрывал более опытных боксеров, причем выигрывал не за счет силы, а с помощью ума и точных, продуманных комбинаций. И конечно, Данди потрясла работа ног, этот неповторимый «танец», скорость, доводившая соперников до бешенства…

– Что будем делать, Касси? – Анджело Данди был очень расстроен. – Пойми, сынок, с этим не шутят…

Все начиналось прекрасно, тренер и его ученик быстро нашли общий язык. Но на первом же медицинском осмотре врачи заметили странную особенность Кассиуса Клея. Когда он был спокоен, его пульс бился с частотой 55 ударов в минуту, а давление было как у космонавта – 120 на 70. Но стоило ему хотя бы чуть-чуть поволноваться, пульс моментально подскакивал до 120, а давление становилось просто-таки угрожающим. После осмотра врачи настаивали на немедленной госпитализации Кассиуса…

– Знаете, тренер, мне плевать. – Голос Кассиуса звучал совершенно спокойно. – Ради пояса я готов на все. И если мое сердце прямо на ринге выпрыгнет у меня из груди – что ж, значит, так тому и быть. Пойдемте в зал, мистер Данди, а докторам посоветуйте не забивать себе голову всякой чушью…

Чтобы попасть на Олимпиаду в Риме, Кассиусу нужно было пройти сквозь сито предолимпийского отбора. Самым сложным и опасным противником молодого Клея в полутяжелом весе считался Алан Хатсон, обладатель страшного по силе левого

крюка. До боя с Клеем Алан Хатсон буквально выносил с помоста своих противников этим самым крюком.

– Слушай, Касси, если ты будешь стоять на ринге, то Хатсон попадет в тебя своим левым боковым. А если Хатсон попадет в тебя, то он вышибет из тебя дух и ты вылетишь с ринга, словно пробка из бутылки, – настраивал Анджело Данди своего подопечного перед решающим боем. – Так что помни – ты должен все время двигаться. Я знаю, парень, ты умеешь это делать. Не лезь сразу в драку, измотай его, а потом добей.

– Да, тренер, я все понял, я так и сделаю, не беспокойтесь…

Все так и случилось – Хатсон поначалу наседал, пытаясь достать Клея. Но Кассиус умело защищался, держал противника на расстоянии и время от времени проводил быстрые комбинации, заканчивающиеся молниеносными и мощными джебами. В третьем раунде Хатсон устал, потерял концентрацию, за что и поплатился. Очередная неуловимая по быстроте комбинация Кассиуса завершилась нокаутом.

«Я самый лучший боксер в мире, я самый умный и самый красивый! Я величайший из тех, кто когда-либо жил! Я размажу по рингу любого, кто осмелится выйти против меня! Идите ко мне, детки, я научу вас жизни! Бум, бум, бум – и вы уже не помните, как вас зовут. Где Сонни Листон, где Флойд Паттерсон, где другие, покажите мне их?! А вы видели, что я сделал с Джо Фрэзером? Единственное, что вы должны знать, – что я самый лучший!» Это все он говорил позже, гораздо позже. А тогда… Тогда Кассиус еще не был таким. После победы над Хатсоном его включили в состав олимпийской сборной США и он должен был выступать на Олимпиаде в полутяжелом весе. Но Кассиус не хотел ехать в Рим, потому что… откровенно боялся проиграть. Естественно, что величайший боксер не очень любит это вспоминать, но это было. Джо Мартин втолковывал ему: «Касси, ты ведь сам говорил, что хочешь стать лучшим боксером на планете, а теперь боишься. Пойми, это ведь твой шанс. Если ты из-за своей трусости его упустишь, то все потеряешь. Трусы никому не нужны». В конце концов в августе 1960 года восемнадцатилетний Кассиус Клей отправился на Олимпийские игры.

«Стадио Олимпико», над которым вспыхнул олимпийский огонь, еще не опустел, а из Олимпийской деревни уже отъехали несколько автобусов с пятью кольцами на ветровых стеклах. Они везли в «Палаццо делло спорт» боксеров, которым выпала честь открывать восемнадцатидневные соревнования. Среди них был и Кассиус Клей. Свой первый бой он выиграл достаточно легко,

победив во втором раунде техническим нокаутом бельгийца Бекоза. Но дальше Кассиуса ждал серьезный соперник – олимпийский чемпион XVI Олимпийских игр в Мельбурне Геннадий Шатков. Правда, в Австралии Шатков стал чемпионом во втором среднем весе. Перед Римской олимпиадой стало понятно, среди полутяжеловесов в сборной СССР нет приличных боксеров, способных на равных бороться с лучшими боксерами мира, тогда как во втором среднем весе конкуренцию Геннадию Шаткову составлял очень сильный боксер Юрий Радоняк. В те годы интересы спортсменов ставили на второй план, приоритетными были интересы команды. Тренер сборной, недавно оставивший ринг десятикратный чемпион СССР Сергей Щербаков, решил, что Геннадий Шатков должен перейти в полутяжелую весовую категорию. «С огромным трудом я набрал нужный вес, несколько потеряв при этом спортивную форму, – вспоминал Геннадий Иванович те события. – Так что Кассиус Клей еще до боя получил изрядную фору. К тому же мне пришлось менять привычную тактику ведения боя, так как я оказался самым низкорослым среди полутяжеловесов».

Действительно, Кассиус имел серьезное преимущество, ведь он был сантиметров на пятнадцать выше Геннадия Шаткова и гораздо крепче сложен. Но не только это обеспечило ему преимущество – именно в Риме мир впервые увидел знаменитый «танец порхающей бабочки» в исполнении Кассиуса Клея. Скорость, расчет и сила – противостоять боксеру, в стиле которого соединились все эти качества, очень тяжело. «18-летний Клей считался лучшим боксером американской команды, – рассказывал Геннадий Шатков о своем бое с Кассиусом Клеем. – Высокий, атлетически сложенный, он легко, как бы танцуя, передвигался по рингу. Он был выше ростом и тяжелее меня. О моем любимом бое на дистанции не могло быть и речи. Поначалу ход встречи складывался для меня не так уж плохо. Правда, моим попыткам войти в ближний бой Клей противопоставил резкие хлесткие удары с обеих рук. Но при этом он и сам пропустил их немало.

В двух раундах – ничья. Но в третьем я почувствовал, что выиграть у великолепно подготовленного полутяжеловеса «потяжелевший» средневес не может. Мои удары не доставали до головы соперника. Они приходились по корпусу, на что, как мне казалось, Клей абсолютно не реагировал. Лишь большим усилием воли я заставил себя вести бой в клинче. В итоге судьи признали победителем американского боксера: 60:57, 60:57, 60:57, 60:58, 59:56».

В финале Кассиусу противостоял польский боксер Збигнев

Петшиковский. Оба боксера были настроены на победу. Первый раунд прошел в абсолютно равной борьбе, а в начале второго раунда поляк сумел навязать Кассиусу ближний бой, и какое-то время эта тактика приносила успех. Но к концу трехминутки американец взял инициативу в свои руки и переломил ход поединка. На каждый удар Петшиковского он отвечал двумя-тремя, причем гораздо более сильными. В третьем раунде Клей буквально смял окончательно уставшего противника. Единогласным решением судей победа была присуждена Кассиусу Клею и он вошел во все справочники как чемпион XVII Олимпийских игр в Риме в полутяжелом весе.

Стоя на высшей ступени пьедестала почета, Кассиус не скрывал своей радости. А потом он шел по фешенебельной римской улице Виа Ването и показывал жителям Вечного города и туристам свою золотую медаль. «Смотрите, это моя медаль, – говорил он, – я ее выиграл. Я победил русского и поляка, а они очень сильные боксеры. Но ведь меня зовут Кассиус Клей, хорошо запомните это имя. Я вскоре буду лучшим боксером в мире, вот увидите…» И все улыбались молодому симпатичному парню, даже те, кто ни слова не понимал по-английски.

Тогда он еще не знал, что скоро будет орать на каждого, кто посмеет назвать его Кассиусом Клеем. Возможно, причиной всех его поступков, много лет будораживших Америку и весь мир, стал случай, произошедший с Кассиусом сразу после возвращения из Рима. Казалось, что весь мир был у его ног. Когда он приехал в родной Луисвилль, его встречали, как национального героя. Почти все жители города вышли на улицы, когда новый олимпийский чемпион в полутяжелом весе проезжал в открытом автомобиле и приветствовал восторженных соотечественников. А рядом стояла мама, плакавшая от счастья. На торжественных приемах отцы города выстраивались в очередь, чтобы сфотографироваться с восходящей звездой. А через несколько дней Кассиуса Клея, звезду американского спорта, чемпиона Олимпиады, достойно защищавшего цвета американского флага, не пустили в ресторан. «Черномазым здесь не место», – услышал он, когда хотел зайти пообедать. «Я испытал мучительную боль, начинающуюся в голове и уходящую в самую глубь живота, боль от удара, на который ты не можешь ответить». Это было страшнее самого тяжелого нокаута. Кассиус не заметил, как оказался на городской набережной. В какой-то момент он посмотрел на свою медаль. «Я вдруг понял, что мое олимпийское «золото» ничего не значит. В Кентукки я остался всего лишь одним из негров!» Он ожесточенно сорвал с себя золотой диск и бросил его в воду… До сих пор его первая и последняя олимпийская награда покоится на

дне реки Огайо.

Боксер никогда не скрывал, что Олимпиада – всего лишь ступенька на пути в профессионалы. А после случая в ресторане о любительском боксе не могло быть и речи. Кассиус подписал контракт с луисвилльскими промоутерами. Условия, конечно, были грабительскими – Кассиус должен был отдавать половину всех заработанных денег. Но выхода не было, на таких условиях приходилось начинать практически всем молодым боксерам.

Вряд ли Танни Хансакер, боксер средней руки, совмещавший занятия боксом с работой в полиции, выходя 29 октября 1960 года на бой с Кассиусом Клеем, думал о том, что вписывает свое имя в историю бокса, как первый противник великого чемпиона на профессиональном ринге. Первый опыт оказался удачным для Кассиуса, хотя очень убедительной его победа не выглядела. Бой продолжался все шесть запланированных раундов, и по очкам победа была присуждена Клею.

До конца 1962 года Кассиус провел 15 боев на профессиональном ринге, все выиграл, при этом 12 боев – нокаутом. Но все эти бои не производили впечатления на руководителей боксерских федераций. Да, Клей был олимпийским чемпионом, но по правилам того времени победитель Олимпиады получал место лишь в конце первой десятки рейтинга боксеров-профессионалов. Он хотел драться за чемпионский пояс, а ему доставались второразрядные соперники.

И тогда Кассиус Клей решил воспользоваться старым и проверенным принципом: «Пусть тебя поносят последними словами – это неважно. Главное, чтобы о тебе говорили». И это сработало. Его поведение шокировало всех, даже прожженные воротилы профессионального бокса были в недоумении. В те годы за боксеров говорили их менеджеры, сами же чемпионы произносили на пресс-конференциях в лучшем случае два-три слова. И вдруг нескончаемый поток слов из уст какого-то юнца… Чего стоит хотя бы это его интервью: «Я самый красивый, смелый, образованный и умный!!! У меня нет совершенно никаких недостатков!!! Идите ко мне, я могу давать интервью до тех пор, пока у вас не кончатся чернила! Я великий, и мне все должны подражать!» Даже из уст прославленного чемпиона мира подобное заявление выглядело бы странно, а когда такое говорит мальчишка, совсем недавно пришедший на профессиональный ринг… Профессиональный боксер – это товар. Недаром в своем интервью Кассиус однажды сказал: «Бокс – это когда куча белых ставит деньги на то, что двое черных бьют друг друга по лицу. Но если бокс запретить, люди все равно будут его смотреть, такова

уж их природа. Но только это уже будут подпольные бои, гораздо более жестокие и кровавые».

Он понял, что себя нужно сначала хорошо подать, а затем дорого продать. И этот товар купили. Им заинтересовались телевизионщики, а уж если тобой интересуется всемогущее телевидение, то можно считать, что популярность обеспечена, и не важно, каким путем. Кассиус говорил без умолку. Вот характерный пример его телевизионного интервью:

– Кассиус, многие считают, что ты слишком много болтаешь, тебя уже называют «луисвилльским треплом». Как ты к этому относишься? – спрашивает Клея корреспондент.

– Все, что я обещаю, я выполняю. Я наглею и петушусь только до и после поединка.

– А ты можешь помолчать? Очень хотелось бы на это посмотреть.

– Нет, это невозможно…

– Но ты попробуй.

– Это невозможно. Я величайший и я нокаутирую всех балбесов, которые попытаются меня остановить, – отвечает Клей (жаль, что в книге невозможно передать его неповторимую хвастливую интонацию). – Если ты будешь мне надоедать, я и тебя нокаутирую.

– Ты все же попробуй замолчать. Пусть твой рот будет закрыт хотя бы десять секунд.

– Ну ты же знаешь, что это невозможно…

В конце концов Кассиус получил соперника, имя которого знал каждый любитель бокса, и победа над которым позволила бы Клею поднять свой рейтинг. Кассиус Клей и Арчи Мур уже встречались на ринге – «старый мангуст», как прозвали Мура журналисты, несколько месяцев тренировал Клея. Их бой, состоявшийся 15 ноября 1962 года в Лос-Анджелесе, был в своем роде уникальным явлением – ведь разница в возрасте соперников составляла без малого тридцать лет. Арчи Мур впервые вышел на профессиональный ринг в 1935 году, когда до рождения Клея оставалось еще целых семь лет. Конечно, лучшие времена 49-летнего Арчи были уже давно позади, и все же он оставался опасным соперником. До боя с Клеем «старый мангуст» одержал 182 (!) победы на ринге. До сих пор Арчи Муру принадлежит рекорд по количеству нокаутов – 141 раз соперники после его ударов не могли встать на ноги до счета «десять». И к тому же Арчи Мур оставался действующим чемпионом мира в полутяжелом весе.

Перед боем Кассиус не проявил особого уважения к своему бывшему тренеру. «Вы же понимаете, что я великий боксер, –

распространялся он в интервью журналистам. – Ну куда старику Арчи бороться со мной? Я нокаутирую его в восьмом раунде». Арчи Мур никогда не отличался агрессивностью и отреагировал совершенно спокойно: «Больше всего шума производит пустой вагон. Этот парень всегда любил поговорить. Ну и бог с ним…» На это последовал немедленный ответ: «Я не специалист по пустым вагонам и все, что я обещаю, я всегда выполняю. Арчи сказал, что я много болтаю и что специально для меня следует изобрести прищепку для рта? Что ж, тогда я уложу его не в восьмом, а в четвертом раунде. Я понимаю, что Арчи – великий боксер, но он же слишком стар. Он вполне мог бы быть моим дедушкой. Ему пора на покой, отправьте его на пенсию или мне придется сделать это самому!»

Первый раунд поединка Клей – Мур прошел достаточно спокойно, хотя было видно, что скорость и физическое превосходство Кассиуса должны обеспечить ему преимущество. Так оно и случилось. Раз за разом молодой боксер доставал противника с дистанции. Мур временами огрызался, пытался защищаться, но бесполезно. Единственным его шансом на победу оставался ближний бой, в котором Арчи мог попасть в цель своим мощным крюком. Однако Кассиус это прекрасно понимал и не подпускал соперника. Все закончилось, как и предсказывал Кассиус, в четвертом раунде. Последовал один нокдаун, затем – второй, бой превратился в избиение и, в конце концов, рефери остановил поединок. Это была 16-я победа Кассиуса Клея…

Незадолго до боя с Арчи Муром он дал очередное интервью: «Мне все равно, кто из этих двух станет чемпионом, – Паттерсон или Листон. Они – никто, по сравнению со мной. Я уничтожу любого из них, если кто-то из этих двух болванов попытается встать на моем пути». 25 сентября 1962 года в Чикаго состоялся бой за звание чемпиона мира в тяжелом весе. Ажиотаж перед встречей Флойд Паттерсон – Сонни Листон был просто невероятным. Но зрителей ждало жестокое разочарование. Действующий чемпион Флойд Паттерсон ничего не смог противопоставить Сонни Листону. Бой закончился на третьей минуте. Теперь для Кассиуса Клея существовал только один достойный соперник – Сонни Листон. «Я предрекаю, что к концу 1963 года стану чемпионом мира, самым молодым среди тяжеловесов. Мой поезд идет по расписанию. Единственное, что мне может помешать, – это если Сонни Листон будет бегать от меня и попытается оттянуть бой. Мне кажется, нет, я уверен, что он меня боится…»

Кто же такой Сонни Листон, боксер, которого до боя с Клеем

ставили в один ряд с великими Джеком Демпси и Джо Луисом и при этом называли «ужасным чудовищем»? Он всегда считался изгоем, и только недавно отношение к нему стало меняться. На самом деле вся его «чудовищность» заключалась в стремлении посильнее избить противника и вынести его с ринга. А собственно говоря, чего еще должен хотеть боксер? Да, Сонни Листон никогда не был паинькой, все знали о его тесных связях с мафией, а его криминальным «заслугам» мог позавидовать любой уголовник. Но если посмотреть, в каких условиях он рос, то кажется удивительным, как Сонни вообще не свихнулся и остался нормальным, в принципе, человеком. Начать хотя бы с того, что Чарльз Листон (прозвище Сонни – «сынок» появилось позже из-за его привязанности к матери) был предпоследним ребенком в семье бедного арендатора хлопковых плантаций. Всего же детей у любвеобильного папаши Листона было… двадцать пять. Единственное, что хорошо умел делать Листон-старший, – бить жену и детей. В конце концов мать Сонни не выдержала беспросветной бедности и постоянных побоев и уехала в Сент-Луис, забрав с собой 13 детей. А Сонни остался с отцом. Теперь побои усилились.

Понятное дело, какой «цветок жизни» мог вырасти в таких условиях. Когда Сонни исполнилось пятнадцать лет, он сбежал к матери. Мальчик пошел в школу, но вскоре стал проводить больше времени в полицейском участке, чем за партой. 15 января 1950 года семнадцатилетний Сонни Листон был осужден судом Сент-Луиса за ограбление ресторанчика и бензоколонки.

Как это ни странно, в тюрьме штата Миссури парень впервые в своей жизни встретил понимание и заботу со стороны другого человека. Тюремный священник, преподобный Алоис Стивенс, по совместительству занимался с заключенными боксом. В плане физического развития Листон был безупречен. «Сонни был просто великолепен, – описывал Листона Алоис Стивенс. – Мощные огромные руки, широченные плечи. Скоро он стал нокаутировать всех и вся. А его невероятные кулаки! После того как их заматывали бинтами, на них было невозможно надеть перчатки!»

В 1952 году Сонни Листон выходит на свободу и через год появляется на профессиональном ринге. Победы следовали одна за другой, но больше всего запомнилось поражение в бое с Марти Маршаллом. Запомнился, собственно говоря, не проигрыш Сонни, а его мужество и невероятное упорство. В самом начале боя Маршалл сломал Листону челюсть в нескольких местах, но Сонни и не думал уходить с ринга, достоял до конца и проиграл только по очкам.

В 1955 году Сонни Листон подписывает контракт с

промоутером Фрэнком Митчеллом. Неизвестно, знал он тогда или нет, что Митчелл является человеком босса мафии Джонни Витоле. Вскоре Сонни вновь попадает за решетку за избиение полицейского. Он заступился за шофера такси, на которого «наехал» сержант полиции, по комплекции не уступавший Листону. Полисмен обозвал Сонни «грязным ниггером», после чего тот избил его, сломал обе ноги и отобрал служебный пистолет. Тогда помощь мафии помогла ему – Сонни довольно быстро выпустили из тюрьмы и не лишили боксерской лицензии. Постепенно он оказался втянутым в грязные дела, выполняя различные поручения своих боссов.

На ринге у Сонни все шло просто прекрасно – он легко разбирался со своими соперниками, по большей части быстро заканчивая бои нокаутом. Наконец-то пришло время сразиться за звание чемпиона, но менеджеры Флойда Паттерсона долго не давали согласия на бой, не желая связываться с человеком из гангстерского мира. В конце концов Флойд сам, не желая прослыть трусом, решился на бой с Листоном. Этот бой воспринимался как поединок «хорошего парня» с «плохим парнем», как схватка «добра и зла». Сонни прекрасно понимал, что все настроены против него: «Я знаю, что многие молились, чтобы я проиграл. Бокс почти как вестерн. Есть хорошие ребята и есть плохие. Люди платят деньги и хотят видеть, как побьют плохого парня. Я плохой. Но я не дам себя побить». Так и случилось. Паттерсон не доставил Листону никаких проблем – их первый бой продолжался 126 секунд, второй – 130.

Как говорили знакомые Листона, после завоевания чемпионского звания боксер хотел порвать с мафией и избавиться от клейма «плохого парня». Но мафия не собиралась его отпускать, а простые люди не захотели принять «чемпиона-гангстера». И тогда он обозлился на всю Америку.

Свой последний бой Листон провел в июне 1970 года. Ходят упорные слухи, что менеджеры его противника Чака Вапнера пытались договориться с Сонни, чтобы он лег в пятом раунде. Он не согласился и так отделал Вапнера, что на лицо несчастного Чака после боя наложили 54 шва.

6 января 1971 года тело Сонни Листона было обнаружено в его доме в Лас-Вегасе. Экспертиза установила, что он скончался примерно две недели назад от сердечного приступа. На руке боксера были обнаружены следы от уколов. Но его знакомые и родные сразу же отбросили версию, что Листон был наркоманом и мог скончаться от передозировки наркотиков. Мало того, они утверждали, что Сонни всегда панически боялся уколов. Очевидно, тайна этой смерти останется неразгаданной. На его

могиле написано: «Чарльз Листон. 1932–1970. Это была личность»…

Но вернемся к нашему главному герою. Для того, чтобы наконец-то получить право драться с Сонни Листоном, Кассиусу Клею нужно было пройти Дага Джонса. 26-летний Джонс уже успел прославиться в боксе, он участвовал в титульных боях за звание чемпиона мира, правда, неудачно. На его счету до боя с Клеем была 21 победа, 3 поражения и одна ничья. Но, как и Арчи Мур, Даг Джонс был бойцом полутяжелого веса, для настоящего тяжеловеса он был слишком легок. Поэтому-то перед боем специалисты отдавали предпочтение Кассиусу. Но Клей, очевидно, предчувствовал, что поединок с Джонсом будет нелегким, и до поры до времени не делал угрожающих заявлений в адрес соперника. И все же он не выдержал и за несколько дней до боя пообещал нокаутировать Джонса в шестом раунде. «Я не концентрируюсь на Джонсе. Он просто болван. Я хочу драться с Сонни Листоном, о Даге Джонсе я не думаю, он – никто. Неужели кто-то думает, что какой-то там Даг Джонс может мне противостоять? Я уложу его в шестом раунде, а если надо, могу сократить и до трех». До того Кассиус 11 раз из 16 с точностью до раунда угадывал исход своих поединков.

Однако, ко всему прочему, Даг Джонс обладал бойцовским характером и «каменной челюстью», он еще никогда не попадал в нокаут. Для него этот бой значил очень много, ведь в случае победы над Клеем Джонс практически наверняка получил бы право сразиться за чемпионский пояс с Сонни Листоном. Даг прекрасно понимал, что ни в коем случае нельзя уходить в глухую защиту, которую Кассиус легко преодолеет работой с дистанции. И с первых же секунд боя, состоявшегося 13 марта 1963 года в знаменитом нью-йоркском дворце «Мэдисон Сквер Гарден», задал противнику серьезную трепку. Если бы Джонс был помощнее, для Кассиуса все могло завершиться еще в первом раунде.

Закончился шестой раунд, а Джонс и не думал падать, как предсказывал Клей. Последний доставал противника с дистанции, но Дагу нередко удавалось пронырнуть под рукой Кассиуса, и тогда он начинал набирать очки. Мало того, ближе к концу боя Даг Джонс сумел сделать то, что до него не удавалось сделать ни одному боксеру, – он измотал Клея. До того Кассиусу уже приходилось дважды проводить до самого конца десятираундовые поединки, но ни Дьюк Сэйбдонг, ни Алонсо Джонсон не доставляли ему столько хлопот. Впервые Кассиус столкнулся с противником, который гонял его по рингу, не

собирался отступать и буквально каждую секунду был готов к борьбе, не теряя концентрации. Конечно, и Джонс порядком устал, чем Кассиус не преминул воспользоваться. Но только в последнем, десятом раунде Клей выглядел явно лучше своего соперника. Оба боксера выложились до конца и продемонстрировали все, на что были способны. Не зря журнал «Ринг» признал этот бой лучшим поединком 1963 года.

Бой прошел в равной борьбе, что отразилось на оценках боковых судей. В пяти раундах они отдали победу Клею, в четырех – Джонсу и один раунд был признан ничейным. И только довольно-таки странное решение рефери в ринге определило итог десятираундовой схватки. Восемь раундов за Клеем, один – за Джонсоном, один – ничейный, и таким образом общая победа была отдана Кассиусу Клею.

Следующий бой Кассиус провел 18 июня 1963 года в Лондоне. Его очередной соперник Генри Купер был из породы боксеров, не хвативших звезд с неба, но способных в нужный момент собрать всю волю в кулак и дать отпор любому противнику. А Кассиус явно недооценил британца. Он рассматривал поездку в Лондон как возможность продемонстрировать себя английской публике и показать Британии, кто на самом деле сильнейший боксер на планете. «Я особо не тренируюсь перед боем с этим олухом, – заявлял Клей. – Купер – ноль, он никто. Если эта рохля продержится против меня больше шести раундов – я месяц не буду возвращаться в Штаты. Генри Купер для меня просто разогрев перед поединком с большим и страшным Сонни Листоном».

Британское телевидение до сих пор часто показывает запись боя Купер – Клей, ведь до настоящего времени этот поединок считается одним из лучших, прошедших на английской земле. Пожалуй, Генри Купер остался в истории не как 11-кратный чемпион Британии в тяжелом весе, а как первый боксер, пославший в нокдаун Кассиуса Клея, будущего великого Мохаммеда Али. Это случилось за несколько секунд до конца четвертого раунда. Купер достал Клея мощным крюком прямо в подбородок. Невероятным усилием воли тот встал на ноги. На его счастье раунд закончился, и он без сил упал в своем углу. Секунданты пытались привести Кассиуса в чувство, но это им не удалось – боксер даже не понимал, где находится. Вполне вероятно, что на первых же секундах следующего раунда Купер попытался окончательно добить Клея. И кто знает, как дальше развивалась бы его карьера, если бы не сообразительность одного из секундантов. В самом начале боя у Кассиуса немного порвалась перчатка, но на это никто не обратил внимание. Теперь

же тренер обратился к рефери с просьбой дать возможность заменить перчатку. Минуты две ушло на безрезультатные поиски. За это время секундантам кое-как удалось привести Клея в чувство, и он смог продолжить бой. Видимо, судьба в тот день явно благоволила к нему. В следующем же раунде Генри Купер получил сильнейшее рассечение, бой прервали, и победу техническим нокаутом присудили Клею.

– Кассиус, что ты скажешь о своем бое с Генри Купером? – спросили Клея после возвращения домой.

– О, это было нечто, все должны были это видеть. Я прилетел в Лондон, вышел из самолета, и тут же меня стали снимать на камеру. Куда бы я ни пошел, за мной бежали телевизионщики, такой я великий. 55 тысяч зрителей пришли вечером на бой, вы бы видели эту огромную толпу. И все эти люди, все 55 тысяч собрались у ринга, чтобы увидеть, как «луисвилльский болтун» объявляет раунд победы.

Корреспондент явно ждал, когда Клей начнет говорить о бое, о том, что ему пришлось нелегко и он чудом избежал поражения. Но куда там…

«– Мы не верим этому!» – кричат они.

Настает пятый раунд.

«Руки вверх, выходи на бой! – продолжал Клей в том же духе. – Он сказал: «Поехали!» и я сказал: «Давай!» А потом я победил и ушел с ринга…»

Тяжелый поединок с Джонсом и почти проигранный бой с Генри Купером явно пошли Кассиусу на пользу. Он наконец-то понял, что на одном таланте далеко не уедешь. Он продолжал говорить без умолку, но при этом к бою с Сонни Листоном готовился не щадя себя…

До боя было еще далеко, а претендент и чемпион мира уже начали борьбу, пока, правда, словесную. Начал, естественно, Кассиус. Прямо перед камерами он продемонстрировал, как он уничтожит это «животное». «Бум!» – справа, «бум!» – слева, «бум!» – прямо по голове, словно вгоняя последний гвоздь в гроб Листона.

– Я самый лучший, и никто не сможет меня побить! Я молод и красив! – Клей без устали нахваливал себя.

Ответ последовал незамедлительно:

– Ты, может быть, молод и красив, но скоро ты таким не будешь. Посмотрим, что с тобой будет, когда я тебя прикончу, – совершенно спокойно заявил Листон.

– Этот сорокалетний ублюдок вообще не должен стоять рядом со мной на ринге! – продолжал Клей.

– Правильно, потому что нельзя заставлять людей смотреть

на то, как я тебя буду убивать, – ответил Сонни.

Корреспондент попытался вставить слово в речь Кассиуса:

– Знаешь, Кассиус, я недавно видел Сонни Листона, так он…

– Ну не урод ли? – тут же перебил Клей. – Такие чудовища не должны быть чемпионами! А я размажу его и буду чемпионом! Я – поэт бокса! Я – провидец! Если меня не будет – бокс скоро умрет! Я – воскреситель бокса!

Зашел разговор и о ставках. Перед боем букмекеры принимали ставки 7:1 в пользу Листона, но Кассиуса это совершенно не смущало.

– Ставлю три с половиной к одному, что ты, жалкий трус, вообще не выйдешь на бой!

– Ставки десять к нулю, что я прикончу тебя в первом раунде, – отвечал Листон.

– Потеряешь ты все мани, коль поставишь все на Сонни! – в конце концов Кассиус заговорил стихами.

Последняя психологическая атака была предпринята за несколько дней до боя. Клей ворвался в зал, где тренировался Листон. «Зачем ты тренируешься, урод, ведь тебе все равно скоро придет конец?!» – наглость молодого боксера переходила все границы. Листон, естественно, не выдержал и бросился на противника. Назревала нешуточная драка, но их разняли.

Наконец Кассиус Клей дождался того, о чем мечтал много лет. 25 февраля 1964 года в Майами состоялся первый в его жизни титульный бой за звание чемпиона мира. Конечно же, кроме бравады и наглости у него был невероятный талант, и с первых же секунд боя это почувствовал Листон. Сонни пошел вперед, он пытался пробить, вкладывая всю силу в удары, но большинство из них не достигло цели. А Кассиус изматывал соперника, с невероятной скоростью перемещался по рингу и при этом бил жестко и точно. Его обманные движения просто выводили Листона из себя. Кассиус всем своим видом показывал, что будет бить слева, Листон на это покупался, и Клей тут же мгновенно перегруппировывался и проводил атаку справа.

Листон был так измотан, словно провел не четыре, а все пятнадцать раундов. Он потерял уверенность в себе, а превосходство явно было на стороне Кассиуса. И вдруг в самом начале пятого раунда что-то попало Кассиусу в глаз. Существует даже версия, что в перерыве между раундами секунданты намазали Сонни Листона какой-то едкой мазью, и из-за этого Кассиус на некоторое время практически ослеп. Боль стала просто нестерпимой, Кассиус даже порывался прекратить бой, но Анджело Данди уговорил его остаться на ринге. Листон,

естественно, не преминул воспользоваться ситуацией. Наконец-то ему удалось прорваться сквозь защиту противника и навязать ближний бой. Кассиус кое-как закрыл голову, но страшным ударам в корпус он противостоять не мог. Только за счет работы корпусом ему удалось выстоять. Победу в этом злополучном раунде все судьи отдали Листону.

И все же чемпион был обречен. Как только Кассиус смог нормально видеть, он продолжил начатое, и Листон не смог противостоять жестким ударам Клея. Он пытался подойти к противнику, вывести себя на убойный левый крюк, но все тщетно. Его знаменитая агрессия словно испарилась, он выглядел совершенно беспомощно. После шестого раунда Сонни тяжело уселся в своем углу. Прозвучал гонг, возвещающий начало следующего раунда. Кассиус, предчувствуя близкую победу, начал танцевать и поднял руки вверх. Рефери велел Листону продолжить бой, но тот не смог даже подняться со стула. Ссылаясь на травму плеча, он отказался от продолжения боя…

В зале творилось нечто невообразимое. Зрители неистово приветствовали нового чемпиона и сквозь рев толпы слышен был голос Кассиуса Клея: «Я лучший и теперь я знаю истинного бога!»…

…Однажды боксера спросили, что бы он сделал, если бы ему выпал шанс прожить жизнь сначала. «О, я бы принял ислам в десятилетнем возрасте», – ответил тот. И это не пустые слова. До сих пор он строго следует заветам Пророка, пять раз на день совершает намаз, обращая лицо в сторону Мекки. Даже после трагических событий 11 сентября 2001 года и начавшейся в США «исламофобии» он остался верен выбранному пути: «Я мусульманин и я американец. Как американский мусульманин, я хочу выразить свою глубокую скорбь и боль по поводу трагедии 11 сентября и ужасной смерти стольких людей. Ислам всегда был религией мира и согласия. Ислам никогда не поощрял терроризм и убийство людей. Мусульмане не верят в насилие. Преступники, считающие себя мусульманами, извращают учение Пророка. И кто бы ни совершил это преступление, террористические налеты в Соединенных Штатах не имеют ничего общего с исламом. Бог никогда не стоял на стороне убийц…»

Через несколько дней после чемпионского боя весь мир узнал, что человека по имени Кассиус Клей больше нет. «Клей – это рабская фамилия, белые хозяева дали ее моим предкам, и я не собираюсь больше носить эту фамилию. Запомните все, отныне меня зовут Мохаммед Али!» А вскоре ему пришлось испытать на собственной шкуре то, что чувствовал Сонни Листон. Новоявленный Мохаммед Али стал изгоем в глазах

добропорядочных американцев.

Собственно, в самом принятии ислама и нового имени ничего дурного не было. В те годы террористы с криком «Аллах акбар!» не таранили здания Всемирного торгового центра, а именем Бен Ладена не пугали детей. Но Али решил бросить вызов обществу и пошел гораздо дальше. Он не забыл про таблички «Только для белых» перед входом в спортзалы и эпизод в луисвилльском ресторане. Мохаммед вступил в группировку «Черные мусульмане», известную своими сверхрадикальными взглядами и ненавистью к людям с белым цветом кожи. Он водил дружбу с кумиром всех афроамериканцев – легендарным экстремистом Малькольмом Иксом.

Все это было не просто очередной попыткой шокировать общество. Али безоговорочно соблюдал все заповеди, декларируемые «черными мусульманами», – не пил, не курил, не танцевал и не исполнял светских песен. Он всерьез думал бросить бокс, осуждаемый руководителями секты, как недостойное для правоверного мусульманина занятие. Но лучшей рекламы, чем Али, побеждающий на ринге во имя Аллаха, придумать просто невозможно. Тем более что к этому времени у боксера закончился контракт с луисвилльскими бизнесменами, продвигавшими его на ринге, и новым менеджером чемпиона мира стал его духовный наставник, сын руководителя «Черных мусульман» Герберт Мохаммед, с немалой, надо сказать, финансовой выгодой для себя.

Али не просто поменял фамилию, он действительно изменился. Если раньше он был готов на все, чтобы завоевать чемпионский пояс, то теперь… Он хотел драться с Листоном, ведь победа над ним была все-таки неубедительной, Али не смог нокаутировать Сонни, хотя был очень близок к этому. А руководство боксерских федераций предлагало ему в соперники каких-то второразрядников, недостойных его таланта. Али нужен был Листон, и он отказывался выйти на ринг с боксерами, которых навязывал ему руководитель WBA (Всемирной боксерской организации) Боб Эванс. В ответ Эванс и его коллеги лишили Али чемпионского пояса. «Эти идиоты думают, что я расстроюсь, потеряв эту побрякушку, – последовал ответ Али. – Все и так знают, что я сильнейший. Пусть забирают пояс, мне все равно нужен Сонни Листон».

25 мая 1965 года состоялся второй бой между Сонни Листоном и Мохаммедом Али. Вряд ли жители Льюистона когда-нибудь еще увидят зрелище подобного масштаба. Проводить поединок в Бостоне не разрешили, и поэтому он состоялся в этом маленьком индустриальном городке, расположенном в штате

Мэн. В 1965 году в Льюистоне проживала всего 41 тысяча жителей. Чуть ли не столько же приехало туда, чтобы увидеть встречу Мохаммеда Али с Сонни Листоном. Да, где-то там был Эрни Террелл, выигравший по очкам 5 марта 1965 года у Эдди Мачена. Именно Террелла фактически «назначили» чемпионом мира в тяжелом весе. Но все прекрасно понимали, что настоящим чемпионом будет именно тот, кто победит на ринге «Сент-Доминик-Холла», то есть Али или Листон.

Впервые за много лет перед боем такого уровня были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Угрозы в адрес Али сыпались одна за другой. Проверялось все, что только можно было проверить, – чемоданы, карманы и даже дамские сумочки. Но, несмотря на все это, публика заполнила зал, ожидая увидеть очередной захватывающий боксерский спектакль.

Первым в зале появился Сонни Листон. Внешне он был совершенно спокоен и невозмутим, но прекрасно понимал, что сейчас ситуация совершенно иная, чем год назад. Затем вышел Али. Кто-то ему аплодировал, а кто-то неистово свистел. Бывший чемпион мира в тяжелом весе – Джерси Джо Уолкотт, рефери в ринге, подозвал боксеров. Последовал обмен уничтожающими взглядами, затем бойцы разошлись по своим углам. До гонга Али успел произнести короткую мусульманскую молитву.

С первых же секунд боя Листон пытался ударами в корпус сбить дыхание противнику, чтобы не дать ему быстро передвигаться по рингу. Но Али как всегда проворно ушел от ударов противника, затем мгновенно собрался и провел свои атаки. И в первом же раунде он молниеносным ударом попал Листону в подбородок. Сонни тяжело упал на помост, и рефери начал отсчет…

Листон все-таки встал, и Али сразу же бросился добивать соперника. Но через несколько секунд Джерси Джо Уолкотт развел бойцов и остановил бой. Оказалось, что Листон пролежал на настиле ринга семнадцать секунд, о чем рефери сообщил судья-хронометрист.

До сих пор этот бой остается одним из самых загадочных в истории бокса. Даже сидевшие прямо возле ринга люди не могли с уверенностью сказать, был ли так силен «удар-призрак», от которого Листон в первом же раунде рухнул на пол. Многие считают, что исход боя был предрешен заранее, и по глазам боксера видно было, что он в полном порядке. С другой стороны, Али попал прямо в челюсть Листона. Как бы там ни было, Мохаммед Али победил и был провозглашен чемпионом мира по версии WBC (Всемирного боксерского совета).

Следующей его жертвой стал бывший чемпион мира Флойд Паттерсон. Как и в случае с Сонни Листоном, Али начал обрабатывать своего противника задолго до боя. Он явился на тренировку Флойда и в своей обычной смешливой манере стал давать советы:

– Слушай, Флойд, тренируйся как можно лучше. Хотя нет, зачем тебе это, ведь ты все равно по мне не попадешь? А если даже слегка попадешь, я на каждый твой удар отвечу шестью.

В отличие от Листона Паттерсон выделялся редким благодушием и улыбкой отвечал на все выпады Али. Они встретились 22 ноября 1965 года в Лас-Вегасе. На этот раз прогноз Али полностью сбылся – Паттерсон действительно ничего не мог с ним сделать. А чемпион играл с соперником, как кот с мышью. Он не спешил раскрываться в первых раундах, спокойно обрабатывая противника с дистанции. В середине боя он стал бить гораздо жестче, и Паттерсон оказался в нокдауне. После одиннадцати раундов Флойд был полностью измотан. Следующий раунд превратился в избиение, и рефери остановил поединок.

Неоднократный чемпион Канады Джордж Чувало сумел выстоять в поединке против Али все пятнадцать раундов. Но он продержался только благодаря своему бойцовскому характеру. В Канаде Чувало, конечно, был лучшим, однако в поединке с Али у него не было ни одного шанса. Единственное, что он мог противопоставить, – это феноменальное умение держать удар. А Мохаммед делал все, что хотел. Передвигался по рингу, бил в движении, отходил и снова проводил комбинации из нескольких ударов.

И вновь Мохаммеду Али пришлось выйти на ринг против Генри Купера. Перед поединком боксер, как обычно, превозносил себя, но в тоже время прекрасно помнил, что с ним сделал Купер три года назад. Интерес к этому поединку был огромный. Конечно, Али был признанным чемпионом, но в душе каждого английского болельщика теплилась надежда, что Купер вновь сможет оказать серьезное сопротивление Мохаммеду Али.

Слабым местом английского боксера была его склонность получать тяжелейшие рассечения. Именно из-за этого он часто проигрывал бои, в которых имел подавляющее преимущество, но так и не добился серьезных успехов за пределами Британии. И в первом же раунде боя, состоявшегося 21 мая 1966 года в Лондоне, Купер получил серьезное рассечение над левым глазом. Понимая, что поединок может быть остановлен в любую секунду, англичанин бросился на противника и обрушил на него град ударов. Однако на этот раз Мохаммед был предельно внимателен, и большинство ударов Купера прошли мимо. К шестому раунду

кровь из раны Генри текла ручьем, арбитр остановил поединок, и победу техническим нокаутом присудили Мохаммеду Али.

В Европе Али, кроме Купера, победил нокаутом Брайана Лондона в третьем и Карла Милденбергера в двенадцатом раунде. А затем он вернулся в Америку, чтобы отстоять свой титул в борьбе с Кливлендом Вилльямсом, которого называли «двойником» Сонни Листона. Манерой боксирования он напоминал Сонни, обладал таким же убойным ударом и имел богатое криминальное прошлое. Говорят даже, что в его теле сидело несколько пуль, полученных им в бандитской разборке. Недоброжелатели Мохаммеда думали, что Вилльямс сможет дать бой Али, но чемпион уже научился легко справляться с «листоноподобными» боксерами. Главное – не подпускать таких близко, а уж бить с дистанции Али умел, как никто другой. Он не стал долго церемониться с Вилльямсом и отправил его в нокаут уже в третьем раунде.

Наконец-то настал черед Эрни Террелла. В какой-то мере бедняге Эрни можно посочувствовать. Он-то как раз ни в чем не был виноват – ему вручили чемпионский пояс, и он его взял. Но разъяренный Али 6 февраля 1967 года в Хьюстоне выместил на Террелле всю злобу, накопившуюся в нем из-за того, что руководители WBA лишили его чемпионского пояса. У многих сложилось впечатление, что боксер намеренно затягивал бой, не доводя дело до нокаута, чтобы продлить мучения противника. «Ну что, чемпион, ты еще помнишь, как тебя зовут? А как меня зовут, ты помнишь?» Наверное, сейчас подобный бой остановили бы задолго до финального гонга. Но тогда правила были гораздо жестче, и поединок продолжался все пятнадцать раундов. Эрни Террелл выстоял до конца, но ни у кого не было сомнений в безоговорочной победе Мохаммеда Али. Ему не было равных на ринге, и казалось, что никто не сможет его остановить…

– Мохаммед Али!

Сценарий присяги был отработан до автоматизма – офицер, проходя мимо строя новобранцев, зачитывал текст, и рекруты в знак согласия с присягой поочередно выходили из строя. Но в этот раз ответа не последовало, над плацем военной базы армии США в Хьюстоне продолжала висеть тишина. Офицер опешил, он, как и любой другой военный, не привык к неповиновению.

– Эй, парень, ты что, оглох? – нервно закричал офицер. – Мохаммед Али!

И вновь никакой реакции…

Али решили поставить на место. До этого он не раз заявлял, что он осуждает агрессию США против Вьетнама и никогда не

пойдет воевать. Многие полагали, что это просто слова, что в решающий момент боксер дрогнет и сдастся. Но он не испугался и бросил открытый вызов системе. Настоящий бунтарь, каким и был Али, не мог позволить себе оказаться трусом…

На медкомиссии Али буквально издевался над докторами. Читал ли он «Похождения бравого солдата Швейка», мы не знаем, но его диалог с врачами очень напоминал процедуру прохождения медкомиссии рядовым австро-венгерской армии, героем Ярослава Гашека.

– Какой город является столицей Канады? – спрашивали врачи.

– Сидней, – отвечал Али.

– Кто является Президентом США?

– Вильям Шекспир.

О случившемся на присяге было сообщено прокурору Хьюстона. Опасаясь ненужного внимания со стороны журналистов, прокурор дал указание немедленно прервать церемонию. Поступок Али произвел эффект разорвавшейся бомбы. Весь мир облетели слова: «Мне нечего делать во Вьетнаме и нечего делить с вьетконговцами. Ни под каким предлогом я не буду солдатом Вооруженных сил США. Я никогда не возьму в руки оружие и не приму участия в войне, которую не одобряет Аллах».

Это был вызов системе, а система подобных выходок не любит. Против Мохаммеда было возбуждено дело об уклонении от воинской повинности. В мае 1967 года суд Хьюстона вынес приговор: 5 лет тюрьмы и 10 тысяч долларов штрафа. Правда, в тюрьме он не сидел и штраф не заплатил. Однако не стоит думать, что его известность гарантировала неприкосновенность. Угроза оказаться за решеткой была вполне серьезной, и только благодаря адвокатам и вмешательству некоторых влиятельных почитателей таланта Али он был оставлен на свободе под огромный залог.

Но безнаказанным его поступок не остался. Уже через несколько часов после известия об отказе служить в армии решением WBA он был лишен чемпионского титула. Но это не сильно его огорчило. Хуже было другое. «Плохого парня, не захотевшего умереть за Родину», лишили смысла всей его жизни – у Али отобрали боксерскую лицензию и запретили выходить на ринг. Его борьба за право заниматься любимым делом продолжалась долгих три года…

«Свято место пусто не бывает» – чемпионский трон в тяжелом весе занял «Курильщик», «Черный Марчиано», Джо «Левый Хук» Фрезер. Нетрудно догадаться, что говорил в его адрес Али: «Джо

Фрезер – пустышка, он незаконно носит чемпионский пояс, и как только я, великий Али, вернусь на ринг, я поставлю этого выскочку на место». Однако Джо не раз доказывал, что он достоин чемпионского звания. Собственно, начинал-то Джо с гимнастики, а боксом решил позаниматься, чтобы укрепить мышцы. Бокс оказался интереснее гимнастики, и вскоре Джо стал одним из самых сильных боксеров-любителей в тяжелой весовой категории. Он легко побеждал своих соперников, однако в решающей схватке за право поехать на Олимпиаду в Токио проиграл Бастеру Мэтису. Но Мэтису не повезло, он получил серьезную травму руки и на Олимпийские игры поехал Джо Фрезер. В Токио Джо стал чемпионом, завоевав единственную золотую медаль.

После Олимпиады Джо перешел в профессионалы. Силу его убийственного левого крюка почувствовали многие. В свое время Мохаммед Али так и не смог нокаутировать канадца Джорджа Чувало, а в поединке с Дагом Джонсом победил только благодаря достаточно спорному решению судей. А Фрезер легко расправился и с Чувало, и с Джонсом, нокаутировав их, соответственно, в четвертом и шестом раундах.

4 марта 1968 года Джо Фрезер стал чемпионом мира по версии WBA, победив того самого Бастера Мэтиса, которому проиграл олимпийский отбор. А 16 февраля 1970 года Фрезер, нокаутировав в пятом раунде Джимми Эллиса, стал абсолютным чемпионом мира в тяжелом весе…

Поток гробов из далеких джунглей повлиял на американцев – отношение к бессмысленной вьетнамской войне стало постепенно меняться. В 1969 году к власти пришел президент Никсон и новое американское правительство начало переговоры о прекращении войны. И хотя боевые действия еще продолжались, 28 июня 1970 года Верховный Суд США отменил обвинительный приговор Мохаммеду Али и признал, что он на основании своих религиозных и идейных убеждений имел право на отказ от военной службы. Стало ясно, что вскоре «Великий» сможет вновь выйти на ринг, и двум чемпионам, Джо Фрезеру и Мохаммеду Али, придется выяснить, кто же из них действительно сильнейший в мире.

Летом 1970 года Али вернули боксерскую лицензию. 26 октября 1970 года стало праздником для всей черной Америки – великий Мохаммед Али вернулся и победил, причем победил белого! Его первым после возвращения соперником стал Джерри Кварри – белый боксер, который был тогда претендентом № 1 на титул чемпиона мира. Естественно, для Али возвращение было

нелегким испытанием. Три года без серьезной практики – очень большой срок для любого боксера, даже для такого, как великий Али. Он очень хотел вновь стать чемпионом и поэтому тренировался как проклятый до тех пор, пока, как он сам говорил, «мои легкие готовы были вот-вот разорваться, а язык не распухал и вываливался изо рта». Поклонники желали ему победы, однако сомнения оставались. Но Мохаммед Али развеял все опасения, он был бесподобен. Публика увидела прежнего Али, такого же быстрого и техничного. В поединке с Джерри Кварри он сразу же захватил преимущество, и только рассечение в третьем раунде спасло Кварри от неминуемого нокаута.

Аргентинец Оскар Бонавена, следующий соперник Али, в интервью выражал уверенность в своей победе:

– Али? Кто такой Али? Я легко побью этого труса. – Вот тут бы Оскару Бонавене и остановиться. Но он пошел дальше в своих оскорблениях. – Труса, который испугался идти на войну и защищать свою родину.

Естественно, что после таких слов Мохаммед не мог просто выйти на ринг и победить Бонавену. В поединке, состоявшемся 7 декабря 1970 года в Нью-Йорке, он постарался продлить мучения соперника. Четырнадцать раундов Али избивал аргентинца. В пятнадцатом раунде Бонавена еле держался на ногах, трижды оказывался в нокдауне. Али собирался добить противника, но аргентинца спас рефери, остановивший бой и зафиксировавший победу Мохаммеда Али техническим нокаутом…

Недавно великий боксер решил извиниться. Он редко это делал, но тут был особый случай. «Я очень сожалею, что оскорблял Джо Фрезера и куражился над ним, обзывая «дядей Томом» и утверждая, что «уроды недостойны носить чемпионский пояс». В запале я наговорил много такого, чего не должен был говорить, – сказал Али в интервью «Нью-Йорк Таймс». – Я обзывал его, чего никогда не должен был делать. И приношу ему извинения. Прости меня, Джо. Все это делалось только для того, чтобы подогреть интерес к бою».

В своей книге «Исцеление» Али написал: «Да, я ненавидел многих, и не только своих соперников на ринге. Это чувство было таким сильным, что я не мог есть и думать о чем-либо другом. Но теперь я понимаю, что это плохое чувство».

Джо Фрезер с радостью принял извинения и заверил, что при первой же встрече обнимется со своим старым противником. «Жизнь-то коротка, а эта история слишком затянулась, – сказал Джо. – Не зачем держать в душе старые обиды…»

Но до примирения двух великих боксеров прошло долгих тридцать лет. А тогда, в 1971-м, обстановка была накалена до

предела. Али считал, что Фрезер, ставший в его отсутствие чемпионом, недостоин этого звания. Две легкие победы над сильными боксерами вселили в него уверенность. Да, Фрезер – сильный боец, он – действующий чемпион, но ведь чемпионом-то Джо стал, когда Али не было на ринге…

«The Fight» («Битва») – под таким названием вошел в историю первый поединок Мохаммеда Али и Джо Фрезера, состоявшийся 8 марта 1971 года в нью-йоркском дворце «Мэдисон Сквер Гарден». До того Али высказывался в своем обычном стиле: «Они все упадут в том раунде, в котором я скажу! Луис и Демпси – великие боксеры, но они дрались в своей лиге. А я дерусь один, в своей собственной лиге, и никто не способен меня побить. Я самый великий!» Однако Джо Фрезер доказал, что есть на свете боксеры, равные Али.

С самого начала боя Мохаммед Али почувствовал, что впервые за много лет ему пришлось столкнуться с боксером, который гораздо быстрее передвигается по рингу, очень жестко бьет и при этом обладает великолепной техникой защиты. Раз за разом левый крюк Джо Фрезера достигал цели. Али применил свою привычную тактику, сдерживая противника на дистанции, но бесполезно – Фрезер с легкостью прорывался сквозь защиту. Али пытался вязать руки соперника, но Фрезер легко освобождался и продолжал бить. В первых раундах подавляющее преимущество было на стороне Джо Фрезера. Али делал вид, что соперник не доставляет ему никаких проблем. Но на самом деле проблемы у него были и очень серьезные.

Конечно же, Али сражался как мог. В середине боя ему удалось выиграть несколько раундов. Но к концу боя он устал, и Фрезер вновь перехватил инициативу. А в пятнадцатом раунде Али чудом удалось избежать нокаута. Джо поймал его своим левым крюком, и он оказался на настиле ринга. Мохаммед встал после счета «четыре», но уже с трудом держался на ногах. Как говорили специалисты, если бы был шестнадцатый раунд, Фрезер наверняка отправил бы Али в нокаут. Но и без нокаута Джо победил – единогласное решение судей в его пользу означало, что Фрезер отстоял свое звание чемпиона мира в тяжелом весе.

Первое поражение в профессиональной карьере, конечно же, оказалось сильным ударом для Мохаммеда Али, но уходить он пока не собирался. И вновь надел чемпионский пояс, правда, пока что по не самой престижной версии NABF (Североамериканской боксерской федерации). 26 июля 1971 года в чемпионском поединке Али без особых проблем одолел бывшего чемпиона в тяжелом весе Джимми Эллиса.

Перед матчем с Эллисом в зал, где тренировался Мохаммед Али, пришел Джо Фрезер. Обычно Али сам ходил на тренировки своих соперников, и, естественно, от незваного прихода недавнего обидчика пришел в бешенство. Особенно он возмутился, когда Джо Фрезер начал раздавать автографы присутствующим в зале:

– Эй, ты заплатил доллар за вход? Сначала заплати, а потом раздавай тут автографы! Зачем вы просите автографы у этого урода?! – кричал Али обступившим Фрезера людям. – Я думал, что вы на моей стороне!

Джо, как и Али, любил поговорить, и поэтому между ними тут же разгорелась перепалка.

– Слушай, я не пойму, чего ты тут командуешь? – говорил Джо. – Люди хотят взять автограф у чемпиона, и поэтому они берут автограф у меня, а не у тебя. А ты больше вопишь, чем тренируешься!

– Ты хочешь увидеть, как я тренируюсь? Ну так садись и смотри!

– И что интересного я увижу?

– А ты открой глаза пошире! Смотрите на него, носит мой пояс, одолжил у меня на пару дней! Ничего, я скоро все верну!

Однако возвращение на трон оказалось нелегким. После боя с Эллисом Али провел еще девять победных боев, одолев, в том числе, Джорджа Чувало, Джерри Кварри и Флойда Паттерсона. Встреча с малоизвестным Кеном Нортоном не предвещала особых проблем, однако 31 марта 1973 года в Сан-Диего Али потерпел второе в своей жизни поражение. В начале боя Нортон сломал Али челюсть, но последний, несмотря на тяжелейшую травму, продолжил бой. Естественно, что о нормальном ведении поединка не могло быть и речи, однако Али выстоял до конца и только решением судей Нортон одержал победу. Через шесть месяцев Мохаммед Али взял убедительный реванш, нокаутировав морского пехотинца Нортона в двенадцатом раунде.

А тем временем Джо Фрезер дважды отстоял свой титул, легко победив Терри Дэниэлса и Рона Стандера. Очередная защита титула должна была состояться в начале 1973 года. 22 января в Кингстоне, столице Ямайки, Джо вышел на ринг против Джорджа Формена и… очень быстро, уже во втором раунде, оказался в роли претендента.

Джордж Формен – уникальная и знаковая фигура в истории бокса. Если бы «Большому Джорджу» (а он был действительно очень большой: рост – 195 см и вес больше 100 кг) удалось одолеть Мохаммеда Али, то, наверное, именно о нем мы

рассказали бы в этой книге. В чем-то судьбы двух великих боксеров похожи: оба были олимпийскими чемпионами (Джордж Формен свое «золото» завоевал на Олимпиаде 1968 года в Мехико), оба довольно рано стали чемпионами мира в тяжелом весе (Али – в двадцать два года, Формен – в двадцать четыре) и оба уходили из бокса, чтобы вернуться и вновь стать чемпионами. В свое время возвращение Али воспринималось как чудо, казалось, что три года отлучения от бокса станут для него непреодолимой преградой на пути к чемпионскому званию. Но Джордж Формен сотворил еще большее чудо. В 1977 году он проиграл очень быстрому боксеру Джимми Янгу. «Я проигрывал Джимми и понимал, что не способен ему противостоять. Мне показалось, что я умираю, и я страшно испугался. И в тот же миг услышал голос Всевышнего: «Не мучай себя, уйди и успокой свою душу». После боя Джордж блаженно улыбался и, выйдя из душа, запел «Аллилуйя!» Его тренеры и секунданты подумали, что Джордж съехал с катушек. «Я чувствую, что во мне пробудился Христос, – возвещал Джордж изумленным тренерам. – Я встал под душ и заново родился. Я славлю имя Господа нашего». Формен ушел из профессионального бокса, построил в самом бедном районе родного Хьюстона церковь и стал проповедником.

В 1987 году, через десять лет после своего ухода, тридцативосьмилетний пастор Джордж Формен созвал пресс-конференцию и объявил: «Я собираюсь вернуться на ринг и завоевать чемпионское звание». Естественно, это заявление вызвало волну скепсиса, над ним откровенно насмехались, мол, этот старик развалится прямо на ринге после первого пропущенного удара. Но Джордж доказал скептикам, что возраст – понятие условное, сильный духом человек сам определяет для себя, сколько ему лет и может ли он побеждать более молодых соперников. Его ответ на насмешки был впечатляющим – 24 победы подряд, из них 23 нокаутом! В 1991 году Джордж Формен наконец-то встретился с действующим чемпионом мира. Бой с Эвандером Холифилдом был абсолютно равным. Ничья была бы самым справедливым итогом этого поединка, но судьи присудили весьма сомнительную победу Холифилду. Однако «Большой Джордж» на этом не успокоился. Нокаутировав в 1994 году Майкла Мурера, Джордж Формен стал чемпионом мира по версиям WBA и IBF, самым возрастным среди тяжеловесов.

Но это было уже тогда, когда Али давно закончил свою боксерскую карьеру. А в начале 1970-х появление на орбите «Большого Джорджа» вызвало настоящий переполох в дивизионе тяжеловесов. Его тренер Дик Сэндлер прямо говорил: «Я вырастил монстра, которого никто не в состоянии победить». Большинство

специалистов считали, что Али и Фрезеру пора на покой, а остальным боксерам нужно держаться подальше от «Большого Джорджа». И действительно, о каком сопротивлении могла идти речь, если сам Джо Фрезер, действующий чемпион мира, человек с «железным подбородком», до того ни разу не побывавший в нокауте, продержался в бою против Формена всего четыре с половиной минуты! Джордж словно командовал Фрезеру: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!», и так семь раз. После седьмого раза Формен наклонился над Фрезером и сказал ему: «Джо, лучше оставайся там, с тебя хватит!» Фрезер встал, но рефери прекратил это избиение.

Конечно, Джордж Формен не был идеальным боксером, каким являлся в свое время молодой Али. «Большой Джордж» отличался медлительностью, да и особой боксерской техникой не обладал. Но все эти недостатки с лихвой компенсировались невероятной силой ударов. Его манера ведения боя выглядела слегка нелепой, однако была чрезвычайно эффективной. Джордж, не слишком заботясь о защите, как носорог, шел прямо на противника и бил. Бил до тех пор, пока соперник не падал без чувств.

Следующий противник Джорджа Формена в борьбе за чемпионский пояс определялся в бою Мохаммеда Али и Джо Фрезера, состоявшемся 28 января 1974 года в Нью-Йорке. Фрезер с первых же секунд встречи начал активно атаковать. Собственно говоря, Джо по-другому боксировать не умел. Он намеревался измотать Али, заставить его раскрыться, выйти на ближнюю дистанцию и затем достать своим левым хуком. Но Али помнил их предыдущий бой и сделал из проигрыша правильные выводы. Несмотря на то что со времени первого боя прошло почти три года, Мохаммед был в гораздо лучшей физической форме. Постоянные уклоны и обманные движения Фрезера на этот раз не срабатывали, Али легко отражал выпады противника. Он вел бой «вторым номером», но при этом держал в своих руках ход поединка. Временами Али уходил в глухую оборону, прижимаясь к канатам, Фрезер в ближнем бою нещадно колотил его, однако большинство ударов не достигали цели. И как только Фрезер делал паузу, Али разрывал дистанцию и, отходя от соперника, серийными ударами набирал очки. Победа Мохаммеда Али была не очень убедительной, однако она открыла ему дорогу к бою с Джорджем Форменом.

«Формен еще не сталкивался с серьезным сопротивлением, у него не было серьезных соперников и он не уставал в ходе поединков. Посмотрим, что с ним будет после тринадцатого раунда. Я еще не видел Джорджа в хорошей драке, получающего удары и вынужденного восстанавливаться, я не видел чтобы

Джордж ослеп от джебов, нырял и двигался. Когда я дрался с Сонни Листоном, я не боялся его ударов, я просчитывал, как сделать так, чтобы ему некуда было попадать. То же будет и с Джорджем. Я буду обстреливать его, как автоматной очередью. А потом нокаутирую». На словах Али, как всегда, не оставлял сопернику ни единого шанса. Но в душе он не был так уверен. Анджело Данди рассказывал, что перед боем с Форменом он впервые за много лет видел страх в глазах своего подопечного. Конечно, все было бы по-другому, если бы против Джорджа Формена вышел молодой Кассиус Клей образца 1964 года. Но с тех пор прошло десять лет, и от невероятно быстрого Кассиуса Клея у Мохаммеда Али остались только молниеносные руки, а вот порхать по рингу он уже не мог. Перед боем, который должен был состояться 30 октября 1974 в столице Заира Киншасе, явным фаворитом считался Джордж Формен, невероятно сильный и непобедимый, а в пользу Али говорил, пожалуй, только его опыт. До боя с Али Джордж Формен провел 40 победных боев, однако сильных соперников у него было немного. Кроме Джо Фрезера, можно отметить разве что Чака Вапнера и Джорджа Чувало. Интересно, что Али на тот момент провел всего на семь поединков больше, чем Формен, но при этом ему приходилось неоднократно встречаться с сильнейшими тяжеловесами мира.

Эта схватка вошла в историю под названием «The Rumble on the Jungle» («Грохот в джунглях»). Кстати, при подготовке этого боя широкая публика познакомилась с еще одной значимой фигурой в боксерском мире – «Грохот в джунглях» стал первым большим делом в карьере «великого и ужасного» Дона Кинга. Что ж, в умении организовать бой самому известному промоутеру не откажешь – антураж поединка действительно производил незабываемое впечатление. Темная африканская ночь (поединок начался в три часа ночи по местному времени – самое удобное время для телетрансляции в США), яркие звезды, огромная луна и единственное светлое пятно среди всего этого великолепия – освещенный прожекторами ринг, на который вышли два великих боксера. Бой состоялся в Заире – во-первых, из-за желания Али провести в Африке поединок такого масштаба, а во-вторых, Дону Кингу удалось уговорить заирские власти выплатить невероятные по тем временам премиальные – боксеры должны были получить по 5 миллионов долларов (правда, именно должны были получить, а не получили – как обычно, Дон Кинг бóльшую часть денег присвоил себе).

Этот «величайший и незабываемый» бой стал легендой бокса. На ринге сошлись два совершенно разных боксера – яркий представитель силового бокса Формен и великолепный тактик и

стратег Али. Мохаммед осознавал, что возраст и жара не позволят ему переиграть по скорости даже такого медлительного боксера, как Джордж Формен. Но с другой стороны, он понимал, что жара может стать его союзницей, надо было только выдержать первоначальный натиск «Большого Джорджа», измотать его и попытаться поймать на контратаке. И тактика Али сработала.

Формен с первых секунд агрессивно наседал на противника, проводил мощнейшие серии атак. Али ушел в глухую оборону, неплохо защищался, но часть ударов Формена все-таки достигла цели. Временами Али прижимался к канатам и «Большой Джордж» начинал обрабатывать его своими пудовыми кулаками. И хотя Али сумел продержаться четыре раунда, казалось, что рано или поздно Джорджу удастся пробить защиту соперника и отправить его в нокаут.

Первый звонок прозвучал в пятом раунде. Формен атаковал, Али отвалился от него и тут же несколько раз очень сильно ударил прямо в голову соперника. Зрители, большинство которых поддерживали Али, ответили на эту атаку бурей восторга. Наверняка в голове Джорджа Формена тогда промелькнула мысль, что впервые его нехитрая тактика не срабатывает и что нужно что-то менять. Но по-другому он боксировать не мог, его этому не учили. Умение думать на ринге пришло к Формену гораздо позже. Кстати, в этом немалая заслуга Анджело Данди, ведь именно он позже стал тренером Джорджа Формена. Однако в 1974-м Анджело Данди тренировал Мохаммеда Али, и картина боя не менялась. В шестом и седьмом раундах Джордж вновь пытался подобраться к противнику, но бесполезно…

…Они снова встретились через десять лет. Джордж Формен пришел в дом Али. Мохаммед уже был болен и представлял собой жалкое зрелище. Между двумя чемпионами произошел своеобразный религиозный диспут, свидетелем которого стал американский журналист Гарри Смит.

– Мохаммед, скажи мне, что ты любишь Христа, – обратился Джордж к бывшему сопернику.

– Я не хочу ничего знать о Христе, я хочу познать Бога, – последовал мрачный ответ Али.

– Он не умер, он жив. Он ждет тебя. Ты не должен противиться этому.

– Я обрел мир ислама. Я молюсь пять раз в день, Джордж. Иди, помолись со мной.

– Но никто не отвечает тебе на твои молитвы, Мохаммед.

Али с трудом встал и ушел, не сказав ни слова. В глазах у «Большого Джорджа» появились слезы. «Ты видел его, ты видел, как дрожат его руки? Ты видел его глаза? – растерянно

спрашивал он Гарри Смита. – Как я хочу, чтобы в моей жизни не было боя против него! Ведь я собственными кулаками способствовал сегодняшнему состоянию Али. Слава богу, что я не выиграл тот бой».

Но тогда, в восьмом раунде их поединка, Джордж Формен думал иначе. Силы стремительно покидали его и он решил: «Пора!» Намереваясь нокаутировать Али, Джордж пошел на него всей массой, пытаясь как можно больше силы вложить в удар. Он попал в голову соперника, но недостаточно точно, чтобы свалить его. Али откинулся на канаты, оттолкнулся от них, слегка отклонился и попал левой точно в челюсть Формена. Джордж странным образом обернулся, сделал на подгибающихся ногах два-три шага и рухнул на помост. Рефери начал отсчет. Стадион неистовал. «Четыре! пять! шесть!» – рефери еще считал, а зрители уже приветствовали нового чемпиона мира. Все понимали – до счета «десять!» Джордж Формен не встанет…

Формен сидел в раздевалке и тупо смотрел в стену. С трудом к нему приходило осознание того, что внушающего страх, могучего и непобедимого «Большого Джорджа» больше нет. А Али в это время танцевал под грохот тамтамов, воздев руки над головой. Он стал вторым в истории бокса спортсменом, сумевшим вернуть себе чемпионское звание, и теперь имел полное право называться «Величайшим»…

Если бы Мохаммед Али решил закончить свою карьеру сразу после «Грохота в джунглях», это, наверное, был бы самый красивый уход не только в истории бокса, но и в истории спорта вообще. Но Али решил остаться, и тому было несколько причин. И гордость, и деньги (многочисленные женушки и «Черные мусульмане» великолепно справлялись с проблемой лишних денег у Али), и желание еще раз доказать всему миру свое величие.

В 1975 году Али четыре раза отстаивал свой титул, и все четыре боя выдались очень тяжелыми. Мохаммед провел пятнадцатираундовые поединки против Чака Вепнера и Джо Багнера. В бою против Рона Лайла Али отправил противника в нокаут в одиннадцатом раунде, однако до этого большинство раундов проиграл по очкам. И наконец 30 сентября (из-за разницы в часовых поясах некоторые источники считают датой боя 1 октября) в третий раз встретился с Джо Фрезером.

Перед боем Али, как всегда, решил слегка поиздеваться над Джо. На пресс-конференцию он принес маленькую черную куклу.

– Смотрите, это Джо Фрезер. А вот так я буду делать с ним на ринге, – сказал он журналистам и принялся колотить по кукле. –

А вот так он будет просить о пощаде: «Ай-ай-ай, не надо, Мохаммед, мне больно, пощади!»

В зале раздался смех. Криво улыбнулся и Джо Фрезер.

– Ты говоришь, что порхаешь, как бабочка? – спросил он. – Ну так я тебя скоро прихлопну…

На ринг в Квезонс-сити, пригороде филиппинской столицы Манилы, вышли опытные и прекрасно подготовленные, но уже возрастные бойцы – Али исполнилось 33 года, Фрезеру – 31. У обоих в этом бою был еще один противник – очень тяжелый филиппинский климат. В зале было невероятно жарко и душно, а ведь в этих условиях соперникам предстояло провести пятнадцатираундовый бой.

Третий бой Али с Фрезером начался так же, как и первые два – Джо выступил в роли агрессора, начал атаковать соперника, работая в основном по корпусу. Мохаммед же экономил силы, события не форсировал, старался вязать соперника, иногда прибегая к тактике мелкого фола. Время от времени он давил на шею Фрезера, получая за это замечания от рефери. Уникальный эпизод произошел в третьем раунде. В течение полутора минут Али стоял в углу, защищался и при этом издевательски приглашал противника продолжать бить. Это действительно выглядело очень комично. Фрезер яростно, изо всех сил молотил ушедшего в глухую оборону Мохаммеда, затем сделал секундную паузу, отвалился от соперника, и тут же Мохаммед, даже не пытаясь контратаковать, жестом показал Фрезеру: «Давай, Джо, продолжай, чего ты остановился?» И так несколько раз. За это время Фрезер нанес не один десяток мощнейших ударов, но пробить такую, казалось, примитивную защиту так и не смог. Наконец Али надоело это развлечение. Последовал молниеносный ответ, и за несколько секунд Мохаммед с лихвой возместил Фрезеру все те удары, которые пропустил за полторы минуты. Во многом благодаря великолепному чувству ритма, умению в одну секунду изменить ход поединка Али выигрывал в те годы у своих соперников, в том числе и у Джо Фрезера.

Постепенно страшная жара (а температура в зале в тот день достигала сорока градусов) начала сказываться на действиях «Курильщика Джо». С первых секунд раунда, пока боксер был полон сил, он бросался на противника, но вскоре силы покинули его, и этим воспользовался Али. Голова Фрезера все чаще болталась от акцентированных и очень точных ударов Мохаммеда. Внешне преимущество вроде бы было на стороне Фрезера, который постоянно работал «первым номером» и практически безостановочно атаковал. Но на самом деле Али практически в каждом раунде переигрывал своего соперника. А к

концу боя начал полностью подавлять его. Фрезер шел вперед, надеясь на свой левый крюк, но это только вредило ему, он постоянно натыкался на прямые удары Али. И если в первых раундах за счет быстрых нырков ему удавалось уходить от этих ударов, то к концу боя сил у него не осталось, и Али легко пробил ослабшую защиту Джо.

К четырнадцатому раунду на лицо Джо Фрезера было страшно смотреть – оба глаза почти закрылись, изо рта текла кровь. Только за счет своей несгибаемой воли он держался на ногах и пробовал что-то предпринять. А Али отнюдь не пытался добить противника, он понимал, что выигрывает и старался продемонстрировать свою фантастическую технику.

Прозвучал гонг, возвещающий начало финального пятнадцатого раунда, но тренер Фрезера Эдди Патч понимал, что это избиение может плохо кончиться для его подопечного, и решил не выпускать Джо на продолжение боя. Конечно же, Али тоже был измотан до предела в этой рубке. Как только он понял, что победил, то словно выключил свой мотор и все, на что был способен, – это с трудом поднять руку и поприветствовать беснующуюся от восторга публику. А после боя впервые отдал должное Джо Фрезеру. «Это лучший боксер после меня», – сказал Али о своем сопернике, с которым за четыре года провел три тяжелейшие схватки.

В 1976 году Мохаммед Али четыре раза отстаивал свой титул. Очень тяжелым выдался поединок с Кеном Нортоном. Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда судьи явно благоволили к Али. В первых раундах борьба была равной, но в финале Кен Нортон выглядел явно лучше. Али устал и все, на что был способен, – это вязать противника в ближнем бою. После финального гонга Кен Нортон прыгал в середине ринга и что-то кричал в адрес Али. А стареющий чемпион повернулся и направился в свой угол. У большинства присутствующих в зале не было сомнений в победе Нортона, но двое из трех боковых судей отдали победу Али.

Постепенно физическая форма Мохаммеда Али стала ухудшаться. Он без энтузиазма работал в тренировочном зале, а его врач Фердинанд Пашека настойчиво предлагал ему завязать с боксом. Али почти согласился, но в 1978 году ему бросил вызов Леон Спинкс. В своих интервью «Неоновый Леон» направо и налево говорил, что без труда разберется с Али, которому давно пора на пенсию. И чемпион принял этот вызов, он не мог оставить безнаказанным выходки выскочки Спинкса, который подверг сомнению величие Али. И действительно, до 1978 года Леон

Спинкс был мало известен боксерскому миру. Да, на любительском уровне Леон провел 185 боев, 178 из них выиграв, и стал чемпионом Олимпийских игр 1976 года в Монреале, но на профессиональном ринге Спинкс провел всего лишь семь боев и мало кто, в том числе и Али, воспринимал всерьез его чемпионские притязания. Газеты пестрели заголовками типа «Мохаммеда Али ждет легкая добыча в три миллиона долларов!» и «В Лас-Вегасе нас ждет не бокс, а фарс!»

В чем-то Леон Спинкс напоминал Джо Фрезера – тот же агрессивный атакующий стиль, потрясающая выносливость и ставка на нокаутирующий левый боковой удар. Однако, по большому счету, Леон был лишь бледной копией «Курильщика Джо». Его удары не были так сильны, а защищаться, как Фрезер, он не умел. Спинкс закончил боксировать в 1995 году. Его послужной список не впечатляет – 26 побед и 17 поражений. Но в карьере «Неонового Леона» был тот самый великий бой с Али, благодаря которому он вписал свое имя в историю бокса.

Поединок за звание чемпиона мира по версиям WBC и WBA состоялся 15 февраля 1978 года в Лас-Вегасе. Али понимал, что перебе́гать молодого претендента ему не удастся, и поэтому надеялся на проверенную «антиформеновскую» тактику. Он намеревался с начала боя уйти в глухую защиту, отдать первые раунды, но при этом, сохранив силы, нокаутировать Спинкса в концовке поединка. А его соперник ничего сверхординарного выдумывать не стал. С первых же секунд он занял центр ринга, оттесняя Али к канатам, и осыпал его градом ударов. Большинство этих ударов Али отражал, но все равно Спинкс набирал очки и с каждым раундом наращивал свое преимущество. К концу боя Али сумел сохранить силы, однако и Леон Спинкс не думал сбавлять обороты. Все чаще его удары пробивали защиту «Величайшего».

Али явно проигрывал поединок. Перед пятнадцатым, заключительным, раундом у него оставался единственный шанс – послать Спинкса в нокаут. Даже его брат Рахаман призывал Мохаммеда нокаутировать противника. Но Спинкс почувствовал кураж и не намеревался отдавать победу. Действуя по принципу «лучшая защита – это нападение», он постоянно атаковал Али, не давая тому провести нокаутирующий удар. И хотя один из трех судей проголосовал за Али, все понимали – Леон Спинкс одержал заслуженную победу, самую главную в своей жизни.

Матч-реванш состоялся ровно через полгода, 15 сентября 1978 года в Нью-Орлеане. За это время Леон Спинкс лишился пояса по версии WBC, отказавшись от боя с Кеном Нортоном, так что Али, потеряв два пояса, теперь мог рассчитывать только на

один.

Тот, кто не видел Мохаммеда Али с прошлого боя, сразу отметил – на ринг дворца «Супердоум» вышел совершенно другой боксер. Он похудел, выглядел гораздо свежее и временами напоминал себя в лучшие годы. Рекордная аудитория – 63 500 зрителей – поддерживала Али, накал эмоций в зале, по свидетельству очевидцев, был невероятный. И Мохаммед Али оправдал надежды своих поклонников. Он полностью контролировал ход поединка и практически не позволял Спинксу попадать по себе. Несмотря на возраст, 36-летний боксер раз за разом проводил взрывные комбинации, заканчивающиеся точными попаданиями. Он переиграл Спинкса во всех раундах. Судейское решение еще не было объявлено, а Леон Спинкс уже подошел к сопернику и поздравил его с победой. Он прекрасно понимал – выиграть у «Величайшего», который настроен на борьбу, просто невозможно. Единогласное решение судей подтвердило, что Мохаммед Али в третий раз вернул себе звание чемпиона мира в тяжелом весе.

В том же, 1978 году в жизни Мохаммеда Али произошло еще одно значимое событие – в самый разгар холодной войны он посетил Советский Союз. В стране «победившего социализма» «борца за свободу негров» встретили с распростертыми объятиями. Он удостоился встречи с самим Леонидом Ильичом Брежневым и был осчастливлен экземпляром книги «Малая земля» с дарственной надписью Генерального секретаря. Правда, визит Али доставил немало хлопот спецслужбам. В первый же день после приезда в полшестого утра знаменитый боксер отправился на пробежку по центру Москвы и добежал до Мавзолея. Можете представить изумление милиционеров и сотрудников КГБ, дежуривших на Красной площади, когда они в шесть утра увидели огромного полуголого негра, мрачно наблюдающего за сменой караула возле «Поста № 1». А откуда им было знать Али, ведь в СССР далеко не все имели представление о лучших игроках заокеанского профессионального бокса? Возник небольшой переполох, который удалось замять только после вмешательства вышестоящего начальства. После этого к Али был приставлен переводчик и чиновник Спорткомитета Юрий Марков, который должен был предупредить нежелательные последствия тех или иных поступков непредсказуемого гостя.

Али провел несколько показательных боев с лучшими советскими тяжеловесами, после чего улетел в Ташкент. Естественно, высокому гостю был оказан шикарный прием с соблюдением всех правил восточного гостеприимства. Правда, узбеки были шокированы поведением жены Али, Вероники,

которая после каждого приема без зазрения совести сгребала столовое серебро в свою сумочку. Кстати, с женами Али не везло – он был женат несколько раз, и каждая супруга считала своим долгом отобрать у него при разводе весьма крупную сумму. Немало вытащили из кармана чемпиона и «Черные мусульмане». В результате Али, заработавший за свою карьеру более 60 миллионов долларов, к концу 1970-х оказался практически разорен.

После победного боя с Леоном Спинксом Али заявил, что уходит из бокса. Он действительно два года не показывался на ринге, но финансовые проблемы заставили его вернуться. Ничем, кроме бокса, Али заниматься не умел и потому с легкостью поддался на уговоры Дона Кинга, организовавшего матч Али с Ларри Холмсом. В свое время Ларри работал спарринг-партнером у Али, а теперь им предстояло сойтись друг против друга на ринге. Вообще, Ларри Холмс – фигура весьма характерная для ситуации, сложившейся в тяжелом весе в начале 1980-х годов. Поколение Али, Фрезера и Формена уже ушло с ринга, а звезды начала 1990-х только начинали свой путь. И Ларри Холмс – посредственный, по мнению многих специалистов, боксер, сумел воспользоваться представившейся ему возможностью. Не питая иллюзий относительно своих способностей, он не делал хвастливых заявлений. «Я знаю, что никогда не стану Рокки Марчиано или Мохаммедом Али, – однажды сказал он. – Но надеюсь, что просто хорошим боксером стать сумею».

Конечно, нельзя назвать Ларри Холмса полной бездарностью. Он обладал очень мощным нокаутирующим ударом, неплохо чувствовал ритм боя и умел подобрать нужную тактику под конкретного соперника. Но ни в 1970-е, ни в 1990-е годы Ларри не пробился бы выше четвертого-пятого места в рейтинге. А в начале 1980-х он стал чемпионом мира и достаточно долго удерживал это звание. Мало того, он чуть было не превзошел казавшийся незыблемым рекорд великого Рокки Марчиано – 49 побед подряд. Ларри не хватило всего одной победы – в тяжелом бою он проиграл по очкам брату Леона Спинкса Майклу.

Если бы Холмс вышел на бой с Али лет десять-пятнадцать назад, то наверняка не продержался бы до конца поединка. Однако лучшие годы «Величайшего» были уже далеко позади. 2 октября 1980 года Холмс, не встречая сопротивления, десять раундов избивал стареющего чемпиона, пока наконец Али не понял, что его время безвозвратно ушло, и не остановил бой.

Встреча с Холмсом ясно показала, что Мохаммед Али уже не способен был на равных бороться даже со средними по классу

боксерами. И тем не менее, он еще раз вышел на ринг. 11 декабря 1981 года бывший чемпион проиграл по очкам Тревору Бербику. Это был последний бой Мохаммеда Али…

Несмотря на такое бесславное окончание карьеры, его жизнь всегда привлекала к себе огромное внимание. Когда в начале 1980-х годов появились слухи о серьезном заболевании Али, эта новость взбудоражила весь мир. К сожалению, слухи оказались правдой – врачи диагностировали у великого боксера болезнь Паркинсона, тяжелое заболевание, связанное с поражением подкорки головного мозга. Природа зло подшутила над Али, превратив его из величайшего в мире бойца в инвалида с трясущимися руками и неуверенной походкой.

Однажды Анджело Данди подсчитал, что за 27 лет, проведенных на ринге, Али получил больше трехсот тысяч ударов, из которых не меньше трех тысяч пришлось на голову. Возможно, эти удары и стали причиной поразившей его болезни. Для сторонников запрещения бокса судьба Али является лучшей антирекламой этого вида спорта. «Посмотрите на Али, – говорят они. – Из великолепного атлета он превратился в развалину, и все это из-за бокса». Возможно, они и правы, ведь и другой чемпион, Флойд Паттерсон, страдает серьезным нервным расстройством. Недавно Паттерсон вынужден был покинуть пост руководителя Атлетической комиссии штата Нью-Йорк из-за практически полной потери памяти. Но не стоит торопиться с окончательными выводами. Причины возникновения многих болезней, в том числе и болезни Паркинсона, еще до конца не изучены. Как отмечают специалисты, в половине случаев невозможно точно определить причину возникновения болезни Паркинсона. Кстати, еще один знакомый нам боксер, англичанин Генри Купер, недавно отпраздновавший свое семидесятилетие, утверждает, что прекрасно себя чувствует и не считает, что занятия боксом отрицательно отразились на его здоровье. Весьма оригинально выразился по этому поводу трехкратный олимпийский чемпион, герой Кубы Теофило Стивенсон: «Вы говорите, что Али болен болезнью Паркинсона из-за бокса. Но посмотрите на Папу Римского, он ведь тоже страдает болезнью Паркинсона, хотя боксом, насколько я знаю, никогда в своей жизни не занимался».

Слава богу, болезнь Паркинсона не затрагивает интеллект. После того как Али заболел, он, как это ни странно, наладил свои дела: успешно ведет бизнес, выступает с лекциями, занимается благотворительностью и работает в Национальном фонде по борьбе с болезнью Паркинсона. И наконец, Мохаммед Али обрел настоящую любовь. Фотомодели и актрисы не сделали прославленного боксера счастливым. Всю свою жизнь его ждала

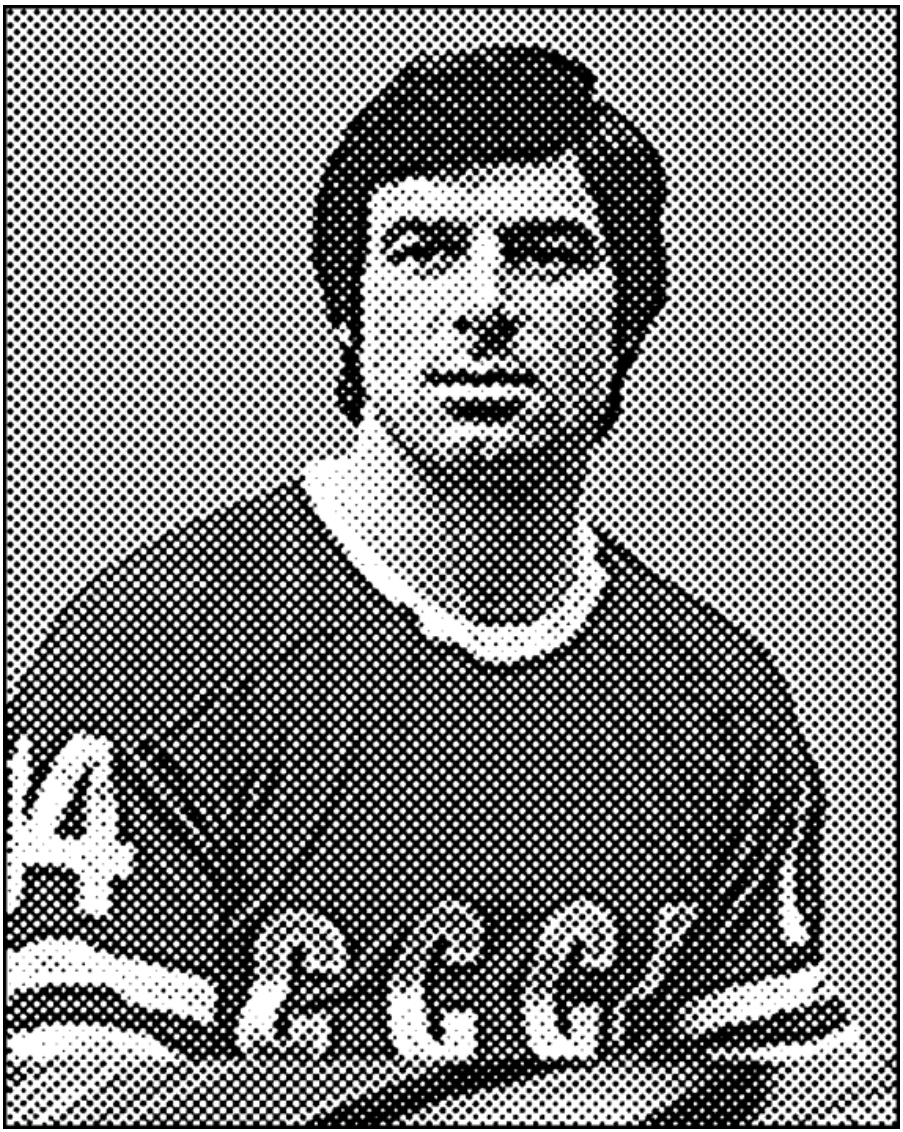
скромная девушка Лонни, жившая в Луисвилле буквально в двух шагах от дома Клеев. Она еще в семь лет заявила родителям, что выйдет замуж только за него. Сейчас Мохаммед и Лонни живут вместе в своем поместье в Мичигане…

19 июля 1996 года вся планета наблюдала за открытием XXVI Олимпийских игр в Атланте. В 9 часов вечера должно было состояться самое главное событие церемонии открытия. Знаменитые спортсмены передавали друг другу священный факел. Но кто же зажжет олимпийский огонь? Наконец прожекторы выхватили из темноты крупную фигуру, стоящую возле чаши, в которой три недели будет пылать пламя Олимпиады. Весь стадион встал в едином порыве – его узнали. Это был Мохаммед Али. Ни в одном своем бою великий чемпион не прилагал столько усилий, как в этот момент. Миллиарды людей во всем мире с тревогой и болью смотрели, как из трясущихся рук измученного болезнью Али едва не выпал факел. Но он и здесь победил. Ни до, ни после Атланты мир не видел такой трогательной сцены зажжения олимпийского огня.

А недавно Мохаммед Али вновь удивил публику. В интервью еженедельнику «Newsweek» он заявил, что… собирается вернуться на ринг: «Я продолжаю бороться со своей болезнью и меня не сломить. Я и сейчас веду активный образ жизни – путешествую по всему миру, занимаюсь бизнесом, общаюсь с прессой. А теперь я скажу то, что, несомненно, поразит всех до глубины души. Я собираюсь возобновить тренировки, сбросить килограммов пятнадцать, набрать очень приличную форму и провести в «Мэдисон Сквер Гарден» несколько показательных поединков. С каждым своим соперником я готов провести по 15 раундов и обещаю всех отправить в нокаут. Я еще не забыл, как это делается».

Естественно, что это заявление вызвало шок у любителей бокса во всем мире. Али завалили письмами с вопросами о его состоянии и даже с просьбами назвать точную дату возвращения на ринг. «Величайший» вынужден был признать, что слегка поторопился: «Мое интервью было серьезным, но по поводу возвращения на ринг я, конечно, погорячился. Впрочем, мне очень приятно, что мои слова вызвали такой отклик. Это хорошо, это значит, что меня не забыли и что в меня еще верят…»

Валерий Харламов



Кто изобрел хоккей? Канадцы. Кто лучше всех играет в хоккей? Канадцы. Так куда, спрашивается, катится этот мир, если какие-то русские приезжают в Канаду и выигрывают у самых лучших хоккеистов, играющих в самой сильной хоккейной лиге мира? И не просто выигрывают, а громят, разносят в пух и прах, делают из профессионалов НХЛ клоунов-любителей. Это был шок. Это было не просто поражение, а национальный позор. 2 сентября 1972 года хоккей разделился на «до» и «после». В этот день в знаменитом монреальском дворце «Форум» началась

историческая Суперсерия, первые встречи сборной Советского Союза и североамериканских профессионалов. «Мы повержены русскими медведями» и «Мистер Хоккей стал товарищем» – с такими заголовками на следующий день вышли канадские газеты. В то, что русские смогут победить сборную НХЛ, не верил никто, даже их соотечественники. Некоторые советские спортивные чиновники просили хоккеистов: «Ребята, сыграйте как можете и постарайтесь не проиграть слишком крупно…» Третьяк, Петров, Михайлов, Якушев и другие развенчали страшный миф о «великих и непобедимых профессионалах». И конечно же, Харламов…

До начала Суперсерии за океаном его никто всерьез не воспринимал. Ну куда этому «малышу» против канадских защитников, каждый из которых представлял собой стокилограммовую гору мышц (как сказал писатель и сценарист Яков Костюковский, вместе с Гайдаем создавший «Операцию Ы» и «Кавказскую пленницу»: «Когда я впервые увидел Харламова на фоне могучих партнеров, его фигура олицетворяла не телосложение, а теловычитание»). Да они просто размажут его по льду в первой же атаке, как только он посмеет перейти центральную линию. А Харламов раз за разом, словно шутя, проходил сквозь строй обороны канадцев и отправлял шайбу в ворота великолепного голкипера Кена Драйдена. Вратарь канадской команды навсегда запомнил игру Харламова. «…Все позади, – писал Кен Драйден в своей книге «Хоккей на высшем уровне». – За этой игрой наблюдали сто миллионов телезрителей в Советском Союзе, несколько миллионов – в Европе, более двадцати пяти миллионов канадцев и американцев смотрели ее у себя дома. А в «Форум» пришли почти двадцать тысяч зрителей. Клянусь, что теперь все они знают, что отчество Валерия Харламова – Борисович, а Владислава Третьяка – Александрович. Все было готово для великого триумфа канадского хоккея. Но приехали русские и все испортили, показав 60 минут такой игры, какая нам никогда не снилась… Именно Харламов надломил нашу могучую команду и снял вопрос о победителе. Его голы были просто немыслимыми. Харламов – хоккейный гений, я такой игры нападающего больше не видел. Равного ему просто нет…»

«Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я… я не смог ответить на этот вопрос. Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка… И почему хоккеем так увлекся? В школе математика

хорошо давалась, олимпиады выигрывал. Сейчас бы просто работал. Представляете, каждый вечер – свободный. А так – вечно куда-то спешишь…»

А действительно, почему он стал хоккеистом? Маленький щуплый паренек, из тех, что в дворовых компаниях называют «хиляком». Гены в хоккейном плане – тоже неподходящие. Вот футбол – это да. Отец прославленного хоккеиста занимался спортом, играл в футбол, правда, дальше заводских команд не продвинулся. И мама – испанка по рождению, а для испанцев, как известно, выше футбола в спорте ничего нет. Может быть, и стоял бы тогда в центре Мадрида или Барселоны памятник Валерию Харламову – великому испанскому футболисту. Но Валера выбрал хоккей…

Летом 1937 года из Бильбао в Ленинград отплыл пароход с детьми испанских коммунистов. Среди них была и двенадцатилетняя Арибе Аббад Хермане, которую дома уменьшительно звали Бегонита, или Бегоня. Дети Испании бежали от гражданской войны. Но и на новой родине жестокая война скоро догнала их. Бегонита оказалась в Тбилиси, где работала на авиационном заводе, и только после окончания войны смогла приехать в Москву. Она устроилась на завод «Коммунар». На том же заводе работал слесарь-испытатель Борис Харламов. Молодые люди познакомились совершенно тривиально – на танцах. Борис просто не мог не обратить внимания на ослепительную красавицу Бегоню…

Милиционеры сразу же обратили внимание на одиноко идущего по ночной Москве мужчину со странным узелком на плече. Еще бы – три часа ночи, жуткий мороз, что можно делать на улице в такое время? Подошли, попросили пройти в ближайшее отделение. Мужчина с радостью согласился. Он уже окончательно замерз, а до родного общежития еще топать и топать.

– Понимаете, – объяснял он милиционерам, – сын у меня родился, Валерием назвали, в честь Чкалова. Вот, жена в роддоме, а я домой иду…

Валерий Харламов родился в ночь с 13 на 14 января 1948 года. До роддома роженицу довезти не успели, так что Валера родился прямо в машине «скорой помощи». Мальчик был слабеньким, весил меньше трех килограммов. Еще раз повторимся – никаких предпосылок к тому, чтобы он стал хоккеистом, не было. А вот поди ж ты, как только подрос, стал на коньки. Отец часто брал Валеру с собой на соревнования заводских команд по хоккею с мячом и, чтобы сынишка не замерз, давал ему коньки. Ботинки были на несколько размеров больше,

так что надевать их приходилось прямо на валенки. Но, несмотря на такую «экипировку», мальчик сразу почувствовал, что лед – это его стихия. С пятилетнего возраста Валера катался где только можно – на катке, на замерзшем пруду, на дороге, лед на которой был отшлифован колесами проезжавших автомобилей.

Казалось, парень родился в коньках, настолько уверенно он держался на льду. Как только в округе появилась хоккейная коробка, вопрос «чем занять свободное время зимой?» для Валеры перестал существовать. Коньки, клюшка – и вперед, на каток! Его охотно принимали в свои команды не только сверстники, но и ребята постарше. Валера, наверное, уже видел себя будущим Всеволодом Бобровым и мечтал, что через несколько лет он тоже будет выходить на лед в команде мастеров, забивать голы, а диктор по нескольку раз за матч будет объявлять: «Шайбу забросил Валерий Харламов!» Но на пути к мечте неожиданно встали три препятствия – испанское происхождение мамы, возраст и слабое здоровье.

В 1956 году Валера Харламов оказался в Испании. Через двадцать лет после начала гражданской войны испанцы, бежавшие от режима Франко, наконец-то получили возможность вернуться на родину. Бегонита долго сопротивлялась, не хотела бросать мужа, но голос крови все-таки победил. Мама и сын поселились в Бильбао, Валера учился в местной школе, где, помимо прочих предметов, преподавали и Закон Божий, причем в католическом варианте. Несколько месяцев Бегонита прожила в Испании, но горечь разлуки с любимым человеком заглушить так и не смогла, и вместе с сыном вернулась в Советский Союз.

И снова Москва, настоящая, а не испанская зима (когда температура ниже плюс десяти не опускается), каток и хоккей до ночи. К сожалению, Валера не отличался богатырским здоровьем, частенько болел. В 1960 году перенес ангину в тяжелой форме. Несколько недель лежал в больнице, три месяца провел в санатории. Как будто выкарабкался, но ангина дала осложнения, у мальчика обнаружили порок сердца. Какой там хоккей, если по предписанию врачей ему запрещались любые физические нагрузки! Валере не разрешалось: посещать уроки физкультуры, плавать, поднимать тяжести, ездить в пионерский лагерь и ходить в школьные походы. Ему разрешалось: ходить в школу и неспешно прогуливаться при хорошей погоде где-нибудь в парке. А в 11 лет он и гулять-то не мог – у Валеры отнялась правая рука и нога.

Мама была готова строго исполнять предписания врачей, но Борис Сергеевич Харламов думал иначе. Может быть, он не очень-то верил словам докторов, а может, не хотел, чтобы сын

превратился в «тепличное растение». Так или иначе, но когда в 1962 году в Москве, на Ленинградском проспекте, открылся летний каток, он привел туда сына – записываться в хоккейную секцию.

Видимо, все-таки есть у наставников от бога чувство, которое принято называть «тренерским чутьем». Представим себе картину: полтора десятка тринадцатилетних мальчишек приходят на просмотр к Борису Петровичу Кулагину, второму тренеру легендарного ЦСКА. Среди них есть рослые сильные ребята, как будто специально созданные для хоккея, в который «играют настоящие мужчины». Но тренеру не нравятся эти парни, он всех отправляет домой и оставляет только одного, невысокого щуплого Валеру Харламова. Почему именно его, какими принципами руководствовался Борис Кулагин? Ведь знал второй тренер ЦСКА что Сам (именно так, с большой буквы) не очень-то любит низкорослых хоккеистов. «Все канадские хоккеисты – великаны по сравнению с нашими, – сказал однажды великий Анатолий Тарасов, главный тренер ЦСКА и сборной СССР. – Как же мы их победим, если наши нападающие – какие-то карлики, метр с кепкой?» Как бы там ни было, а время показало, что Борис Петрович не ошибся в своем выборе.

В то время юношеские команды ЦСКА тренировали Виталий Георгиевич Ерфилов и Андрей Васильевич Старовойтов. К ним-то и направил Валеру Борис Кулагин. Казалось бы, мечта бредившего хоккеем мальчишки сбылась – он попал в ЦСКА, пускай пока только в самую младшую команду армейского клуба. Но не тут-то было, злодейка судьба подкинула Валере новое испытание. Оказалось, что он родился на год раньше, чем нужно. Принимали-то ребят 1949 года рождения, а четырнадцатилетние, такие как Харламов, считались уже «слишком старыми». Его выручил маленький рост, благодаря которому он легко выдал себя за тринадцатилетнего. Но как же ему было стыдно врать! «Отец терпеть не может лжи, даже в «тактических» целях. Мне врать всегда запрещалось, и потому папа рассказал моим тренерам, что я обманул их, что я с сорок восьмого года. Думал, меня выгонят, но меня простили, наверное, потому, что обман мой никому вреда принести не успел: за команду сорок девятого года я ни одного официального матча не провел, а за ребят сорок восьмого выступать имел полное право. Меня оставили в команде…»

Ерфилов и Старовойтов простили Валере его наивный детский обман. Он понравился тренерам, понравился прежде всего его артистизм на льду, которому нельзя было научить. «В какой-то момент Валера прорывается с шайбой к синей линии, –

вспоминал Виталий Ерфилов одну из игр молодежных команд ЦСКА и «Спартака». – На него бросаются сразу два спартаковских защитника. Оба мощные ребята, рослые, широкоплечие. Валерка рядом с ними выглядел совсем маленьким. Он затормозил перед ними. Лицо испуганное, вот-вот заплачет, уже нос наморщился. Защитники тоже остановились, любопытно все-таки посмотреть на плачущего форварда – не каждый день увидишь. Остановились они, а Валерка тут же ногами заработал, набрал скорость и объехал их. Защитники только разворачивались, а улыбающийся Харламов уже вышел один на один с вратарем и точным броском отправил шайбу в сетку».

Постепенно Валера переходил из одной возрастной группы в другую – команда мальчиков, вторая юношеская команда, первая юношеская, и вот он уже на подходе к главной команде. 22 октября 1967 года Валерий Харламов сыграл свой первый матч за команду мастеров. В Новосибирске ЦСКА выиграл у «Сибири» 6:2. Но этот матч долго оставался единственным, который Валера сыграл в составе главной команды. Юношеский уровень он уже перерос, а для выступления в команде мастеров был еще не готов. Тренеры понимали, что с Харламовым надо что-то делать: с одной стороны, ставить его в один состав рядом со звездами ЦСКА еще рано, но сидя на скамейке, без игровой практики, он мог, что называется, «зачахнуть». И Тарасов решил отправить Харламова во вторую лигу – в чебаркульскую «Звезду», армейскую команду Свердловского военного округа. Конечно, Чебаркуль, городок в Челябинской области с населением 40 тысяч человек, – это не Москва, а «Звезда» – не ЦСКА. Можно себе представить, что чувствовал Харламов (и его партнер по ЦСКА защитник Александр Гусев, отправленный в «Звезду» немного раньше). «Поедешь, чтобы не было скучно Гусеву», – мрачно пошутил Анатолий Тарасов, прощаясь с Харламовым. Но Тарасов знал, что делал, это не было ссылкой, «с глаз долой – из сердца вон». «Вы должны создавать Харламову все условия для ежедневных трехразовых тренировок, – говорил Тарасов тренеру «Звезды» Владимиру Альферу. – В календарных встречах Валерий должен проводить не менее 70 % времени на льду, независимо от того, как складывается игра». Первый матч за «Звезду» Валере не удался, но через пару недель весь Чебаркуль ходил «на Харламова». И все равно… «Радоваться особенно было нечему, – вспоминал «чебаркульский период» Харламов. – Мне девятнадцать лет, и я далек от основного состава ЦСКА. – Выступали мы с Гусевым успешно, но об этом ли я мечтал? Были моменты, когда я хотел бросить игру». Вот какое настроение было

у будущего лучшего нападающего хоккея. И опять Валеру выручил Борис Кулагин. Он приехал на матч «Звезды» в Калинине, а после игры сказал Харламову и Гусеву: «Ребята, если вы будете стараться, то вас скоро вернут обратно в ЦСКА». И они старалась. За один сезон Харламов забил в ворота соперников 34 (!) шайбы. Такого в истории второй лиги советского хоккея еще не было.

И все-таки Тарасов считал, что возвращать Харламова из Чебаркуля в Москву еще рано. Говорят, что между первым и вторым тренером ЦСКА состоялся очень тяжелый и долгий разговор по поводу Харламова. Кулагин видел Валеру в деле и считал, что его нужно вернуть в ЦСКА, причем как можно быстрее. «Слабоват он еще», – долго сопротивлялся Тарасов, но все-таки сдался. А как только Анатолий Владимирович решил отозвать Валеру в ЦСКА, в Москву из Чебаркуля примчался Владимир Альфер и сразу с самолета бросился к Тарасову, со шкатулкой в подарок и бутылкой коньяка. «Анатолий Владимирович, нам осталось два матча! Хоть один выигрываем – останемся на первом месте. Оставь нам ребят на время, не отзывай». И Тарасов оставил Харламова и Гусева на несколько матчей.

8 марта 1968 года Валера приехал в Москву. На вокзале его встречал одноклассник. Школьные друзья решили отметить встречу и Международный женский день. Только сели за стол, как вдруг примчался Борис Сергеевич Харламов и сказал, что Валера должен срочно приехать на тренировку основного состава ЦСКА. Конечно же, хоккеист тотчас помчался в Ледовый дворец ЦСКА. «И началась новая жизнь. Так я стал вхож в компанию избранных, хотя еще не был «действительным членом» этой общепризнанной академии хоккея. Уже десятого марта, спустя четыре с половиной месяца после первой попытки, я снова был включен в основной состав». И вновь Харламов вышел на лед против новосибирской «Сибири». Валеру пробовали в разных тройках, он даже несколько раз подменял Анатолия Фирсова, выходя в тройке вместе с Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым. А 23 марта в матче с «Химиком» из Воскресенска Харламов впервые вышел на лед вместе Владимиром Петровым и Борисом Михайловым. Тогда это был всего лишь эпизод…

«Хоккейная тройка – это коллектив, – говорил Валерий Харламов. – Своеобразный «производственный» коллектив. Не случайно нас называют звеном. А первое условие успешной деятельности коллектива – психологическая совместимость. Еще лучше, если дружба. Три мастера, даже очень хороших, не станут сильным звеном, если не будут понимать друг друга, уважать

друг друга, исповедовать одни и те же принципы хоккея».

Естественно, что тройки и звенья не рождаются сами собой. Кто-то уходит из команды, кто-то приходит, состав постоянно меняется. Создать идеальную тройку или пятерку – одна из самых трудных задач для тренеров. Нужно учитывать массу факторов, зачастую не имеющих непосредственного отношения к хоккею. У наставников, конечно, есть свои способы определения оптимальных звеньев. Самый простой и одновременно сложный и кропотливый – раз за разом пробовать различные варианты сочетания игроков. И даже у самого великого тренера могут уйти месяцы и годы, пока, наконец-то, он скажет себе: «Да, это то, что нужно, именно эти трое будут играть вместе!»

Анатолий Тарасов никак не мог решить проблему третьего звена. В первом играл опытнейший Анатолий Фирсов и молодые, но уже успевшие стать олимпийскими чемпионами и трехкратными победителями мировых первенств Владимир Викулов и Виктор Полупанов. Были и свои шероховатости, как образно говорил Анатолий Фирсов, «иногда Полупанов дурил», но в целом тройка «А» вполне удовлетворяла Тарасова. Все было ясно и со вторым звеном, где играли олимпийские чемпионы Евгений Мишаков, Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. А вот с третьей тройкой никак не складывалось, что ни делал Тарасов, как ни «тасовал» хоккеистов…

В середине 1960-х лидерами и ЦСКА, и сборной Союза была великолепнейшая тройка хоккейных гроссмейстеров Константина Локтева, Александра Альметова и Вениамина Александрова. Но время взяло свое, сначала ушел Локтев, затем Альметов. Новыми партнерами Александрова стали Петров и Михайлов. И вот тут начались проблемы. Каждый по отдельности был классным хоккеистом, но вместе… За долгие годы игры вместе с Локтевым и Альметовым Александров привык к тому, что партнеры понимали его с полуслова, они заранее предвидели, как Вениамин сыграет в той или иной ситуации. А Петров и Михайлов чувствовали себя неуютно в компании с прославленным асом, иногда не понимали его тонких решений на площадке. В свою очередь, Александров сердился на молодых партнеров, зачастую не мог простить им ошибки и просчеты. В конце концов, в 1968 году Вениамин Александров завершил карьеру.

И опять начались проблемы… Тарасов ставил разных игроков к Петрову и Михайлову, но тройка никак не получалась. Играют, иногда даже неплохо, забивают, но до идеала далеко. Пробовал главный тренер и Харламова, однако в первый раз игра экспериментальной тройки Тарасова не впечатлила. «Валерию

пришлось поначалу туго, – рассказывал о партнерах Анатолий Фирсов. – Сколько бы ни выясняли отношения Борис и Володя с Александровым, никуда не денешься от того факта, что Вениамин учил молодых уму-разуму, подсказывал им какие-то игровые, тактические решения, раскрывал тайны хоккея. А чему мог научить новых партнеров Харламов? Валерий мог дать звену лишь одно – старательную и интересную игру, мог постараться уловить особенности действий своих товарищей и построить свою жизнь в спорте, в команде так, чтобы заслужить право именоваться равным. Он мог, наконец, внести успокоение в души еще не нашедших себя партнеров».

Говорят, что во второй раз Тарасов поставил Валерия к Петрову и Михайлову чуть ли не от безысходности, и что еще немного – и Петров с Михайловым могли, по примеру Харламова, отправиться куда-нибудь во вторую лигу, в ту же чебаркульскую «Звезду», например. И вдруг они заиграли…

«Мы очень разные. Разные во всем. Разные люди нас привлекают. Разные книги интересуют. И разные взгляды на самые серьезные да и не слишком серьезные проблемы делают нас очень несхожими. Мы много спорим. А тем более на тренировках. И особенно во время подготовительных сборов, когда живем вместе. Это только на чемпионатах мира и на Олимпийских играх я живу с другими, чаще всего с Александром Мальцевым. Но наша дружба на льду, одинаковое понимание не только принципов игры, но и – что не менее существенно – одинаковое отношение к игре помогают нам преодолевать все, что разделяет нас… Мы понимаем друг друга не с полуслова, а с полубуквы, – рассказывал Валерий. – Я знаю, что они могут предпринять в то или иное мгновение, догадываюсь об их решении, даже если они смотрят куда-то в другую сторону. Точнее говоря, я не столько знаю, сколько чувствую, что они сделают в следующую секунду, как сыграют в той или иной ситуации, и потому в то же мгновение мчусь туда, где меня ждет шайба, где, по замыслу партнера, я должен появиться. Я играл вместе со многими мастерами, в том числе и с очень большими, но ни с кем не удавалось мне добиться таких удач… Именно Володя и Борис сделали меня Харламовым».

Это была действительно уникальная тройка. И дело даже не в том, что Петров – Михайлов – Харламов очень быстро стали ведущим звеном ЦСКА и сборной СССР, а их игру стали называть хоккеем будущего. Трудно себе представить более разных по характеру людей. Веселый, остроумный Харламов, находящийся обычно в центре внимания окружающих. Его шутки со временем

становились «хоккейным народным творчеством», ветераны команды пересказывали их молодым игрокам. Например, сборная как-то ехала на тренировку. Кто-то из хоккеистов увидел из окна новую «Волгу»: «Валера, смотри, хороша машина, да? Когда купишь?» Харламов с абсолютно серьезным выражением лица ответил: «Был вчера в «Детском мире». Нет моего размера…» Или диалог Харламова и писателя Якова Костюковского во время Олимпиады 1972 года в Саппоро.

– Поздравляю, Валерий Борисович!

– Что так официально?

– Ну, вы все-таки лучший бомбардир Олимпийского турнира, девять шайб забили, золотую медаль завоевали…

– Ариготе на добром слове.

– Вы уже и японский выучили?

– А здесь на стадионе только и слышишь: «Ариготе, ариготе, ариготе». Вот и мы тоже решили быть вежливыми… Вот только Гена Цыганков почему-то все время произносит: «Алиготе, алиготе».

– Все язвите, Валерий Борисович?

– Не надо так официально, по имени-отчеству… Меня так называет только известный вам тренер, когда злится на меня (Тарасов всегда переходил на «вы», когда был чем-то в высшей степени недоволен. – *Авт.*), и известный мне водопроводчик, когда трешку в долг просит…

А вот его партнеры совершенно другие. Скромный и не любящий шумных компаний Борис Михайлов, немного вспыльчивый, но очень справедливый человек. «Чемпион мира по спорам», как назвал его однажды Анатолий Фирсов. И добродушный ворчун Владимир Петров, так же, как и Борис, любящий поспорить по любому поводу. «Если меня спрашивают во время учебно-тренировочного сбора, в дни зарубежной поездки, что делают сейчас, в эту минуту, Михайлов и Петров, я всегда могу ответить, не опасаясь ошибки: спорят! – вспоминал Харламов. – Это величайшие спорщики. Борис готов спорить без конца, но сильная его сторона заключается в том, что он самокритичен, умеет признавать свою ошибку, признавать правоту оппонента. В общем, я считаю, что это хорошо – постоянное стремление докопаться до истины, умение отстаивать свою точку зрения в самых яростных спорах с тренерами, руководителями клуба. Тем более, если это не переходит в упрямство. А вот Володя Петров своих промахов не признает ни за что. Он уступить не может никому и ни в чем».

В этой тройке Валерий был самым младшим, на два года моложе Владимира и на четыре – Бориса. Но очень быстро

именно Харламов стал ее лидером, мозговым центром. Однако он не подавлял партнеров, не заслонял их. Каждый органично вписывался в тройку, органично дополняя своих товарищей и позволяя еще больше раскрыть и без того огромный талант.

Когда Валерий говорил, что именно Петров и Михайлов сделали его тем Харламовым, которого считали лучшим хоккеистом мира, это были не просто слова, дежурная дань уважения своим партнерам. Банальное «один в поле не воин» как нельзя лучше подходит именно к хоккею. Будь ты хоть суперталантом, если партнер тебя не понимает, если не чувствует, что ты сделаешь в следующую секунду, если, в конце концов, не отомстит за тебя и не даст сдачи слишком грубому сопернику, то тогда грош цена всем твоим талантам. Конечно, Харламов, благодаря своему дарованию, все равно стал бы «звездой», но вряд ли без Петрова и Михайлова он так стремительно ворвался бы на хоккейный небосклон. Его взлет действительно был просто потрясающим. Судите сами, в октябре 1967 года перворазрядник Валерий Харламов играл свой первый и единственный в том сезоне матч за ЦСКА, а затем отправился во вторую лигу. Весной следующего года его вернули в ЦСКА, где он стал чемпионом СССР. В том же году Харламова включили в состав сборной СССР. В декабре 1968 года на международном турнире на приз газеты «Известия» тройка Петров– Михайлов – Харламов стала лучшей в составе второй сборной Союза, а весной 1969 года уже в составе первой команды они отправились на чемпионат мира в Стокгольм. В Швеции Харламова (который до сих пор был перворазрядником) признали одним из самых ярких игроков советской команды, он выиграл чемпионат мира и, перепрыгнув через одну ступеньку, сразу стал заслуженным мастером спорта. И это в двадцать лет…

Нужны ли хоккею, как и любому другому виду спорта, новые таланты? Странный, казалось бы, вопрос. Конечно, нужны. Но не все так однозначно. В своей книге «Хоккей грядущего» Анатолий Тарасов рассказал такую историю.

«Мой коллега, тренер хоккейной команды, немолодой уже человек, бросил в сердцах:

– Черт бы побрал эти таланты! Лучше бы их и не было. Вот где они у меня сидят, – и тренер выразительно похлопал ребром ладони по шее.

У него в команде произошла неприятность – молодой одаренный форвард, надежда и гордость тренера, нагрубил на тренировке своему наставнику, обругал товарищей по звену и в довершение ко всему ушел с занятия. Опытный педагог был

крайне возмущен: слишком уж многое позволяет себе этот молодой талант».

Далее Анатолий Владимирович признался, что он и сам пережил немало горьких минут «благодаря» выдающимся хоккеистам. В советские времена существовал стереотип, что наши команды – это всегда коллектив единомышленников, «бесстрашные ледовые дружины», готовые вместе в едином порыве бороться за победу. Конечно же, это не так. Между тренерами и игроками постоянно происходили конфликты, и порой весьма серьезные. Но только не с Харламовым. Валерий работал с такими разными по характеру наставниками, как Тарасов, Бобров, Альфер, Кулагин, Чернышев, Локтев, однако ни с одним из них не ссорился. Даже тогда, когда был категорически не согласен с тренером, не понимал и не принимал его решений…

К началу 1972 года звено Петров – Михайлов – Харламов прочно закрепилось в роли лидеров ЦСКА и сборной СССР. И вдруг Тарасов решил расформировать эту «супертройку». Это решение Главного вызвало у всех, прежде всего у игроков самой «петровской» тройки, шок. Как же так, лучшее звено советского, а то и мирового хоккея, трехкратные чемпионы мира, больше не будут играть вместе?! Ведь это то же самое, что резать курицу, несущую золотые яйца! «Как мы с Михайловым это восприняли? А как может чувствовать себя человек, у которого отрубают палец?» – сказал Владимир Петров, когда его спросили о решении Тарасова. Так почему же великий тренер так поступил?

«В хоккейной пятерке всегда два защитника и три нападающих». Тактика и стратегия хоккея постоянно менялись, но этот постулат долго казался абсолютно незыблемым. Однако для Анатолия Владимировича в хоккее не существовало никаких абсолютных истин, каких-то «священных коров», которых ни в коем случае нельзя трогать. И вот Тарасов решил опробовать новую «систему» (с тех пор название «система» закрепилось за подобным построением пятерки). На площадке появился центральный защитник («стоппер»), основной задачей которого было бороться за шайбу на пятачке, самом ответственном участке обороны. По углам располагались два полузащитника. И нападающих в «системе» теперь было два, а не три. Тарасов считал, что левый и правый форварды получат больший оперативный простор, чем при схеме с центральным нападающим.

Может быть, тарасовская «система» и хороша, да только в ней не было места «петровской» тройке. Наверное, тогда между партнерами первый раз возникло недопонимание. Владимир и

Борис думали, что Валера не стремился отстоять перед тренером их тройку, легко согласился на реорганизацию. Ведь его новыми партнерами стали великие Фирсов и Викулов, да плюс к ним два суперзащитника – Александр Рагулин и Геннадий Цыганков. А к Петрову и Михайлову вместо Харламова пришел Юрий Блинов, игрок, безусловно, талантливый, но еще молодой и неопытный. Михайлов и Петров даже не думали скрывать свое отношение к таким перестановкам, откровенно злились на Тарасова. Анатолий Владимирович, конечно, мог приказать по-военному, мол, выполнять мою команду и без разговоров (ведь Тарасов, кроме всего прочего, был полковником, а Петров с Михайловым – лейтенантами), но он понимал, что ребятам действительно тяжело и нужно действовать по-другому. «Неужели, – говорил Тарасов, – вы с вашим опытом, мастерством, трудолюбием, работоспособностью, доброжелательным отношением к молодым не сможете вырастить еще одного Харламова? Вам же все по плечу…» Тарасов бил точно в цель, в конце концов Петров и Михайлов прониклись желанием доказать всем, что и без Валерия могут сыграть не хуже и сделать из Блинова настоящего мастера. И они добились своего. Юрий стал открытием того сезона, играл просто блестяще, стал олимпийским чемпионом и получил звание заслуженного мастера спорта.

А Харламов, понятное дело, в такой компании играть плохо просто не мог. «Хоккейные университеты» Фирсова и Викулова сделали из него настоящего аса, гроссмейстера игры. И все-таки он хотел играть с Петровым и Михайловым. «Тот сезон был для меня удачным. Не только потому, что мы стали в Саппоро олимпийскими чемпионами. Новая пятерка хорошо играла весь сезон – весной нашей микрокоманде вручили приз, присуждаемый редакцией газеты «Труд» самому результативному трио в союзном чемпионате. Но если бы меня спросили тогда, где хочу я играть – в новом звене или в прежнем, я бы не колебался. Конечно же, с Петровым и Михайловым! Только с ними! И пусть эти слова не покажутся обидными Фирсову или Цыганкову, Викулову или Рагулину. Я благодарен замечательным мастерам за все мои университеты. Я восхищен ими, но разве предосудительна верность первой любви?»

1972-й – особенный год не только для Валерия, но и для всего советского хоккея. Сборная СССР выиграла Олимпийские игры в Японии. Затем в отставку неожиданно подали Анатолий Тарасов и второй тренер сборной Аркадий Иванович Чернышев. Им на смену пришли легендарный Всеволод Бобров и Николай Пучков. Дебют новых тренеров оказался не слишком удачным –

впервые с 1963 года сборная СССР не выиграла чемпионат мира. В Праге сильнее оказались хозяева турнира, дважды переигравшие нашу команду. Но главным событием того памятного года стала знаменитая Суперсерия…

Советская сборная встретилась с канадскими хоккеистами впервые еще в 1954 году, когда наша команда дебютировала на мировом первенстве в Стокгольме. До того канадцы, даже любительские команды, не испытывали серьезных проблем, играя с европейскими хоккеистами. Но первая встреча между сборной СССР и клубом «Линдхорст Моторс» (тогда Канаду на чемпионатах мира представляли любительские клубы) закончилась убедительной победой советских хоккеистов со счетом 7:2. Были и поражения, и все же довольно долго сохранялась общая тенденция – наши любители гораздо сильнее канадских. Но в том-то и дело, что речь шла о любителях, а вот бороться на равных с профессионалами – это казалось несбыточной мечтой. Хотя еще в 1957 году Анатолий Тарасов побывал на тренировках заокеанских профи и, скажем так, в обморок от увиденного не упал. «Разница была колоссальной, – рассказывал Тарасов. – Но не в уровне подготовки, а в отношении друг к другу. Я просмотрел их занятие «от и до» и не припомню другого такого случая, когда бы записывал так много и так быстро. Они же постояли на нашем занятии всего минут пять и только смеялись над нашими хоккеистами. Что ж, я был очень рад, что эти самодовольные люди так и не поняли, что мы делаем». Тарасов уже тогда был готов сражаться с профессионалами, однако советское спортивное руководство по-прежнему не давало разрешения на встречи. «Они большие, они сильные, они умеют играть в хоккей так, как нашим и не снилось», – рассуждали чиновники. И только весной 1972 года, во время чемпионата мира в Праге, наконец-то удалось договориться о проведении серии встреч между советской сборной и командой, составленной из лучших игроков Национальной хоккейной лиги. Четыре матча должы были пройти в Канаде, четыре – в Москве.

«Суперсерия-72 – это всеобщее хоккейное помешательство, ее обсуждали и гуляющие во дворе дети, и стоящие в очередях бабушки, – вспоминал игрок сборной СССР Евгений Зимин. – Люди знали наперечет всех канадцев, не говоря уже о наших игроках. В то время жить в СССР и остаться вне хоккея было невозможно». За матчами СССР – Канада с невероятным интересом следили и в Европе, особенно в Швеции и Чехословакии, куда заокеанские профи также собирались приехать. Не было и недостатка в прогнозах. Предсказатели разделились на два лагеря: оптимисты полагали, что советская

команда сможет оказать канадцам достойное сопротивление, хотя, безусловно, серию проиграет. Пессимисты же считали, что предстоящие матчи никакого спортивного интереса не преставляют – это будет «избиение младенцев», канадцы без труда, одной левой, победят русских хоккеистов. «Эти парни быстры, однако они носятся по льду сломя голову, как будто за ними гонится разъяренный пчелиный рой, – разглагольствовал журналист газеты «Глоб энд мэйл» Дик Бедоуз. – Русские умеют точно пасовать, но они всегда опаздывают, как их поезда на великой Транссибирской дороге. Вячеслав Старшинов – хороший нападающий, а Юрий Блинов – неплохой защитник. Но никто при всем желании не спутает Старшинова с Фрэнком Маховличем или Виком Хэдфилдом, а Брэд Парк съест Блинова, словно сладкоежка пирог с черникой». Дик Бедоуз почему-то решил ввести в статью о хоккее кулинарную тему и продолжал в том же духе: «Запомните! Мы победим во всех восьми матчах. А если Советы выиграют хотя бы одну встречу, я съем эту статью вместе с их знаменитым борщом. P.S. Уважаемый редактор, позаботьтесь, чтобы сметана была под рукой».

2 сентября 1972 года на утренней тренировке советские хоккеисты увидели на льду своих будущих соперников. Конечно, канадцы произвели сильное впечатление на наших игроков, особенно на молодых. Они, казалось, летали по площадке, а шайбы после их бросков перемещались со сверхзвуковой скоростью. «У нас до тренировки оставалось еще какое-то время, – рассказывал Владислав Третьяк. – Сидим на трибуне, притихли, смотрим. Каждый думает: ну и ну, достанется нам…» А вечером премьер-министр Канады Пьер-Эллиот Трюдо сделал символическое вбрасывание, которое разыграли Владимир Викулов и Фил Эспозито. И началось…

«Какого черта они тут делают?! Мы съедим русских медведей живьем!» – кричали трибуны. Уже на 30-й секунде матча канадцы открыли счет. Фрэнк Маховлич мощно бросил по воротам Владислава Третьяка, вратарь отразил бросок, но «наехавший» на пятачок огромный Фил Эспозито разбросал защитников и с лета вогнал шайбу в сетку. Через шесть минут за воротами Третьяка снова зажегся красный свет: Бобби Кларк выиграл вбрасывание, отпасовал Полу Хендерсону, который точным броском сделал счет 2:0. Канадцы уже начали хоронить советскую команду – после второй шайбы в «честь» наших хоккеистов под сводами «Форума» заиграл похоронный марш. На советских тренеров жалко было смотреть – казалось, что сбудутся самые мрачные прогнозы и сборная СССР с треском проиграет матч. Но такое обескураживающее начало, как это ни странно, сыграло на руку

нашим хоккеистам. Канадцы окончательно уверовали в свою победу, а ведь матч, по сути дела, только начался. Последовала молниеносная комбинация, и оставшийся совершенно один на пятачке Евгений Зимин сократил разрыв в счете. Через несколько минут канадцы пропустили новую «оплеуху». Владимир Петров забросил шайбу в тот момент, когда сборная СССР играла в меньшинстве. А второй период стал «бенефисом» Владислава Третьяка и Валерия Харламова.

Хотя тренеры «кленовых листьев» не слишком серьезно относились к нашим хоккеистам, перед началом серии они все-таки прислали своих наблюдателей на товарищеский матч сборной СССР и ЦСКА. Надо же хотя бы посмотреть, что из себя представляют эти русские. И что же они увидели? Прежде всего – молодого вратаря сборной, который в тот вечер умудрился пропустить целых девять шайб. Неизвестно, знали ли заокеанские специалисты, что на следующий день у Третьяка должна была состояться свадьба и в тот момент он совершенно не думал о хоккее, но вскоре канадские газеты написали: «Третьяк очевидно еще очень молод, чтобы противостоять нападающим из НХЛ. В трудных ситуациях он теряется, проявляет нерешительность. Вратарь – это самое слабое звено в советской команде». Третьяка хоть как-то отметили, а на Харламова вообще не обратили никакого внимания. Ну не укладывался Валерий в традиционные представления канадцев об идеальном нападающем!

И вот эти два чуть ли не самых слабых, как считали канадцы, игрока в сборной СССР фактически и решили судьбу матча. Третьяк творил в воротах чудеса, отражал броски такой силы, от которых другой вратарь оказался бы в сетке вместе с шайбой. А Харламов… Знаменитые канадские защитники просто не знали, как против него играть, что можно противопоставить его проходам и филигранной обводке. «Вот я здесь, а вот меня нет», что можно сделать с нападающим, который только что был у тебя перед глазами, а через мгновение оказывался за твоей спиной и мчался к воротам? Во второй двадцатиминутке Валерий дважды забил шайбу в ворота канадского вратаря Кена Драйдена. В начале третьего периода «кленовые листья», сократив счет до 3:4, на некоторое время отодвинули надвигающуюся катастрофу, но затем были окончательно смяты. На один гол канадцев наши хоккеисты ответили четырьмя шайбами и в итоге 7:3, более чем убедительная победа сборной СССР.

После игры кто-то из канадских тренеров предложил Харламову за миллион долларов перейти в НХЛ. «Без Петрова и Михайлова согласиться на переход не могу», – отшутился Валерий Харламов. Канадцы знаменитого харламовского юмора

не поняли: «О'кей, никаких проблем. Они получат столько же, мы берем всю вашу тройку!» Зато наши хоккеисты с юмором отнеслись к «жертве советского хоккея» Дику Бедоузу. Надо отдать должное канадскому журналисту – он, как истинный джентльмен, сдержал свое слово. Вечером Дик пришел в гостиницу к советским спортсменам, чтобы прилюдно съесть свою злополучную статью, в которой он опрометчиво предрекал разгромное поражение советской сборной. «Ну что, может, пожалеем его?» – предложил Харламов. И хоккеисты разрешили Бедоузу накрошить небольшую часть газеты в борщ и в таком виде съесть это «изысканное» блюдо.

Харламова возвели в ранг «суперзвезды», его признали лучшим игроком советской сборной. Об этом говорили все – тренеры, игроки, журналисты, простые болельщики. Но лучше всего о «признании» Харламова свидетельствовала та «охота», которую устроили канадцы на семнадцатый номер сборной СССР во время матчей в Москве. Защитники Рон Эллис и Бобби Кларк изо всех сил старались сломать Валерия и, к сожалению, добились своего. Именно тогда Николай Озеров произнес свою знаменитую фразу: «Такой хоккей нам не нужен!»

Победа есть победа, и все же в первом матче на советских хоккеистов сработал «эффект неожиданности» и излишняя самоуверенность канадцев. В следующей встрече профи взяли реванш, выиграв в Торонто 4:1. Да и в целом канадцы выиграли серию, хотя еще за 34 секунды до конца последнего матча в Москве счет был равным – 5:5. При таком исходе встречи сборная СССР благодаря лучшей разнице шайб становилась победителем серии. Но Пол Хендерсон, оставленный без присмотра на пятачке, получил пас от Фила Эспозито и протолкнул шайбу в ворота. «Я помню, как забил решающий гол в серии за 34 секунды до конца, – вспоминал Хендерсон. – Этот бросок стал звездным часом для меня, благодаря этой шайбе меня до сих пор помнят, и думаю, будут помнить еще долго».

Формально наши хоккеисты проиграли Суперсерию. Но они победили, победили долго существовавшее мнение, что никто в мире не может играть на равных с канадскими профессионалами. Харламов, Третьяк и другие доказали всему миру, что играть в хоккей могут не только в Канаде…

Среди множества историй, рассказанных Валерием Якову Костюковскому, есть и такая:

«Звонит у меня однажды телефон. Снимаю трубку… Незнакомая девушка. Спрашивает:

– Это квартира Харламова?

– Да.

– А можно его самого?

– Он сам слушает.

– Ой, это вы!.. Здравствуйте! Я хочу вам сказать: вы единственный, кто мне нравится.

– Как игрок?

– Нет, как мужчина… Я даже влюблена в вас.

– Очень мило.

– Сколько вам лет, Валерий?

– Двадцать девять.

– Многовато, но для мужчины не страшно…

– А вам сколько?

– Шестнадцать.

– М-да…

– Что – большая разница?.. Ничего, я акселератка… И потом в шестнадцать даже официально регистрируют…

– Но у меня и жена есть…

– Да? Я не знала… Тогда у меня к вам просьба…

– Слушаю.

– Дайте мне телефон Лутченко…»

Это, конечно, анекдот. Если уж влюблялись в Харламова… так влюблялись. Вряд ли кто-то из хоккеистов, в том числе и партнер по ЦСКА и один из лучших друзей Валерия Владимир Лутченко, пользовался такой бешеной популярностью у слабого пола, как Харламов. Как и любому другому молодому человеку, Валерию нравилось внимание и любовь женщин. Монахом-отшельником он, конечно, не был и многим отвечал взаимностью. «Поклонниц у него было море, – вспоминал Борис Сергеевич Харламов. – Но к свадьбе дело не шло. Только с Ириной серьезно…»

Об истории знакомства Валерия Харламова и Ирины Смирновой можно было бы снять фильм или даже телесериал. Итак, сюжет. 19-летнюю москвичку Ирину Смирнову подруга пригласила в ресторан отметить день рождения. В том же ресторане гуляла веселая мужская компания. Что обычно происходит, когда рядом оказываются молодые люди и звучит хорошая музыка? Правильно, танцы. Ирину пригласил невысокий черноволосый парень, представившийся Валерием. На нем был кожаный пиджак и кепка. «Такие обычно носят таксисты», – подумала Ирина. Они весь вечер провели вместе, а после Валерий предложил Ирине подвезти ее до дома. «Точно таксист», – подумала девушка, когда молодой человек распахнул перед ней дверь новенькой «Волги».

Мама Ирины, Нина Васильевна, сначала не очень-то

обрадовалась, когда дочь рассказала о знакомстве в ресторане. «А шашечки на его «Волге» были?» – спросила она. «Не знаю, я не обратила внимания». – «Ой, дочка, неизвестно еще, какой он таксист…»

Через несколько недель Нина Васильевна попросила Ирину показать ей кавалера: «Я хочу знать, с кем встречается моя дочь». – «Но он боится к нам приходить». – «Тогда покажи мне его на улице, так чтобы он ничего не заметил».

Показ состоялся в сквере у Большого театра, где молодые люди договорились встретиться. Валерий терпеливо ждал возле машины, а в это время мама с дочкой разглядывали его из-за кустов. «Все-таки я должна с ним поговорить», – не выдержала Нина Васильевна. «Если ты это сделаешь, я уйду из дома», – неожиданно взорвалась обычно спокойная и тихая Ирина. «Кто же он такой?» – долго мучилась Нина Васильевна. А когда узнала, что жених дочери – известный хоккеист, обрадовалась. А вот Валерий как огня боялся знакомства с будущей тещей, и это человек, который на площадке никогда не избегал борьбы с самыми жесткими защитниками. «Первой вошла Ирина, – вспоминала Нина Васильевна. – И сразу, с порога, почему-то ко мне:

– Мама, ты только на него не кричи, а то он сильно тебя боится.

А я думаю: боже упаси, чего это я кричать должна, хоть бы у них все сложилось. Вошел Валера с детской коляской, здоровается. А я вдруг говорю:

– Вот вы какой! Дай-ка я за тебя подержусь!

– А я думал, вы меня с восьмого этажа сбросите, – рассмеялся он».

В мае 1975 года Валерий и Ирина поженились, а 23 сентября у них родился сын Александр. Через два года у Харламовых родилась дочка, которую в честь бабушки назвали Бегонитой.

Нетрудно догадаться, что Саша пошел по стопам отца. Кататься на коньках он научился едва ли не раньше, чем ходить. «Ира мне по телефону жаловалась, – рассказывал Валерий. – Сашка с этим хоккеем совсем не отдыхает, только вы начинаете играть, он надевает свои «Бауэр» и два с половиной часа гоняет с шайбой по комнате, с сестренкой даже некогда повозиться. Потом Сашке дали трубку: «Папа, – говорит, – не надо больше в хоккей по телевизору играть, приезжай домой – со мной поиграешь!»

Четыре года назад у Александра и его жены Виктории родился сын и на свете появился еще один Валерий Харламов. Пока рано говорить о том, какой путь изберет в этой жизни внук легендарного хоккеиста. Но кто знает, а вдруг Валерий

Александрович Харламов выйдет на лед, забьет шайбу и екнет в груди у тех болельщиков, которым посчастливилось видеть игру семнадцатого номера ЦСКА и сборной СССР, когда диктор по стадиону объявит: «Шайбу забросил Валерий Харламов»…

Чемпион Олимпийских игр, неоднократный чемпион мира и СССР, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Каких только титулов не было у Харламова! Но было у него еще одно звание, неофициальное, но самое, наверное, почетное – «народный хоккеист Советского Союза». Когда болельщики собирались на игру, то говорили не «пойдем на хоккей» или «пойдем на ЦСКА», а «пойдем на Харламова». И вдруг, весной 1976 года по Москве поползли страшные слухи – якобы Харламов разбился в автокатастрофе, а вместе с ним погибли его товарищи по команде Александр Якушев и Геннадий Цыганков. Вскоре даже объявились «очевидцы» аварии. Потом, правда, выяснилось, что Якушева и Цыганкова в машине не было, а Валерий и Ирина «отделались» тяжелыми травмами…

«Я идеальный, – говорил он о себе. – Характер у меня ровный и мягкий. Я не пью, не курю, в карты и на бегах не играю, с женщинами – ни-ни. Есть, правда, один недостаток: приврать могу иногда…» А дальше Харламов продолжал уже серьезно: «В начале сезона (1975/76 года. – *Авт.*) в первых календарных матчах чемпионата страны я выступал неважно, и в основном из-за меня играла неважно и наша тройка. Когда меня упрекали, я ссылался на травмы, они и вправду были, но правда заключалась и в том, что прежде они мне не мешали. Причина неудач была в другом – в том, что я был далек от соблюдения строгого спортивного режима. И вот меня вывели из сборной, команда поехала в Чехословакию без меня, и тогда мне впервые пришлось сидеть у телевизора. А когда наша сборная выиграла оба матча, то мне стало ясно, что команда может обойтись без меня и на Олимпийских играх. Незаменимых мастеров нет – это не голословное утверждение, а непреложный факт. Вот к какому выводу я пришел, дожидаясь возвращения сборной…» Да, через месяц его вернули в сборную, а на Олимпиаде в Инсбруке в финале, за три минуты до конца матча, он забросил чехам решающую шайбу. Но Харламов никогда не считал себя «звездой», которой позволено абсолютно все, всегда самокритично относился к себе, к своим достижениям и недостаткам.

Наверное, найдутся такие поклонники таланта великого хоккеиста, которые упрекнут автора за то, что он разрушил идеальный образ кумира. «Зачем, – скажут они, – говорить об

этом, ведь он был прекрасным человеком, Человеком с большой буквы». Абсолютно верно. Но именно человеком, а не иконой. Харламов любил шумные компании, любил и выпить, и мог сесть за руль, скажем так, не совсем трезвым…

«В первой аварии он, конечно, сам виноват, – рассказывал Борис Сергеевич Харламов. – И обидно, и стыдно… Выпивали, надо было за водочкой съездить в Химки, в ресторан «Волна» – сел за руль. Узкое шоссе, пошел на обгон, не рассчитал – и в столб. Не столько сам пострадал, сколько жена. У Валерия ноги и ребра, у нее лодыжка перебита. Удар сильный, руль прямо в него вжало».

Официальный диагноз: двухложечный перелом правой голени, перелом ребер, сотрясение мозга, множество тяжелых ушибов. Ходить будет, говорили врачи. Это обнадеживало. «А когда на площадку вернется?» – спрашивали тренеры. «Вы что, какая площадка, какой хоккей?! В лучшем случае через год, а скорее всего с хоккеем придется завязать…»

«Ну что, как ты? – спрашивали товарищи по команде. – Как нога? Болит?» – «Нет, ребята, нога не болит, – Валерий делал вид, что хмурится, но в глазах как всегда блестели веселые искорки. – Все остальное болит…»

Два месяца Харламов провел на больничной койке, потихоньку начал ходить, сначала на костылях, потом с палочкой. Госпиталь имени Бурденко, где лежал Валерий, превратился в место паломничества друзей, знакомых, а иногда и вовсе незнакомых людей. Они шли к нему, когда было можно и когда нельзя. Анатолий Фирсов с гордостью рассказывал, что перелезал через забор, чтобы повидать Валеру. А могучие Рагулин и Лутченко со своей комплекцией перелезть через забор не могли и поэтому просто раздвигали толстые решетки ограды.

Для Харламова вынужденное отлучение от хоккея было сродни чебаркульской ссылке. Но в Чебаркуле он хоть мог играть, а в госпитале… Как назло, именно в это время проходил первый в истории Кубок Канады, собравший всю мировую хоккейную элиту. Всю, кроме «петровской» тройки. Владимир и Борис решили, что раз Валерий на Кубок не попадает, то и они дома останутся. «Валера, без тебя в Канаду не поедем, – заявили они ему в палате. – Все время вместе играли и теперь тебя подождем. А туда пусть молодежь съездит…» Харламов попытался отговорить партнеров, но безуспешно. После этого ему, наверное, еще больше захотелось вылечиться и вернуться на лед. Не только ради себя, но и ради товарищей, которые из солидарности пропустили такой интересный турнир.

В августе Валерий впервые вышел на лед – еще в гипсе и с

клюшкой в руках. «С ней чувствую себя увереннее», – сказал он. По совету Тарасова начинал восстанавливаться, играя против 14—15-летних мальчишек из школы ЦСКА. Набросятся 6–7 таких пацанов на заслуженного мастера спорта и давай шайбу отбирать. Так и вернул Валерий свою знаменитую обводку. «Закончу играть, буду тренировать мальчишек, я им должен, они мне очень помогли вернуться на лед». Он всегда любил возиться с ребятами. Когда приезжал к родителям, дворовые мальчишки сразу бросались к нему: «Дядя Валера, сыграй с нами в футбол!» Харламов почти никогда не отказывал, хотя всегда был очень занят. Возьмет к себе в команду нескольких ребят и играет до упаду. Вокруг собирался народ – еще бы, Харламов в одних трусах, мокрый от пота, гоняет с мальчишками мяч. А он ни на кого не обращал внимания, а когда уходил, всегда благодарил ребят. «Дядя Валера, когда в следующий раз сыграем?» – спрашивали ребята. «Когда Анатолий Владимирович отпустит…»

Конечно, возвращение было нелегким. Константин Локтев, который был в то время главным тренером ЦСКА, долго размышлял, куда ставить Харламова – в первую тройку, к Петрову и Михайлову, или же сначала дать ему поиграть в третьем-четвертом звене. Владимир и Борис стояли за товарища горой – только к ним. «Валерка – он возвращение в первое звено через четвертое и третье мог воспринять как недоверие, – рассказывал Петров. – Мы это понимали и бились за него. Это понимал и Константин Борисович».

Наконец-то по всему Советскому Союзу полетела новость: «Харламов возвращается!» Со всей страны в Москву приезжали болельщики, мечтавшие вновь увидеть на льду своего кумира, «нашего Валерку». Обычный рядовой матч чемпионата СССР, проходивший 16 ноября 1976 года, стал чуть ли не главным хоккейным событием года. Билеты исчезли почти сразу же после их появления в кассах, был такой ажиотаж, словно речь шла о финале чемпионата мира или Олимпийских игр.

«Номер 17 – Валерий Харламов!» – объявил диктор, и весь зал встал, словно по команде. Валерий не обманул ожидания болельщиков и уже на четвертой минуте матча забил шайбу в ворота «Крылышек». Михайлов прошел по краю, отпасовал Петрову, а Владимир идеально «выложил» шайбу Харламову. Когда за воротами «Крыльев» зажегся красный свет, партнеры бросились обнимать Валерия. Конечно, такая реакция товарищей по команде никого не удивила. Но вот соперники… «Такой реакции на гол в свои ворота я никогда в своей жизни не видел», – вспоминал Владимир Петров. Игроки «Крыльев»… улыбались и в знак одобрения стучали клюшками по льду. А

после игры Константин Локтев подошел к защитнику «Крыльев Советов» Юрию Глухову, который в матче опекал Харламова, и обнял его. Сергей стал, наряду с Харламовым, героем этого матча. Конечно, опытный защитник, игравший за сборную Союза, мощный и быстрый Глухов мог сломать Харламова, причем действуя в рамках правил. Достаточно было просто применить раз-другой жесткий силовой прием, хорошенько припечатать Харламова к борту и все… Но Глухов не стал охотиться за своим подопечным, действовал очень аккуратно, понимая, что Харламову нужно время, чтобы восстановиться и почувствовать былую уверенность. За что Юрию огромное спасибо…

Сможет ли Харламов вернуться по-настоящему, стать прежним Харламовым, а не бледной копией самого себя? Этот вопрос долго мучил тренеров и болельщиков. Конечно, тяжелые травмы и шесть месяцев без тренировок не могли пройти даром. Но постепенно Валерий набрал былую форму, вновь стал одним из лучших в ЦСКА и сборной СССР. А между тем в главной команде произошли серьезные изменения. Константина Локтева на посту главного тренера сборной сменил Борис Кулагин. К сожалению, дебют Бориса Петровича оказался неудачным – сборная СССР провалила чемпионат мира в Вене. Новым главным тренером ЦСКА и сборной стал Виктор Тихонов.

О венской неудаче вскоре забыли. Под руководством Виктора Тихонова сборная СССР трижды подряд побеждала на мировых первенствах в Праге, Москве и Гетеборге. В феврале 1979 года советские хоккеисты выиграли Кубок вызова, в трехраундовом противостоянии переиграв команду, составленную из лучших игроков НХЛ. Подрастала талантливая молодежь, но и ветеранам (как быстро летит время – еще недавно, казалось, Тарасов с трудом наигрывал «петровскую» тройку, и вот они уже в числе ветеранов) находилось место в ЦСКА и сборной. Не был в стороне и Харламов – болельщики всего мира вновь и вновь восхищались неудержимой блестящей игрой семнадцатого номера советской команды. В 1979 году Валерий стал вторым снайпером чемпионата мира в Москве, уступив только своему партнеру по тройке Владимиру Петрову…

В 1972-м, когда наши хоккеисты ехали в Канаду, их называли «мальчиками для битья», считалось, что они не смогут противостоять напору канадских профессионалов. В 1980 году, перед Олимпийскими играми в американском Лейк-Плесиде, ситуация была совершенно иной. Профи в Играх не участвовали, и сборную СССР заранее называли будущими олимпийскими чемпионами. К сожалению, это настроение передалось игрокам.

Если 1972 год стал годом триумфа советского хоккея, то 1980-й – годом самого обидного поражения.

Первые игры для сборной СССР были просто разминкой – 16:0 с Японией, 17:4 – с Нидерландами, 8:1 – с Польшей. Без особых проблем советские хоккеисты разобрались и с более серьезными соперниками – со счетом 4:2 выиграли у финнов и 6:4 у канадцев. Среди претендентов на медали значились также сборные Швеции и Чехословакии. Но чехи неожиданно выбыли из борьбы, не попав даже в четвертьфинал. Их место заняла американская команда. Сборная, составленная из игроков студенческих команд (их называли «хоккейными практикантами»), уже стала героем Олимпиады. Но никто не предполагал, что американцы смогут оказать сопротивление командам из хоккейной элиты.

Молодые американские хоккеисты на родной земле хотели показать все, на что были способны, и играли с полной самоотдачей. Но техника… В технике нашим не было равных. Сборная СССР «по-хозяйски», очень уверенно начала матч с американцами. После шайбы Владимира Крутова советская сборная повела в счете. В самом конце первого периода, буквально за секунду до сирены, американцам удалось сравнять счет. К сожалению, на этот «первый звоночек» никто не обратил внимания. Настроение было чересчур благодушное. «Все нормально, – говорили друг другу хоккеисты. – Такой темп игры они долго не выдержат, подсядут, и мы их тепленькими возьмем». Наверное, то же самое восемь лет назад думали канадцы, когда выходили на первый матч Суперсерии…

Во втором периоде Александр Мальцев вновь вывел сборную СССР вперед. Однако американцы не собирались сдаваться. Надежды на то, что слишком усердные молодые игроки сборной США быстро устанут, не оправдались, наоборот, в третьем периоде американцы еще больше взвинтили темп. И вот счет стал 2:2, а через несколько минут контратака сборной США завершилась третьей шайбой. Наконец-то советские хоккеисты встрепенулись, пошли на отчаянный штурм ворот противника, но… Произошло то, что еще вчера казалось невероятным – «хоккейные практиканты» выиграли у лучшей команды мира.

После этой победы вся Америка рыдала от счастья. Герой Олимпиады, знаменитый американский конькобежец Эрик Хайден, выигравший на Играх-80 пять золотых медалей, из-за того памятного матча чуть было не опоздал на финальный забег на дистанции 10 000 метров. «Когда наши парни победили русских, я был вне себя от счастья, – вспоминал Эрик. – Ничего более потрясающего в своей жизни я еще не видел. Я был под

таким сильным впечатлением, что долго ворочался в постели и не мог заснуть. Это было великолепно!»

У советской сборной еще оставалась слабая надежда, что финская сборная, уже потерявшая шансы на «золото», сможет все-таки выиграть у сборной США в последнем матче турнира. Но теперь американцев невозможно было остановить. Сборная США выиграла 4:2 и стала победителем Олимпийского турнира. Наши же… Наши завоевали серебряные медали, которые, как говорили хоккеисты, «жгли им грудь». Это была катастрофа. Мало того, что проиграли, так еще кому… Ладно бы братьям по соцлагерю чехам, или нейтральным шведам, но уступить «главному идеологическому врагу» да еще в разгар холодной войны…

Конечно же, после возвращения домой начали искать виноватых. Тихонову, понятное дело, досталось, но на посту главного тренера его все-таки оставили. Возможно, потому, что в свое время инициатором перехода Тихонова из рижского «Динамо» в ЦСКА и сборную был самый главный любитель хоккея в стране – Леонид Ильич Брежнев. Главными же виновниками провала в Лейк-Плесиде объявили Петрова, Михайлова и Харламова. Справедливы ли были эти обвинения? Отчасти – да. Первая тройка выглядела на олимпийском льду неважно, мало забивала, не выручила команду в трудный момент. Но, в конце концов, не они же одни выходили на лед.

И до того отношения между главным тренером и тройкой Петрова были натянутыми. Тихонов всегда исповедовал жесткий стиль тренерской работы и с трудом мирился со всякого рода «оппозицией», с людьми, имевшими в команде большее влияние, чем он. А уж после Олимпиады в Лейк-Плесиде отношения Тихонова и первого звена испортились окончательно. Виктор Васильевич не простил Петрову, Михайлову и Харламову проигрыша американцам. «Сыграли ниже своих возможностей, подвели команду, негативно влияют на молодежь». Стало ясно, что знаменитая тройка «доживает» свои последние дни. После окончания сезона ушел из сборной Борис Михайлов. Мировое первенство 1981 года в Гетеборге стало последним для Владимира Петрова. А Харламова на тот чемпионат и вообще не взяли.

Валерий объявил, что после окончания сезона закончит карьеру игрока. Он очень хотел попасть на Кубок Канады. В 1976 году из-за травмы Харламов не смог поехать на Кубок. Очередной розыгрыш должен был пройти в 1980 году, но из-за ввода советских войск в Афганистан и бойкота Олимпиады в Москве начало турнира перенесли на год. Валерий думал, что Кубок Канады станет достойным завершением его карьеры…

В начале августа 1981 года ЦСКА, игроки которого составляли ударную силу сборной, выиграл проходивший в итальянском городе Валь-де-Гардена финальный турнир Кубка европейских чемпионов. Преимущество армейцев ни у кого не вызывало сомнений, общий счет трех встреч с лучшими командами Чехословакии, Финляндии и Швеции был 28:3 в пользу наших хоккеистов. А Харламов, великолепно сыгравший на этом турнире, был признан лучшим нападающим Кубка. Он неплохо сыграл и в четырех выставочных матчах в Швеции и Финляндии. Никто не сомневался в том, что Валерий вместе со сборной поедет в Канаду…

Команда находилась на базе в Новогорске. После вечерней тренировки хоккеисты поужинали и отправились спать. А утром обнаружили, что Валерия на базе нет. О том, что произошло, знал только сосед Харламова по комнате Валерий Васильев. Около десяти вечера Тихонов вызвал Харламова к себе и сказал, что он в состав не проходит и остается дома. Валерий тотчас сел в машину и уехал на дачу…

Главный тренер на то и главный, чтобы решать, кто достоин играть в сборной, а кто нет. И все-таки – почему Тихонов «отцепил» Харламова от сборной, ведь он, по словам партнеров, находился в прекрасной форме и буквально рвался в Канаду. Кто-то считал, что Тихонов решил окончательно «добить» Валерия и не взял в сборную за какое-то прошлое «нарушение спортивного режима». Другие же полагали, что тренеры хотели подольше сохранить Харламова для хоккея и поэтому не пустили его в «мясорубку» Кубка Канады. Виктор Тихонов объяснял свое решение плохой функциональной подготовкой Валерия. «Мне часто ставили в вину, мол, возьми я Харламова на турнир в Канаду, он бы не погиб, – говорил главный тренер сборной. – Возможно, это и так. Но на тот момент были ребята, которые играли сильнее его, и я не мог поступиться своими правилами: в сборной должны играть сильнейшие на данном этапе хоккеисты! Это закон на все времена и к тому же – мое глубокое убеждение… Валерия не было в списках кандидатов в сборную команду страны, когда мы проводили тренировочный сбор. Однако он блестяще сыграл финальный матч Кубка европейских чемпионов, и потому мы пригласили Валерия в Скандинавию, зная, естественно, заранее, что матчи кубка в Италии ни в какое сравнение с тем, что предстоит держать в Канаде, не идут. Харламов в составе сборной не тренировался, он готовился по плану ЦСКА – не к началу, но к концу сентября, когда стартует чемпионат страны. Однако по уровню мастерства, по силе своего характера, мужеству своему Харламов всегда достоин

выступления в сборной, характера у него, как говорится, на троих. Но вот по функциональной готовности… Валерий не набрал еще формы, и отставание его от партнеров было велико. Не было пока еще той двигательной мощи, благодаря которой этот блестящий форвард успевал действовать повсюду».

Как бы там ни было, команда улетела в Канаду, а Харламов остался дома. Эх, если бы ребята знали, что видят Валеру в последний раз, наверное, силой бы затащили в самолет. Если бы они знали… «У меня до сих пор кошки на душе скребут, – рассказывал в интервью газете «Советский спорт» Владимир Крутов, которого Тихонов взял тогда на место Харламова. – Если б я подольше поболел, Валерий улетел бы на Кубок Канады и сейчас был бы жив. Никак не могу отделаться от этой мысли. Все мне говорят, что винить себя за это нельзя. Но…»

Уже потом стали вспоминать, что Валера словно чувствовал, как закончит свой жизненный путь. Когда кто-то не мог расслышать, что говорил Валерий и переспрашивал его, он всегда отвечал: «Тридцать три». Однажды он совершенно неожиданно сказал отцу: «Странно, что еще никто из наших хоккеистов не погиб в автокатастрофах». А когда в 1979 году хоронили Всеволода Боброва, Харламов вдруг сказал: «Как хорошо на кладбище – тихо, спокойно, ни забот, ни тревог». И это говорил молодой человек, которому только недавно исполнилось тридцать, у которого было все…

26 августа 1981 года Харламов встретил в аэропорту вернувшихся с юга жену и сына. В этот же день он отвез Ирину и Сашу в деревню Покровка под Клином, где на даче у старшей сестры жили Нина Васильевна и Бегонита. Валерий очень обрадовался встрече с родными, словом, это была обычная семейная встреча, казалось, что так будет и на следующий год, и через десять лет, и через двадцать, и всегда…

«Валера лег не сразу, еще чего-то с ребятами повозился, а потом пристроился рядом с Сашей на кровати, – вспоминала Нина Васильевна. – Я предложила забрать внука к себе на диван, но он не согласился. Спал он плохо, несколько раз вставал, но не пил, не курил. Просто посидит-посидит, да и снова ляжет».

Утром Валерий и Ирина собирались ехать в Москву. «Валера, ты не выспался, давай я вместо тебя машину поведу», – предложила Ирина. Но услышав это, Нина Васильевна запротестовала: «Куда тебе за руль, у тебя-то и прав нет, да и погода вон какая хмурая, дорога, наверное, скользкая. Валера, не пускай ее». – «Не дам, не волнуйтесь, – успокоил Валера. – Надо торопиться, я на тренировку хочу к одиннадцати успеть». Валера сел за руль, вместе с ним поехала Ирина и ее двоюродный брат

Сергей.

«Я вскоре пошла в магазин за свежим хлебом, – рассказывала Нина Васильевна. – Со мной еще была сестра со своим внуком. Идем по улице, как вдруг подъезжает милицейская машина, и у сестры спрашивают, где, мол, теща Харламова живет. Я поняла: что-то случилось…»

Почему по пути Валерий все-таки уступил жене место за рулем, мы уже никогда не узнаем, но на 73-м километре Ленинградского шоссе машину вела именно она. Было раннее августовское утро, не слишком загруженная трасса – видимо, это и успокоило Валерия, и он решил доверить машину Ирине. Опытные водители знают, насколько опасно это сочетание – слегка мокрая дорога, когда дождь еще не смыл грязь с дорожного полотна, и свежий асфальт (как раз в том роковом месте дорогу недавно отремонтировали). Дорога становится скользкой, словно в гололед. К тому же «Волга» – машина достаточно тяжелая, а Ирина была еще очень неопытным водителем. Очевидно, она не справилась с управлением, машину вынесло на встречную полосу. Все произошло настолько неожиданно, что водитель ехавшего навстречу белой «Волге» КамАЗа сумел только вывернуть руль вправо, но уйти от удара не успел. На огромной скорости «Волга» врезалась в бок грузовика, а затем вылетела на обочину. Удар был просто чудовищным, от «Волги» практически ничего не осталось. Не было никаких шансов выжить. Валерий и Сергей погибли мгновенно. Ирина несколько минут еще была жива, шевелила губами, когда ее вытащили из машины. Но через несколько минут скончалась. Когда водитель КамАЗа узнал имена погибших, он рвал на себе волосы и проклинал себя и свой грузовик, оказавшийся на пути белой «Волги» с номером 00–17 ММБ…

Через пару часов страшная весть о смерти Харламова дошла до Москвы. Никто не хотел в это верить. Может быть, это какая-то ошибка, глупая выдумка, а может, Харламов действительно попал в аварию, и теперь находится в больнице, но все-таки жив?.. Сообщение центрального телевидения не оставило надежд: «Как сообщил корреспондент ТАСС, в автокатастрофе под Москвой сегодня утром погиб знаменитый хоккеист Валерий Харламов, тридцати трех лет, и его жена. У них осталось двое маленьких детей – сын и дочь».

Партнеры по сборной узнали о трагедии в Виннипеге. Ребята долго не могли понять, почему на утренней тренировке канадские игроки говорили им: «Харламов, финиш!» «Когда мы вылетали из Москвы, – вспоминал один из героев финала Кубка Канады-81 Сергей Шепелев, – он провожал нас до аэропорта. И

когда прилетели, сразу увидели Валерку на экранах телевизоров. В Америке вовсю «крутили» подборку его шайб в матчах с профессионалами НХЛ и ВХА. И мы сначала подумали, что там сожалеют, что Харламов не прилетел. И только потом разглядели траурную рамку на экране и все поняли».

«Мы были в шоке, – рассказывал Вячеслав Фетисов. – Все собрались и сначала хотели бросить к черту этот турнир и ехать на похороны». Но потом решили остаться. «Давайте этот турнир посвятим Валерке, – сказал капитан команды Валерий Васильев. – Пусть каждый бьется и за себя, и за него! Ради Валеры мы должны победить…» Так и получилось, в решающем матче советские хоккеисты разгромили канадцев со счетом 8:1. А когда прилетели в Москву, всей командой отправились к Валере…

Казалось, что Харламова хоронит вся Москва. Год назад так прощались с Владимиром Высоцким. Очередь к Дворцу тяжелой атлетики ЦСКА, где состоялась панихида, растянулась на несколько километров. В час дня прощание с Харламовым должно было закончиться, но люди шли и шли. Кто-то из армейских чинов решил, что церемонию пора прекращать. Вмешался друг Харламова Иосиф Кобзон: «Вы что? Люди по зову сердца пришли. Да они дворец разнесут!» Валерия Харламова похоронили на Новокунцевском кладбище Москвы.

А 26 августа 1991 года на роковом 73-м километре Ленинградского шоссе был установлен памятный знак: 500-килограммовая мраморная шайба с надписью: «Здесь закатилась звезда русского хоккея. ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ». Этот памятник установил некий Михаил, поклонник таланта великого хоккеиста. Установил за свой счет, ни государство, ни ЦСКА не удосужились вспомнить Харламова…

«Не знаю, что еще сумел бы совершить Валерий, но верю, что он достиг бы новых высот и после того, как перестал бы играть, – написал Анатолий Тарасов позже, когда Харламова не стало. – Он хотел учиться дальше, учить других и имел на то полное моральное право. Не знаю, что сумеют совершить его сын Александр, дочь Бегоня, но верю, что вырастут они хорошими, умными, добрыми людьми. Такими, как отец. А был он человеком, так и не познавшим своего величия…»

Ирина Роднина



«Роднина – гениальная фигуристка. Подобных ей в мире нет!» (Станислав Жук.)

«Роднина – это какой-то крокодил на коньках, это камень на шее общества». (Станислав Жук.)

О Родниной можно написать две абсолютно разные книги. В одной мы увидим портрет безмерно талантливой фигуристки, без преувеличения, самой популярной спортсменки 70-х годов прошлого века в СССР, выигравшей за 11 лет выступлений все крупнейшие соревнования. А в другой… Горе и слезы, травмы и

страшные падения, работа с тренером, талантливым, но при этом невероятно деспотичным, невозможность найти себя вне большого спорта, тяжелейшие роды с кесаревым сечением, два развода, попытки бывшего мужа лишить материнских прав через суд, мысли о самоубийстве, когда хотелось сесть в машину, разогнаться и на полной скорости с обрыва…

Ирина Роднина – баловень судьбы или несчастная женщина, которой в жизни довелось испытать такое, чего не пожелаешь злейшему врагу? Кто же она?

Ирина Роднина родилась 12 сентября 1949 года. Девочка как девочка – шустрая, непоседливая, но, к сожалению, очень болезненная. Когда она была совсем маленькой подхватила воспаление легких. Выздоровела, выкарабкалась… и снова заболела. И так постоянно, в детстве Ира одиннадцать раз болела пневмонией. Однажды мама, врач по профессии, от коллег услышала совет: «Надо закаливать девочку. Пусть почаще зимой бывает на свежем воздухе, а еще лучше – займется каким-нибудь зимним спортом». В 1954 году Юлия Яковлевна Роднина впервые привела дочку на московский каток имени Прямикова.

«То, что я стала спортсменкой, – мамина заслуга целиком и полностью», – говорила Ирина Константиновна. И это действительно так. Пока Ира не повзрослела, маме приходилось ездить с ней на каток. Путь неблизкий – Роднины жили на Таганке, а каток находился в Марьиной Роще, это целый час езды на автобусе. Иру часто укачивало, тошнило, маме приходилось выдумывать и рассказывать разные истории, чтобы хоть как-то отвлечь дочку. Когда становилось совсем плохо, они выходили из автобуса, немного пережидали, а затем снова ехали.

Интересно, что папа, военный по профессии, до поры до времени ничего не знал. Когда «заговор» раскрылся, отец устроил маме с дочкой скандал. «Маму очень радовали мои успехи, а папа всегда считал, что мы с сестрой прежде всего должны получить хорошее образование, – вспоминала Роднина. – Моя сестра была отличницей, и меня это всегда раздражало, потому что мы учились в одной школе и мне постоянно ставили ее в пример». Правда, отец все-таки сменил гнев на милость и вскоре даже начал вместе с мамой расчищать снег на катке, чтобы дочка могла нормально заниматься.

Конечно, в спортивной школе ЦСКА, где занималась Ирина, не сразу приметили юную фигуристку. Первыми тренерами были чешские специалисты, которые работали тогда в СССР по контракту. Ира очень старалась, прыгала в два раза больше других учеников, до изнеможения работала с гантелями и

резиновыми жгутами, хотела, чтобы ее взяли в группу сильнейших. Однако характер не позволял подойти и просто попроситься, все ждала, когда ее заметят. В 1964 году на Роднину впервые обратил внимание Станислав Жук…

«Много лет я была на льду Родниной, увиденной глазами Жука, олицетворением его идей, его понимания фигурного катания. Это все равно как ребенок, для которого его поведение оценивается только мнением родителей, и ничем больше. Взросление выражается, очевидно, в стремлении самому познать, что хорошо, что плохо, даже если при этом больно ушибешься. В спорте я стала взрослеть, когда мне впервые захотелось выразить на льду себя со всем тем, что к этому времени было пережито и перечувствовано. Но это желание было неосознанным и непостоянным: слишком сильно и твердо влиял на меня мой первый тренер».

Станислав Алексеевич Жук – тренер от бога. На Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы его воспитанники завоевали около 140 медалей различного достоинства. Казалось бы, Родниной невероятно повезло, что она попала к Жуку, и в спортивном плане это действительно так. Но в человеческом… Жук рано закончил карьеру спортсмена. Пара Нина и Станислав Жук была сильнейшей в СССР, несколько раз занимала вторые места на чемпионатах Европы, но на Олимпиадах и первенствах мира в призеры не попала. Их главные соперники внутри страны Людмила Белоусова и Олег Протопопов всегда шли за ними. А когда чемпионы ушли, Белоусова и Протопопов поднялись на совершенно другой уровень и дважды выиграли Олимпийские игры. Станислав Жук, очень амбициозный человек, почувствовал себя уязвленным. Он не мог признать своего поражения. Его обошли, и поэтому он должен ответить. Если не как спортсмен, то как тренер. В те годы смыслом жизни для него было обойти Белоусову и Протопопова, его пара должна быть лучшей.

Характер Станислава Жука был словно соткан из противоречий. Прекрасный тренер, и при этом деспотичный и временами до безобразия грубый человек. Он никогда не признавал чего-то незаконченного, всегда шел до конца – и когда был прав, и когда заблуждался. От учеников Жук всегда требовал полной самоотдачи и полного подчинения. В воспоминаниях великой фигуристки есть несколько эпизодов, демонстрирующих отношение Станислава Алексеевича к своим подопечным. Чтобы заниматься у него, 15-летней Родниной пришлось перейти из элитной школы в обычную, а затем в школу рабочей молодежи. И все потому, что тренер сказал ей: «Если учеба мешает занятиям фигурным катанием, то школу нужно оставить».

Когда-то Ирина спросила у Станислава Алексеевича:

– Почему вы меня особенно нагружаете, особенно гоняете во вторник, через день после выходного?

– Эх, – сказал он, – какая ты наблюдательная. Это я тебя за воскресенье. В понедельник я тебя перегружать не хочу, а во вторник ты у меня расплачиваешься за воскресенье.

– За что я расплачиваюсь?

– А за то, что вдруг ты в воскресенье минут пятнадцать не думала о фигурном катании! Я этого не знаю, но это я для профилактики.

Он всегда был мнителен и недоверчив. Однажды Жук заболел и дал задание Ирине и партнеру по телефону. Во время катания Роднина заметила, что радист в аппаратной постоянно держит у уха телефонную трубку. Оказалось, что он по просьбе тренера докладывал о работе пары на катке. Позже Ирина спросила: «Мы же столько лет работаем вместе, я вас никогда не подводила, неужели надо проверять, неужели вы мне не верите?» А он ответил: «Милая, да я самому себе иногда не верю – сижу и проверяю себя».

Да и у Родниной характер был еще тот, сама ведь вспоминала: «Мои родители никогда не ссорились. То есть, может быть, такие сцены и происходили, но мы с сестрой об этом не знали. Мама ужасно переживала, когда однажды пришла на каток и увидела, какая я у нее… конфликтная». Ира с детства обладала обостренным чувством независимости и справедливости. Когда ей было шесть лет, для нее не хватило места за праздничным столом и родители заставили девочку сесть за маленький столик отдельно от гостей. Это ее так задело, что, не долго думая, она ушла из дому. Только поздно вечером Иру нашли милиционеры и вернули домой.

И все же, несмотря на все трения и конфликты, следует отметить самое главное – их встреча состоялась. Без Станислава Жука мир вряд ли узнал бы о великой фигуристке Ирине Родниной…

Ира начинала как одиночница. Но Станислав Жук быстро разглядел в ней задатки фигуристки, которая должна, просто обязана кататься в паре. И хотя другие тренеры твердили, что Роднина не создана для пары, что у нее неподходящая фигура и в ее катании мало артистизма, Станислав Жук решил: «Все, можно считать, что новая пара скоро будет». Ведь для тренера в парном катании главное – найти подходящую партнершу, а уж подобрать партнера намного легче.

Первым партнером Родниной стал Алексей Уланов. До Ирины

он катался с родной сестрой. Родители Алексея были против замены, они приходили к Жуку, просили оставить все, как есть. Видимо, это и убедило Станислава Алексеевича, что Уланов должен работать с Родниной. Дело в том, что если Жука настойчиво о чем-то просили, он всегда делал совершенно противоположное.

«Мой первый партнер – человек творческого склада, – говорила Ирина об Алексее Уланове. – В годы, когда мы начинали, именно он был в нашем дуэте движущей силой. Он часто бывал в театре, хорошо знал балет, прибегал, буквально, набитый замыслами. Он горел фигурным катанием, с ним интересно было работать. И трудно».

Они тренировались на открытых катках, на коварном неровном льду, по семь-восемь часов в день. Часто молодой паре приходилось работать самостоятельно, без тренера. Жук занимался со своими сильнейшими на тот момент фигуристами на закрытом катке «Кристалл», а к Родниной и Уланову приходил только под вечер. Однажды тренер взял их на закрытый каток. С непривычки они часто задевали бортики, катались очень скованно. Тут же последовала реакция – Жук заявил, что они срывают план подготовки к чемпионату страны и отправил в «ссылку» на открытый каток. Сколько бы спортсмены ни работали, как бы хорошо ни катались – тренер всегда хотел большего. Но это – ради дела, ради будущих успехов. «Да, я боялась его, – говорила Роднина. – Он всегда был недоволен. Но я точно знала: если он требователен к нам, то к себе – втрое. И коль он велел мне явиться на тренировку за сорок пять минут до начала, я готова была за два часа выбегать из дома и скакать по всем эскалаторам метро, потому что знала, что он обязательно придет раньше меня. Знала, что если с меня будет пот лить, то с него – еще больше».

Впервые Роднина и Уланов «вышли в свет» в конце 1966 года, на соревнованиях в московском Дворце спорта «Лужники». Выводя на лед свое новое «творение», Станислав Жук внимательно следил за реакцией коллег и соперников, конечно, прежде всего, его интересовало мнение главного противника – Олега Протопопова. Жук обычно выпускал дебютантов сначала на показательных выступлениях, чтобы ответственность за результат не давила на молодых спортсменов. В этом есть свой расчет – за высокие места бороться все равно рано, а на показательных выступлениях у судей и зрителей уже складывается определенное впечатление о новой паре, и если оно положительное, то в дальнейшем это помогает на серьезных соревнованиях.

О новой паре Жука заговорили. Без особого восторга, отзывы

были сдержанно-положительные. Видно, что пара перспективная, бегают быстро, но еще «какие-то недоделанные», даже слегка корявые. Тогда эталоном были Белоусова и Протопопов, а Роднина и Уланов только начинали свой путь.

Через год, в конце 1967 года, Ирина и Алексей выиграли турнир «Московские коньки». И хотя в этом соревновании не участвовали сильнейшие фигуристы страны, выигрыш Родниной и Уланова имел определенный резонанс. Пошли разговоры, что у Жука появилась новая перспективная пара, что у них прекрасное будущее и что через год-два подопечные Станислава Алексеевича обыграют «небожителей» фигурного катания, Белоусову и Протопопова.

В 1968 году пара Роднина – Уланов заняла третье место на первенстве Союза. Это было потрясающее ощущение – они стояли на одном пьедестале почета с *самими*, пускай пока на две ступеньки ниже, но ведь рядом, совсем близко. «Бронза» на чемпионате Союза давала путевку на первенство Европы, проходившее в шведском городе Вестерос.

И ведь неплохо начали – после короткой программы пара Роднина – Уланов была на третьем месте. Технически они были готовы неплохо, однако морально пришлось очень нелегко. Раньше Ира видела выступления сильнейших фигуристов только по телевизору. Ей казалось, что так хорошо могут кататься только избранные. А на тренировке она увидела, что эти «избранные» делают совершенно детские ошибки. И это, как ни странно, не придало Ире уверенности, а наоборот, выбило из колеи: «Одним словом, в моей жизни было мало минут… кроме той, наверное, совсем не было… когда бы я не знала, вообще не понимала, зачем тут нахожусь. Ничего не соображала. Полная прострация. Глаза, а в них ужас».

После произвольной программы пара скатилась на пятое место. И надо же было случиться такому совпадению – именно в этот злополучный день у Станислава Жука был день рождения. «Ну, спасибо, Иришенька, – услышала Роднина язвительный голос тренера. – Поздравила ты меня с днем рождения, нечего сказать». И все-таки это был, пускай, жестокий, но опыт: «В Вестеросе я получила хороший урок, – вспоминала Ирина. – Я поняла, что всегда надо знать, чего от тебя ждут, чего самой ждать от себя, на что настраиваться, к чему готовиться, как держать себя во время соревнований – с холодной головой, трезво».

Несмотря на срыв в Вестеросе, Роднина и Уланов закрепились в элите советского фигурного катания. На чемпионате СССР 1969 года в Ленинграде они вновь стали третьими. Выше подняться пока не могли, опуститься ниже не

имели права.

А затем был чемпионат Европы, второй в их жизни. В немецкий Гармиш-Партенкирхен Роднина и Уланов прибыли без тренера. Жук не приехал из-за того, что накануне чемпионата в советских газетах появилось несколько статей с критикой в его адрес. Роднину и Уланова на чемпионате опекала Татьяна Тарасова, а Станислав Алексеевич руководил из Москвы. Он звонил несколько раз в день, интересовался, как у них дела, давал какие-то указания. Правда, тренер разговаривал только с Алексеем, Ирину же, как младшую, к телефону не звал, только требовал, чтобы она во всем слушалась более старшего и опытного партнера.

Пара Роднина – Уланов после короткой программы была третьей. Ира сильно волновалась, ей очень не хотелось, чтобы в Гармиш-Партенкирхене случилось то, что произошло год назад в Вестеросе. О победе она и не помышляла, главное – не скатиться ниже призовых мест: «Я думала, что если случится так же, как год назад, больше кататься я не смогу. Не получится из меня спортсмен».

Ох, как же это было тяжело – сидеть в раздевалке и ждать своей очереди, да к тому же без наставника. В фигурном катании присутствие тренера рядом со спортсменами во время ответственных соревнований значит куда больше, чем во многих других видах спорта. Тренер может что-то подсказать, рассказать, внести коррективы в зависимости от состояния льда и выступления соперников, если нужно, успокоить или, наоборот, слегка подстегнуть, взбодрить подопечных. Это особенно важно для молодых и неопытных фигуристов, как раз для таких, какими были тогда Роднина и Уланов. Они жутко волновались, давил груз ответственности за результат, за судьбу тренера, который в тот момент подвергся опале, за честь страны, в конце концов. А с другой стороны, хотелось всем доказать правильность выбранного пути, способность бороться на равных с сильными соперниками. В те годы, как говорила Ирина Константиновна, «не модно было быть Родниной, модно было быть Белоусовой». Но Жук еще до чемпионата сказал ей: «Ты такая, какая есть, и такой тебя надо воспринимать. Если ты выйдешь на площадку и сделаешь все лучше всех, играючи, и всех поразишь, то какая ты ни есть на самом деле – маленькая, неэффектная, – ты будешь лучше всех».

Первыми катались Белоусова – Протопопов. Кто-то прибежал в раздевалку и сообщил, что они сорвали один из прыжков… Затем свою программу откатала немецкая пара Хаусс – Хефнер. Публика восторженно приветствовала своих соотечественников,

так что Тамара Москвина и Алексей Мишин, вторая советская пара, долго не могли выйти на лед. А после них выступали Роднина – Уланов…

Публика «завелась» почти с самого начала их выступления. К середине программы в зале стоял сплошной рев, сквозь который с трудом можно было расслышать музыку. Когда Роднина и Уланов закончили, их бросились обнимать, поздравляли и что-то кричали о медалях. Но Ирина в тот момент ничего не соображала, в голове вертелась только одна мысль: «Мы справились – одни, без тренера, а справились».

Безусловно, это был потрясающий успех. От Родниной и Уланова ждали хорошего выступления, ждали медалей, однако скорее бронзовых, в лучшем случае серебряных. Но чтобы они смогли обыграть всех, смогли превзойти казавшихся непобедимыми Белоусову и Протопопова, – этого не ожидал никто. Их завалили цветами, различными сувенирами, Ире дарили шоколадки и игрушки. На пресс-конференции интерес журналистов к Ирине и Алексею был просто невероятный, поток вопросов длился бесконечно. Их поздравляли все… кроме членов советской сборной. «Мы открыли дверь в нашу раздевалку и из шумного теплого мира попали в тихий и холодный. В раздевалке сидели несколько человек, подписавших те статьи, направленные против нашего тренера, и Олег Алексеевич Протопопов. Они сидели и молчали». И только после того, как пришла телеграмма за подписью недавно назначенного председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова, в которой сообщалось, что Родниной и Уланову присвоены звания заслуженных мастеров спорта СССР, поздравлять начали и свои.

В аэропорту Ирину встречали родители и тренер. Реакция мамы и папы была вполне понятной – они были на седьмом небе от счастья, искренне радуясь успеху дочери. Реакция Станислава Жука тоже была вполне «естественной» – он потребовал у Ирины дневник с отчетом о чемпионате и сказал, что завтра в восемь утра она должна быть на тренировке. Правда, тренировка так и не состоялась. На следующий день Ирину и Алексея ждал торжественный прием в Спорткомитете, затем в Моссовете, потом еще где-то, в общем, им приходилось привыкать к тому, что принято называть расхожим термином «бремя славы». А привыкнуть к этому самому «бремени» оказалось нелегко. Болельщики, особенно те, кто смотрит соревнования только по телевизору, обычно создают себе определенный образ любимого спортсмена, естественно, положительный, без каких-либо отрицательных черт. А ведь спортсмены, как это ни банально, тоже живые люди… «Публика видит нас не такими, какими мы

бываем бóльшую часть нашей жизни, – писала великая фигуристка. – Во время соревнований, на телеэкране, мы перед ней, так сказать, в наши звездные часы – в праздники, а не в будни. У меня иногда спрашивают, почему я не улыбаюсь, но я улыбаюсь столько же, сколько все люди, то есть далеко не всегда, а на экране меня привыкли видеть улыбающейся и хотят видеть такой постоянно. Получается какой-то типичный положительный бодрячок. А потом глянут на живую: «Ах, да почему она такая хмурая, неразговорчивая, да какая маленькая… Конечно, я еще меньше ростом, когда без коньков…»

– Ну что, Ира, на что рассчитываешь, какую медаль привезем с чемпионата?

– Хотелось бы «серебро».

– Это почему же «серебро»?

– Ну как же… «Бронза» чемпионата Союза у нас есть, «золото» на Европе мы взяли, теперь для полной коллекции нужно «серебро».

– Странная у тебя логика… Нет, дорогая моя, надо вам с Лешей первыми быть. Обязательно первыми…

Этот разговор между Родниной и Станиславом Жуком произошел в самолете, летевшем в Соединенные Штаты. У фигуристов сезон очень насыщенный, после чемпионата Европы в Гармиш-Партенкирхене спортсмены практически сразу отправились на первенство мира в Колорадо-Спрингс. Этот центр зимних видов спорта расположен на приличной высоте и, естественно, советские тренеры и спортсмены всерьез опасались этой высоты, а точнее, кислородной недостаточности. Опасения оказались не напрасными – после одной из тренировок Ирина три часа не могла прийти в себя, ее тошнило, буквально выворачивало наизнанку. Правда, потом она акклиматизировалась, и подобное больше не повторялось. Но другим советским спортсменам пришлось еще труднее, некоторых после тренировок выносили с катка. Непосвященным людям может показаться, что фигуристы не затрачивают особых усилий во время выступлений. Ну покатались пять минут, ну попрыгали, покрутились, в общем, ничего сложного. На самом деле спортсмены переносят колоссальные нагрузки. Как говорили сами фигуристы, иногда после выступлений им хотелось одного – тихо умереть.

А завоевать «серебро» на том чемпионате так и не получилось. Роднина и Уланов вновь стали первыми. Вообще, 1969 год – суперудачный для этой пары. Фигуристы выиграли чемпионат Европы и мира, обошли Белоусову и Протопопова, и не просто обошли, они сменили моду в фигурном катании. Теперь в

моде был не «стиль Протопопова», а «стиль Родниной». Постепенно Ирина стала не просто известной спортсменкой, а «лицом советского спорта». Ее любили не только обычные болельщики, среди почитателей было немало «сильных мира сего»: «Конечно, это вызывало больше приятных эмоций, – рассказывала Роднина в интервью газете «Новые Известия». – Но с другой стороны – накладывало определенные обязательства, требовало все больших усилий. По большому счету никого не интересовало, как и чем ты живешь, какие у тебя проблемы. Я ни о чем не жалею, но ведь многое приходилось делать в ущерб личной жизни, здоровью. От меня ждали только победы. И не дай бог было проиграть. Однажды я даже дома почувствовала, что являюсь лицом советского спорта. Помню, в 1969 году мы приехали из турне по Европе и Америке, и в первый же вечер за ужином я стала делиться впечатлениями. Эмоции, естественно, через край. Но папа меня вдруг одернул: «Ир, угомонись, это же американская пропаганда!» Для меня это был шок. Какая пропаганда? Я ведь тогда даже слова по-английски не знала. Родители, конечно, никогда на меня в этом смысле не давили, но чувство патриотизма было у них, что называется, в крови».

«Парное катание – это когда надо каждый раз заставлять друг друга начинать работу и заставлять ее заканчивать, – говорила Ирина Роднина. – Парное катание – это оба вместе, каждый за себя и каждый за двоих. Я сказала, что характеры должны быть достойны друг друга и, значит, принадлежать сильным людям. Но оба сразу, оба постоянно не могут быть сильными – это невозможно и даже противоестественно, и природа подобного не создает. Поэтому спортивная пара должна быть таким коллективом, такой командой, где каждый постоянно начеку, чтобы оказаться сильнее в тот момент, когда другой слабее. Один оступился, другой поддержал, один ошибся – не в ту сторону поехал, другой – тоже, но сознательно, чтобы сохранить синхронность. Один внутренне дрогнул, другой – словом или взглядом – пришел ему на помощь. Вот это – взаимная страховка во время соревнований и взаимная борьба на тренировках – и есть психологическая особенность парного катания».

Действительно, психологическая совместимость партнеров – немаловажная составляющая в парном катании. К сожалению, после первых побед отношения между Родниной, Улановым и Жуком дали трещину. Если раньше над программой работал сплоченный коллектив, то теперь – три совершенно разных человека со своим видением катания. Ирина начинала взрослеть, приобретала опыт и уже не соглашалась со всем, что ей

предлагали тренер и партнер. Она, к примеру, всегда очень боялась врачей и сильной боли, и поэтому, несмотря на заводной характер, не спешила с освоением новых рискованных элементов. У Жука вместе с Родниной и Улановым работала еще одна пара, и Ирина говорила тренеру: «Пусть сначала они попробуют». Жук однажды вышел из себя и ответил: «Если они первыми сделают, то это будет уже их элемент!» Ирина возражать не стала: «Ну и пусть!» Правда, Станислав Алексеевич принимал меры, вплоть до разговора с родителями Иры, и с этими «маленькими бунтами» в большинстве случаев справлялся. Однако с Улановым отношения и у Ирины, и у Жука с каждым днем становились все хуже. Видимо, он из той породы людей, которые очень быстро и легко вынашивают действительно хорошие творческие идеи, но не могут довести их до совершенства. Тренер же исповедовал метод перехода количества в качество, считал, что «лучше переработать, чем недоработать». Уланов начал уставать или делать вид, что устает, задания Жука выполнял с прохладцей. К тому же Алексей был поклонником классического «стиля Протопопова», он считал, что стержень программы – это прежде всего музыкальная идея. Жука это, естественно, попросту бесило.

Не лучше складывались отношения с партнером и у Ирины. Она пыталась доказать ему что-то свое, а Уланов всегда настаивал, что он главный в их дуэте, ведь он – мужчина, к тому же старше и опытнее партнерши. «И пошли стычки, в которых ни он, ни я порой не хотели и не могли друг друга понять, – вспоминала Роднина. – Мне, например, казалось, что в этом месте программы должен быть прыжок, иначе тут пустота, а партнер утверждал, что никакого прыжка вставлять нельзя, потому что именно в этом месте ему позарез необходимо отдохнуть, три-четыре раза вдохнуть и выдохнуть поглубже…

Есть люди, которые и в горячке могут все логически доказать и обосновать. Леша Уланов – человек нелогичный. Даже, так сказать, непредсказуемый – ни в словах, ни в поступках… У меня тоже вылетает все без разбора, а потом и не помню, что наговорила. С тех пор мне вообще кажется, что парное катание – это прежде всего борьба характеров. Не сочетание, а именно борьба…»

Теперь представьте, каково было Ирине в таких условиях готовиться к главному соревнованию в жизни – Олимпийским играм. Как ни странно, сама фигуристка считает два олимпийских сезона – 1972 и 1976 года – неудачными. Оба раза Ирине казалось, что после Олимпиады ей придется завершить свои выступления. Как говорила Роднина, в 1972 году она себя чувствовала так, словно «ее закатали в консервную банку».

Проходившие когда-то с большим интересом тренировки превратились в рутину, программа и элементы остались старыми.

Олимпийский турнир оказался одним из самых тяжелых соревнований в жизни Родниной: «Если и не хуже других мы были на той Олимпиаде, то и не лучше – в своих собственных глазах». Чистого катания им показать не удалось – были ошибки и в короткой, и в произвольной программах. Роднина и Уланов выиграли, но особой радости не испытали. В Саппоро Станислав Жук понял, что пары Роднина – Уланов уже нет, а есть два отдельных спортсмена, два человека, через силу выступающие вместе. Впервые Жуку пришлось перестраховаться и убрать из программы несколько сложных элементов.

Заявление Алексея Уланова о намерении после Олимпиады выступать с новой партнершей, своей женой, призером чемпионатов мира, Европы и Олимпиады в Саппоро Людмилой Смирновой для всех стало полной неожиданностью. Для всех, кроме Станислава Жука и Ирины Родниной. Ира еще в 1971 году, в начале предолимпийского сезона, поняла, что они с Алексеем катаются последний год.

В Саппоро Жук спросил:

– Ириша, что же дальше?

– Давайте подождем до конца сезона, – ответила она.

А в сезоне оставалось последнее соревнование – чемпионат мира в Калгари…

Когда Ирина заснула в номере гостиницы, ей приснился сон. Тяжелый сон. Разноцветные полосы свивались в тугие жгуты и сковывали ее. Она пыталась взлететь, уйти от них в голубое небо, но полет не удавался. Что-то с огромной силой тянуло ее за руки вниз.

Падение длилось бесконечно. Она никак не могла смягчить удар о внезапно появившуюся ледяную плиту. Наступила сплошная темнота. И сна не стало. Она засыпала и просыпалась несколько раз. Сквозь сон видела в номере людей, озабоченно смотревших на нее. На какое-то время становилось немножко легче. А затем снова сплетались угрожающие петли, захлестывали с новой силой. Сквозь сон она слышала: «Врачи запретили. Выступать ей не придется…»

В Калгари все шло своим чередом. Обычная предстартовая тренировка подходила к концу. Жук распорядился: «Давайте два с половиной, поддержку окрестную, и все». Прыжок, поддержка и… Ирина очнулась два часа спустя. Диагноз врачей – сотрясение мозга и внутричерепная гематома.

Официальная версия случившегося звучала так: «На одной из последних тренировок перед чемпионатом мира Ирина Роднина

упала и ударилась головой о борт». Неофициально же… Многие считали, что Уланов уронил Ирину специально. Кто знает… Да, их отношения к тому моменту вконец испортились, да, Уланов хотел как можно быстрее начать кататься с другой партнершей и все же трудно себе представить, что человек, с которым Роднина проработала бок о бок шесть лет, мог пойти на такое…

Конечно же, Ирина могла отказаться от участия в чемпионате. Никто бы за это ее не осудил, скорее наоборот, врачи очень настойчиво рекомендовали фигуристке отдохнуть и уехать домой. Но, видимо, в ней уже было что-то, что заставляло не сдаваться и идти до конца. Было невероятно тяжело: «Вечером перед произвольной я сидела и прикидывала, в какой части, на каком элементе начну тихо помирать. Не то что ноги ослабнут, а себя потеряю, отключусь. Все-таки у меня было сотрясение мозга. Это случилось не там, где я ждала, а буквально на секунде двадцатой. Там шел «бедуинский прыжок» – боковой, и утром на тренировке я все попробовала, кроме него. А при его исполнении ты оказываешься почти вниз головой. И когда я после него выехала, то окружающее показалось мне довольно смутным. Так было до конца программы – я очнулась, когда мы поклоны делали, и я бухнулась на колени. Леша со Станиславом Алексеевичем унесли меня со льда».

В Калгари пара Роднина – Уланов в четвертый раз подряд стала чемпионами мира…

Целый месяц после чемпионата мира Ирина не тренировалась, лежала дома с головной болью, слушала «Битлз», иногда читала Пушкина, но бóльшую часть времени думала о своем будущем. Что делать? Завершить выступления? Попытаться закончить институт физкультуры, в котором она тогда училась, и перейти на тренерскую работу? Но все эти годы она делала то, что говорил ей Станислав Жук, ее же собственные тренерские знания были весьма скромными. Да к тому же очень обидно было в двадцать два бросать спорт. В общем, мыслей было много, но ни одной подходящей, такой, которая бы подсказала верное решение.

Станислав Жук постоянно звонил ей: «Иришечка, хватит лежать, надо готовиться к первенству страны. Ты ведь знаешь, есть люди, которые будут рады, если ты уйдешь, так не давай им радоваться, возьми и останься». Алексей Уланов пока не делал официального заявления о разрыве с Родниной и Жуком, и тренер ждал их обоих. В конце концов Ирина решила вернуться, но Уланов так и не пришел.

Ирина хотела продолжить свои выступления, но вот с кем –

неизвестно. Поисками нового партнера занимался Станислав Жук, Ирина же от этого отстранилась. Найти нового партнера было нелегко. Нет, недостатка в кандидатурах не было, многие опытные фигуристы, уже много лет выступавшие в парном катании, с удовольствием бы согласились стать партнером Ирины. Но, как ни странно, именно опыт и определенный устоявшийся стиль будущего партнера могли привести к тому, что слаженного дуэта не получилось бы. Поэтому Жук решил сделать партнера для Родниной, что называется, с чистого листа.

В апреле 1972 года Станислав Алексеевич позвонил Ирине и сказал:

– Я тут тебе одного парнишку нашел, приходи посмотреть…

При первом знакомстве Александр Зайцев показался Родниной каким-то смешным и нескладным. Бросались в глаза его странная прическа (Саша носил длинные волосы, но перед смотринами зачем-то решил постричься), какой-то несуразного вида детский фрак, из которого он явно вырос. Парень очень волновался, на льду носился, как угорелый, а при разговоре либо молчал, либо так заикался, что разобрать его слова можно было с большим трудом.

Наверное, в первый момент Ирина подумала, что с таким партнером она вряд ли сможет выступать. Ну кто такой Зайцев – малоизвестный фигурист, до этого участвовавший лишь в нескольких соревнованиях второстепенного характера. Но… «Одно меня вмиг поразило, как только мы с Сашей стали в пару. Мы встали и помчались. Точно торпедный катер. Это ощущение скорости уже забывалось в последние годы работы с Лешей».

Появление у Родниной нового партнера вызвало огромный интерес у специалистов фигурного катания. Уже на пятый день после их знакомства посмотреть на пару Роднина – Зайцев пришло все руководство Федерации фигурного катания СССР во главе с Анной Ильиничной Синилкиной. Несмотря на свою высокую должность, Анна Ильинична для Ирины, да и для многих других советских фигуристов, иногда оказывалась, так сказать, «второй мамой». В сборной Союза были разные люди, подчас с трудом переносившие друг друга, но Синилкиной каким-то чудом удавалось их сплотить и сделать так, что все чувствовали себя одной командой.

После просмотра руководство отправилось на совещание, но Ирина по одобряющему взгляду Анны Ильиничны поняла – пара явно понравилась. Да и сама фигуристка почувствовала, что пара Роднина – Зайцев может быть, по крайней мере, не хуже, чем пара Роднина – Уланов. «Мне с ним было удобно кататься в паре, – говорила Ирина о Зайцеве. – Я протягивала руку и не

оглядывалась. Это потрясающее чувство! Не оглядываться. Даешь руку, а ее подхватывают. Всегда с тобой сила какая-то!» Но конечно же, это не означало, что у них абсолютно не было проблем и они сразу же начали кататься так, словно были вместе не один год. Александр без проблем находил общий язык с людьми, обладал хорошей физической подготовкой, был выносли в и умел собраться для достижения поставленной цели. Прыжки Зайцева – высокие и легкие – были просто великолепны. Однако многие более простые элементы парного катания давались ему с большим трудом. Шаги, дорожки, поддержки приходилось повторять по многу раз, и все равно Ирина и Александр долго не могли добиться желаемой идеальной чистоты катания. Нередко Саша мысленно отключался. То есть вот он работает, слушает указания тренера, и вдруг становится видно, что в мыслях он где-то далеко и совершенно не способен ничего воспринимать. Иногда бывали такие моменты, что, как говорила сама Роднина, «от досады, от бессилия просто хоть головой о бортик бейся».

И все же, несмотря на трудности, у них было главное – желание кататься вместе и работать для достижения самых высоких целей. После тренировок они буквально уползали со льда. Как-то Александр сказал в интервью:

– В принципе ничего страшного в таких огромных нагрузках не вижу. Боязнь и робость появляются у того, кто заранее не готовит себя к сложной работе. А в разгар зимы трудно освоить солидный объем тренировок на льду. По-моему, надо все время исподволь настраиваться на большую работу. Мы с Ириной знаем, что нас ждет завтра. А ясность цели дает многое!

Если с Улановым Ира была «ведомой», то теперь ситуация изменилась. Она была старше, опытнее Зайцева. Она чувствовала ответственность за партнера, причем не только на катке, но и вне его. Зайцев оказался в непривычной обстановке, вдали от дома, Москву толком не знал, жил в пансионате, где не было никаких развлечений. Фигуристы стали вместе проводить выходные, ходить в театры. Это их и сблизило. Спустя некоторое время пара Роднина – Зайцев стала не только спортивной, но и семейной…

Прошел месяц после начала совместной работы Александра и Ирины. Сезон заканчивался, наступало время отпусков. После тренировки Станислав Жук пригласил Иру проехаться, отъехал от Лужников и остановил машину за мостом окружной железной дороги.

– Знаешь, Ира, я с вами больше заниматься не хочу.

Ирина растерялась от неожиданности.

– Почему? – спросила она.

– Ну, Ириша, смотри сама: сделаю я вашу пару, а что будут люди говорить? Что это Роднина. Не Жук, а Роднина. А сделаю я, допустим, Горшкову и Шеваловского, и будут говорить, что это Жук.

– Но ведь все прекрасно знают, что Роднина – это Жук, и вообще в том ли смысл и цель дела, кто что скажет…

Но тренер был непреклонен. Конечно, решение Жука было полной неожиданностью. Однако Роднина уже не была маленькой девочкой, полностью зависящей от тренера, и она уже умела держать удар. Она не стала долго уговаривать Жука:

– Не хотите, не надо…

Этот разговор состоялся незадолго до отъезда Ирины в Гурзуф. Вместе с ней к морю поехали мама, сестра и Александр. Отдых получился своеобразный, после такого отдыха на любую самую тяжелую и нелюбимую работу идешь, как на праздник. Впервые Родниной пришлось выступать в роли тренера, очень жесткого и требовательного. Нагрузки были просто сумасшедшими, они делали по двести поддержек. Прежняя партнерша Зайцева весила 42 килограмма, а Ирина около пятидесяти. Он пытался возражать, но в ответ Роднина вдвое увеличивала нагрузки. Да и у нее самой иногда после тренировки разноцветные круги перед глазами вертелись…

Они вернулись в Москву. После разговора с Жуком Ирина думала о поисках нового тренера, но Станислав Алексеевич неожиданно изменил решение. Фигуристка долго размышляла, почему и с какой целью Жук завел тот памятный разговор в машине под мостом? Может быть, решил, что Зайцев не годится в партнеры Ирине? Или хотел подхлестнуть их, чтобы они больше работали в отпуске? Или же действительно думал, что созданный им образ Родниной не может развиваться дальше и надо искать какой-то новый вариант? Как бы там ни было, после отпуска Станислав Алексеевич продолжил работать с Ириной и Александром.

Готовиться к новому сезону фигуристы продолжили на подмосковной базе. В тот год вокруг Москвы горели леса, удушливый дым накрыл все Подмосковье, дышать было нечем. Но Жук, несмотря на такие условия, требовал от своих подопечных, как всегда, полной самоотдачи. Он сказал, что Ира потеряла былую резвость и ей надо сбросить вес. На песке, в дыму, спортсмены играли в футбол, обвязанные поясами со свинцовыми пластинами (прямо спецназ какой-то, а не фигуристы!).

Перед началом сезона руководство Федерации фигурного катания решило проверить всю сборную Союза на показательном

турнире в Запорожье. Наверняка любители спорта знают, что в показательных выступлениях сильнейшие фигуристы выступают последними. В Запорожье пара Смирнова – Уланов должна была выступать после Родниной и Зайцева. Конечно, это задело Ирину, ее с Зайцевым считали слабее соперников, но, в принципе, она понимала, что такое мнение вполне оправданно. Она – чемпионка Олимпийских игр, первенств мира и Европы, Алексей Уланов – тоже, его партнерша – неоднократный призер всевозможных соревнований наивысшего уровня, а вот Александр Зайцев – пока никто. Так что свое превосходство Ирине и Александру пришлось доказывать на льду. И они доказали – после первого дня соревнований пары поменялись местами в списке участников. Стало ясно – дуэт Роднина – Зайцев состоялся…

Через год после того, как Ирина и Александр начали кататься вместе, они триумфально выиграли чемпионат Европы. Никогда еще судьи в парном катании не ставили за произвольную программу десять оценок «6,0». А затем был ставший, можно сказать, хрестоматийным чемпионат мира в Братиславе.

Это может показаться невероятным, но то, что произошло в Братиславе во время произвольной программы, Ирина накануне видела во сне. Это было обычное предстартовое состояние полусна-полуяви, когда Роднина внутри себя раз за разом прокатывает свою программу. Ирина каталась, каталась, и вдруг музыка остановилась…

Это было во сне. И надо же такому случиться, что это произошло наяву. В середине произвольной программы Родниной и Зайцева, через 2 минуты 35 секунд после начала, музыка неожиданно оборвалась (позже выяснилось, что это случилось из-за короткого замыкания в радиорубке). Секунд десять Ирина и Александр, увлеченные катанием, ничего не замечали, и лишь тогда, когда дошли до прыжковой комбинации, отчетливо ощутили гробовую тишину, воцарившуюся в зале. Что делать? Ирина посмотрела на Станислава Жука. Тренер знаками показал: «Продолжайте кататься!» Через какое-то время захлопали зрители в зале – публика почувствовала, что нужно поддержать аплодисментами спортсменов, оказавшихся в трудной ситуации. И только после того, как пара закончила выступление, Ирина заметила главного арбитра соревнований, который все это время свистел и стучал по пюпитру, пытаясь привлечь внимание. Он предложил фигуристам два варианта: выступить еще раз после всех участников или откатать программу с момента обрыва музыки. Абсурдное предложение – получается, что уставшие спортсмены должны снова выйти на лед и откатать программу, целиком или ее часть. И это по вине организаторов, не

обеспечивших нормальное проигрывание фонограммы!

– Оценивайте то, что есть, – ответила Ирина.

– Тогда мы снизим оценку из-за неполного музыкального сопровождения, – заявили судьи.

– Делайте ваше дело, – Роднина упрямо стояла на своем. – Но мы ничего заново катать не будем, мы свое дело сделали! А то, что музыка прервалась, так это техническая проблема, а не наша!

Оценки им не снизили, у судей просто рука не поднялась. Они стали чемпионами мира, Роднина в пятый раз, а Зайцев – в первый. Кстати, некоторое время спустя западногерманское телевидение показало Ирине запись катания в Братиславе, совмещенного с музыкой из другого выступления. Оказалось, что движения Ирины и Александра разошлись с мелодией всего на одну секунду…

Два года Роднина и Зайцев отработали вместе со Станиславом Жуком. Они продолжали побеждать, однако между тренером и его подопечными назревал серьезный конфликт. Станислав Алексеевич то работал с ними как прежде, полностью отдавая себя, то уделял Ирине и Александру всего 40 минут в день, а то и вообще не приходил на тренировки. Ирина понимала, что этот гордиев узел рано или поздно придется разрубить, и все же не решалась сделать последний шаг. И если бы это оставалось только их личной проблемой… Вскоре о тяжелых отношениях между лучшей парой Советского Союза и их тренером знала чуть ли не вся страна. Многие хотели им помочь, совершенно искренне пытались объяснить Ире и Саше, в чем не правы они, а Жуку – в чем виноват он.

Нередко вмешательство людей, далеких от сути конфликта, приводит к отрицательным последствиям. Однако иногда помощь посторонних может оказаться очень полезной. Однажды Ирину и Александра вызвал к себе один из руководителей Спорткомитета Министерства обороны СССР, бывший летчик, генерал А. М. Мирошник. Он не очень хорошо разбирался в делах спортивных, но зато разбирался в людях.

– Вот что, ребята, вам надо что-то решать. Кто, вы считаете, может быть вашим новым тренером?

Это был трудный вопрос. Если уходить от Жука, то к самому перспективному тренеру.

– Тарасова, – ответила Ирина.

– Я ее не знаю. Но если вы убеждены, поступайте, как летчики. Летчику в воздухе некогда особенно долго размышлять, он принимает решение, а на земле выясняется, прав он был или неправ. И если был неправ, это уже не имеет значения, потому что летчик погиб…

Это был трудный шаг, но на него пришлось решиться. Ирина и Александр побывали у Татьяны Тарасовой, и она согласилась с ними работать. Действительно, дочь знаменитого хоккеиста и тренера Анатолия Тарасова была перспективным, но все-таки очень молодым тренером, всего-то на два года старше Родниной. К тому же, «стиль Тарасовой» коренным образом отличался от «стиля Жука». Станислав Алексеевич прежде всего обращал внимание на сложность программы и способность спортсменов выполнить тот или иной набор технических элементов. Он никогда не ставил программу сразу, сначала заставлял подопечных отработать до совершенства большинство элементов, что-то отбрасывал и затем уже, когда появлялась подходящая музыка, окончательно утверждал всю программу целиком. У Тарасовой был диаметрально противоположный подход – для нее главным элементом была музыка, исходной точкой являлась художественная идея, на которую уже потом «нанизывались» технические элементы.

Начало работы было трудным как для тренера, так и для подопечных. Тарасова еще никогда не работала с фигуристами такого уровня. Если с прежними учениками она могла экспериментировать, то с Родниной и Зайцевым нужно было давать результат, причем как можно быстрее. А времени как раз было в обрез – обычно подготовка к новому сезону начинается в июле, в крайнем случае, в августе, а Ирина и Александр пришли к Тарасовой в октябре. За короткий срок нужно было практически заново поставить и обязательную, и произвольную программы. А ведь время требовалось не только для чисто технической работы. Новому тренеру и новым ученикам нужно было присмотреться, притереться друг к другу, найти какие-то точки соприкосновения вне фигурного катания. «В первые дни нашей работы я и Татьяна, начав говорить на узкоспортивные темы – о технике, о методике, – непременно переходили на личное и говорили без конца, – вспоминала Ирина. – Мы интуитивно чувствовали, что надо сблизиться и понять друг друга, что без этого нельзя».

Многие не верили в то, что без Жука Роднина и Зайцев смогут продолжать выигрывать. Не разбираясь в причинах конфликта, считали спортсменов виновниками разрыва с тренером. Ирине и Александру вместе с Татьяной Тарасовой приходилось доказывать свою правоту. И хотя в 1975 году Роднина и Зайцев вновь были первыми и на чемпионате мира, и на первенстве Европы, до оптимальной формы было еще далеко. «Для тогдашней своей подготовки мы выступали неплохо, а по сравнению с тем, чего от нас обычно ждут, неважно», – признавалась Роднина.

В те годы очень улучшили свои результаты фигуристы из ГДР. Немецкие спортсмены рассчитывали дать бой Родниной и Зайцеву на Олимпиаде 1976 года, которая проходила в австрийском Инсбруке. В принципе, надежды соперников не были безосновательными. Но, как ни странно, не слишком уверенные выступления перед Олимпийскими играми придали Ирине и Александру дополнительные силы. «Два старта, которые предшествовали Олимпиаде, в конце концов вернули нам нормальное состояние, – рассказывал Зайцев. – Вы думаете, парадокс? Отнюдь. Не слишком удачные – если измерять собственной мерой взыскательности – старты возвращают хладнокровие. Надо только уметь делать выводы».

Как вспоминала Ирина: «От моей первой Олимпиады осталась досада. Я не почувствовала жажды олимпийской победы, не испила до конца эту чашу, а только глотнула – в последний момент. Вторая олимпийская медаль для меня тяжелее первой: я шла к ней сознательно. Не скользила, а шла. Я стала взрослой. Но и счастья больше от второй медали».

У Ирины и Александра была поговорка: «Терпи, трудно бывает только первые пять минут». Собственно говоря, пять минут и длится произвольная программа, в которой определяется победитель. Но нелегко было и до решающего момента. На разминке перед обязательной программой Ирина увидела, что Саша, обычно легко и красиво исполняющий прыжки, выглядит тяжеловато, как говорят фигуристы, «не в ногах». Да и сама чувствовала усталость, словно пожилой человек, поднимающийся по лестнице. Они сильно волновались, но все же завершили выступление на ударной ноте.

Перед произвольной – новые переживания: то Ирина на кого-нибудь наедет, то ей кто-то из соперников мешает. И начало выступления Родниной и Зайцева нельзя назвать самым удачным. Им нужно было прыгнуть «аксель» в два с половиной оборота – тяжелый в исполнении прыжок, который дважды в том сезоне у них не получался. В принципе, его можно было исключить из программы, у них и так хватало сложных элементов. Но они решили не отступать. Ирина прыгнула легко, а Александр замешкался на какие-то доли секунды, в прыжке левой ногой задел правую и в результате приземлился на обе ноги. Это была ошибка, не катастрофическая, но соперники, при безупречном катании, могли ею воспользоваться. Ирина и Александр имели преимущество перед произвольной программой, однако не идеальный «аксель» заставил поволноваться. Надо было ждать. И только после того, как выступили все соперники, Ирина и Александр поняли, что стали олимпийскими чемпионами.

После Олимпиады в Инсбруке Роднина и Зайцев поженились. Снова начались тренировки и чемпионаты. Эта пара была сильнейшей в мире и никому не удавалось их превзойти. А в 1978 году Ирине пришлось на время покинуть спорт – она ждала ребенка.

Пожалуй, это было одно из самых тяжелых испытаний в ее жизни, гораздо более тяжкое, чем всевозможные соревнования и чемпионаты. С восьминедельного срока Ирине пришлось лежать в роддоме на сохранении. «Я-то считала себя молодой, слегка беременной спортсменкой, – горько иронизировала фигуристка, вспоминая рождение сына, – а когда попала к врачам, выяснилось, что я больная, позднородящая женщина». Муж, естественно, как мог, поддерживал ее. Ирина смеялась, говоря, что Александр, наверное, единственный в Советском Союзе мужчина, который в связи с беременностью жены находился в оплачиваемом декретном отпуске.

Александр Зайцев-младший появился на свет 23 февраля 1979 года. Через месяц после родов молодая мама вернулась на каток. С грудным Сашей сидели по очереди родственники: обе бабушки и сестра Ирины. А когда мальчик немного подрос, спортсменка стала брать его с собой на сборы и соревнования, так что в детстве Саша немало поездил по миру.

«Когда у меня родился сын, я стала чувствовать себя намного спокойнее, – вспоминала Роднина. – Жизнь любого спортсмена – от травмы до травмы, каждый сезон как последний. А тут я знала: что бы ни случилось, у меня будет занятие». К счастью, после того жуткого падения на чемпионате мира 1972 года в Калгари Ирине удавалось избежать тяжелых травм. Но время неумолимо. Казалось бы, еще вчера молоденькая и слегка испуганная дебютантка Ирина Роднина впервые выходила на лед крупнейших соревнований мирового уровня, и вот уже двукратная олимпийская чемпионка, десятикратная чемпионка мира, одиннадцатикратная чемпионка Европы отправилась на свою третью, последнюю в карьере Олимпиаду…

О чем обычно писали простые граждане Советского Союза Генеральному секретарю ЦК КПСС «дорогому Леониду Ильичу Брежневу»? О дефиците продуктов, самоуправстве и бюрократизме местных чиновников, о квартирном вопросе, в общем, о своих обычных житейских проблемах. Но в феврале 1980 года все эти проблемы отошли на второй план. В Кремль валом шли письма с просьбой присвоить Ирине Родниной звание Героя Социалистического Труда. Но золотой звездой Героя ее так и не наградили. В 1972 году после Олимпиады она была

награждена Орденом Трудового Красного Знамени, в 1976-м – орденом Ленина. А в 1980-м – трехкратная олимпийская чемпионка от родного государства ничего не получила…

На Олимпиаде в Лейк-Плесиде было много победителей, но героиня, пожалуй, только одна – Ирина Роднина. И дело не только в том, что она в третий раз подряд завоевала олимпийское «золото». Многие годы весь советский народ пытались представить как единое целое, как некую серую массу, думающую совершенно одинаково. Конечно же, это было не так. Некоторые действительно искренне верили в то, что жизнь в СССР – самая лучшая, и что другой жизни не надо. Но многие прекрасно понимали истинную сущность насквозь прогнившего режима, неспособного в богатейшей стране обеспечить нормальный уровень жизни. Но и те, и другие по-настоящему гордились своей страной, а скорее, людьми, живущими в этой стране, когда Роднина и Зайцев в Лейк-Плесиде танцевали свою знаменитую «Калинку». Это было потрясающее выступление, заставившее весь мир на какое-то время забыть о том, что «империя зла» совсем недавно ввела свои войска в Афганистан.

Кадры награждения, на которых камеры крупным планом показывали, как во время исполнения гимна Советского Союза плакала стоящая на верхней ступеньке пьедестала почета трехкратная олимпийская чемпионка, вошли в историю не только спорта, но и всего человечества. Когда журналисты спросили Ирину о причине слез, она ответила, что это – из-за удивительной гордости за себя. И тут же ее толкнул в бок какой-то деятель из Спорткомитета, стоявший рядом. Нужно было говорить о большой любви к своей стране, а не демонстрировать простые человеческие чувства, которые были понятны миллионам телезрителей всех стран и народов без перевода.

В принципе, Роднина и Зайцев не планировали после Олимпиады в Лейк-Плесиде окончательно уходить из спорта. Да, Олимпийские игры для них были однозначно последними, но сезон-другой они могли бы еще покататься. Однако по возвращении домой выяснилось, что Ирина все-таки заработала серьезную травму. Она пошла на консультацию к известному спортивному хирургу Зое Сергеевне Мироновой. Вердикт врача оказался неутешительным: «Мы можем тебя всю «заколоть», ты откатаешься, но потом в любом случае придется лечь на операцию. Так что решай…» Ирина решила, что на операционный стол ей пока еще рано. «Я подумала: не стоит больше испытывать судьбу. Причем мотивации продолжать кататься не было», – рассказывала Роднина в интервью газете «Киевский телеграф».

Ну вот, спортивная карьера завершена, что же дальше? Этот вопрос рано или поздно встает перед каждым спортсменом. Если бы Роднина и Зайцев выступали сейчас, ответ был бы очень прост – они перешли бы в профессионалы, заработали много денег и чувствовали себя прекрасно. А тогда… «Представьте ситуацию: появляются сразу два безработных человека, переставших заниматься делом, которое затягивало, даже не в плане титулов и результатов, а по самоотдаче, – вспоминала Ирина Константиновна. – Найти подобное занятие второй раз крайне сложно. Я не знаю, как у Саши, но у меня уже накопилась дикая усталость от всего этого. Кроме того, именно тогда началось еще одно испытание, которого мы не выдержали, – если спорт был тем, что нас обоих связывало, то когда началась «нормальная» жизнь, мы потеряли не просто дело, но и то, что нас очень объединяло как семью. Стало что-то рушиться. Мы поняли, что были замечательной парой на льду, но это еще не гарантия, что мы такие же и в жизни. Перейти на рельсы «нормальной» семьи, особенно мне, отдавшей спорту столько лет, оказалось очень сложно».

«Страна Советов талантами не торгует, она их закапывает». Ситуация сложилась действительно парадоксальная. Казалось бы, самую титулованную фигуристку мира должны были просто завалить предложениями о работе. Вообще в советские годы существовал миф, что жизнь известных спортсменов идет по накатанной дороге и что после завершения спортивной карьеры у них все прекрасно и замечательно. К сожалению, реальность оказалась гораздо суровее. Это в полной мере прочувствовала на себе и Роднина. По сути дела, она оказалась никому не нужной. Единственным местом, где ей предложили работу, был ЦК ВЛКСМ. Ирина хотела немного отдохнуть от фигурного катания, заняться ребенком и научной работой. Но в мае 1980 года ее пригласили на заседание бюро ЦК ВЛКСМ, на котором утвердили ответственным работником какого-то «очень ответственного» отдела. Когда наивная Ирина спросила, чем, собственно говоря, она будет заниматься, собравшиеся в зале засмеялись.

Конечно же, эта работа не соответствовала уровню Родниной, великой спортсменки, которую называли «лицом советского спорта». Но, с другой стороны, одиннадцать месяцев, проведенных в ЦК комсомола, не были для Ирины совсем уж бездарно потраченным временем. «Идти и делать карьеру на политическом поприще, что в те времена подразумевала работа в комсомоле, мне было неинтересно. И все-таки для меня это был очень хороший опыт, – вспоминала фигуристка. – Я познакомилась с новыми людьми, побывала во многих городах

СССР, посетила глубинку. И самое главное, я оказалась в коллективе, который мне дал возможность плавно – если не физически, то, по крайней мере, морально – перейти от большого спорта к другой деятельности». И все-таки делом всей ее жизни было фигурное катание. Поэтому, когда руководитель Спорткомитета СССР Сергей Павлов предложил Ирине возглавить специализированную секцию фигурного катания в обществе «Динамо», Роднина тут же, без малейших колебаний согласилась. Глава ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов уговаривал Ирину остаться хотя бы на месяц, ведь в таком случае ей в стаж был бы записан полноценный год работы, за который полагалась персональная пенсия. Но даже этот месяц показался Ирине слишком долгим сроком…

«Работа тренера, как говорится, ненормированная – не «от звонка до звонка», а все двадцать четыре часа в сутки идет эта душевная, эта выстраданная работа. Она, в общем, неблагодарна: об учениках, о спортсменах больше и громче говорят и пишут, об их успехах и талантах, но талант спортсмена проявляется благодаря усилиям тренера. Заботы, внимания заслуживает прежде всего тренер. Если не он, то откуда же взяться чемпионам?.. Не знаю, стану ли я тренером. Но хотела бы им стать». Эти слова Ирина написала еще в 1976 году. Через пять лет ее желание сбылось – она стала тренером и смогла передать свой бесценный опыт молодым спортсменам. В «Динамо» Роднина проработала до 1986 года, до тех пор, пока в ее жизни не произошел новый крутой поворот.

В 1985 году Роднина и Зайцев развелись. Они сделали это по нескольким причинам, но, прежде всего разрыв произошел из-за того, что Ирина и Саша волею обстоятельств потеряли дело, которое их объединяло, а приспособиться к новым условиям не смогли. Конечно, оба тяжело переживали развод. Но им удалось сохранить нормальные человеческие отношения. Ирина даже помогла бывшему мужу избавиться от тех проблем, которые были знакомы и ей. После ухода из большого спорта Александр, как и многие другие спортсмены, не смог найти себя в обычной жизни. Начались проблемы, которые он пытался заглушить традиционным русским способом – водкой. Работая в Америке, Ирина не раз слышала о неприятностях бывшего партнера и мужа, причем «доброжелатели» почему-то считали, что Роднина будет только рада тому, что у Зайцева дела идут все хуже и хуже. Но это было совершенно не так, Ирина переживала за Александра и решила ему помочь. Она пригласила его поработать тренером в американский центр фигурного катания, где сама в тот момент работала. А когда Роднина стала все чаще уезжать в Россию, и ее

подопечных начали «растаскивать» другие тренеры, она доверила своих лучших учеников именно Зайцеву.

Новым мужем Родниной стал Леонид Миньковский. Тогда Ирине казалось, что она наконец-то нашла мужчину, с которым ей будет хорошо и что о такой любви можно только мечтать. Ради этой любви она решилась на совершенно отчаянный и рискованный в ее положении шаг – родить во второй раз. И это в 37 лет! А ведь первые роды были очень тяжелыми, врачам пришлось делать кесарево сечение. После рождения Александра доктора сказали: «Ну все, Ира, больше мы на этой почве никогда не встретимся». И когда Ирина вновь пришла к ним, они были изумлены: «Да-а-а, на такое можно решиться только из-за любви. Иначе этого не объяснить».

Дочь Алена родилась в 1986 году. Ирина пыталась договориться с руководством «Динамо» об особом графике, чтобы иметь возможность и работать, и побольше времени проводить с ребенком, однако встретила отказ. «Займитесь лучше материнством», – ответили ей. Фактически она снова стала безработной. Мало того, отдел фигурного катания Спорткомитета долго не давал Родниной разрешения на работу в институте физкультуры, и она полтора года вынуждена была работать на условиях почасовой оплаты. И лишь когда ректор узнал о положении Ирины в институте, вопрос о постоянной работе был решен.

В 1989 году Роднину пригласили на работу в Американский международный центр фигурного катания. Конечно, решиться в очередной раз круто изменить свою жизнь было нелегко. Но работа в институте физкультуры ни в материальном, ни в моральном плане Ирину не устраивала, да к тому же муж, ставший к тому времени крупным бизнесменом, настаивал на переезде в Америку: «Поехали. Я открою тебе другой мир». 3 марта 1990 года Ирина Роднина вместе с мужем и двумя детьми уехала в Соединенные Штаты. «Я бежала от сознания полной ненужности на Родине, – вспоминала Роднина. – Если бы не это, наверное, я бы не уезжала. Жизнь здесь меня вполне устраивала. Да, в те годы были бытовые проблемы, дефицит, очереди и все такое, но не это стало причиной моего отъезда в Америку».

Местом новой работы Родниной стал частный центр «Айс Кэсл», расположенный в городке Лейк-Эрроухед недалеко от Лос-Анджелеса. На родине Ирину знали абсолютно все, в Америке же ее имя ничего не значило. Американцы только-только начинали избавляться от привычных стереотипов, вроде того, что по улицам советских городов свободно разгуливают страшные медведи, и поэтому на первого русского тренера смотрели, как на какое-то

чудо. Специалисты, конечно же, знали, кто такая Роднина, и все-таки поначалу относились настороженно к ней и ее тренерским способностям. Ирине пришлось доказывать, что и она чего-то стоит и кое-что знает в фигурном катании. Она приходила на каток в шесть утра, а уходила в девять-десять вечера. Постепенно отношения начали налаживаться. Сын пошел в местную школу. Дети гораздо легче взрослых адаптируются к новой для себя обстановке, преодолевают психологический барьер в общении. Саша быстро нашел общий язык с американскими сверстниками, а после и у Ирины завязались приятельские отношения с родителями его друзей. Кстати, в Америке Саша в какой-то степени повторил путь матери. В Москве он был эдаким «звездным» ребенком, а вот в Штатах превратился в обычного мальчика из мало кому известной семьи эмигрантов. И как практически все американские школьники, Саша с детских лет пытался сам зарабатывать деньги на карманные расходы. Первые 20 долларов он получил в двенадцать лет, расчистив дорожки от снега. Потом подрабатывал посудомойкой в ресторане, помогал тренеру на катке с младшей группой хоккеистов. А вот желания заняться фигурным катанием ни у Саши, ни у Алены никогда не возникало. «Мои дети сами выбирали себе занятия, – рассказывала Ирина Константиновна. – А я только финансово поддерживала их желания. Практически каждые выходные я старалась проводить дома. Но работа у нас непостоянная: есть перерывы, когда заканчиваются соревнования, а есть месяцы, когда совсем не видишь детей. Поэтому мои дети терпеть не могут фигурное катание».

Первоначально контракт Ирины на работу в США был рассчитан на два года с возможностью продления еще на один год. Она ехала в Америку просто поработать и оставаться там надолго не собиралась. Однако судьба распорядилась по-другому, Роднина вынуждена была задержаться в Штатах на целых десять лет.

Ее жизнь в Америке была если и не «райской», то, по крайней мере, вполне нормальной – любимая работа, за которую платили достойные деньги, семья. Однако счастье длилось недолго. У супруга появилась другая женщина. Ирина Роднина и Леонид Миньковский развелись.

Согласно американским законам детей до 13 лет нельзя оставлять дома без присмотра родителей. В случае нарушения дети могут быть переданы либо в специальные учреждения социальной защиты, либо приемным родителям, которые могут обеспечить соответствующий уход. В принципе, закон правильный

– инстинкт самосохранения в раннем возрасте практически не развит, и элементарное детское любопытство может привести к трагедии. Поэтому постоянный контроль со стороны взрослых просто необходим. Пользуясь этим законом, адвокаты Леонида Миньковского начали процесс против Ирины, требуя отдать дочь под опеку отца.

Сложилась патовая ситуация. С одной стороны, Роднина, естественно, не хотела расставаться с Аленой, но ее график работы, при котором она целый день проводила на катке, не позволял ей четко выполнять требования закона. С другой стороны, Леонид Миньковский действительно любил дочь (это признавала и Роднина) и хотел, чтобы она жила у него. «После развода родители часто настраивают ребенка друг против друга. Но в случае с Аленкой с моей стороны этого почти не было, – рассказывала Ирина в интервью газете «Московский комсомолец». – Я уже имела опыт с Сашей. Видела, насколько это болезненно для ребенка. А вот со стороны Аленкиного отца… Это даже не настрой был. Шла планомерная проработка, потому что он понимал: я все равно жить в Америке не буду. Если я уеду, то буду пытаться, чтобы Аленка поехала со мной и училась здесь. И он уже будет с ребенком реже встречаться. А после себя следующее, кого он любит, это Алена. Здесь я ничего не могу сказать. Хотела б сказать что-нибудь плохое, но не могу…»

Понятное дело, что всевозможные спортивные титулы Родниной не произвели впечатления на американскую Фемиду. Чтобы не потерять дочь, Ирине пришлось перекраивать свой рабочий график, отказываться от выгодных в денежном плане предложений. Это привело к серьезным финансовым проблемам. Дошло до того, что за перерасход средств у Ирины отобрали кредитную карточку на бензоколонке.

Это была не просто черная полоса в жизни, это была катастрофа. Ирина осталась одна в чужой стране, с двумя детьми и без денег. Уехать в Россию она не могла – по условиям развода с мужем дочь Алена до совершеннолетия не должна была выезжать в страны, так сказать, третьего мира (к которым американцы тогда относили и Россию). Было очень тяжело, Ирина переживала тяжелейшую депрессию. Она не могла даже просто выговориться, рассказать о своей боли кому-нибудь. Американцы к этому не приучены, они привыкли держать свои проблемы при себе и не делиться ими с другими. Собеседницу Ирина все-таки нашла – наливала бокал, садилась перед зеркалом и разговаривала сама с собой. В голове все чаще стала появляться мысль: «А зачем я, собственно говоря, живу на этом свете?..»

От самоубийства (это не преувеличение, Ирина сама

говорила, что была очень близка к этому страшному шагу) ее спас сын. Однажды он сказал: «Мама, посмотри на себя, на кого ты стала похожа. Вся седая, неухоженная…» Это ее встряхнуло, она поняла, что умирать в 40 лет, когда у тебя двое детей, – непозволительно. Ирина вновь занялась спортом, стала уделять внимание своей внешности, привела себя в порядок. И хотя в душе еще были раны, внешне Ирина стала совершенно другой. Кстати, в 2004 году в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Развитие спортивно-оздоровительного движения “Президентские состязания”», Ирина Константиновна прошла тесты на физическую подготовку. Средний показатель Родниной по сумме пяти тестов, определяющий так называемый двигательный возраст, оказался на уровне 31-летней женщины. Знаменитая фигуристка с удовольствием призналась, что ей очень приятно спустя почти четверть века после завершения спортивной карьеры показывать такие результаты.

Несмотря на все трудности, Роднина выстояла. Своеобразным допингом для нее стал приезд в Лейк-Эрроухед чешских фигуристов Радки Коваржиковой и Рене Новотны. Перспективная пара отказалась от предложений других тренеров, заявив, что хочет тренироваться у Ирины Родниной. В 1995 году Коваржикова и Новотны стали первыми в истории чешского фигурного катания чемпионами мира. После этого триумфа Ирина стала почетным гражданином Чехии и ей была вручена персональная грамота от президента Вацлава Гавела.

Несмотря на все, что довелось пережить Ирине Родниной в Америке, она говорит, что многому научилась у американцев: «Я, как ни странно, научилась радоваться жизни. Раньше я волновалась за свое будущее – что будет завтра, послезавтра, через год? А американцы привыкли жить сегодняшним днем. Я поняла – важно то, что происходит сейчас. К тому же в Штатах я приобрела громадный тренерский опыт, ведь через мои руки прошло множество учеников – и опытных фигуристов, и новичков, – и к каждому нужно было найти свой подход».

В 1999 году Роднина вернулась в Россию, где была награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. Этот факт изумил Ирину; она уезжала из Советского Союза и считала, что как гражданин новой России себя никак не проявила. Конечно, ей приятно было осознавать, что она, как и прежде, остается символом своей родины. Но орден орденом, однако возвращалась-то Роднина не из-за него. Ее, можно сказать, «выдернули» из Америки, обещая воплотить в жизнь проект «Международного центра фигурного катания» в Москве –

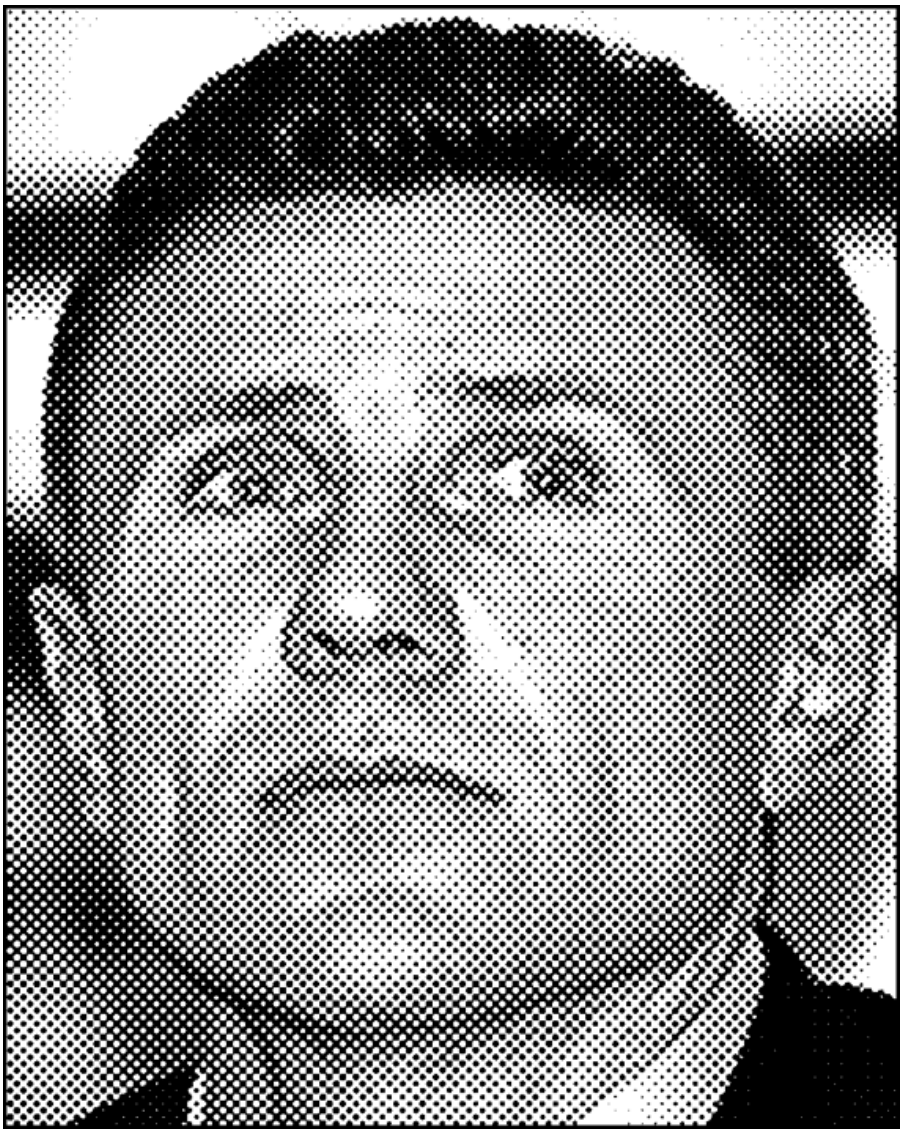
Ледового дома Ирины Родниной. «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Начало было грандиозным. Проект Ледового дома в виде белого парохода получил не один приз на архитектурных выставках, да и средства были выделены немалые. Но… «Этот проект был безумно красив, но экономически совершенно неподъемен, – рассказывала Роднина в интервью газете «Новые Известия». – В том смысле, что окупить его я никогда бы не смогла. Сейчас можно только гадать, куда пошли средства, выделенные на разработку этого шедевра. Делалось-то все с большим размахом. В День города, когда первый камень Ледового дома закладывали, я даже капсулу с обращением к потомкам там закопала. И… на этом все закончилось…» Идея Ледового дома пока жива, правда, если раньше Роднина занималась этим проектом совместно с московским правительством, то теперь, осознав, что помощи от чиновников не дождешься, все делает сама вместе с командой преданных людей. Очень много времени отнимает бумажная волокита, но Ирина верит, что ее мечта рано или поздно станет реальностью.

«Однажды в детстве папа решил научить меня плавать и сделал это очень простым методом – бросил меня с волнореза в море и сказал: «Плыви, Ира!» – рассказывала Ирина Константиновна. – Я изо всех сил барахталась, стараясь выплыть к берегу, но волны относили меня в море. Примерно то же я чувствовала, когда вдруг, сама того не ожидая, стала работать на телевидении. Нет, настоящим тележурналистом я никогда не стану, но эта работа с каждым днем все больше меня увлекает». Такие чувства испытывала великая фигуристка, когда в 2002 году начала работу над программой «После пьедестала», выходившей на российском спортивном канале «7ТВ». Журналисты нередко проявляли слишком большое внимание к Родниной и поэтому, начиная съемки, она заявила: «В этой программе не будет никакого грязного белья. Только разговор с людьми, достигшими высочайших вершин в спорте, об их прошлом и настоящем». Кстати, Ирина Константиновна не раз выступала за то, чтобы спорту уделялось как можно больше внимания в СМИ, за создание новых спортивных теле-и радиоканалов.

Сейчас Ирина Роднина ведет активную работу, направленную на развитие спорта в России. Она является председателем центрального совета Всероссийского добровольного общества «Спортивная Россия», членом совета при Президенте России по физкультуре и спорту, президентом общественной академии спортивных достижений «Слава», продолжает руководить проектом по строительству Ледового дома. А вот от дел, связанных непосредственно с фигурным катанием, она

постепенно отошла. Нет, конечно же, она в курсе всех событий, происходящих в мире ее любимого вида спорта, иногда даже консультирует российских тренеров. Но, видимо, наступил какой-то предел. «Сейчас я не могу, как прежде, отдавать всю себя фигурному катанию. Не скучаю и по прошлому, когда я выигрывала все соревнования. Я закончила выступать, закрыла дверь в прошлое и потеряла от нее ключи. Тот, кто живет в прошлом, пускай даже самом замечательном, никогда не сможет начать новую жизнь. Но все, что было, все равно навсегда останется со мной…»

Сергей Бубка



– Мама, Сережка тонет!

Истошный крик старшего сына Васи застал Валентину Михайловну врасплох. Она пулей вылетела из кухни. Во дворе, под навесом, стояла большая бочка с водой, в которой солили на зиму капусту. А из бочки торчали две ноги в стоптанных сандалиях…

Братья были полной противоположностью. Вася – спокойный, вдумчивый, немногословный паренек. А младшего Сережу чаще всего характеризовали одним словом – бедовый. Он мог залезть

на дерево, с которого его с трудом снимали, а через минуту этот сорванец оказывался на крыше сарая. Мать запирала сына в доме, привязывала намертво веревкой калитку. Но все бесполезно, зачем нужна калитка, если есть забор, через который можно легко перелезть. Вот так и с той злополучной бочкой – неуемное любопытство заставило мальчика подтянуться на руках и посмотреть, что же там делается внутри. Через секунду он упал в бочку…

Кое-как его вытащили. Сережа нахлебался воды и уже не дышал. Перепуганная мать кинулась к соседям.

– Сережка захлебнулся! Что делать? – кричала она.

– Труси его! Труси изо всех сил! – подсказал кто-то из соседей.

Валентина Михайловна начала трясти сына и, слава богу, он пришел в себя. Все хорошо, что хорошо кончается, но если бы не Вася, эта история могла закончиться очень плохо…

А через несколько лет брат вновь «спас» Сергея, на этот раз для прыжков. Стадион был расположен далеко от дома, общественный транспорт ходил плохо, и нередко Сергей возвращался домой далеко за полночь. И однажды Назар Васильевич, отец Сергея, не выдержал. Он ударил ладонью по столу и с военной прямотой сказал:

– Все, хватит! Я тут уже пачку «Беломора» выкурил, пока тебя ждал. Считай, что ты уже отпрыгался…

Слова отца прозвучали как приговор, не подлежащий обжалованию. Но брат и тут выручил. Долгое время он не воспринимал всерьез увлечение Сергея прыжками и вдруг заявил, что тоже намерен заняться этим видом спорта. У Сергея появился постоянный и надежный спутник, и проблема была решена…

Будущий чемпион родился в простой семье, жившей в рабочем районе Ворошиловграда, на улице Зои Космодемьянской. Его отец был прапорщиком Советской Армии, мама – санитаркой одной из ворошиловградских больниц. Жили небогато, тесно, но очень дружно. Когда 4 декабря 1963 года на свет появился младший сын Сережа, пришлось еще потесниться, бабушкин дом из двух комнат был мал для пяти человек.

В их район частенько захаживали цыгане, занимавшиеся своим нехитрым промыслом: что-то продавали, меняли, гадали по руке. И однажды цыганка нагадала Валентине Михайловне, что один из ее сыновей будет очень знаменитым человеком, его будет знать весь мир. Неизвестно, действительно ли цыганка что-то увидела на руке Валентины Михайловны, но предсказание сбылось.

Родители Сергея никакого отношения к спорту не имели. Мама впервые в жизни побывала на стадионе, когда сын уже стал рекордсменом мира. Отец, человек от природы физически крепкий, тяги к спорту тоже никогда не испытывал. Но неуемная энергия, буквально бурлившая в маленьком Сережке, требовала какого-то мирного выхода, и этим выходом стал спорт.

Первым стадионом стала улица. А первым видом спорта, естественно, футбол. Те годы были порой расцвета ворошиловградской «Зари», в 1972 году клуб стал чемпионом Союза по футболу, и, естественно, первым увлечением для Сергея Бубки стал футбол. Бóльшую часть свободного времени он и его приятели проводили в футбольных баталиях. На заброшенных пустырях сходились улица с улицей. А после матчей шли в военный городок, где ватага пацанов с увлечением штурмовала лестницы, турники, канаты и брусья.

С футболом в жизни Сергея Бубки связан один интересный случай. В 1981 году на юниорские сборные в Абхазии приехал главный тренер сборной Союза по всем видам прыжков Витольд Анатольевич Креер. Он часто приезжал на сборы, чтобы посмотреть, кто из молодых спортсменов чего стоит. После общей тренировки был футбольный матч, в котором Бубка отлично сыграл и забил гол головой. А вечером Креер собрал тренеров и сказал: «Бубке в легкой атлетике ничего не светит, пусть, пока не поздно, идет играть в «Шахтер». И если бы к рекомендации Креера прислушались, то вполне возможно, мы бы узнали о футболисте Сергее Бубке. Но все повернулось по-другому…

Однажды друзья затянули Сергея в секцию плавания. Но монотонные занятия в замкнутом помещении – двадцать пять метров туда, двадцать пять метров обратно – ему быстро наскучили. Да к тому же в памяти еще были свежи воспоминания о той самой бочке, а тренеры часто заставляли лечь на воду и не дышать. Потом на урок физкультуры пришел тренер по спортивной гимнастике и предложил пройти простые тесты: кувырки, лазание по канату, прыжки через «козла». Среди дюжины ребят, отобранных тренером, оказался и Сергей. Нужно было в определенное время прийти на первое занятие, но… «Даже теперь не смогу объяснить, почему я так и «не дошел» до гимнастического зала, – вспоминает Сергей Назарович. – Собирался, но в последний момент передумал. Может, ребячий каприз. Может, тренер не понравился. А может, чувствовал, что и это еще не мое?..»

– Слушай, Славка, а что это у тебя за палка?

Однажды Сережа встретил своего друга Славу Малахова, несшего весьма странную штуковину. Слава жил на той же улице,

был на три года старше Сергея, но разница в возрасте не помешала им стать закадычными друзьями.

– Сам ты палка… Это шест, и скоро я с ним научусь прыгать метров на пять, а то и повыше. Слушай, а поехали как-нибудь со мной. Не бойся, тренер у нас отличный мужик, может быть, он и тебя примет.

– А как я буду шест возить, когда мы поедем на соревнования? Ведь его в рюкзак не положишь, – спросил Сережа.

– Участие в соревнованиях нужно заработать, до этого еще далеко, – ответил Слава. – А насчет шеста не волнуйся, если что, я тебе помогу…

«Пути Господни неисповедимы» – бывают в жизни моменты, когда чувствуешь, что именно в этот день и час решается твоя судьба. Но чаще всего мы и не догадываемся, что какое-то событие окажется судьбоносным и определит жизнь человека на долгие годы. Вряд ли Сережа Бубка в осенний день 1974 года думал, что через несколько лет станет одним из самых известных спортсменов мира. Не думал о рекордах и Виталий Афанасьевич Петров, когда увидел перед собой худого десятилетнего мальчишку…

Больших успехов в спорте Виталий Петров не достиг, несмотря на то что был влюблен в прыжки и тренировался не щадя себя. Однако физические данные у него были средние. Он стал мастером спорта, но большего добиться не сумел. В 1968 году Петров окончил факультет физической культуры Харьковского педагогического института. Попал в Ворошиловград, начал работать тренером детской спортивной школы. За шесть лет через его руки прошли сотни ребят, пока, наконец, не состоялась встреча, которую позже он назвал «счастливым подарком судьбы»…

Сережа думал, что Виталий Афанасьевич сразу же даст ему шест. Но тренер для начала подвел его к перекладине и попросил подтянуться. Сережа подтянулся раз пятнадцать, но Петров заметил, что новичок делал это неправильно.

– Теперь расслабься и подтянись силой из спокойного виса, – сказал тренер.

Задание оказалось трудным – Сергея хватило только на один раз. «Ну все, – пронеслось в его голове, – от ворот поворот. Стоило тащиться в такую даль…»

Парень расстроился, но потом увидел, что тренер не собирается его выгонять, и слегка успокоился. Петров попросил Сережу пробежать на время 30 и 60 метров, прыгнуть в длину. В конце концов он остался доволен физической подготовкой новичка и записал его в свою группу. Но и на следующем занятии

Сережа не получил шест. Как оказалось, для того, чтобы научиться прыгать, нужно было уметь… правильно падать. Сначала парень прыгал с лавочки в песок, затем забирался все выше и выше, один метр, два… Наконец-то он получил заветный снаряд. Каким же неудобным и непривычным показался ему шест в первые минуты! Петров пустил Сережу в сектор, правда, пока что для прыжков в длину. Начинающий прыгун забирался на тумбочку, поудобнее упирался шестом в яму с песком, и толкал шест. Освоившись, стал прыгать с шестом в длину, подлетая вверх метра на полтора. И только через несколько месяцев Сергей Бубка впервые вышел в сектор для прыжков в высоту. Первым его достижением стала высота 2 м 70 см.

Виталий Петров старался быть сторонником разноплановой подготовки спортсменов, пытался обучить своих подопечных многим дисциплинам легкой атлетики, а не только одному конкретному виду. Так же было и с Сергеем. Он научился неплохо бегать на спринтерских дистанциях, а уже в 12 лет в длину прыгал за шесть метров и стал чемпионом области среди школьников его возраста.

Вскоре в группе Петрова появился и брат Сергея – Вася. Василий Бубка от природы рос крепким и слегка медлительным, что для прыжков было весьма серьезным недостатком. Виталий Афанасьевич пытался отговорить Васю, советовал заняться более подходящим для его телосложения видом, но настойчивый парень твердо решил попасть в сектор для прыжков в высоту. «Хочу заниматься прыжками у вас и только вместе с братом», – упорно твердил Василий, и в конце концов тренер принял и его. Как оказалось, не зря. Именно Василий Бубка в 1978 году первым в группе Петрова получил звание мастера спорта СССР.

В том же 1978 году состоялся первый «выход в свет» Сергея Бубки. На Всесоюзной спартакиаде школьников в Ташкенте он прыгнул на 4,40 и занял четвертое место. Не ахти какой результат, но если учесть, что его соперники были на 2–3 года старше, то достижение четырнадцатилетнего школьника весьма впечатляет.

Постепенно подопечные Виталия Петрова стали сильнейшими в области. Конкурентов не осталось – любые соревнования и даже тренировки в группе Петрова по сути дела становились и первенством города и чемпионатом Ворошиловградской области. Впервые появились два мастера спорта – Василий Бубка и Аркадий Шквира; рекорд области при Петрове вырос со смешных 3,60 до вполне приличных 5,20, ребята очень неплохо смотрелись на республиканских и всесоюзных соревнованиях и при этом… их полностью игнорировали

спортивные чиновники. Петров и его ученики сами ремонтировали стадион, покупали инвентарь, иногда за свои деньги ездили на соревнования. В итоге сложилась патовая ситуация – Петров понимал, что выше уровня мастера спорта в таких условиях своих подопечных он подготовить не сможет. Да, определенных успехов Виталий Афанасьевич достиг, кто-то, может быть, был бы этим удовлетворен, но только не Петров. В конце концов он не выдержал и решил перебраться в Донецк, куда его пригласили на работу…

Было невероятно тяжело, в жизни пятнадцатилетнего Сергея Бубки наступила черная полоса. Мало того, что уехал тренер, так к тому же именно тогда и отец ушел из семьи. С одной стороны, Сергею очень хотелось поехать вместе с Петровым и старшим братом Василием в Донецк, а с другой – он понимал, насколько трудно будет маме расстаться с ним в такой момент. На «тайном совете» с участием Виталия Петрова, Валентины Михайловны и Василия Бубки решался вопрос: переезжать Сергею в Донецк или нет? После долгого обсуждения всех «за» и «против» приняли компромиссное решение – Виталий Петров и Василий Бубка едут в Донецк, обустраиваются там, а через пару лет, после окончания школы, к ним присоединится и Сергей. Он остался дома и стал тренироваться по плану, составленному Виталием Петровым.

Дождливым утром 10 ноября 1979 года дизель-поезд Ворошиловград – Донецк отвозил Сергея Бубку в Донецк. Надолго его не хватило – он ехал к тренеру и старшему брату не через два года, а всего через пару месяцев после их отъезда. «Проходит первая учебная четверть. Самая короткая, она показалась очень долгой, – вспоминал Сергей Назарович. – Хожу в школу, скучный, потерянный, иной раз по вечерам плачу от обиды». В конце концов Валентина Михайловна, видя переживания сына, не выдержала: «Знаешь, сынок, ты все-таки поезжай, – сказала она ему. – Ты без прыжков не сможешь. А я уж как-нибудь сама… Не хочу себя потом казнить, если у тебя в жизни что-то не так получится, как ты задумал». Отец тоже не возражал: «Если хочешь – поезжай. Донецк – город красивый, кругом одни розы».

Конечно, уезжать из-под родительской опеки в незнакомый город было откровенно страшно. И хотя рядом находился брат, во всем помогавший Сергею, ничто не сравнится с заботливым отношением любящих мамы и бабушки. Новым жилищем Сергея стало общежитие завода «Точмаш» на Киевском проспекте Донецка. Сережа поселился в одной комнате с братом и Аркадием Шквирой, еще одним воспитанником Виталия Петрова. Привыкшему к свободе парню нелегко было приспособиться к

строгому «общежитейскому» распорядку. Суровая комендантша общежития, выдавая Сергею постельное белье, провела с ним обязательный инструктаж: «Позже 23.00 не приходить, никого к себе не приводить, не ломать, не мешать, не шуметь, соблюдать и т. д…»

«Так я прошел школу жизни: сам ходил в магазин, покупал продукты, готовил, гладил и стирал, был предоставлен самому себе, уроки иногда учил по дороге на тренировку, в троллейбусе, – вспоминал Сергей Бубка первые годы в Донецке. – В школе я поначалу шокировал одноклассников тем, что покупал в буфете, как запасливая домашняя хозяйка, по дюжине пакетов молока. Потом, когда ребята узнали об особенностях моего быта, насмешничать перестали. А некоторые, по-моему, даже завидовали: пятнадцать лет, а уже сам себе голова…»

В новой, 57-й донецкой средней школе Сергей сразу же попал под опеку преподавателя физкультуры Виктора Ивановича Кирбабы. Вместе с Виталием Петровым Виктор Иванович по мере возможности помогал Бубке готовиться к соревнованиям.

Многим кажется, что большой спорт и хорошее образование – вещи абсолютно несовместимые. И действительно, некоторые спортсмены, прямо скажем, образованностью и интеллектом не блещут. Но с Бубкой было иначе. Тренировки отнимали все свободное от занятий время, однако школу он закончил вполне успешно, в аттестате не было ни единой тройки. Директор школы Давид Абрамович Вайнштейн, преподававший Сергею историю и обществоведение, пытался даже отговорить парня от занятий прыжками и наставить его «на путь истинный». «Твоей голове, Бубка, можно найти гораздо более достойное применение, чем эти прыжки», – недовольно говорил Давид Абрамович, подписывая очередную справку, разрешающую Сергею выехать на соревнования. Может быть, опытный педагог и был прав, но Сергей не собирался бросать любимый вид спорта.

Нередко воспитанники Виталия Петрова гостили у него дома, в тесной малогабаритной квартире. Праздники, дни рождения – все отмечали вместе. Зимой Галина Алексеевна, его жена, настояла, чтобы Сергей, самый младший в группе, пожил у них, ведь в общежитии было очень холодно, а парень часто болел. Квартира на какое-то время превратилась в больничную палату с характерными запахами лекарств, растирок и липового чая. Позже Сергей Назарович не раз вспоминал почти отеческое отношение Петровых к нему и старшему брату: «В отцы-матери мне, а Васе тем более, Петровы вряд ли годятся: сами еще молоды. И все же чувство, которое мы к ним испытываем, вполне сравнимо с сыновним».

В 1980 году Сергей Бубка стал чемпионом СССР среди юношей. Прыжок на 5,10 м позволил ему получить звание мастера спорта СССР. Шестнадцатилетнего спортсмена «взяли на карандаш» тренеры молодежной сборной СССР и включили его в состав команды, едущей на Кубу на турнир юных легкоатлетов социалистических стран. Для Сергея это был первый выезд за рубеж. Сплошная экзотика – пальмы на каждом шагу, величественный океан, длинные прекрасные пляжи, экзотические кубинские девушки. Все это было, конечно, интересно и необычно, но Сергей мало обращал внимания на кубинские красоты. Ему хотелось показать себя с лучшей стороны, однако впервые выступать в непривычных условиях оказалось очень непросто. Уже через час после начала соревнований жаркий кубинский климат сделал свое дело – спортсмену стало казаться, что его ноги начали жить своей жизнью и вот-вот отвалятся. Пять метров, второе место – результат не то чтобы провальный, но и не слишком выдающийся. Зато урок пошел на пользу – Сергей понял, что нужно собирать все силы в кулак и быть готовым к любым, даже самым необычным условиям.

В следующем году Бубка начал резко расти. В прямом смысле слова. И этот рост создавал массу проблем – о стабильно высоких результатах пришлось на время забыть, ведь практически каждый месяц приходилось менять отработанный план подготовки. Только-только ему удавалось подобрать нужный шест, скорость разбега, место отталкивания, хват на шесте, как приходилось все начинать сначала. Приноровиться к постоянно меняющимся обстоятельствам удавалось не всегда – успехи чередовались с весьма ощутимыми и неприятными провалами. 1981 год начался неплохо, после нескольких удачных выступлений Сергей завоевал право на участие в юниорском чемпионате Европы в голландском Утрехте. И вот тут-то начались проблемы. Казалось бы, идеальные условия – прекрасная погода, легкий попутный ветерок, хорошая дорожка для разбега. Молодой спортсмен набрал форму, чувствовал, что может выступить очень хорошо, но… Подбор необходимого шеста – это целая наука, приходится учитывать несколько параметров, прежде всего рост и вес спортсмена. За месяц до чемпионата Европы Сергею удалось приноровиться к 185-фунтовому шесту (предназначенному для прыгуна, вес которого не превышает 83 кг). Вроде бы все получалось, но непосредственно на соревнованиях Сергей понял, что шест слишком слаб для него. А других шестов не было. Виталий Петров пытался исправить ситуацию и даже пошел на поклон к соперникам.

– Дайте 190-фунтовый шест! – попросил Петров французских

тренеров.

– О, для вас все что угодно, – последовал вежливый ответ. – Но только после соревнований…

Не очень-то галантно, но понять французов можно – мало кто захочет на ответственных соревнованиях помогать сопернику. В итоге Бубка прыгнул всего лишь на пять метров и занял 7–8 место.

Провал был серьезный. Именно тогда Сергей впервые услышал, что ему нужно заняться футболом, баскетболом, бегом на короткие дистанции, чем угодно, но только не прыжками с шестом. Естественно, что после таких невыразительных прыжков Бубку записали в бесперспективные. Приходилось сжимать зубы и тренироваться с удвоенной силой. Кстати о тренировках. С годами Петров и Бубка выработали свой собственный «ритуал» тренировки. Полтора-два часа гимнастических и акробатических упражнений – перекладина, кольца, брусья, сальто, пируэты… Дальше на дистанции 30 метров Сергей выполнял ускорения с гирей на вытянутых руках. В конце каждой пробежки нужно было метнуть гирю как можно дальше. Затем начинались непосредственно прыжки. Однако вместо планки между стойками тренер натягивал резинку. «Это наша маленькая хитрость, – объяснял Бубка. – Когда прыгун задевает в полете планку, он инстинктивно прекращает борьбу и не может настроиться на высокий прыжок. Резинка же помогает примериться к очередной рекордной высоте. На тренировке ведь главное не результат, а рисунок прыжка, его четкость и чистота».

В 1982 году Сергей Бубка выполнил норматив мастера спорта международного класса, занял второе место на взрослом чемпионате СССР и попал в основную сборную команду страны. На VIII Спартакиаде Украины Сергей Бубка показал гроссмейстерский результат – 5 м 60 см. А на тренировках иногда прыгал гораздо выше. Казалось бы, успех обеспечен…

Как часто нам кажется, что мы стоим на верном пути, что стоит только выполнить четко намеченный план и успех придет сам собой… Виталий Петров видел огромный потенциал своего подопечного, понимал, что Сергей способен прыгнуть очень высоко, может быть, даже побить мировой рекорд. Петров и Бубка нацелились на первый в истории чемпионат мира по легкой атлетике, который должен был пройти в Хельсинки 7—14 августа 1983 года. Но до этого нужно было попасть в сборную страны.

Предолимпийский отбор проходил на Всесоюзной спартакиаде в Москве. Петров был убежден, что Сергей способен выиграть Спартакиаду, и не просто выиграть, а доказать всем,

прежде всего тренерам сборной, что на данный момент он лучший шестовик страны. Цель была дерзкая, но вполне выполнимая – побить мировой рекорд (5 м 81 см), принадлежавший москвичу Владимиру Полякову. В соответствии с этим замыслом был составлен график выступлений на лужниковском стадионе: 5,40 – 5,60 – 5,70 – 5,82! А после этого вперед, на Хельсинки…

Началось все с погоды – холодный пронизывающий ветер, непрекращающийся дождь, температура 7–9 градусов, и это в июне. Сергей уверенно, с запасом взял первую высоту 5,40. Судьи поставили 5,60. Дрожа от холода, Бубка готовился к прыжку. Тренер и старший брат Василий были абсолютно спокойны, ведь 5,6 ˚Сергей должен взять без проблем…

– Что вы делаете?! – Всегда выдержанный и уравновешенный Василий Бубка буквально кипел от негодования. И было от чего. Сергея уже вызвали на старт, когда арбитры вдруг решили перемерять высоту, а это строжайше запрещено правилами. Однако доводы на судей не действовали. Сергей несколько минут провел раздетым на холоде, перемерз и в итоге сбил планку. Казалось, ничего не потеряно, но перед второй попыткой произошло то же самое! Вновь Сергея вызвали на старт и опять отложили попытку якобы из-за неправильно установленной планки! В третьей попытке спортсмен тоже сбил планку… Вместо мирового рекорда – 5 м 40 см и девятое место…

Формально Бубка не должен был попасть в сборную. На состоявшемся после Спартакиады тренерском совете решался вопрос – кто поедет в Хельсинки. Тренеры должны были заполнить анкету и указать трех шестовиков, достойных поехать на чемпионат мира. За Сергея Бубку – один голос (естественно, Виталия Петрова) и 11 – против. Упрямый Петров продолжал доказывать, что «Бубка лучший шестовик в стране, а может быть, и в мире» и попросил дать Сергею еще один шанс. Естественно, что члены тренерского совета восприняли заявление Виталия Афанасьевича с плохо скрываемым недоверием и все же после долгих споров согласились с ним.

Бубка должен был приехать на сборы в Таллинн. 5,72 – личный рекорд, почти на двадцать сантиметров лучше, чем у конкурентов. Бубка в сборной? Нет, его хотели проверить еще раз, теперь на соревнованиях в Ленинграде. 5,65 – вроде бы все ясно, Бубка должен ехать в Хельсинки… Ехать-то он едет, но только запасным. То есть, если ничего не случится с шестовиками основного состава, в сектор он не выйдет и весь чемпионат просидит на скамейке.

В то время у Бубки был «товарищ по несчастью» – прыгун в

высоту Геннадий Авдеенко тоже осекся на Всесоюзной спартакиаде, занял только шестое место и, по идее, не попадал на чемпионат мира. Как и Бубка, и до, и после той злополучной Спартакиады Авдеенко выступал просто прекрасно. Тренер Гены, Борис Михайлович Робулец, видел, что его подопечный вполне способен бороться за медали. Но… В общем, два молодых спортсмена, словно две Золушки, должны были остаться дома, тогда как другие отправлялись на бал. Однако, на счастье обоих, нашелся добрый волшебник, который решился-таки взять Бубку и Авдеенко на чемпионат мира. В те годы главным тренером сборной СССР по прыжкам был знаменитейший спортсмен Игорь Арамович Тер-Ованесян.

«До начала чемпионата оставалось дней десять, а я вижу, что Бубка и Авдеенко с каждой тренировкой становятся все сильнее, что у них гораздо больше шансов, чем у основных участников, – вспоминал Игорь Арамович. – Понимаю, что этих ребят нужно ставить в команду, но как?! Ведь отбор-то давно уже прошел и все места распределены». Тер-Ованесян пошел на прием к заместителю председателя Спорткомитета СССР Игуменову.

– Виктор Михайлович, надо что-то делать! – начал с места в карьер Тер-Ованесян.

– В каком смысле? – не понял Игуменов.

– Надо ставить в сборную Бубку и Авдеенко!

– Ну что ж, надо так надо, если ты так считаешь. Но всю ответственность за их выступление тебе придется взять на себя. Если они плохо выступят, мы тебя выгоним с работы, так что садись, пиши докладную на мое имя.

Согласиться на это было нелегко, брать на себя ответственность за двух молодых и неопытных спортсменов и, в случае неудачи, лишиться работы – на такое решится не каждый. Но Тер-Ованесян рискнул – Сергей Бубка и Геннадий Авдеенко попали в основной состав сборной СССР…

Первым серьезным испытанием на чемпионате мира для Бубки стало… «золото» Геннадия Авдеенко. По совету тренеров Сергей и Геннадий поселились в одной комнате. До старта обоим пришлось ждать почти неделю, так что практически все свободное время Бубка и Авдеенко проводили вместе. Правда, тренеры запретили ходить на стадион, так что за соревнованиями пришлось следить по телевизору.

13 августа проходил финал у прыгунов в высоту. Естественно, что Сергей переживал за товарища, хотел даже нарушить тренерский запрет и пойти на стадион. Он очень желал, чтобы победил Авдеенко и одновременно… очень боялся этой победы.

Кто-то сочтет такое поведение эгоистичным, да и сам Бубка в своих воспоминаниях прямо называет себя эгоистом. Чтобы не быть голословными, предоставим слово самому Сергею Назаровичу: «Я смотрел в тот вечер телевизор в столовой. Было как раз время ужина, когда события в прыжковом секторе достигли максимального накала. На высоте 2 м 29 см их осталось шестеро: Д. Мегенбург из ФРГ, американцы Д. Стоунз и Т. Пикок, мировой рекордсмен из Китая Чжу Дзяньхуа, двое наших – Паклин и Авдеенко. Гена взял этот рубеж с третьей попытки, установив личный рекорд. Хотите верьте, хотите нет, только после того, как это случилось, я уже знал, кто станет чемпионом мира в прыжках в высоту. От волнения мурашки по спине пошли гулять. Чувствую, что завожусь, а это мне совсем ни к чему.

Вышел на улицу. Иду и рассуждаю так: соревнования продолжаются уже почти четыре часа, все устали, дело явно идет к развязке и следующая высота почти наверняка окажется последней. Победной. Для кого? Скорее всего для того, кто преодолеет ее раньше других. А Гена как раз прыгает по списку первым. У него просто нет времени на сомнения и нервотрепку. Перегореть не успеет. По дороге домой заглянул в соседний корпус. Вижу, как на телевизионном экране Авдеенко какой-то немыслимый танец отплясывает. Дают замедленный повтор его прыжка: над высотой 2,32 Гена парит легко и красиво.

На соперников это подействовало ошеломляюще. Они явно сникли. Правда, Тим Пикок в третьем прыжке все-таки «перелез» через планку, однако это ничего не изменило. Потому что следующая высота – 2 м 34 см – ни ему, ни Авдеенко не покорилась, а по меньшему числу попыток перевес был на стороне советского прыгуна.

Вернулся я в нашу комнату, сел на кровать и думаю: вот сейчас он приедет сюда со стадиона, завалится счастливый и шумный, ребята – это уж как пить дать – придут поздравить. А у меня завтра старт. Любое, пусть даже радостное перевозбуждение может грустно аукнуться. А посему… Пусть Гена сочтет меня распоследним эгоистом, только видеть его сейчас не хочу. Вырвал лист из тетрадки и фломастером написал Гене письмо. Оно получилось длинным, на целую страницу. Поздравил его, пожелал, чтобы, став чемпионом мира, носа не задирал, не зазнавался, а оставался таким, какой есть. В конце сделал приписку: «Постарайся не будить меня, ладно?»

Ночью – а спалось все-таки неважно – открыл глаза, включил ночник и вижу, что записка лежит нетронутая на аккуратно заправленной Гениной кровати. И я все понял. Понял, какой он все же умница, мой Авдей. Успех не помешал ему трезво,

психологически точно, может быть, не по годам зрело оценить ситуацию. Он сам, без посторонней подсказки не стал меня будоражить. Поступил как настоящий друг и большой спортсмен. Утром я его обнаружил в соседнем холле. Чемпион мира сладко спал, сидя в двух сдвинутых креслах. Судя по улыбке на лице, он видел хороший сон».

В какой-то мере у Бубки было оправдание – уж очень нервными выдались соревнования у шестовиков. Квалификационный отбор был назначен на пятницу, 12 августа. До того небо над финской столицей было безоблачным, погода была просто идеальной. Но, как назло, именно в пятницу все переменилось – небо затянулось свинцовыми тучами, пошел самый настоящий осенний холодный дождь.

Но, несмотря на скверную погоду, олимпийский стадион Хельсинки был заполнен до отказа, 80 тысяч зрителей с нетерпением ждали начала соревнований. Когда Сергей вышел из туннеля и увидел переполненную людьми чашу стадиона, он слегка испугался, ведь ему еще никогда не приходилось выступать на глазах у такой огромной аудитории.

Организаторы соревнований установили квалификационный норматив на уровне 5 м 50 см. Казалось бы, пустяковая высота, ведь в секторе собрались сильнейшие шестовики мира. Но дождь вскоре перешел в ливень. И тут началось самое интересное – 5,50 не взял никто, лучшим оказался товарищ Бубки по команде Константин Волков, преодолевший 5,40. У 16 прыгунов (в том числе и у Бубки) были удачные попытки на меньших высотах, 10 человек не смогли преодолеть даже начальную высоту 5,20. А что тут сделаешь, если разбегаться приходилось буквально по лужам и ноги вязли в размокшем покрытии дорожки. Хуже того, очень тяжело было удержать в руках шест, не помогал даже клеол, специальная мазь для рук, которую использовали шестовики.

В конце концов, квалификация чуть было не завершилась трагедией. Испанский прыгун не сумел справиться с шестом и вылетел за пределы ямы. К счастью, все обошлось, травмы оказались не слишком серьезными. Однако после этого эпизода большинство спортсменов взбунтовалось и потребовало от судей прекратить соревнования. Погода не улучшалась, и вскоре организаторы вынуждены были пойти навстречу спортсменам и остановили квалификацию.

Организаторы и судьи оказались в затруднительном положении, поскольку любое принятое решение не могло устроить всех. Рассматривались два варианта – допустить в финал спортсменов, взявших хотя бы начальную высоту 5 м 20 см, или провести квалификацию заново. Но следующий день

оказался ничуть не лучше прошедшего. Дождь лил не переставая. Прыгунов пригласили на утреннюю разминку, но они, все как один, остались в раздевалке. Судейская коллегия пребывала в замешательстве, такого в крупных соревнованиях не случалось. Если строго следовать правилам, то всех 27 участников соревнований за неподчинение судьям следовало бы дисквалифицировать. Но подобное решение выглядело бы абсурдным. Кто-то предложил перенести квалификацию под крышу, но чемпионат изначально задумывался как летний и должен был проходить под открытым небом…

Возникла реальная угроза отмены соревнований шестовиков – до конца чемпионата остался всего один день, а нужно было провести и квалификацию, и финальные соревнования. Правда, слегка обнадежили синоптики, пообещавшие на воскресенье приличную погоду. Два часа заседал технический комитет чемпионата. Наконец-то объявили решение – квалификацию отменить, предыдущие результаты аннулировать и допустить к финалу всех заявленных участников. Вердикт был совершенно необычен для соревнований такого ранга, однако, учитывая сложившиеся обстоятельства, организаторам пришлось пойти на неординарные меры.

К счастью, прогнозы синоптиков оправдались – утром 14 августа тучи рассеялись, выглянуло солнце. Правда, временами на стадион налетал резкий порывистый ветер, но по сравнению с лившим два дня без перерыва дождем это были мелочи.

Сергей начал с 5 м 40 см, перелетев планку уже в первой попытке. Опять же, высота вроде бы разминочная, однако ее преодолели всего четырнадцать спортсменов. Очевидно, сказалось колоссальное нервное напряжение предыдущих дней, среди сошедших с дистанции шестовиков оказались признанные фавориты – француз Тьерри Виньерон и рекордсмен мира, главная надежда советской команды Владимир Поляков.

Следующую высоту – 5,50 – Сергей взял без видимых усилий. 5,55 Бубка пропустил, а дальше… Дальше были две сорванные попытки на 5,60… Перед третьей попыткой Сергей сидел на скамейке и пытался настроить себя на решающий прыжок: «Я должен прыгнуть. Просто обязан! В собственных глазах окажусь мелким, ничтожным человеком, если не прыгну сейчас. Зря меня тогда на чемпионат мира взяли, напрасно не послушались тех, кто предостерегал, мол, зелен еще, сорвется. Лучше на дорожку упаду, разобьюсь, все кости переломаю, но оттолкнусь от шеста изо всех сил и ноги буду забирать как можно выше… Все равно прыгну!»

Прыжок получился что надо, Сергей взял высоту очень

уверенно, с хорошим запасом. А между тем многочасовой марафон состязаний шестовиков вступил в решающую фазу. 5 м 60 см с первой попытки взяли Константин Волков и болгарин Атанас Тарев. Формально Сергей был на третьем месте, уступая Волкову и Тареву по попыткам. Однако в секторе еще остается опытнейший поляк Тадеуш Слюсарский, олимпийский чемпион Игр 1976 года в Монреале. 5,60 польский спортсмен пропустил, перенеся свои попытки на 5,65. Слюсарский трижды сбивал планку и стало ясно – Бубка уже с медалью, как минимум, с бронзовой.

Собственно говоря, если бы Сергей на этом остановился, никто не сказал бы ему плохого слова. 5,60 были для него задачей-минимум. Перед чемпионатом старший тренер сборной по прыжкам с шестом Игорь Иванович Никонов так ему и сказал: «Прыгнешь эту высоту, и к тебе претензий не будет. Считай, что в Хельсинки ездил не туристом. А дальше распоряжайся, пожалуйста, попытками сам». А то, что в сложившихся обстоятельствах эта высота принесла медаль, так это только хорошо, как говорится, «везет сильнейшим».

Сергей гнал от себя мысль о возможной победе. Это казалось просто невероятным, страшно было подумать, что он, девятнадцатилетний дебютант, на первом же крупном соревновании в своей жизни так выстрелит. А с другой стороны, после 5 м 60 см Сергей освободился от груза ответственности. Уже не надо было думать о том, как он попал на чемпионат и что он должен, просто обязан оправдать доверие боровшихся за него Игоря Тер-Ованесяна и Виталия Петрова.

Все получилось само собой. На 5,7 ˚Сергей шел совершенно спокойно, чувствовал, что возьмет эту высоту. Так и случилось – 5,70 он прыгнул с первой попытки. А вот у соперников прыжки не пошли. Все три попытки сорвал Атанас Тарев. Не повезло и Константину Волкову. В попытке на 5,70 Волков не попал с разбегом и сбил планку. Оставшиеся две попытки Константин перенес на 5,75. Неожиданно поднялся сильный боковой ветер. Волков ждал у края дорожки, пытаясь поймать момент, когда ветер немного стихнет. Но тщетно, судья поднял красный флажок, сигнализируя об окончании двух отведенных на попытку минут. У Константина осталась последняя попытка…

Трудно сказать, что чувствовал Сергей Бубка в эти мгновения. В кино такие моменты любят изображать в виде ангела и демона, нашептывающих человеку совершенно противоположные слова. Если представить себе такую сцену, то во время прыжка Волкова ангел шептал Сергею: «Костя – товарищ по команде, он твой друг и ты должен пожелать ему удачи. Пусть он выступит как можно

лучше. Если он, а не ты, станет чемпионом, что ж, так тому и быть…» Но демон соперничества говорил свое: «Волков – твой соперник, самый опасный на данный момент. Если он сейчас не прыгнет, то ты станешь чемпионом, и тебе, а не ему, достанется слава и почет. Вы оба спортсмены и для вас главное победы и медали. Дружба дружбой, а спорт спортом…»

В спорте такое часто случается – неудача одного оборачивается триумфом другого. В последней попытке Волков сбил планку и Бубка стал чемпионом мира. Дальше все было как во сне. Сергей безуспешно попытался установить мировой рекорд, потом награждение, гимн СССР, автографы восторженным зрителям, возвращение домой, встреча с родными, друзьями, тренером…

В Донецке его встречали как положено – цветами, хлебом-солью, музыкой, пионерами в красных галстуках. Еще бы, такой герой, прославил Донбасс на весь мир! Но за пределами Донецка победу Бубки и его самого всерьез не воспринимали. Если даже некоторые советские издания писали о победе Сергея Бубки в Хельсинки как о случайности, то что уж говорить об иностранной прессе… Конечно, спортсмена это порядком задевало, но, по большому счету, он понимал, что основания для недоверия у критиков есть, и немалые. Через две недели после чемпионата французский шестовик Пьер Кинон установил новый мировой рекорд, прыгнув на 5,82, а еще через пару дней другой француз, Тьерри Виньерон, улучшил мировое достижение еще на один сантиметр. На этом фоне 5 м 70 см Бубки на мировом первенстве впечатления не производили, да к тому же по итогам года в рейтинге сильнейших прыгунов с шестом Сергей оказался во второй десятке. Так что, несмотря на «золото» чемпионата мира, право называться сильнейшим шестовиком планеты надо было еще доказывать рекордными прыжками…

С самого начала 1984 года Бубка постепенно стал подбираться к мировому рекорду. 15 января на розыгрыше легкоатлетического кубка Вильнюса он прыгнул на 5,81, а 29 января в Милане – еще на сантиметр выше. Через пару недель Сергей отправился покорять Америку – его пригласили выступить в серии турниров «Indoor Games» («Игры под крышей»), организуемых Атлетическим Конгрессом Соединенных Штатов. В Лос-Анджелесе ему покорилась высота 5 м 83 см, он повторил мировой рекорд. Естественно, что такое начало сезона вселяло определенные надежды, ведь Бубка, как и другие советские спортсмены, готовился к главному старту сезона – Олимпийским играм в Лос-Анджелесе…

«Решение (о бойкоте Игр в США. – *Авт.*) вынужденное, трудное, но единственно правильное. Твердая, непреклонная позиция Национального олимпийского комитета СССР нашла понимание и поддержку у всех, кому не на словах, а на деле дороги идеалы олимпизма. От участия в Играх «по-американски» отказались атлеты ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Кубы, Вьетнама – и ряда других стран. Словом, у нас, советских спортсменов, как и у всех здравомыслящих людей, не было и тени сомнения в обоснованности решения НОК СССР». Эти слова были написаны Бубкой в то время, когда Советский Союз еще занимал на карте мира одну шестую часть суши, а Соединенные Штаты воспринимались не иначе как «империя зла». А что еще он мог написать… Что это идиотское решение, принятое в ответ на такое же идиотское решение американцев бойкотировать Игры в Москве, разбивает в прах все олимпийские надежды советских спортсменов?.. Это было бы принципиально и честно, но тогда Бубку не выпустили бы за пределы Донецка, и это в лучшем случае. Ведь могли и в Сибирь послать снег убирать… Приходилось, сцепив зубы, выражать свое одобрение «решению партии и правительства»…

О бойкоте Игр в Лос-Анджелесе было объявлено 8 мая 1984 года. В это время Сергей вместе с Виталием Петровым находился на тренировочном сборе в Чехословакии. На пик формы Бубка планировал выйти в августе, к началу Олимпиады, но из-за бойкота планы пришлось поменять, и теперь главной целью стал мировой рекорд. 23 мая на турнире «Золотая шиповка» в Остраве Сергей попытался взять 5,84, но неудачно. И все же было ясно, что рекорд вскоре состоится, недаром диктор стадиона сделал объявление: «Уважаемые болельщики! Если вы хотите стать свидетелями мирового рекорда в прыжках с шестом, приезжайте через три дня в Братиславу, где состоится турнир на призы телевидения и объединения «Словнафт». Это объявление оказалось пророческим – 26 мая 1984 года Сергей Бубка прыгнул на 5 м 85 см. Это был первый в его жизни мировой рекорд (хотя формально Бубка уже был к тому моменту мировым рекордсменом – ему принадлежало высшее достижение для закрытых помещений).

Кому-то может показаться, что все эти мировые достижения ничего особенного из себя не представляют. Ну что тут выдающегося, скажут скептики – прибавить какие-то два сантиметра, четыре десятых процента к рекордной высоте? Бубке часто задавали вопрос: «Чего стоит сантиметр рекорда?» На это он отвечал: «Жизни стоит, часов и лет, когда живешь, отказывая себе во многом, ложась вовремя спать, подчиняя спорту жизнь,

быт, учебу…» Лучше не скажешь, действительно, легкость рекордов обманчива, сантиметры и сотые доли даются очень нелегко, и только полностью отдавая себя любимому делу, можно достичь высот, которые больше никому в этом мире не подвластны.

В начале июня французская Федерация легкой атлетики проводила в пригороде Парижа Сен-Дени отборочный турнир, по результатам которого определялся состав олимпийской команды Франции. На эти соревнования французы пригласили советских спортсменов. Ожидалось серьезное соперничество между Бубкой и Тьерри Виньероном, однако Виньерон довольно быстро сошел с дистанции, взяв всего лишь 5,60. В финал вышли Бубка и его товарищ по команде Владимир Поляков. Оба совершили неудачные попытки на 5,86, Поляков затем еще дважды сбивал планку. А Бубка оставшиеся две попытки перенес на 5,87 и в последней попытке взял-таки рекордную высоту. Судьи перемерили высоту и оказалось, что планка была на сантиметр выше заявленной высоты. В итоге 5 м 88 см – новый мировой рекорд.

Прогресс Бубки в то время просто потрясал воображение. Еще год назад он боролся за право попасть на чемпионат мира, а теперь один за другим штамповал мировые рекорды. Мало того, постепенно он стал примеряться к шести метрам, высоте, казавшейся еще совсем недавно фантастической и абсолютно неприступной. 13 июля в Лондоне Бубка установил новый рекорд – 5,90 – причем взял высоту с первой попытки. В тот день он впервые решил замахнуться на шесть метров и попросил организаторов после 5,90 добавить еще десять сантиметров. Сергей чувствовал уверенность в успехе, но… Высота не покорилась, причем виноват в этом был не спортсмен, а организаторы соревнований. Оказалось, что стойки стадиона «Кристалл Пэлэс» просто не рассчитаны на такую высоту.

С каждым прыжком Сергей становился все увереннее в себе, появилась психологическая устойчивость. Особенно ярко это проявилось на состоявшемся в конце августа в Риме турнире «Голден Гала». Пожалуй, по представительности этот турнир превосходил Олимпийские игры, и Московские, и состоявшиеся в Лос-Анджелесе. В Риме многие чемпионы Олимпиады-84 сошлись лицом к лицу со своими соперниками из соцлагеря, не участвовавшими в Играх. Правда, чемпион в прыжках с шестом Пьер Кинон в Рим так и не приехал, однако там присутствовал бронзовый призер Тьерри Виньерон. 31 августа Сергей и Тьерри были в прекрасной форме. К концу соревнований оба стали подбираться к мировому рекорду. Великолепные прыжки Бубки и

Виньерона не оставляли сомнений в том, что мировой рекорд будет сегодня обновлен, но вот кто именно возьмет рекордную высоту? Первый удар нанес француз – 5,91, на сантиметр выше рекорда Бубки. Вся пишущая и снимающая братия ринулась к Виньерону с надеждой взять интервью у новоявленного рекордсмена мира. На Бубку никто не обращал внимания, только оператор французского телевидения снимал лежащего на газоне лицом вниз Сергея. Телевизионщики надеялись сделать традиционный в таких случаях сюжет – торжествующий победитель и поверженный, убитый горем неудачник, экс-рекордсмен, только что лишившийся своего рекорда. Но Сергей и не думал горевать, он расслаблялся, стараясь настроиться на прыжок. На старт он вышел абсолютно спокойно, заказал 5,92. Бубка был уверен в себе как никогда. Даже когда Виньерон потребовал, чтобы Бубка поставил 5,94, а не 5,92 (мол, раз они остались вдвоем в секторе, то должны прибавлять по три сантиметра), Сергей не стал возражать. 5,94… Что ж, пускай будет 5,94, все равно он прыгнет. И прыгнул. Ситуация повторилась с точностью до наоборот – теперь уже Бубка был в центре внимания, а на траве, всеми покинутый, сидел Виньерон. Тьерри попытался взять 5,97, однако было видно, что такая высота ему не по силам, да и психологически он был сломлен, ведь рекордсменом мира ему удалось побыть всего пять минут. Все же, несмотря на неудачу, этот турнир оказался весьма знаменательным для француза, ведь до сих пор в таблице мировых рекордов он остается единственным человеком, кому удалось вписать свое имя в бесконечный ряд фамилий Бубка…

Если бы не бойкот Олимпиады, этот сезон для Сергея можно было бы назвать сверхудачным. Он по праву считался лучшим шестовиком планеты, выиграл почти все крупные соревнования, поднял планку мирового рекорда на 11 сантиметров. Естественно, что к концу такого насыщенного событиями сезона стала накапливаться усталость. Предстоящий чемпионат СССР по легкой атлетике был, в общем-то, мероприятием проходным, обычно все сильнейшие спортсмены игнорировали эти соревнования. И на этот раз главные соперники Сергея, Константин Волков и Владимир Поляков, на чемпионат не поехали. Но Бубка решил выступить на первенстве страны, на то у него было две веских причины. Во-первых, чемпионат проходил в Донецке, а во-вторых, через несколько дней именно в Донецке Сергей Бубка должен был стать семейным человеком…

Однажды, зимой 1983 года, товарищ попросил Сергея отвести его дочь на тренировку в секцию художественной гимнастики.

Там Бубка и познакомился с Лилией Тютюнник. Вскоре Виталий Петров начал замечать некие странности в поведении своего воспитанника. Обычно сосредоточенный на подготовке к соревнованиям Сергей на тренировках явно думал не о прыжках, а о чем-то другом, да к тому же типичный домосед вдруг стал по вечерам пропадать из дома. Петров не на шутку обеспокоился, думая, что Сергей попал в какую-то историю. Последний поначалу вел себя «как партизан», молчал в ответ на все расспросы, но затем все-таки сознался, что он встречается с Лилией, что они любят друг друга и вскоре намерены пожениться. Как вспоминал Сергей Назарович, своими рекордами он в немалой степени обязан знакомству с Лилией, ведь «влюбленному человеку легче спорить с высотой»…

Сезон 1985 года начался для Бубки и других спортсменов непривычно рано. В январе в Париже должны были состояться Всемирные легкоатлетические игры. После трудного сезона Сергей устал, планировал взять паузу и зимой 1985 года вообще не принимать участия в серьезных соревнованиях. Но руководство управления легкой атлетики Спорткомитета СССР довольно настойчиво предложило Бубке поехать в Париж.

В Париже должна была состояться новая встреча Сергея Бубки и Тьерри Виньерона. Перед соревнованиями самая авторитетная спортивная газета Франции «Экип» взяла интервью у Бубки и Виньерона, задав им одинаковые вопросы. В результате получилась своеобразная словесная дуэль двух сильнейших шестовиков мира. Вот что они сказали (с небольшими сокращениями) друг о друге, о соревнованиях и планах на будущее:

«Экип»: Как вы оцениваете своего соперника? Что больше всего впечатляет в нем и что разочаровывает?

Бубка: Виньерон – один из лучших шестовиков мира. Он доказывает это в течение нескольких лет. Вместе с тем, терпя неудачи, он всякий раз находит силы возобновить борьбу и снова идти на штурм рекордов. Это свидетельствует о силе характера. Что касается отрицательных качеств, то здесь следует говорить о нестабильности его результатов.

Виньерон: Больше всего в Бубке меня впечатляет мощь, порой просто исключительная, а также его бойцовские качества, постоянство в соревнованиях. Отрицательное качество: этот юноша мне кажется слишком замкнутым, что в нашем маленьком мире шестовиков сразу бросается в глаза. Это меня немного разочаровывает.

«Экип»: Кем вы считаете своего соперника: рекордсменом, способным блеснуть высоким результатом в каком-то одном

турнире, или чемпионом, умеющим стабильно соревноваться все время?

Бубка: Я склоняюсь к тому, что Виньерон принадлежит все-таки к категории рекордсменов. Наиболее ярко он продемонстрировал это в конце прошлогоднего сезона в Риме, когда отнял у меня, правда, только на несколько минут, мировой рекорд. Его умение бороться за победу с полной концентрацией сил – признак атлета высшего класса.

Виньерон: Бубка – двойная звезда. Он и чемпион, и рекордсмен. Его великолепные достижения общеизвестны. Правда, его победа в 1983 году на чемпионате мира в Хельсинки была настолько сенсационной, что ему еще предстоит утверждать свой престиж в состязаниях подобного уровня, где очень многое решает психологическая устойчивость.

«Экип»: Кто первым преодолеет шесть метров и когда это может случиться?

Бубка: Трудно сказать. Чтобы достичь такой высоты, нужно воспользоваться идеальным совпадением множества факторов, иногда непредсказуемых. Пожалуй, можно сделать только такой прогноз: судя по сегодняшним результатам, по существующему раскладу сил, это будет почти наверняка либо советский, либо французский шестовик, но кто именно – гадать не берусь.

Виньерон: Сейчас вряд ли кто-то сумеет точно ответить на этот вопрос. Среди реальных претендентов на покорение 6-метровой высоты вижу Бубку, Кинона, себя. Скажу только, что советские спортсмены, не выступавшие на Олимпиаде в Лос-Анджелесе, наверняка приложат все силы, чтобы тут быть первыми.

«Экип»: Кто будет вашим главным соперником в ближайшие годы и почему?

Бубка: Думаю, борьбу за первенство по силам вести атлетам только двух стран: Франции и Советского Союза. Другие школы – в частности, американская, польская – отстали, хотя их возрождение всегда возможно.

Виньерон: Мой главный соперник – я сам. Важно уметь сражаться против самого себя, чтобы подняться выше. Это не ново, однако мне по-прежнему не всегда удается в соревнованиях «взорваться», выложиться до конца. Так, как это получается у моих конкурентов – Бубки и Кинона.

«Экип»: Какие соревнования этой зимы для вас важнее: игры в Берси или чемпионат Европы в Афинах?

Бубка: Полагаю, что все-таки чемпионат в Афинах. По крайней мере, у меня еще есть время нормально к нему подготовиться. Теперь же, перед Берси, я еще ни разу не

стартовал, если не считать небольшой турнир без какой-либо конкуренции в Донецке 5 января. В общем, Всемирные легкоатлетические игры – мой дебют в наступившем году.

Виньерон: Несомненно, чемпионат Европы. В Берси, я этого не скрываю, собираюсь выступить только ради французской публики, поблагодарить ее за традиционное внимание к шестовикам. Я буду пытаться выиграть, но если проиграю, то хочу, чтобы все знали, что сейчас нахожусь в стадии «притирки», подготовки к новому сезону, и не делали далеко идущих выводов.

«Экип»: С какой высоты вы начнете и до какой надеетесь дойти?

Бубка: Поскольку я слегка приболел, думаю начать достаточно низко, где-то с 5,40—5,50. Остальное будет зависеть от самочувствия.

Виньерон: Пока не знаю, поскольку буду ориентироваться на тактику, которую изберут соперники. Это решается только на месте, только в секторе. В конце концов, я должен прыгнуть на 5,70 – 5,75, но за большее не ручаюсь».

В этом интервью следует обратить внимание на один интересный момент, а именно на слова Виньерона о том, что «Бубка кажется ему слишком замкнутым». И это действительно так. Сергей был не из тех, кто готов раздаривать улыбки всем встречным и может легко и непринужденно общаться с кем угодно, особенно во время ответственных соревнований. Конечно, многих поведение Сергея раздражало, прежде всего, привычка не здороваться с соперниками в секторе, что, естественно, считалось проявлением высокомерия со стороны зазнавшегося чемпиона. «Звездная болезнь» поражает практически всех известных спортсменов, только симптомы этого «заболевания» могут быть разными. Это отнюдь не значит, что «звезда» начинает свысока смотреть на окружающих, хотя случается и такое. Часто бывает наоборот – человек рад своей славе, спешит поделиться этой радостью с другими. Журналистам и болельщикам хочется узнать побольше интересного о новом чемпионе. В ответ на этот интерес человек раскрывает свою душу, много общается с посторонними, в общем-то, людьми, рассказывая о себе, своих планах и о соревнованиях. Но эмоции-то уходят и к важному старту их может попросту не остаться. Нечто похожее произошло и с Сергеем. Множество приглашений на различные мероприятия, не имеющие никакого отношения к спорту, бесчисленные интервью, встречи и общение с болельщиками сделали свое черное дело…

После первых рекордных прыжков его стали называть «человек без нервов». Но силы человека даже такого, как Бубка, не беспредельны. Сергей продолжал выигрывать соревнования, но

чувствовалось, что победы даются ему нелегко. В начале 1985 года он победил и на турнире в Берси, и на чемпионате Европы в Афинах, однако прежней легкости в его прыжках уже не было. А затем и вовсе начались провалы – Бубка не сумел преодолеть начальную высоту на двух турнирах подряд, в Москве и Брюсселе…

С профессиональным психологом Рудольфом Загайновым Сергей познакомился на чемпионате Европы в Афинах в марте 1985 года. Они разговорились и в какой-то момент Бубка признался, что у него не осталось адреналина в крови и он чувствует себя морально опустошенным. После этого Загайнов стал очень плотно работать со спортсменом, наблюдая за ним круглые сутки. «Ты не должен так безучастно относиться к делу, которое кормит тебя и твою семью, – говорил Загайнов. – Ты слишком много разговаривал, слишком много думал о соревнованиях и обсуждал их до старта. К моменту старта ты становишься пустым. Ты обязан сохранять покой в течение двух месяцев перед соревнованиями, быть спокойным и тихим, не растрачивать энергию ни на что, кроме спорта». Та самая пресловутая особенность Бубки не общаться ни с кем в секторе для прыжков тоже от Загайнова – именно он посоветовал Сергею для сохранения концентрации не здороваться и не разговаривать с соперниками. Даже Виталий Петров был в недоумении. Нередко тренера спрашивали, что же Загайнов делает с его подопечным? «Я ничего не знаю, – отвечал Петров. – Они вместе ложатся, вместе встают… Что между ними происходит – не знаю, знаю только одно – Сергей ему доверяет». На какое-то время Рудольф Загайнов заменил Бубке тренера (можно даже сказать – мать родную) – после соревнований сразу же заводил Бубку в номер, оберегая от атак журналистов, отключал телефон, делал массаж, каждый вечер проводил доверительную беседу. И подобная психотерапия не прошла даром – вскоре Сергей вновь обрел уверенность в себе и желание бороться с соперниками и высотой…

Еще в 1970-х годах специалисты считали, что *эта* высота (именно так, с особым почтением Бубка и другие шестовики именуют высоту шесть метров), абсолютно недостижима и, по крайней мере, до конца XX века никому не покорится. Но появление в секторе Сергея Бубки и его феноменальные рекорды в корне изменили ситуацию. Уже в 1984 году мировой рекорд был всего лишь на шесть сантиметров ниже *этой* высоты, и казалось, еще чуть-чуть и… Первым наступление на шесть метров повел Тьерри Виньерон, еще на чемпионате Европы 1984 года в

Гетеборге. Примерялся к этой высоте и Бубка, на тренировках ему удавалось ее взять, но одно дело – тренировки, и совсем другое – соревнования. Тренировочные результаты рекордными никто не считал.

В июле 1985 года Сергей во второй раз за год отправился во Францию. Главной его целью являлись соревнования в Ницце, где должен был состояться очередной этап Кубка мира. А за три дня до этого в Париже, на маленьком стадионе имени знаменитого французского легкоатлета Жана Буэна, погибшего во время Первой мировой войны, должен был пройти скромный международный турнир, организаторам которого удалось-таки уговорить Бубку принять в нем участие…

Много лет спустя Сергей вместе с семьей проезжал мимо того самого стадиона имени Жана Буэна. Он зашел туда вместе с женой и детьми и исправил оплошность, допущенную 13 июля 1985 года, – взял на память кусочек дорожки для разбега…

До вылета во Францию Бубка твердо решил, что будет идти на шесть метров. Можно было отложить рекордный прыжок до Ниццы, но чего тянуть, если есть возможность, надо прыгать. «В тот день я твердо решил: как бы высоко ни прыгнули соперники, начну соревноваться с той высоты, которая для них окажется последней. Установят мировой рекорд? Значит, начну с мирового рекорда».

Соревнования у шестовиков начались в три часа дня. Стадион был переполнен, среди зрителей были и Тьерри Виньерон и Пьер Кинон. Сильнейшие французские шестовики решили не участвовать в этом турнире, чтобы сохранить силы для соревнований в Ницце. На разминке Бубка начал с 5 м 50 см и, как обычно, сбил планку. В словах «как обычно» нет ничего удивительного. У Сергея, как и у многих других спортсменов, были свои приметы – лучше убрать планку рукой в пробном прыжке, чем она сама упадет в зачетной попытке.

Наконец-то Бубка дождался своего выхода – соперники закончили выступления на высоте 5,70. Эту высоту он взял, причем с запасом чуть ли не в полметра.

– Какую следующую высоту поставить?

Вопрос судьи заставил Сергея задуматься. Можно заказать 5,95, это на сантиметр выше мирового рекорда, но с этой высотой Сергей боролся уже три раза и все три раза неудачно.

– Пять девяносто шесть, – решил спортсмен.

Он начал готовиться к прыжку, в голове неожиданно пронеслась мысль: «Стоп! А чего мелочиться, сантиметры по одному считать? Вот она, *эта* высота, совсем рядом. Может, испугался? Нет. Тогда чего ты тянешь? Прыгай! Прыгай сейчас,

пока еще полон сил и азарта». Бубка решительно направился в сторону судейского столика. Он не знал французского, а судьи ни слова не понимали по-русски, но жест Сергея был понятен без перевода – растопыренная пятерня правой руки и рядом поднятый вверх большой палец левой…

На табло высветились магические цифры «6,00». Стадион стих, все взгляды обратились на стоящего в начале дорожки Сергея. Судья дал отмашку. Двадцать шагов разбега, спортсмен опустил шест в точку отталкивания и взлетел… На стадионе местами раздался свист – со стороны попытка Сергея выглядела совершенно беспомощной, он сбил планку, врезавшись в нее всем телом. Вторая попытка была получше, но опять планка вместе с Бубкой полетела вниз.

Во время третьей попытки подходил к завершению финал одного из забегов. Зрители полностью переключились на бегунов, бурно реагируя на происходящее. На бубкинскую авантюру мало кто обращал внимания. Под шум стадиона Сергей начал разбег…

Всегда интересно сравнить реальную ситуацию со своими представлениями о ней. Мы привыкли думать, что во время выдающихся событий человек думает о каких-то высоких чувствах или в доли секунды «проматывает пленку всей своей жизни», вспоминая детство, юность, первые успехи… Но зачастую люди, делающие историю, в самый ответственный момент думают об абсолютно прозаических вещах. Вот так и Бубка. Журналисты спрашивали его, о чем он размышлял перед тем прыжком, в надежде получить «красивый» ответ. Но слова спортсмена их разочаровали. «О чем я думал? Пожалуйста: думал о том, чтобы не ошибиться с разбегом, точно попасть на место отталкивания, сделать четкий «вход», вытянуться на шесте в струнку вниз головой, перебросить тело через планку, – отвечал Бубка. – Если бы я думал о чем-то ином, более «возвышенном», то не видать мне ни *этой*, ни других высот…»

«Бубка летит над Парижем!» («Матэн»), «Бубка – сверхчеловек шеста!» («Паризьен»), «Бубка – космический прыгун!» («Фигаро»), «Бубка на шестом небе!» («Франс суар»), «Преодолев шесть метров, Бубка стал «живым богом» стадионов» («Котидьен де Пари»), «Мы пережили волнующий момент. Нужно было находиться там, на стадионе, чтобы ощутить мгновения спортивного подвига» (главный редактор спортивной газеты «Экип» Робер Парьянте). После того, как 13 июля 1985 года в 18 часов 44 минуты на парижском стадионе имени Жана Буэна Сергей Бубка в третьей попытке преодолел планку на высоте шесть метров, французские газеты разразились шквалом хвалебных статей, вынося их на первые страницы. Не отставали

от французских журналистов и их коллеги из других стран: «Бубка – супермен», «Прыжок в XXI век», «Это – фантастика!», «Бубка – новый Гагарин!» и так далее. И в каждой газете на первой полосе обязательно была фотография нового героя планеты, стоящего на фоне электронного табло с цифрами «6,00». Безусловно, прыжок Сергея Бубки открыл новую эпоху в спорте, вновь заставив весь мир поверить в беспредельность возможностей человека. Но вот еще один, очень интересный комментарий этого события: «Прыжок, ознаменовавший начало новой эры в нашем виде легкой атлетики, не показался чем-то примечательным. Обычный прыжок. Даже немного корявый». Наверное, читатели догадались, кому принадлежат эти слова. Да, сам Бубка, после того, что он совершил, испытывал весьма странные чувства. «Прежние рекорды в момент их рождения пробуждали во мне больший всплеск радости, торжества, – вспоминал Сергей Назарович. – Может быть, ушло ожидание чуда?»

«Настоящие прыжки с шести метров только начинаются», – сказал Бубка в одном из интервью. Почивать на лаврах он отнюдь не собирался, понимая, что еще не достиг всего, на что он способен. Начало следующего сезона прошло под знаком заочной «дуэли» между Бубкой и американскими шестовиками. На кону стоял рекорд мира в закрытых помещениях. За несколько дней до нового 1986 года Билл Олсон в Канаде взял 5 м 86 см. Через пару недель, 15 января 1986 года, в Осаке Бубка сделал ответный ход – 5,87. Через три дня Билл Олсон прыгнул на 5,88, а еще через неделю преодолел планку на высоте 5,89. 2 февраля в борьбу Олсона и Бубки вмешался еще один шестовик – молодой американец Джо Дайел. На студенческих соревнованиях в США он взял 5,91. 8 февраля на зимнем чемпионате СССР по легкой атлетике Бубка возвратил себе рекорд – 5,92. Но буквально через несколько часов агентства сообщили, что Билл Олсон прыгнул на 5,93…

Конечно, такое «непочтительное» поведение американцев порядком задело самолюбие Сергея. Вскоре ему представилась возможность в очередной раз ответить Олсону. Приход к власти Михаила Горбачева ознаменовал собой улучшение отношений между двумя мировыми сверхдержавами. Не остался в стороне и спорт. В феврале 1986 года сильнейшие советские шестовики во главе с Сергеем Бубкой отправились в Штаты для участия в серии турниров, проводимых Американским легкоатлетическим конгрессом. Ажиотаж был невероятный, с особенным интересом ожидалась очная встреча Билла Олсона и Сергея Бубки.

Вообще Билл Олсон шестовик весьма оригинальный. У

подавляющего большинства спортсменов пик формы обычно приходится на лето, зимой же результаты гораздо скромнее. У Олсона же все наоборот – летом его пределом была высота на уровне 5,60—5,70, зимой же он устанавливал мировые рекорды и даже грозился взять шесть метров, а то и больше. Но на Сергея все эти «страшные» угрозы не особенно подействовали, в очной борьбе с Олсоном он полностью доказал свое превосходство. В Лос-Анджелесе Бубка взял 5,94, через несколько дней в Нью-Йорке – 5,95. Олсон же ничего серьезного противопоставить не смог – то ли на него так повлияло присутствие Бубки, то ли он достиг предела своих возможностей и, что называется, иссяк.

Следующей значительной вехой в жизни Бубки стали Игры Доброй Воли 1986 года. Эти соревнования проводятся и сейчас, но их значение в спортивном мире несколько уменьшилось. А тогда интерес был просто невероятный, еще бы, ведь после двух ущербных Олимпиад в Москве и Лос-Анджелесе мир впервые увидел на одном стадионе лучших спортсменов Запада и Востока. Карл Льюис, Бен Джонсон (тогда еще никто не знал, каким путем канадский спринтер достигает феноменальных результатов), Джеки Джойнер соревновались с сильнейшими спортсменами СССР и других соцстран. Неудивительно, что в Америке число телезрителей, регулярно следивших за Играми, достигло астрономической цифры – 80 %. Немалый интерес вызывал и Бубка. В том, что он победит, мало кто сомневался, но сможет ли Бубка установить новый рекорд?..

Все выглядело легко и просто – Бубка победил без особых проблем, мировой рекорд, 6 м 01 см, установил, перелетев над планкой с запасом сантиметров в двадцать. Золотую медаль ему вручил президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч. Журналисты буквально охотились за Сергеем, его фотографии украшали первые полосы многих иностранных газет и журналов. По «достоинству оценило» подвиг Бубки и советское руководство – он получил… выговор от одного из руководителей Госкомспорта. «Советский спортсмен всегда должен бороться до конца и не должен останавливаться на достигнутом», – услышал Сергей. Вот такая благодарность… Такие упреки советский спортсмен слышал не раз, мол, чего это он по одному сантиметру прибавляет, если может сразу прыгнуть на десять-двадцать сантиметров выше мирового рекорда? Действительно, легкость, с которой Бубка устанавливал рекорды, поражала. Да и сам Сергей говорил, что, при благоприятных условиях он может взять 6,20 и даже 6,30. Так в чем же дело, почему мы не увидели таких прыжков? Причин несколько. Во-первых, даже такой «сверхчеловек», как Бубка, не в состоянии

«объять необъятное». Да, он может сделать «суперпрыжок», но такой прыжок потребовал бы полной концентрации сил и на долгое время выключил бы его из борьбы в серьезных турнирах. «Мы с тренерами были близки к еще большему «поднятию планки», однако не хотелось стать кем-то вроде чемпиона одного прыжка, – говорил Бубка по этому поводу. – Я не решился променять стабильное выступление на протяжении всей моей карьеры на мимолетный успех». Во-вторых, спортсмен, по его собственному выражению, «не хотел стать «живой мумией легкой атлетики», как Боб Бимон. Ну и в-третьих, за каждый мировой рекорд Сергей, как и другие спортсмены, получал призовые, и, естественно, гораздо выгоднее десять раз улучшить рекорд на один сантиметр, чем один раз на десять сантиметров. В этом, кстати, нет ничего предосудительного, особенно если учесть, что немалую часть своих средств Сергей Назарович тратил на благотворительные цели.

И последнее, что касается легкости рекордов. Тогда, в 1986 году, после награждения Сергей пришел в раздевалку, встал на весы и увидел, что за время состязаний он потерял четыре килограмма…

«За свою спортивную карьеру я добился немало выдающихся результатов. Трудно выделить самый лучший. Но со спортивной точки зрения труднее всего было выиграть «золото» Олимпиады», – сказал однажды Бубка. От себя добавим, что трудно было не только со спортивной, но и с моральной точки зрения. 16 лет Сергей Бубка и Виталий Петров были вместе. Казалось, что они представляют собой идеальный эталон пары: тренер – ученик. Но перед Сеульской олимпиадой между ними произошел разрыв, тяжелый и мучительный для обоих. По прошествии лет старые обиды, к счастью, забылись. Виталий Афанасьевич, живущий сейчас в Италии, приезжал в отпуск в Донецк. Несколько раз Петрова и Бубку видели вместе на стадионе; говорят, что ученик, как и много лет назад, просил тренера о консультациях…

В Сеуле Бубка, следуя своей привычной тактике, вышел в сектор одним из последних. Начальную высоту 5 м 70 см он преодолел со второй попытки, а затем уверенно взял 5,75, 5,80 и 5,85. Когда-то этого хватило бы для победы, но в Сеуле надо было прыгать еще выше. После 5,85 по количеству попыток лидировал Радион Гатауллин. Бубка заказал 5,90. Первые две попытки завершились неудачей. И здесь Сергей пошел на риск – взял более длинный шест, которым управлять было намного сложнее…

Уже после завершения карьеры Бубка сказал: «Конечно, для

меня одна золотая олимпийская медаль – явно недостаточно». Он четыре раза принимал участие в Олимпиадах, мог бы участвовать и в пятой, если бы не бойкот. Видимо, високосные годы – не самые удачные для Сергея. «Олимпийское проклятие» не позволило ему выиграть в Барселоне, Атланте и Сиднее. В 1988 году в Сеуле Бубка этого, конечно, знать не мог, но прекрасно понимал, что без «золота» Олимпиады он не может считаться лучшим шестовиком планеты. У него в запасе оставалась всего одна попытка. И попытка оказалась удачной. Сергей взял 5 м 90 см, и эта высота принесла ему «золото» XXIV Олимпийских игр…

Недавно в одном из интервью Бубка сказал: «Я в душе остаюсь советским человеком, меня не переделать». Что ж, право любого человека иметь свое мнение и быть верным той стране, где он родился. Но это абсолютно не означает, что Бубка всегда был послушным инструментом в руках советской системы. Конечно, он не был диссидентом, однако и не позволял безропотно манипулировать собой. После первых успехов его пытались переманить из Донецка в Киев и Москву. Когда в 1985 году в Хельсинки Сергей в первый раз завоевал звание чемпиона мира, формально он находился на службе в армии. Руководство армейского спорта не скупилось на обещания: обставленная импортной мебелью квартира в центре Москвы, машина, деньги, в общем, «рай земной». И все же Бубка всегда отвечал категорическим отказом, не помогли даже уговоры отца-военного. «Мне хотелось свободы, не хотел зависимости и контроля именно от военных», – рассказывал Сергей Назарович.

Новый конфликт с властью случился в самом начале 1990 года. На стол председателя Госкомспорта СССР Русака легло заявление Сергея Бубки с отказом от стипендии. Фактически это означало, что Бубка хочет выйти из подчинения официальных спортивных структур и уйти в «свободное плавание». Через несколько дней в Донецке появилось новое частное предприятие «Спортивный клуб Сергея Бубки». Система уже была на грани агонии, но сдаваться без боя чиновники не собирались. Им не хотелось, чтобы «звезда советского спорта» сама распоряжалась своей судьбой и принимала самостоятельные решения. Начался прессинг – Сергея не пустили в США, на очередные Игры Доброй Воли в Сиэтле. Дальнейшее развитие событий напоминало театр абсурда. Узнав, что Бубка не приедет в США, американцы взбунтовались и потребовали от советских функционеров объяснений. Сергея срочно вызвали в Штаты, якобы только для того, чтобы он дал пресс-конференцию. Но сразу же после прилета руководители советской делегации начали уговаривать

спортсмена… сыграть перед зрителями спектакль «Сергей Бубка получает травму при разбеге». «Вы хотя бы для виду пробегите, – просили Бубку, – а потом схватитесь за ногу или спину, будто у вас травма». Естественно, что спортсмен играть в такие игры отказался. Сразу же после возвращения домой в прессе начала разворачиваться кампания по дискредитации Сергея, мол, «зазнавшийся Бубка не хочет выступать за сборную СССР и думает только о деньгах». О деньгах, кстати, заговорили не случайно. За мировой рекорд Бубка получал от спорткомитета около тысячи рублей. Неплохие, по советским меркам, деньги, но если их сравнить с призовыми зарубежных спортсменов… Однако и такие суммы кому-то показались чрезмерными. Один из спортивных руководителей однажды так прямо и сказал: «Что-то Бубка слишком часто рекорды устанавливает, ему за них совсем не надо платить, а то он, не ровен час, богатым человеком станет». Обстановка вокруг спортсмена начала накаляться, и только благодаря вмешательству главы Госкомспорта Русака, который, к счастью, оказался разумным человеком, дальше нескольких публикаций дело не пошло.

Через пару лет государство под названием Союз Советских Социалистических Республик исчезло с карты мира. А вот частное предприятие Сергея Бубки продолжает существовать. Основной его задачей является организация и проведение в Донецке турнира «Звезды шеста», составной части проводимых во Франции ежегодных соревнований «Мастерс де ля перше». Первый раз «звезды шеста» собрались в Донецке 17 марта 1990 года. За все время существования этого турнира Бубка восемь раз поднимался на верхнюю ступень пьедестала почета. В Донецке Сергей трижды устанавливал мировой рекорд, в последний раз в 1994 году, взяв высоту, являющуюся абсолютным результатом за всю историю легкой атлетики, – 6 м 15 см. Но «Клуб Сергея Бубки» принимает у себя не только «звезд». Там занимаются около 300 детей под руководством опытных тренеров.

В начале девяностых годов Бубка на какое-то время переселился в Монако. На вопрос, почему он выбрал именно Монако, чемпион однажды ответил: «Просто очень красивое место. Круглый год, можно сказать, лето-весна. Если солнечный день, то летом плюс 20. Шикарные условия для тренировок. Очень удобно, легко перемещаться по Европе и миру. Плюс очень удобные налоговые условия». Но ни о какой смене гражданства и окончательном и бесповоротном отъезде за границу речи не было – Сергей оставался советским гражданином, а после развала Союза принял украинское подданство.

После некоторого спада в 1990 году (Бубка всерьез отметился

только раз, установив в Донецке мировой рекорд для залов) в 1991-м мир вновь увидел прежнего Бубку. Четыре раза Сергей улучшал высшее мировое достижение: 6,07 – Шизуока, 6,08 – Москва, 6,09 – Формия, 6,10 – Мальме. Четырежды обновлял мировой рекорд для залов: Волгоград – 6,08, Сан-Себастьян – 6,10, Донецк – 6,11, Гренобль – 6,12. На чемпионате мира в Токио рекорд поставлен не был, Бубка победил с результатом 5,95, но в последней попытке он перелетел с таким невероятным запасом, что японцы решили подсчитать, на какой же высоте реально был Сергей. Хитроумные японские компьютеры показали, что Бубка преодолел бы планку на высоте 6 м 37 см…

«Сергей Бубка… Кто-то считает его претендентом № 1 на победу в Барселоне. Это неправильно – Бубка не претендент. В том, что он завоюет «золото» Олимпиады, не может быть никаких сомнений. Вопрос только в том, с каким результатом он победит», – так многие журналисты описывали ситуацию в секторе для прыжков с шестом. По популярности в Барселоне с Бубкой могла сравниться, пожалуй, только знаменитая «Dream Team» (баскетбольная сборная США, составленная из лучших игроков НБА) во главе с Майклом Джорданом. 25 июля, в день открытия Игр, на совместную пресс-конференцию Бубки и Джордана пришло более тысячи (!) журналистов. Кстати, Сергей и Майкл не раз встречались после Барселоны, и Бубка всегда с уважением отзывался о великом баскетболисте: «Джордан мне очень понравился своим отношением к людям, к простым сотрудникам клуба. Он держится просто и непринужденно. Мне всегда нравятся спортсмены, которые не только в спорте показывают выдающиеся результаты, но и остаются простыми людьми».

На закате карьеры Бубку часто называли «человек-сюрприз». Его списывали со счетов, провожали на покой, он долго не выступал, лечил травмы и вдруг возвращался в сектор и выигрывал, в очередной раз доказывая всем, что он на голову выше своих соперников. Но, к сожалению, были в жизни Сергея Бубки и сюрпризы совершенно иного рода. Прежде всего, это касается выступлений Сергея на Олимпиадах. И если поражения в Атланте и Сиднее можно хоть как-то понять и объяснить объективными причинами, то провал в Барселоне был совершенно необъяснимым – Бубка, рекордсмен мира, олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира, восемь лет безоговорочно доминировавший в секторе для прыжков с шестом, не взял начальную высоту 5 м 70 см…

Нам, болельщикам, почему-то кажется, что великие

чемпионы, с одной стороны, должны быть простыми, скромными, честными и порядочными людьми (хотя, положа руку на сердце, многие ли из нас могут совершенно однозначно так сказать о себе), а с другой – постоянно, каждый раз безошибочно забивать голы, метать как можно дальше снаряды и прыгать всегда красиво и как можно выше. Ну не может ошибаться Бубка, не может и все тут. Мы можем, у нас бывают неудачные дни, а у него их быть не должно…

После Барселоны отношение к Бубке резко изменилось – из «спортивного героя планеты» он превратился в «главного неудачника Олимпийских игр». Пожалуй, он впервые почувствовал на себе, что это такое, когда тебя критикует весь мир. Кто-то, не умаляя заслуг Бубки, справедливо говорил о том, что в Барселоне он не проявил характер и сдался без боя. Но, к сожалению, поражение в Барселоне дало отличный повод завистникам и критиканам как можно больнее ударить спортсмена. «Я человек, а не машина. Я признавался лучшим спортсменом мира среди всех видов спорта. Это история и ее не перечеркнуть, – отвечал Бубка на все упреки. – Я никому не сделал ничего плохого. А людей завидующих мне, откровенно говоря, жалко. Надо радоваться прекрасному, делать добро. Если каждый из нас будет уважать и любить ближнего, мы будем счастливее. Мы не задумываемся, когда по мелочам огорчаем друг друга – на улице, в транспорте. А в целом я никогда не был злым, я стремился побеждать с любовью в душе».

Вскоре Сергей вновь доказал всему миру, что именно он является лучшим шестовиком планеты. В 1993 году в Донецке на соревнованиях «Звезды шеста» он установил феноменальный мировой рекорд, который уже одиннадцать лет остается незыблемым – 6 м 15 см. Годом позже на стадионе в Сестриере «король шеста» взял 6 м 14 см. Этот результат до сих пор остается высшим мировым достижением для открытых стадионов. Дважды Бубка был сильнейшим на чемпионатах мира по легкой атлетике – в 1993 году в Штутгарте, в 1995-м – в Гетеборге. Казалось, все шло к тому, что лучший шестовик планеты в Атланте без проблем завоюет свою вторую золотую олимпийскую медаль…

В Атланту Сергей прилетел в отличной форме и прекрасном настроении. За неделю до старта его соперники пребывали в унынии, видя, как он на тренировках берет высоту на уровне 6,20 и даже 6,30. Очевидно, конкуренты и не помышляли о борьбе за первое место. Но вдруг Сергей почувствовал сильнейшую боль в правой ноге. Оказалось, что произошел надрыв ахиллового сухожилия. Сергей с трудом передвигался, о прыжках и «золоте» Олимпиады пришлось забыть…

После Атланты Бубка стал подумывать о завершении спортивной карьеры. «После Атланты находить в себе силы вернуться на стадион, продолжать борьбу стало очень тяжело, – рассказывал Сергей Назарович в интервью каналу НТВ+. – Реабилитационный период очень истощает нервную систему. У меня не было прежнего запала, не хватало куража. Я был в шоке». В этот момент Сергей вновь решил обратиться к Рудольфу Загайнову. «Мне позвонил Бубка и сказал, что ахилл на его ноге на 80 % чужой и что он собирается бросать спорт, – рассказывал психолог. – Я ответил ему любимой фразой знаменитого тренера фигуристов Станислава Жука, с которым долго работал: «Бросить всегда успеешь» и посоветовал держать в голове, что он, Бубка, на чемпионатах мира никогда и никому не проигрывал, и думать только о своих прыжках…»

И Бубка решил-таки продолжить выступления. Конечно, он мог бросить спорт, уже тогда полностью уйти в бизнес или в спортивные чиновники. Но великий спортсмен чувствовал, что еще не все сделал в секторе и еще может прыгать, несмотря на возраст и травмы. Такой уж у него характер. «Удивительно, что Бубка, фактически имея все, сохранил страшную мотивацию, – сказал однажды Игорь Тер-Ованесян. – Я себе иногда задаю вопрос: это он из-за денег? Конечно же да. Но не только. Есть что-то другое, что им движет и как раз и делает Бубкой, которого все боятся». Перед чемпионатом мира по легкой атлетике 1997 года в Афинах сложилась уникальная ситуация – впервые за много лет Бубка не считался главным претендентом на «золото». Безусловным фаворитом был российский шестовик Максим Тарасов. Наверное, Максим в душе сам верил в свою победу. Он был лидером сезона, очень стабильно и высоко прыгал на многих соревнованиях, а Бубка после Олимпиады в Атланте в секторе почти не показывался…

«Когда Бубка в ударе – соревноваться с этим уникальным спортсменом бесполезно», – сказал Максим Тарасов после окончания соревнований. Максим очень хотел победить, но «король шеста» был сильнее. Бубка выиграл шестой чемпионат мира подряд, причем в Афинах победил, установив новый рекорд мировых первенств – 6,01! Достижение украинского шестовика действительно уникально, вряд ли кому-то в ближайшем будущем удастся его повторить.

Перед Олимпиадой в Сиднее Бубка не демонстрировал выдающихся прыжков, но, тем не менее, его считали одним из главных претендентов на «золото». Возраст возрастом, но на чемпионате мира в Афинах он показал всем, что может собраться в нужный момент и выдать, если и не мировой рекорд, то, по

крайней мере, очень высокий прыжок в районе шести метров.

Активную подготовку к Олимпийским играм Бубка начал весной 2000 года. К маю он вышел на хороший уровень, но 22-го числа потянул ногу. Опять разболелся ахилл, беспокоивший его в последние годы. Неделя ушла на лечение, затем Бубка возобновил тренировки и… опять получил травму. И так несколько раз, подготовка Сергея проходила по бесконечному циклу: травма – лечение – тренировки – опять травма…

В начале сентября, за несколько дней до поездки в Австралию, врачам удалось-таки погасить воспалительный процесс. На заключительных тренировках Бубка показывал очень приличные результаты. Сам он говорил, что готов прыгнуть на 5,90, а может быть и на 6 метров. С ногой вроде бы все было в порядке, спортсмен прилетел в Сидней и… подхватил простуду. Пришлось принимать сильнодействующие антибиотики. Сергей чувствовал себя неважно, но все-таки вышел в сектор. К сожалению, в Сиднее произошло то же, что и в Барселоне и Атланте. Бубка не сумел преодолеть квалификационную высоту и выбыл из соревнований.

На пресс-конференции спортсмен, не пытаясь оправдываться, объяснил причины неудачи: «Видимо, сказались травмы, преследовавшие меня в последнее время, и простуда. И, как назло, на квалификации стояла хорошая погода, но к девяти часам вечера, когда я должен был выступать, поднялся ветер. Я прыгал при встречном ветре. Думаю, также не нужно было менять шест. Он оказался слишком мягким. Однако все эти мои доводы не оправдывают поражения. Спортсмен должен быть всегда на высоте. Жаль, что спортивную карьеру пришлось закончить на такой неудачной ноте».

4 февраля 2001 года был опубликован Указ Президента Украины Леонида Кучмы о награждении Сергея Назаровича Бубки званием Герой Украины. В этот же день в Донецке состоялся XII турнир «Звезды шеста». Поклонники таланта великого спортсмена в последний раз увидели его в секторе для прыжков с шестом.

После завершения спортивной части в зале погас свет. Лучи лазеров осветили сектор для прыжков и планку, установленную на высоте мирового рекорда – 6 м 15 см. Высвеченная лучами фигура спортсмена перелетела над планкой и приземлилась на маты. А через секунду зажегся свет, и зрители увидели Сергея Бубку, в спортивной форме, с шестом. Он вышел на дорожку, примерился к прыжку, медленно подошел к планке и посмотрел вверх. Затем положил шест, снял кроссовки и положил их в сумку…

Сцена прощания была очень трогательной, многие зрители в этот момент не могли удержать слез. Да и сам Сергей Назарович с трудом сдерживал эмоции: «Моя биография в качестве спортсмена завершилась, – сказал он в заключение. – Но я не ухожу. Мои мечты и дела навсегда будут связаны с большим спортом. Извините, слезы накатываются на глаза… Все привыкли видеть Бубку с каменным лицом, но я такой же человек, как и все вы. Повторяю, я не ушел и остаюсь верен спорту».

Действительно он и сейчас неразрывно связан со спортом. Сергей Бубка является членом исполкома МОК, председателем атлетической комиссии МОК, членом совета Международной ассоциации легкоатлетических федераций, членом исполкома НОК Украины, президентом комиссии спортсменов Европейского олимпийского комитета. Сергей Назарович занимается бизнесом. Его фирма распространяет дрожжи известной французской торговой марки и имеет собственную пекарню.

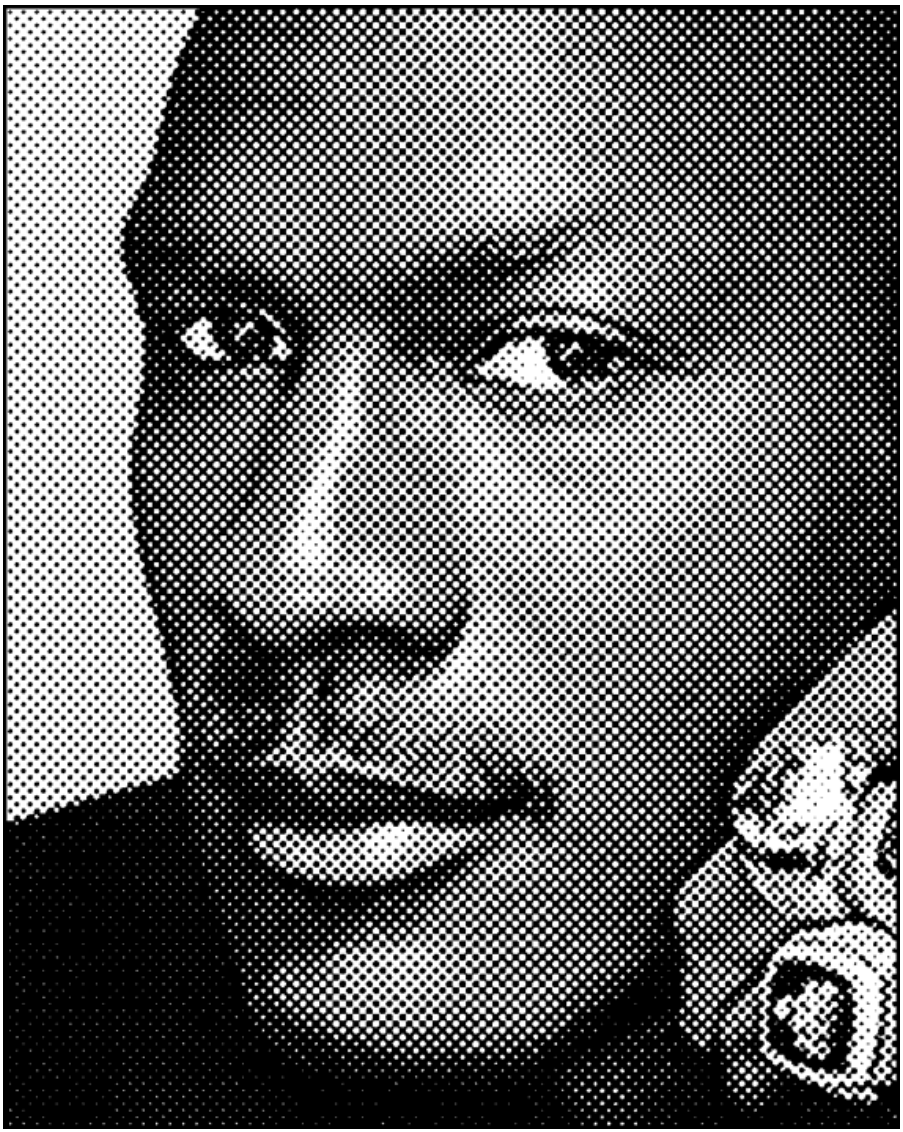
С недавних пор Сергей Бубка решил стать политиком. Он является депутатом Верховной Рады Украины от блока «За одину Україну!», работает в Комитете по вопросам молодежной политики, физической культуры, спорта и туризма. А в 2004 году в английской газете «Индепендент» появилось сообщение о том, что Сергей Назарович в ближайшие годы может выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента Украины. К сожалению, прошедшая президентская кампания доказала справедливость изречения Отто фон Бисмарка: «Тот, кто хотя бы раз видел, как делается колбаса и как делается политика, никогда не станет есть колбасу и не будет заниматься политикой». Так что решится ли Бубка на такой шаг – неизвестно…

Не хочется завершать рассказ о великом спортсмене на грустной ноте. Жизнь прекрасна и постоянно подбрасывает поводы для веселья. Немало курьезов и анекдотичных случаев было связано и с именем Сергея Бубки. Вот один из них. Однажды некая американская газета «порадовала» мир очередной сенсацией. Американским «акулам пера» удалось ни много ни мало раскрыть секрет феноменальных побед Сергея Бубки. Журналисты искренне полагали (отметим, что тот номер газеты вышел не 1 апреля), что вся сила Бубки заключена… в борще. «Бубка ест каждый день густой красный суп – на Украине он называется «борщ», – говорилось в статье. – Этот «борщ» Бубка варит по собственному рецепту. Главное достоинство «борща» в том, что он красного цвета…» Так и видишь картину – Бубка или, например, Яна Клочкова выпивает стакан первака, закусывает салом с чесноком, ест наваристый борщ, после чего идет на

стадион и разбивает в пух и прах всех заокеанских соперников…

Борщ – средство действительно чудодейственное, но не до такой степени. Секрет Сергея Бубки – в сочетании огромного таланта и невероятного трудолюбия, желания добиться поставленной цели. Такие спортсмены уникальны, они рождаются раз в столетие, а может быть, и вообще раз за историю…

Майкл Джордан



Жил-был на свете маленький мальчик. Он с детства хотел играть в баскетбол, а когда вырос, его приняли в команду школы «Элмси Лени», что в городке Уилмингтон, штат Северная Каролина. Однажды местная университетская команда в преддверии предстоящего первенства штата решила взять к себе перспективного новичка. Он был почти уверен, что выбор падет именно на него, но тренер Фред Линч сказал ему:

– Слушай, они выбрали Лероя Смита. Я знаю, что ты играешь не хуже него, но ты еще мал, да и ростом Лерой гораздо тебя

выше. Так что извини…

Но парень был упрям и не отказался от своей мечты. «Я решил, что это больше не должно повториться, – сказал он себе. – Я должен стать лучшим. Самым лучшим. Быть первым. И я начал работать над своей техникой с удвоенной энергией. Я выкладывался на двести процентов и работал так, как никогда раньше не работал». Звали его Майкл Джордан…

20 апреля 1986 года состоялась очередная игра плей-офф между «Чикаго Буллз» и «Бостон Селтикс». В победе бостонцев никто не сомневался. Еще бы, ведь, кроме всего прочего, за «Селтикс» играл сам Ларри Берд – обладатель титула «Самый ценный игрок регулярного чемпионата» последних трех лет. После матча Ларри не скрывал своих чувств:

– 63 очка – это фантастика. Мы проиграли, но что мы могли поделать, ведь против нас в обличье Джордана играл сам бог…

Будущий король баскетбола, «Его Воздушество» Майкл Джеффри Джордан родился 17 февраля 1963 года в Нью-Йорке. Через два года после рождения Майкла семья Джорданов перебралась из Нью-Йорка в Северную Каролину, в маленький городок Уилмингтон. Майкл рос в многодетной негритянской семье. Его отец, Джеймс Джордан, работал электриком, мать – служащей в банке. Семья была не то чтобы совсем нищей, однако доходов родителей хватало только на самое необходимое. До 16 лет у будущего мультимиллионера Майкла Джордана не было даже велосипеда.

В детстве Майкл пережил несколько моментов, когда, как говорится, «еще чуть-чуть и…» Собственно говоря, неприятности начались еще до его рождения. Когда Долорес Джордан была на сносях, неожиданно скончалась ее мать. Женщина настолько сильно переживала смерть близкого человека, что врачи всерьез опасались выкидыша. Майкл все-таки появился на свет, однако в первые же минуты жизни до смерти напугал родственников и врачей – у новорожденного из носа фонтаном хлынула кровь. Его выходили, однако на этом неприятности маленького Майкла не закончились. Мальчику было чуть больше года, когда он упал лицом вниз на родительскую кровать и чуть не задохнулся. Чуть позже, после переезда Джорданов в Северную Каролину, в дождливый день Майкл крутился возле машины, которую ремонтировал его отец. Неожиданно порывом ветра оборвало электрический провод. Разряд был настолько сильным, что ребенка, очутившегося рядом с проводом, буквально отшвырнуло на два метра от машины. Еще одно страшное потрясение Майкл пережил в восьмилетнем возрасте. Во время купания его и

приятеля подхватило сильное подводное течение. Ребят потянуло ко дну. «Мне повезло, я сумел вырваться и доплыл до берега, – вспоминал Майкл, – а вот мой друг не вернулся. У меня просто не было сил спасти его».

В биографии многих американских чернокожих спортсменов можно встретить эпизоды, связанные с расистским отношением к ним. Не стал исключением и Майкл. Однажды он поспорил с одноклассницей из-за места в школьном автобусе. Белая девочка назвала его «грязным ниггером» и плюнула прямо в лицо. Он не стерпел и в ответ запустил в обидчицу бутылкой с лимонадом. За это его исключили из школы. Единственным утешением стало то, что родители сказали ему: «Майкл, ты поступил правильно…»

К счастью, в детстве Майкла были не только трагедии, несчастные случаи и ненависть со стороны одноклассников. Когда ему было пять лет, он впервые увидел по телевизору, как крепкие высокие парни играют в баскетбол. «Я впервые увидел баскетбол и захотел, так же как и профессионалы NBA, научиться забивать мяч в кольцо сверху». Однако отец хотел, чтобы сын стал бейсболистом. Да и ростом Майкл не вышел, сказалась наследственность – предки Джордана по линии отца были невысокого роста. До 12 лет мальчик занимался одновременно бейсболом, баскетболом и американским футболом. И все же поначалу на первом месте был бейсбол, в 12 лет Майкл получил титул лучшего игрока детской лиги, а его фото напечатали в местных газетах. Сам Джордан даже не может вспомнить, когда именно он решил посвятить себя баскетболу. «Майкл просто играл в свое удовольствие и ничуть не задумывался о возможной карьере, – вспоминал тренер школы «Элмси Лени» Фред Линч, под руководством которого Майкл всерьез начал заниматься баскетболом. – Но от сверстников его всегда отличали две вещи. Во-первых, я сразу заметил, что Майкл – спортсмен по натуре. Настоящий спортсмен. Он ненавидел проигрывать и, выходя на площадку, всякий раз выкладывался на все сто процентов. И во-вторых, он всегда знал, что может рассчитывать на поддержку со стороны семьи. Родители приходили на все игры с его участием. И они всегда находили за что его похвалить, пускай даже наша команда проигрывала матч, а сам Майкл выглядел неважно».

Возможно, психологию будущего великого баскетболиста изменили два случая, после которых он решил, что баскетбол – это его дорога к успеху в жизни. Во-первых, описанная в самом начале статьи ситуация, когда Майкла не взяли в университетскую команду. А во-вторых, однажды парню пришлось испытать, что такое тяжелая неблагодарная работа и мизерная зарплата за эту работу. Отец устроил Майкла в отель

подсобным рабочим. Он менял лампочки в номерах, чистил бассейны, красил ограду. А когда получил на руки несколько сот долларов, с горечью в голосе сказал родителям: «Никогда в жизни я не буду заниматься такой работой!»

Из-за небольшого роста тренеры долго держали Майкла в команде юниоров. Однако его желание пробиться в основной состав было так велико, что он вознамерился победить саму Природу. И добился-таки своего! Маленький рост? Это не проблема для человека с таким характером – выполняя специальные упражнения на растяжку Майкл за год подрос больше чем на 10 (!) сантиметров. «Когда Майкл учился в 9-м классе, его рост был около 180 см, – рассказывал Фред Линч. – Он хотел выходить на площадку в стартовой пятерке, но не мог играть так же сильно, как старшеклассники. И у Майкла появилось желание непременно добиться успеха. В течение года он доказал своим трудом и своей игрой, что именно он является лучшим игроком школьной команды. А через пару лет Джордан стал не просто лучшим игроком школы, он был признан лучшим игроком штата Северная Каролина и одним из десяти лучших спортсменов среди школьников Америки». Интересно, что с годами Майкл не изменил своей психологии победителя, причем не только в баскетболе, но и в любой другой игре. Он не раз доказывал это на баскетбольной площадке, но наиболее ярко характер Джордана иллюстрирует курьезный случай, рассказанный Чаком Дэйли, тренером олимпийской сборной США, выступавшей на Играх в Барселоне. В столице Олимпиады американская команда поселилась в гостинице, рядом с которой находилось поле для гольфа. В свободный от игр день два больших любителя гольфа, Чак Дэйли и Майкл Джордан, решили сыграть несколько партий. Тренер выиграл, однако Майкл потребовал реванш. Чак Дэйли согласился и попросил перенести встречу на следующий день. А теперь представьте, что в четыре часа утра вы слышите настойчивый стук в дверь вашего гостиничного номера. Ничего не соображая спросонья, вы открываете дверь и видите перед собой человека с клюшками для гольфа… Нетрудно себе представить, что вы подумаете об этом человеке. Наверняка Чак Дэйли решил, что Майкл слегка тронулся, когда увидел его рано утром на пороге своего номера. Однако Джордан даже не подумал извиниться за столь ранний визит. «Ты сказал, что завтра я смогу отыграться. Завтра уже наступило. Так что давай, одевайся и побыстрее, а то мне еще сегодня выходить на площадку…»

Беззаветно отдаваясь любимой игре, Майкл на какое-то время забыл, что кроме баскетбола ему нужно еще посещать занятия в

обычной школе. Последовало несколько серьезных разговоров с родителями, и парню пришлось взяться за ум и закончить школу. Успехи Майкла на школьной баскетбольной площадке привлекли внимание тренеров университетских баскетбольных команд. Джордан получил предложения от нескольких университетов Америки, однако решил не уезжать далеко от дома и остановил свой выбор на университете штата Северная Каролина.

В 1981 году он дебютировал в студенческой лиге NCAA. Ему не сразу удалось добиться места в основном составе, однако упорство и настойчивость Джордана не могли не понравиться тренеру Дину Смиту. «У Майкла постоянно присутствовало желание улучшать свою игру, – вспоминал Дин Смит. – На каждой тренировке он старался научиться чему-то новому, освоить новый финт, улучшить бросок, отработать до автоматизма новую комбинацию. А то, что Майкл проделывал на площадке, уже тогда принесло ему прозвище «Air Jordan» (летающий, воздушный Джордан). На тренировках он вместе со своими партнерами отрабатывал различные комбинации. Но зато после тренировок, в раздевалке, Майкл нередко поддевал их, напоминая, какие мячи он забивал сверху в кольцо через их головы. Однако на эти шутки никто не злился, наоборот, Джордан всегда был общим любимцем».

Впервые «звездный час» Майкла Джордана наступил 29 марта 1982 года. Его команда университета Северной Каролины играла в финале студенческой лиги с Джорджтаунским университетом. Решающий бросок Майкла за пару секунд до финальной сирены принес победу его команде со счетом 63:62, а ему лично – первый титул в его долгой спортивной карьере. В следующих двух сезонах Майкла признавали лучшим игроком США среди студентов, а его команда была сильнейшей в NCAA.

Быть худшим – это хорошо или плохо? Ответ, на первый взгляд, лежит на поверхности – неудачников нигде не любят, а особенно в Америке. Но для аутсайдеров в НБА есть одно очень весомое утешение – право выбора первых номеров на драфте. Вообще-то драфт – понятие сугубо американское, в русском языке даже нет точного перевода этого слова. Приблизительно «драфт» можно перевести как «ежегодная предсезонная процедура выбора клубами НБА новичков согласно местам, занятым командами в прошедшем сезоне». На драфте команды, занявшие в регулярном чемпионате место в конце турнирной таблицы, получают право преимущественного выбора игроков. Получается, что ответ на поставленный нами вопрос не так однозначен – лучшие игроки студенческих лиг оказываются, в подавляющем большинстве

случаев, в слабых командах, но с другой стороны, аутсайдеры чемпионата имеют возможность серьезно усилить свой состав.

Перед началом каждого сезона драфт и его итоги являются темой № 1 в баскетбольном мире Америки. В 1984 году право выбора первого номера досталось «Хьюстон Рокитс», второго – «Портленд Трейл Блэйзерс», третьего – «Чикаго Буллз». «Хьюстон» выбрал Хакима Оладжьювона (ставшего впоследствии одним из лучших центровых НБА), «Портленд» – Сэма Боуи (не добившегося в НБА значительных успехов), а «Чикаго» – выпускника университета Северная Каролина Майкла Джордана…

Сейчас может показаться, что менеджеры и тренеры «Хьюстона» и «Портленда» ошиблись и сами лишили себя возможности заполучить в команду будущего лучшего игрока планеты. Но это только на первый взгляд – студенческий баскетбол, конечно, хорош, но это не НБА, где требования к игрокам совершенно иные. Вот как вспоминал о молодом Джордане тренер «Чикаго» Фил Джексон: «Майкл, конечно, в молодости выглядел неплохо, однако и недостатков у него хватало. Например, техника броска поначалу была просто отвратительной. Да с таким дальним броском атакующему защитнику в NBA просто нечего делать!» Вот как! Оказывается, что Майкл Джордан отнюдь не родился баскетбольным гением, умеющим на площадке абсолютно все. Но послушаем дальше Фила Джексона, объясняющего откуда взялась эта гениальность: «Он оставался после тренировок – и бросал по кольцу. Сто, двести, триста раз. Пока не стал бросать лучше всех. А еще ежедневно смотрел по видео записи игры своих будущих оппонентов, чтобы изучить их стиль и быть лучшим в защите».

В том же 1984 году Майкл попал в олимпийскую сборную США. В команде, выступавшей на Играх в Лос-Анджелесе, он играл на позиции атакующего защитника. В финале Олимпиады сборная США, составленная из новичков НБА, обыграла испанскую команду со счетом 101:68. На послематчевой пресс-конференции тренер сборной Испании сказал о Джордане: «Это что-то выходящее за рамки человеческих возможностей. Такое впечатление, что Джордан сделан из резины…»

В начале 1980-х годов «Чикаго Буллз» представляли собой весьма жалкое зрелище. Команда постоянно плелась в хвосте турнирной таблицы и не попадала в плей-офф. Конечно, приход Майкла не изменил ситуацию в один миг, однако игра 23-го номера вселила в болельщиков «Буллз» определенные надежды. Кстати, выбор знаменитого на весь мир номера 23 не случаен. Старший брат Майкла Лэрри, обучавший Майкла азам

баскетбольного искусства, играл за школьную команду под 45-м номером. Майкл тоже хотел этот номер, но, естественно, на площадке не могло быть двух игроков одной команды с одинаковым номером. Поэтому Майкл взял себе половину – 22,5 и свел его к 23. В конце чемпионата Майкл получил титул «Rookie of the Year», приз лучшему новичку, и был выбран в первую команду «Матча всех звезд НБА».

Несмотря на такое многообещающее начало, старт следующего сезона оказался для него неудачным. До 29 октября 1985 года Майкл ни разу не пропускал игру из-за травм, ни в школе, ни в университете. Но в спорте, к сожалению, не обходится без неприятностей. В тот злополучный день, во время третьей игры сезона против «Голден Стейт Уорриорз», Майкл неудачно приземлился и почувствовал, что не сможет продолжать игру. «Я сразу понял, что это серьезная травма, – вспоминал Джордан. – Боль была очень сильной. Из-за этой боли я был вынужден уйти с площадки». Рентгеновское обследование показало, что в кости левой ноги образовались большие трещины, фактически Майкл сломал ногу. Кость заживала медленно, по словам врачей, полное выздоровление могло занять около полугода. Спортсмену сделали операцию, в поврежденную кость были вставлены металлические скобы.

В конце февраля Майкл смог приступить к тренировкам, сначала по индивидуальному графику, а затем вместе с командой. В начале марта осмотр показал, что заживление проходит нормально и кость практически срослась, однако существует 10 %-ная опасность повторного перелома. Майкл рвался выйти на площадку, однако руководство «Чикаго» согласилось с позицией врачей и рекомендовало Джордану не торопить события и выйти на площадку уже в следующем сезоне. После этой рекомендации (которая фактически была приказом) в стане «Чикаго» произошел небольшой бунт, зачинщиком которого был, естественно, Джордан. «Меня все эти разговоры о какой-то 10 %-ной опасности для левой ноги просто бесят. Ведь врачи мне сами сказали, что кость срослась, а мускулы на левой ноге даже крепче, чем на неповрежденной правой. О чем тут думать? И даже если есть минимальная опасность, какие-то 10 %, то что тогда делать с 90 % того, что все будет нормально?» Джордан потребовал встречи лечащих врачей с руководством команды и таки добился своего. Майкла выписали из списка травмированных, разрешили выходить на площадку, ограничив, правда, время пребывания в игре 14 минутами в матче. И за этим ограничением боссы «Чикаго» следили очень строго – когда во время одного из матчей Майкл провел на площадке на 50 секунд

больше положенного времени, тренер «Буллз» Даг Коллинз выслушал немало неприятного от руководства.

Регулярный чемпионат «Чикаго» закончил на восьмом месте в своей конференции с результатом 32 победы и 50 поражений. С трудом, но «Буллз» все-таки удалось зацепиться за плей-офф. После нескольких неудачных сезонов это можно было считать успехом. Однако даже самые ярые поклонники «Чикаго» не верили в то, что их команде удастся пройти дальше первого раунда, ведь их ждал сильнейший клуб НБА того времени «Бостон Селтикс».

С тех пор прошло почти двадцать лет, но эту серию поклонники баскетбола вспоминают едва ли не чаще, чем матчи за звание чемпиона НБА. В победе «Бостона» никто не сомневался. Так оно и случилось, «Селтикс» выиграли серию, однако чикагцы смогли дать настоящий бой грозному сопернику. И конечно же, главным действующим лицом в составе «Буллз» был Майкл Джордан. Чудеса, которые он вытворял на площадке, заставили говорить о нем исключительно в превосходной степени.

В первой игре, состоявшейся 17 апреля 1985 года, Майкл набрал 49 очков. И хотя «Бостон» выиграл 123:104, тренер «Селтикс» Кей Си Джонс был изрядно взволнован. «Перед серией с «Чикаго» я знал, что у нас будет только одна проблема – Майкл Джордан, – говорил Джонс. – Нам пришлось изменить привычную тактику защиты. Мы работали над «ловушками», двойным отбором и различными схемами обороны против Майкла. Я был вынужден бросать против него нескольких ребят, но он все равно делал, что хотел. Он атаковал через наших центровых Кевина Макхейла и Роберта Пэриша и постоянно попадал. Он поднял игру на совершенно новый уровень. Это было невероятно».

Вторая игра показала, что все попытки «бостонцев» сдержать Майкла абсолютно бесполезны. Об этом говорит хотя бы сухой статистический отчет о его игре в матче. Майкл провел на площадке 53 минуты, забил 22 из своих 41 броска с игры, 19 из 21 броска со штрафной линии. Итог – 63 очка и новый рекорд НБА, который не побит до сих пор, по результативности в играх плей-офф. Но рекорд рекордом, а победы «Буллз» так и не добились. И что самое интересное, в этом проигрыше Джордан винит прежде всего себя. «Я запомнил этот промах сильнее, чем какой бы то ни было другой в своей карьере», – сказал Майкл о моменте, когда он за несколько секунд до окончания первого овертайма при счете 125:125 промахнулся с четырех метров. Во второй дополнительной пятиминутке «Бостон» вырвался вперед на четыре очка, но два точных броска Майкла за минуту до конца

восстановили равновесие 131:131. И все же «Бостон» додавил «Чикаго». Финальная сирена зафиксировала окончательный счет матча 135:131.

«Эти 63 очка ничего не значат, – сказал Джордан после игры. – Лучше бы я не набрал ни одного очка, но мы бы при этом выиграли. Я просто очень хотел выиграть. Возможно, лет через пятнадцать я вспомню эту игру и пойму, что это фантастическое достижение, но сегодня я просто хотел победить». В этих словах – весь Джордан. Его нельзя назвать очень скромным, однако он всегда критически оценивает свою игру и свои ошибки. Да, Майкл промахнулся в решающий момент, но не ошибается тот, кто ничего не делает. К тому же, если бы партнеры хотя бы чуть-чуть помогли Джордану в его фактически одиночной борьбе с «Бостоном», победа была бы на стороне «Чикаго». А вот что говорили об игре Джордана очевидцы. Журналист газеты «Бостон Глоб» Майкл Мадден: «Сильнейшие игроки «Бостона» вынуждены были заниматься не своими прямыми обязанностями, а нейтрализовать Джордана. Бесполезно, лучшая команда в современном баскетболе не смогла остановить одного игрока. Джордан делал, что хотел, проходил там, где ему нравилось. Этот матч стал наибольшим успехом одного игрока в истории плей-офф НБА». Центровой «Чикаго» Чарльз Оукли: «Я изучал статистику того матча и игры Джордана. Никогда цифры не говорили мне так много. Чем больше я изучал их, тем больше они гипнотизировали меня». Защитник «Бостона» Деннис Джонсон: «Мы ничего не могли поделать. Остановить Майкла в тот вечер было просто невозможно».

В сезоне 1986/87 года Майкл стал лидером «Чикаго Буллз». Он набрал 3041 очко за сезон (на тот момент – третий результат в истории НБА), при этом его средняя результативность составляла 37,1 очка за игру. В этом и на протяжении следующих шести первенств Майкл Джордан становился лучшим снайпером Ассоциации и избирался в символическую «Первую пятерку НБА». Тогда же, после победы в конкурсе «Slam-Dunk Champion», в соревновании по броскам сверху, американские СМИ «наградили» Майкла королевским титулом «Его Воздушество». И правда, полет Джордана – это не просто прыжок. Это «чудо», длившееся несколько секунд, в течение которых Майкл, облетая защитников, успевал несколько раз переложить мяч из одной руки в другую, приводило в бешеный восторг зрителей, журналистов и даже его соперников.

«Лучший защитник НБА», «Лидер НБА по перехватам», «Slam-Dunk Champion», «Самый полезный игрок матча всех звезд НБА», «Лидер НБА по средней результативности в регулярном

чемпионате и серии плей-офф и, наконец, «Most Valuable Player» (MVP) – «Самый ценный игрок сезона». Это далеко не полный список титулов, завоеванных Майклом в сезоне 1987/88 года. Титулов хватило бы на десяток баскетболистов, но сам Джордан, как и в случае с теми 63 очками в памятном матче с «Бостоном», поменял бы их на одно единственное звание – чемпиона НБА. Тренер «Буллз» Даг Коллинз однажды сказал: «Если Бог хотел создать идеального баскетболиста, то это Майкл Джордан». Однако скептики справедливо возражали, что игрок не может считаться великим, не став чемпионом.

В 1989 году в «Чикаго» пришел новый главный тренер – Фил Джексон. В 1973 году Джексон в качестве игрока «Нью-Йорк Никс» в первый и последний раз завоевал перстень чемпиона НБА. В то время игроки «Никс» в целом представляли собой весьма необычное зрелище, а Фил Джексон был, пожалуй, самым экстравагантным игроком в НБА – белый баскетболист с густой шевелюрой и бородкой, своим внешним видом напоминающий Джими Хендрикса. Джексон протестовал против войны во Вьетнаме, проповедовал идеи хиппи, дружил с самыми известными рок-музыкантами Америки. Конечно, со временем он изменился, превратился в респектабельного джентльмена, одного из самых богатых людей в НБА.

Джексону достался театр одного актера – на баскетбольной сцене блистал «Воздушный Джордан», окруженный статистами. Да, в команде был лидер, но в одиночку Майкл не мог справиться с сильнейшими клубами лиги. Фил Джексон понимал, что нужно менять командную стратегию, однако это было не просто. Во-первых, необходимо поменять психологию молодых игроков «Чикаго», привыкших играть на Майкла и боявшихся проявить инициативу и взять игру на себя. Во-вторых, Джексон попытался убедить Майкла в необходимости командной игры. Хоть и не сразу, но тренеру удалось это сделать.

В том же 1989 году Майкл Джордан женился на Хуаните Васкес. Вообще-то отношениям Майкла с женским полом можно посвятить целую книгу. Тема, может быть, не слишком приятная, и все же это часть жизни великого баскетболиста, и мы должны о ней рассказать. Не стоит делать из больших спортсменов эдаких безгрешных идолов, на самом деле это обычные люди со своими страстями и слабостями.

Почти сразу же после первого ухода Майкла из баскетбола (да простит нас читатель за то, что мы слегка нарушаем хронологию повествования и забегаем вперед) на американских обывателей обрушился вал публикаций, смысл которых

достаточно грубо, но точно можно передать словами: «Майкл Джордан – бабник!»

В юности Майкл был стеснительным парнем и к девушкам относился с опаской и некоторым трепетом. «Я потерял девственность в 18 лет – рассказывал прославленный баскетболист в интервью журналу «Плейбой». – У меня просто не было времени для девушек и свиданий. С утра до вечера я пропадал на баскетбольной площадке и в душе мечтал, чтобы какая-нибудь девчонка обратила на меня внимание!» Однако сразу же после зачисления в университет Северной Каролины и первых успехов в университетской команде Майкл начал отыгрываться за «бесцельно прожитые годы». По окончании первой игры Джордана в составе новой команды партнеры по команде устроили ему своеобразный обряд посвящения. Майкла отвезли в ближайший бордель, где он получил в подарок «ночь новичка» – возможность «поближе познакомиться» с двумя самыми лучшими девушками заведения.

Некоторое время Джордан вместе с партнерами совершал чуть ли не ежедневные набеги на стриптиз-бары и бордели, как дома, так и в других городах Америки, где приходилось играть его университетской команде. Однако вскоре Майкл «перебесился» и на какое-то время забыл дорогу к проституткам. Он без памяти влюбился в Донну Браун – лидера университетской группы поддержки. Донна носила коротенькую юбку и страстно размахивала помпонами во время игры – Майкл был сражен наповал. Они полгода встречались, собирались пожениться и уже начали искать себе отдельную квартиру, как вдруг произошла трагедия. Что же случилось и почему Донна так поступила, до конца не могут объяснить ни Майкл, ни кто-либо другой. Тело Донны Браун было найдено на берегу моря. Вскрытие показало, что она была на третьем месяце беременности, а вскоре нашли ее записку, адресованную Майклу Джордану: «Для тебя баскетбол всегда будет важнее, чем я. Я слишком сильно тебя люблю, чтобы смириться с этим». После известия о смерти Донны Майкл вдребезги разнес университетскую раздевалку, настолько сильно он был потрясен гибелью любимой. На похоронах, стоя возле гроба Донны, он плакал, как ребенок.

Майкл погоревал какое-то время, но вскоре жизнь взяла свое. Через месяц после гибели Донны Браун все вернулось «на круги своя». Черные, мулатки, метиски и даже миниатюрная экзотичная японка – баскетболист словно жил по принципу «каждую неделю – новая любовница!» Мало что изменилось и после перехода Джордана в «Чикаго Буллз». Основным местом «культурного» отдыха Майкла и его товарищей по команде стал знаменитый

чикагский стриптиз-бар «Крэйзи Герлс». За ночь Джордан умудрялся спускать по 10 тысяч долларов, засовывая стодолларовые купюры за подвязки стриптизерш. Так продолжалось пять лет, пока он не встретил Хуаниту Васкес…

Однажды Майкл с товарищами отмечал в ресторане очередную победу «Чикаго».

– Я прекрасно помню тот вечер. Мы все заказали себе одно и то же: картошку фри и по паре бифштексов, – рассказывал Джордан. – Все было как обычно – мы с приятелями сидели и болтали ни о чем. Собирались вечером пойти в бар. И тут ко мне подошла маленькая метиска и протянула руку.

– Меня зовут Хуанита Васкес. А вы – Майкл Джордан. Вот видите, я прекрасно знаю вас…

«Не знаю, зачем я это делаю, но я это делаю! В конце концов надо же когда-то жениться!». По этому отрывку из письма Майкла близкому другу, опубликованному в журнале «Нэшнл Экзаминер», нетрудно понять, как Джордан относился к своей женитьбе на Хуаните Васкес. И действительно, эта связь вызвала недоумение среди друзей Майкла, кое-кто даже предполагал, что Хуанита наверняка обладает колдовскими или гипнотическими способностями. А как иначе объяснить тот факт, что один из самых завидных женихов Америки, которого безуспешно пытались окрутить многие «светские львицы», например певицы Пола Абдул и Джанет Джексон, решил связать свою жизнь с не слишком привлекательной метиской, которая, к тому же была на пять лет старше Майкла.

«Не родись красивой, а родись настойчивой и упорной!» – несмотря на все препятствия, начинающий юрист Хуанита Васкес, отвадив всех конкуренток, 2 сентября 1989 года вышла замуж за Майкла Джордана. После свадьбы Майкл не изменил своим привычкам, однако Хуанита не слишком обращала внимание на похождения мужа. Она разумно полагала, что проститутки и стриптизерши, с которыми ее муж регулярно заводил кратковременные интрижки, не смогут повредить их семейной жизни. Хуанита родила Майклу троих детей – сыновей Джеффри Майкла и Маркуса Джеймса и дочь, которую родители назвали странным для девочки двойным именем Жасмин-Майкл. Некоторое время супруги соблюдали «пакт о ненападении» – Майкл не ввязывался в серьезные романы, Хуанита делала вид, что в их взаимоотношениях все благополучно.

Так продолжалось до тех пор, пока Джордан не обратил свое звездное внимание на Голливуд («роскошный цветник» или «рассадник порока» – это уж каждый судит исходя из своих моральных принципов). В «желтой» прессе с завидной

регулярностью появлялись признания какой-нибудь голливудской «звездочки», «звезды» или «супермегазвезды», в которых они наперебой рассказывали о своих сексуальных утехах с Майклом Джорданом. «Застрельщицей» стала актриса Кайли Аэрланд, главным достоинством которой был огромный (103 сантиметра в объеме) и якобы настоящий бюст. Ее статья «Я три месяца спала с “Его Воздушеством”», опубликованная в одном из эротических журналов, наделала немало шума. Дальше были актриса и модель Кармен Электра (будущая жена еще одного известного баскетболиста Денниса Родмана), звезда сериала «Спасатели Малибу» Трейси Бигхэм и многие другие.

Но что интересно, Хуанита Васкес, несмотря на свое горячее латиноамериканское происхождение, до поры до времени никак не реагировала на похождения мужа. После появления очередной разоблачительной статьи Майкл ожидал изрядного скандала с гневными речами, битьем посуды, вышвыриванием вещей в окно и тому подобными атрибутами семейной ссоры, однако ничего подобного не происходило. Поведение жены усыпило бдительность Майкла, он-то наивно полагал, что супруга и дальше будет терпеливо сносить его бесчисленные измены.

В конце 1998 года Майкл понял, как он ошибался. Хуанита наконец-то сделала свой ход, да такой, что Джордан оказался буквально загнанным в угол. Жена предъявила Майклу 167 (!) запротоколированных на фото– и видеопленку фактов супружеской измены. Можно себе только представить его состояние, ведь он ничего не подозревал о ведущемся за ним круглосуточном наблюдении (а ведь Майкл тратил более миллиона долларов в год на охранников, которые даже не догадывались о слежке за их хозяином). Конечно же, Хуанита сама за мужем не следила – по совету своей давней подруги Синтии Костнер (бывшей супруги знаменитого «телохранителя») она наняла целый взвод частных детективов, которые пятнадцать месяцев буквально следовали по пятам за Майклом. Детективы честно отработали свою зарплату – обширная коллекция свидетельств измены повергла лучшего баскетболиста планеты в шок.

«Или ты уходишь из баскетбола и становишься примерным мужем, или же вся Америка узнает, какой ты бабник!» – поставленный Хуанитой ультиматум не оставлял Майклу ни единой лазейки. Хуанита улетела на Багамские острова, а Джордан остался в Штатах. Целый месяц он консультировался со своими адвокатами, но никакого приемлемого для себя выхода найти не смог. Мало того, Хуанита пообещала опубликовать книгу, в которой обещала рассказать всей Америке о слишком

свободных нравах, царящих в «Чикаго Буллз» и других клубах НБА. Тут уже на Майкла стали давить боссы «Чикаго», требуя во чтобы то ни стало помириться с разгневанной супругой. В конце концов ему пришлось-таки лететь на Багамы.

В Штаты Джордан вернулся с порезанными пальцами. Он утверждал, что поранился ножом для сигар, но в эту версию мало кто поверил. Следившие за ним на Багамских островах журналисты не раз слышали доносящиеся крики из дома. Очевидно, во время одного из скандалов Хуанита все-таки дала выход своему латиноамериканскому темпераменту.

После этого Майкл второй раз ушел из баскетбола, правда, как оказалось, ненадолго. С телеэкранов и газет не сходило его улыбающееся лицо, в многочисленных интервью он говорил, что находится в прекрасной форме, но хочет уделять больше внимания любимой жене и обожаемым детям. Однако на этом история не заканчивается…

4 января 2002 года в суд одного из пригородов Чикаго поступило заявление от Хуаниты Джордан, в котором на шести страницах излагались «непреодолимые противоречия, приведшие к неизбежному разрыву отношений». В заявлении указывалась просьба оставить за супругой опеку над тремя детьми, загородный дом площадью 2700 квадратных метров и половину совместного состояния (по разным оценкам – от 300 миллионов до 2 миллиардов долларов). Адвокат Хуаниты Дон Шиллер через прессу советовал Майклу «не предпринимать бесполезных попыток к примирению». Однако тот, судя по всему, советов адвоката не послушался и сумел-таки добиться своего. В конце 2002 года тот же Дон Шиллер распространил совместное заявление Майкла и Хуаниты Джордан о том, что они отзывают заявления о разводе и намерены мирно решить свои проблемы. «Во многом наше примирение зависит от того, насколько будет уважаться наше право на частную жизнь», – отметили Майкл и Хуанита Джордан. Больше никаких комментариев со стороны супругов Джорданов не последовало…

Конечно же, это не самая приятная сторона жизни Майкла Джордана. Но все эти передряги практически не сказывались на его великолепной игре. Майкл стал самым результативным игроком регулярного чемпионата 1989/90 года (в среднем он забивал 33,6 очка за игру), а 28 марта 1990 года в игре с «Кливлендом» Джордан установил личный рекорд результативности – 69 очков. «Буллз» явно набирали обороты и казалось, что заветная мечта «Его Воздушества» – стать чемпионом НБА – исполнится уже в этом году. Команда без

проблем вышла в плей-офф, в первых двух раундах легко переиграла «Милуоки Бакс» и «Филадельфию Сиксерз», однако в труднейшем семиматчевом противостоянии проиграла «Детройту» и выбыла из борьбы.

В следующем сезоне «Буллз» в регулярном чемпионате одержали 61 победу в 82 играх, что оказалось лучшим результатом за всю историю клуба. Как всегда, Майкл получил массу титулов – он был выбран в «Команду всех звезд», в первую пятерку лучших игроков НБА, в первую пятерку лучших защитников, во второй раз в карьере получил титул MVP. И самое главное, впервые в своей истории «Буллз» во главе с Джорданом завоевали звание чемпионов НБА. В плей-офф соперники ничего не могли противопоставить «Чикаго» – подопечные Фила Джексона из 17 игр проиграли всего две. В финале со счетом 4:1 были повержены «Лос-Анджелес Лейкерс», а Джордан получил титул самого полезного игрока финалов НБА.

Не было равных «Чикаго» и в сезоне 1991/92 года. Выиграв 67 игр, «Буллз» улучшили рекорд клуба по количеству побед в регулярном чемпионате. Джордан снова стал лучшим снайпером чемпионата (30,1 очка за игру), получил, как обычно, несколько титулов. В плей-офф чикагцы убедительно переиграли поочередно «Майами Хитс», «Нью-Йорк Никс», «Кливленд Кавальерс» и в финале – «Портленд Трэйл Блейзерс».

В 1991 году Международный Олимпийский Комитет разрешил спортсменам-профессионалам участвовать в Олимпийских играх. Естественно, что американцы не могли не воспользоваться шансом гарантированно завоевать золотую медаль в баскетбольном турнире. В сборную США, прозванную журналистами «Dream Team» («Команда мечты»), вошли все лучшие игроки НБА: Майкл Джордан, Мэджик Джонсон, Ларри Берд, Чарльз Баркли, Скотти Пиппен, Клайд Дрекслер, Карл Мэлоун, Джон Стоктон, Патрик Юинг, Дэвид Робинсон, Крис Маллин. Что ни имя, то легенда баскетбола. Единственным игроком, не столь известным поклонникам баскетбола за пределами США, был студент университета Дьюк Кристиан Лейттнер. Посмотрев на состав «Dream Team», ни один здравомыслящий человек в мире не поставил бы на победу какой-то другой команды. Не питали надежд и соперники американцев. Впрочем, от сознания своей беспомощности перед «Командой мечты» игроки других сборных особенно не расстраивались. Им просто хотелось поиграть на одной площадке с лучшими баскетболистами мира, а после матча пожать руку и взять автограф на память. По большому счету, борьба за первое место в Олимпийском турнире напоминала скорее шоу, чем

соревнования.

Изрядно порезвившись в предварительном турнире (американцы набирали не меньше 117 очков за игру и ни разу не просили тайм-аут), сборная США дошла до финала, где их ждала команда Хорватии. В финальном матче, однако, была своя интрига. Нет, в победе американцев никто не сомневался, но вот с каким счетом они переиграют хорватов? Игроки «Dream Team» перед финалом заявляли, что «они не будут чувствовать себя полноценными олимпийскими чемпионами, если не выиграют с разницей в 50 очков». Но хорваты сумели дать бой (относительно разницы в счете, конечно, а не исхода матча) и проиграли с разрывом «всего» в 32 очка.

А в НБА продолжалось царствование «Чикаго». В сезоне 1992/93 года Джордан в седьмой раз подряд стал лучшим снайпером чемпионата, обойдя по этому показателю великого Уилта Чемберлена. В плей-офф «Чикаго» всухую переиграл сначала «Атланту», а затем «Кливленд». В решающей серии Восточной конференции «Буллз» одержали верх над «Нью-Йорком», а в финале НБА со счетом 4:2 выиграли у «Финикс Санс». В финальной серии Майкл набирал в среднем 41 (!) очко и неудивительно, что именно он в очередной раз был признан самым полезным игроком финалов НБА.

«Мы говорим Джордан – подразумеваем НБА, говорим НБА – подразумеваем Джордан!» Конечно же, это преувеличение, и без Джордана в НБА хватало великих игроков, но представить лучшую баскетбольную лигу мира без Майкла действительно невозможно. 1980—1990-е годы – это «эра Джордана». Для подавляющего большинства поклонников баскетбола во всем мире он стал эталоном идеального баскетболиста. И вдруг 6 октября 1993 года Майкл Джордан объявил о своем уходе из баскетбола. Это известие вызвало настоящий шок. «Как, почему, зачем?!! Ведь Майклу только 30 лет, ему еще играть и играть!» – задавали вопросы болельщики. Уход «Его Воздушества» поверг в уныние не только американцев. Журналист газеты «Спорт-Экспресс» Владимир Титоренко рассказывал, что в одном из московских вузов преподаватель английского языка, прочитав заявление Майкла, даже отменил занятия.

«Я не могу играть, когда моего отца нет в зале», – отвечал на все вопросы Джордан. 3 августа 1993 года был обнаружен труп Джеймса Джордана, пропавшего без вести две недели назад. Убийц вскоре задержали. Малолетние отморозки клялись, что никогда бы не совершили преступление, если бы знали, что перед ними отец их кумира. Горе Майкла было настолько сильным, что

он просто не видел смысла играть в баскетбол. Отец, самый близкий человек, хотел, чтобы сын стал бейсболистом. И Майкл решил выполнить волю отца…

Американцы любят статистику и подсчитывают все, что только можно подсчитать. Не стал исключением и завершившийся чемпионат Американской бейсбольной лиги 1994 года. В числе прочих был определен и спортсмен, совершивший наибольшее количество промахов за сезон. Им оказался один из игроков «Бирмингем Бэронс», фарм-клуба команды «Чикаго Уайт Сокс». В другие годы этому факту не придали бы особого внимания – в конце концов должен же кто-то больше всех ошибаться. Но тогда об этом писали практически все. Еще бы, ведь этим неудачником оказался… сам Майкл Джордан. Да-да, «Его Воздушество» отличился и в бейсболе, правда, совсем не так, как на баскетбольной площадке. Долгое время Майкл уверял всех, что он устал от баскетбола, уже не должен никому ничего доказывать и возвращаться в НБА не собирается.

Поклонники баскетбола потеряли своего идола, а любители бейсбола ничего не приобрели. Плохо было всем – «Чикаго» без Джордана не мог бороться за чемпионство, финансовые дела клуба и НБА в целом пошли на спад, болельщики скучали и ждали, когда «Его Воздушеству» надоест сидеть на скамейке в заштатной бейсбольной команде. А журналисты ехидно злорадствовали по поводу ошибок Майкла на бейсбольном поле. Ситуация, конечно, забавная – самый высокооплачиваемый спортсмен мира, доходы которого приближались к 100 миллионам долларов в год, иногда выходил на замену и зарабатывал в своей команде 30 тысяч, меньше, чем некоторые бейсболисты-новички…

Знаменитый «Терминатор» в исполнении нынешнего губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера говорил очень коротко и ясно – «I'll be back». Эта фраза неизменно приводила в восторг всю Америку и весь мир. Майкл написал еще короче, но эффект был более потрясающим. 18 марта 1995 года в главный офис команды «Чикаго Буллз» пришел факс, состоящей только из одной фразы: «I'm back». Сообщение было без подписи, но владельцам клуба и главному тренеру Филу Джексону было ясно, кто им написал. Если бы кто-то посторонний в тот момент зашел в офис «Чикаго», то подумал бы, что у руководства команды произошло коллективное помешательство. Говорят, что солидные джентльмены радовались как дети.

Уже на следующий день Джордан вышел на площадку. «Чикаго» играл в Индианаполисе против «Индианы Пэйсерс».

Матч вызвал просто бешеный интерес – все хотели видеть возвращение «живого баскетбольного бога». Спекулянты продавали билеты по 1000 долларов, но, поняв, что болельщики готовы платить такие деньги даже за самые худшие места в зале, подняли цену в два раза. Матч был очень напряженным. После третьей четверти «Индиана» вела с преимуществом в 16 очков, но «Буллз» смогли все-таки догнать соперников и перевели игру в овертайм. И все же довести матч до победы чикагцам не удалось. Джордан выглядел тяжеловато и сумел набрать всего 19 очков. Однако через десять дней Майкл показал, «кто в доме хозяин». 29 марта защитники «Нью-Йорка» ничего не могли поделать с лучшим игроком мира. Джордан набрал 55 очков, и всем стало ясно, что он не потерял форму.

«Чикаго» без Джордана и «Чикаго» с Джорданом – это две совершенно разные команды. Если до его возвращения команда из 65 матчей регулярного чемпионата выиграла всего 34, то в оставшихся 17 матчах, в которых Майкл выходил в стартовом составе, «Быки» проиграли всего 4 встречи. Правда, в том году получить чемпионские перстни Джордану и компании не удалось. В первом раунде плейофф «Чикаго» без труда разобрался с «Шарлотт Хорнетс», но затем со счетом 4:2 уступил «Орландо».

Зато в следующем сезоне «Буллз» не оставили противникам ни единого шанса на победу. Команда установила абсолютный рекорд НБА, одержав победы в 72 из 82 игр. Майкл стал вторым баскетболистом, которому удалось за один сезон завоевать титулы самого полезного игрока «Матча всех звезд» и финала NBA. До него это удалось сделать только игроку «Нью-Йорк Никс» Уиллису Риду в 1970 году. Но Джордан не только исправно набирал очки, он вселял в партнеров чувство неоспоримого превосходства над соперниками. Как сказал знаменитый игрок и комментатор Билл Уолтон: «Выиграть у «Буллз» первые три четверти могут многие. А выиграть последнюю не может никто». И действительно, много раз по ходу матча «Чикаго» проигрывал 20 и более очков, но в решающие моменты игроки «Буллз» творили чудеса и в итоге переигрывали соперников.

В финале 1997 года «Чикаго» противостояла «Юта Джаз», команда Карла Мэлоуна, получившего в том году титул MVP регулярного чемпионата и Джона Стоктона, великолепного мастера трехочковых бросков и результативных передач. После четырех встреч в серии сохранялся паритет – 2:2. Пятый поединок выиграли чикагцы, в основном за счет великолепной игры Джордана, набравшего 38 очков и ставшего одним из лучших в своей команде по передачам. В этом, на первый взгляд, нет ничего удивительного, если бы не одно обстоятельство. Дело в

том, что за день до игры участие Майкла в этой встрече было под очень большим вопросом. Из-за острейшего пищевого отравления он не мог не то что играть и летать, а и ходил-то с большим трудом. Врачи оценивали его шансы на выздоровление к пятой игре в серии как 1 к 10. Но Майкл вышел на площадку и сотворил «обыкновенное чудо», принеся третью победу «Чикаго». В шестой встрече Майкл вновь был самым результативным в своей команде. Но запомнился не своими 39 очками, а гениальным пасом, отданным Стиву Керру. За 40 секунд до конца матча при счете 86:86 Майкл сделал вид, что собирается атаковать кольцо. На него бросились сразу два защитника «Юты», а Джордан вместо броска, отдал передачу абсолютно свободному Керру, до того лишь эпизодически появлявшемуся на площадке. Стив спокойно забросил мяч, а за секунду до конца точку в матче и чемпионате поставил Скотти Пиппен, установивший окончательный счет 90:86 в пользу «Чикаго».

Самым тяжелым и нервным для Майкла и «Чикаго» оказался шестой и пока последний титул чемпионов НБА. В начале сезона Скотти Пиппен получил тяжелую травму и вынужден был пропустить почти треть регулярного чемпионата. Джордану пришлось практически в одиночку вытягивать «Чикаго». В плей-офф дела чикагцев шли ни шатко ни валко, многим казалось, что великая команда начинает потихоньку тонуть. Деннис Родман проявлял себя во всей красе – ругался со зрителями и судьями, швырял мячи на трибуны, в общем, занимался всем, чем угодно, кроме игры на площадке. Однажды Родман даже покинул команду и улетел на соревнования по борьбе без правил. До конца не восстановился и не набрал оптимальную форму Скотти Пиппен. Он нервничал, часто промахивался в простых ситуациях, замыкался в себе и не реагировал на указания Фила Джексона. Да что там говорить, если сам «Воздушный Джордан», был уже не так легок и воздушен, как в прошлых сезонах, хотя и получил в очередной раз звание самого ценного игрока по итогам регулярного чемпионата. В общем, поклонники команды приуныли, менеджеры «Чикаго» уже начали подсчитывать возможные убытки, игроки находились в подавленном состоянии. И только один человек в клубе сохранял олимпийское спокойствие. Фил Джексон словно не замечал сложившейся в «Чикаго» ситуации и на все вопросы и упреки отвечал с усмешкой. Казалось, что тренер знает, когда нужно подбодрить команду, и был полностью уверен в успехе. Эта уверенность передалась игрокам – угомонился Родман, обрел былую уверенность Пиппен, а Джордан вновь заставил заговорить о себе как о величайшем баскетболисте всех времен и народов.

В полуфинальной серии «Чикаго» противостояла «Индиана», руководимая великим Ларри Бердом. Команды были достойны друг друга, после шести матчей в серии сохранялось равновесие – 3:3. В решающем седьмом матче тренер «Индианы» поставил своим игрокам задачу – во чтобы то ни стало нейтрализовать Джордана и не давать ему бросать по кольцу. В определенной степени защитники «Индианы» справились с задачей. Майкл набрал всего 28 очков, при этом, правда, все равно стал лучшим снайпером «Чикаго» в этой встрече. Но полностью выключить Майкла из игры соперникам не удалось. Не дают бросать по кольцу? Так мы себя в другом покажем! Джордан был одним из лучших по подборам и результативным передачам. Оттягивая на себя защитников «Индианы», он создавал возможность для атаки своим партнерам. А в решающий момент Майкл брал инициативу на себя и тут уже игроки «Индианы» ничего не могли с ним поделать. «Буллз» выиграли встречу и вышли в финал, где их вновь ждала «Юта Джаз».

В первых двух матчах сильнейшие команды НБА по разу одержали победы. В третьей встрече чикагцы были на голову выше соперников и нанесли сокрушительное поражение – 96:54. В следующем поединке игроки «Индианы» оказывали упорное сопротивление, однако подопечные Фила Джексона все-таки выиграли 86:82 и повели в серии 3:1. Отступать «Юте» было уже некуда и в шестом матче серии, проходившем 14 июня 1998 года в Солт-Лейк-Сити, «джазмены» с первых же секунд взяли инициативу в свои руки. Однако чикагцы хоть и проигрывали, однако далеко соперников не отпускали. После первой четверти матча разрыв составлял 3 очка в пользу «Юты» (25:22), второй – 4 очка (49:45), после третьей – 5 (66:61). В заключительной четверти «Буллз» выровняли положение. За минуту с небольшим до конца встречи счет был равным – 83:83. Однако за 42 секунды до конца матча Джон Стоктон забил трехочковый бросок и вывел «Юту» вперед – 86:83…

Последние секунды встречи оказались последними мгновениями, проведенными Майклом Джорданом в финалах НБА. Но какие это были мгновения! «Его Воздушество» эффектно подчеркнул свое величие, в одиночку решив исход матча и всей финальной серии. Сначала он сделал свой фирменный проход и вколотил мяч в кольцо. Разрыв сократился до одного очка, однако мячом владели «джазмены», нужно было просто удержать мяч до финальной сирены…

У «Юты» было преимущество в одно очко и все шансы на победу, но у «Чикаго» был Джордан. Майкл украл мяч из рук Карла Мэлоуна и за 5 секунд до конца точным броском поставил

точку в матче. 87:86 и «Чикаго Буллз» в шестой раз в своей истории стали чемпионами НБА…

«Я хочу поблагодарить болельщиков Солт-Лейк-Сити за невероятную атмосферу и теплый прием, устроенный нам, хотя мы и огорчили их, обыграв их любимую команду, – сказал Джордан после матча. – «Юта» прекрасно играла, парни провели отличный сезон и вполне заслуживали чемпионских перстней, однако нам повезло чуть больше. Почему мы выиграли? Наверное, потому, что весь сезон придерживались мушкетерского принципа – «Один за всех, все за одного». Все поработали отлично – игроки, тренеры, руководство клуба, создавшее нам все условия для победы. Сезон был невероятно тяжелым, особенно начало. Травма Скотти, неурядицы у Денниса Родмана, все это не могло не сказаться на нашей игре. Но мы смогли это преодолеть и я рад за партнеров, которым хватило мужества противостоять обстоятельствам, не сломаться под давлением критики и, проявив настоящий чемпионский характер, одержать победу в чемпионате».

В этих словах Майкла нет ни капли самовосхваления, один из самых знаменитых и богатых спортсменов мира говорит только о партнерах и соперниках, не произнося ни единого слова в свой адрес. Кстати, поговорим о «презренных» деньгах. Ни для кого сейчас не является большим секретом, что НБА, как и другие подобные ей организации, это сложный механизм по зарабатыванию больших денег, где, как и в любом бизнесе, царят свои, подчас весьма жестокие законы. Доходы от продажи билетов, прав на телетрансляции, различной клубной символики – все это приносит баскетбольным боссам немалые доходы. И конечно же, реклама – в последнее время именно всемогущий «двигатель торговли» приносит хозяевам НБА наибольший процент прибыли. Но не стоит думать, что все так легко и просто, что стоит только нанять «звезду», заплатить ей миллион (и даже больше) долларов, а затем «стричь купоны» в виде миллиардных прибылей за счет роста продаж. Нередко случалось, что каждодневное мелькание на телеэкранах известного лица не приводило к желаемому результату. Но это все не о Джордане. Не зря в Америке Майкла называют «маркетинговой машиной», а среди деятелей рекламного бизнеса с некоторых пор в ходу новый термин, означающий сверхудачное вложение в рекламную кампанию, – «эффект Джордана».

В одном из интервью великий баскетболист удивлялся, якобы не понимая, что же именно привлекает в нем простых людей. Честно говоря, в данной ситуации Майкл говорил не то, что думал на самом деле. Гениальная игра Джордана сделала его

игроком всей Америки, его боготворили не только фанаты «Чикаго Буллз», он «обратил в свою веру» и поклонников других клубов. Имидж баскетболиста был безупречен (по крайней мере, до скандальной ситуации с разводом) – внешне привлекательный, внимательный к собеседнику, остроумный и умеющий говорить (в свое время Майкл окончил курсы ораторского мастерства) молодой человек располагал к себе и журналистов, и болельщиков. Популярность Майкла была так велика, что в 2000 году его многочисленные поклонники обратились к нему с просьбой выставить свою кандидатуру на президентских выборах и открыли в Интернете сайт для своего любимца. Но Джордан абсолютно аполитичный человек и даже ни разу, по его словам, не участвовал в голосовании на каких бы то ни было выборах. Однажды он довольно иронично высказался о намерении своих коллег Чарльза Баркли и Мэджика Джонсона с головой окунуться в политические дрязги: «Честно говоря, у всех нас не все в порядке с головой. Я слышал, что Чарльз хочет стать губернатором штата Алабама, а Мэджик мечтает о кресле мэра, но… Если это действительно то, чему они хотят себя посвятить, – что ж, от всей души желаю им успеха. Но политическая карьера – это не для меня». Майкл не испытывал особого уважения к действующим политикам. В 1992 году он отказался идти на торжественный прием к Президенту Джорджу Бушу-старшему. Помните, как профессор Преображенский в романе Михаила Булгакова «Собачье сердце» отвечал на требование купить несколько журналов по полтиннику штука: «Вы не сочувствуете детям Германии? – Сочувствую. – Жалеете по полтиннику? – Нет. – Так почему же? – Не хочу». Примерно так же ответил Майкл на вопрос, почему же он отказался встречаться с Президентом США: «Не захотел, и это мое личное дело. Партнеры знали, что я не пойду. У меня были какие-то дела. И вообще, с какой стати я должен объяснять это еще кому-нибудь, пусть даже президенту!» Не изменил Майкл своего отношения к президентам и по прошествии нескольких лет. В 1997 году Билл Клинтон в своем послании, говоря об успехах администрации, отметил, что за последнее время число рабочих в США увеличилось на 200 тысяч, а потом произнес заранее заготовленную шутку: «Виноват, на 200 тысяч одно место. Я забыл, что Майкл Джордан вернулся в “Чикаго Буллз”». На следующий день журналисты спросили прославленного баскетболиста – как он относится к упоминанию в речи Президента его имени. «Никак не отношусь», – ответил Майкл. Это не зазнайство, просто его никогда не интересовали президенты США и их слова.

Сам Майкл старается не затрагивать в разговорах тему денег.

«Я никогда не задумывался над тем, сколько зарабатываю. Главное, чтобы семье хватало на все, что нужно. И вообще, бизнес для меня – что-то вроде игры». Но деньги и Америка – понятия неразделимые. У американцев якобы не принято интересоваться количеством денег в чужом кошельке, и, тем не менее, заработки «звезд» регулярно обсуждаются в прессе. В 1998 году журнал «Форчун» опубликовал статью, в которой утверждалось, что вклад Майкла за 14 лет игры, с момента дебюта в НБА в 1984 году, в американскую экономику составил более 10 миллиардов долларов. Эти деньги – доходы от продажи сувениров с его символикой и телешоу, а самое главное, прибыли различных компаний от использования его имени в рекламных целях. Одна только «Nike» заработала 5,2 миллиарда долларов благодаря использованию имени Майкла Джордана в рекламе своих товаров, включая кроссовки «Air Jordan», доходы от продажи которых составили около трех миллиардов. Кстати, с этими кроссовками связана одна интересная история, наделавшая в свое время немало шума. Когда владелец «Nike» Фил Найт в 1984 году заключил с мало кому известным в то время новичком НБА Майклом Джорданом миллионный контракт, многим этот шаг показался откровенной авантюрой. Однако популярность Джордана росла с каждым днем, и компания решила специально для него создать черно-красные суперкроссовки, снижающие нагрузки на стопу при прыжке и приземлении. Руководство НБА запретило Майклу выходить на площадку в этих кроссовках, сочтя их цвета «слишком яркими». И тут Фил Найт сделал просто гениальный рекламный ход – несмотря на запрет, Майкл продолжал выходить на площадку обутым в «Air Jordan», каждую игру его штрафовали на 1000 долларов, которую за него выплачивала «Nike», болельщики с интересом следили за тем, чем же кончится это противостояние, а Фил Найт в это время подсчитывал доходы от продаж, подскочившие с одного до четырех миллиардов долларов в год. Примерно из той же серии история о посещении Майклом вашингтонского казино «Солнце могикан». Джордан – заядлый игрок, по словам тренера «Чикаго Буллз» Фила Джексона, лучшим подарком для него всегда были путеводители по игорным домам. Как-то раз в «Солнце могикан» Майкл за вечер проиграл полмиллиона долларов. Он, как и положено в таких случаях, выписал чек, однако хозяин казино тут же разорвал чек в клочки, ведь реклама, которую сделал баскетболист своим посещением «Солнца могикан», стоит как минимум на порядок дороже.

Джордан является рекордсменом среди американских спортсменов по количеству персональных контрактов. Всего их у

него было тринадцать – с «AMF Bowling», «Ball Park», «Bijan», «CBS Home Video», «Chicago Cheviland», «Gatorade», «Hanes», «World Com», «Oakley», «Ray-O-Vac», «Wheaties», «Wilson» и «Nike». А когда в 1995 году Майклу надоел бейсбол и он решил вернуться, известие об этом вызвало настоящий взрыв на бирже – акции компаний, связанных с именем Джордана, резко подскочили в цене и принесли им доход в два миллиарда триста миллионов долларов. И это за один день!

Даже если бы Майкл играл за «Чикаго» совершенно бесплатно, то все равно он был бы мультимиллионером. Его собственная компания «Jordan's Jump», владеющая сетью ресторанов, ежегодно приносит ему 75 миллионов долларов. Но он, конечно же, зарабатывал деньги и на баскетбольной площадке, и зарабатывал немало. В 1997 году американские журналисты сделали весьма интересные подсчеты. Оказывается, просыпаясь утром, Джордан становился богаче на 173 тысячи долларов. В час он зарабатывал 7192 доллара. Средняя зарплата в США составляет примерно 36 тысяч долларов в год; Майкл зарабатывал эту сумму за пять с небольшим часов. За год он получал в качестве зарплаты сумму, бóльшую общих заработков всех 43 президентов США, полученных ими за все время работы в должности высшего должностного лица государства. После каждого выхода Майкла на баскетбольную площадку его личный счет увеличивался на 760 тысяч долларов, за одно заработанное в игре очко Джордан получал 25 тысяч, за удачный пас – еще столько же…

Такие фантастические заработки не могли не вызвать раздражения и зависти у некоторых представителей журналистской братии. Иногда Майклу напоминали, что рабочие в Малайзии и на Филиппинах, изготовляющие те самые кроссовки «Air Jordan», получают по 2 доллара в день и работают в адских условиях при сорокоградусной жаре и стопроцентной влажности. Конечно, подобные заявления не вызывали у Джордана особой радости, он либо отвечал, что это не его дело и не его заботы, или же просто отмалчивался. На защиту баскетболиста вставали его поклонники. Для них Майкл – самый недооцененный с точки зрения зарплаты игрок НБА. И действительно, в начале 1990-х многие игроки имели контракты по 5 миллионов в год, тогда как Майкл, лучший баскетболист планеты, получал в пять раз меньше. Немалые деньги Джордан пожертвовал на благотворительные цели, а в последние годы играл бесплатно, отдавая зарплату в Фонд помощи жертвам терактов 11 сентября 2001 года. «Эта ужасная трагедия только укрепила мое желание вернуться на площадку. Я был просто обязан это сделать, чтобы

развеять грустные мысли людей, показать американцам, что террористы не смогут сломать и победить Америку», – заявил Джордан.

Так кто же он, Майкл Джордан – делец и прагматик, безучастный к судьбам простых людей, или же альтруист, дающий миллионы на благотворительность? Скорее всего истина, как это часто бывает в подобных спорах, лежит где-то посередине.

Но хватит о деньгах, эта статья не о Майкле Джордане-бизнесмене, а о Джордане-баскетболисте и его великолепной игре, которую он демонстрировал поклонникам баскетбола в течение многих лет. Сразу же после окончания сезона 1998 года между профсоюзом игроков, руководителями НБА и владельцами клубов начались тяжелые переговоры по вопросам уровня зарплат в Лиге. К компромиссу стороны так и не пришли, в результате чего был объявлен локаут (забастовка игроков). В это же время в околобаскетбольной «тусовке» поползли слухи, что Майкл Джордан якобы может во второй раз уйти из баскетбола. Сам Майкл не подтверждал, но и не опровергал эти предположения.

В конце концов компромисс между игроками и их работодателями был найден – с опозданием почти на четыре месяца чемпионат НБА все-таки начался. А вскоре Джордан объявил о своем решении закончить карьеру игрока. Он не случайно выдержал паузу и дождался разрешения конфликта между игроками и владельцами клубов. Майкл прекрасно понимал, что профсоюзу игроков без действующего игрока по имени Майкл Джордан гораздо труднее договариваться с руководством НБА.

На пресс-конференции, которую он созвал 13 января 1999 года, великий баскетболист сказал: «Я нахожусь здесь, чтобы объявить о своем уходе из баскетбола. Больше я не сделаю никаких заявлений о моем желании играть в бейсбол или какую-то другую игру. Я хочу выразить благодарность господину Стерну (комиссионеру НБА. – *Авт.*) и господину Рейнсдорфу (хозяину «Чикаго Буллз». – *Авт.*) за предоставленную мне возможность играть в баскетбол и, конечно, за возможность приехать в Чикаго, где я встретил мою жену и создал семью. Я благодарен моей семье в Северной Каролине и многим моим друзьям, которые пришли сюда в этот день, чтобы поддержать меня, друзей, которые всегда поддерживали меня, начиная с тех пор, когда я впервые вышел на баскетбольную площадку. Я хочу сказать «спасибо» всем людям, которые приняли меня как своего. В ответ я выходил на площадку и пытался разрушить укоренившееся в сознании американцев неверное представление о том, что Чикаго

– это город гангстеров. Я думаю, что мне и моим партнерам по команде это удалось, мы предприняли успешную попытку изменить будущее Чикаго. Мы надеемся, что о нас будут знать, как о городе чемпионов, и так будет всегда, даже когда Майкл Джордан снимет свою форму. Я навсегда останусь на стороне «Буллз». Следующее, что вы должны знать – НБА всегда должна быть единой организацией. Я надеюсь, что ассоциация продолжит свое существование, несмотря на проблемы, преследовавшие нас последние шесть месяцев. Для нас ситуация с локаутом была проверкой нашей способности договариваться и идти навстречу друг другу. Хотя это и бизнес, но в этом бизнесе есть немалая доля развлечения. Баскетбол – это прежде всего игра, и пусть игра продолжается.

Я хочу еще раз сказать, что я здорово провел время. У меня просто не хватает слов благодарности для людей, которые мне помогали. Но теперь моя жизнь изменится. Кто-то сейчас может сказать: «Ну, у Майкла Джордана нет соперников в баскетболе, нет интереса играть, нет вызова в жизни». Тут я готов поспорить. Я отец троих детей и это уже стимул к жизни. Я буду жить для своих детей, независимо от того, выберут ли они для себя баскетбол или нет. Вместе с женой я буду поддерживать их всю жизнь. Мы должны сделать все, что положено делать родителям для детей. Я собираюсь жить в Чикаго до конца своих дней, ведь моя жена просто не позволит мне уехать отсюда.

Сначала я хотел сказать только два слова: «Я ухожу!» Но потом решил для себя, что просто обязан поблагодарить моих партнеров, тренеров, болельщиков и журналистов. Вот поэтому-то я сейчас здесь и нахожусь».

Как и шесть лет назад, уход Джордана стал очень грустным событием для поклонников спорта. Не выдержала даже президентская чета Америки. «Майкл доказал всем, что человек действительно способен летать, – говорилось в специальном заявлении Билла и Хиллари Клинтон. – Но помимо фантастической способности бороться с земным притяжением или совершить решающий бросок, от которого зависит исход игры, Майкл Джордан показал молодым болельщикам, как оставаться настоящим человеком, даже будучи великим чемпионом, известным во все мире. Его решение уйти из спорта опечалило всех поклонников баскетбола».

Джордан купил часть акций столичного клуба «Вашингтон Уиззардз» и занял пост главного менеджера по баскетбольным операциям. «Вашингтон» был безнадежным аутсайдером. Финансовые дела клуба из-за низкой посещаемости домашних матчей и необдуманной кадровой политики прежнего

руководства шли неважно. Джордану удалось провернуть несколько удачных обменов, но выполнить хотя бы задачу минимум – выйти в плей-офф – «Вашингтону» так и не удалось. «Если не я, то кто же?» – подумал, наверное, Майкл, и решил сменить деловой костюм на более привычные майку, шорты и именные кроссовки «Air Jordan». 25 сентября 2001 года Майкл подписал с владельцем «Уиззардз» Эйбом Поллином двухлетний контракт. За две недели до этого Соединенные Штаты пережили самый страшный теракт в истории страны…

«Второе пришествие» Джордана стало для Америки событием национального масштаба. На какое-то время американцы забыли про взорванные башни Всемирного торгового центра, Бен Ладена и «Аль-Каиду». Билеты на матчи «Вашингтона» расходились моментально, а ведь в прошлом сезоне болельщики называли «Уиззардз» не иначе как «болотной бригадой» и не очень-то стремились попасть на игры с участием столичного клуба.

Возвращение Джордана оказалось для всех сюрпризом, надо сказать, очень приятным. В 2001 году над НБА снова нависла угроза локаута. Несмотря на появление новых звезд, интерес к баскетболу в Америке падал с катастрофической быстротой. За два года без Джордана рейтинг телетрансляций баскетбольных матчей снизился почти на 15 %. В этих условиях комиссионер НБА Дэвид Стерн вел очень тяжелые переговоры с телекомпаниями ABC, AOL и ESPN. Первоначально телевизионщики готовы были заплатить за шестилетний договор на трансляции игр НБА 2,6 миллиарда долларов. Но «эффект Джордана» сработал и на этот раз. Не зря в свое время партнер Майкла по «Чикаго» Стив Керр сказал о нем: «Между любым великолепным баскетболистом и Майклом Джорданом есть огромная разница». После того, как «Его Воздушество» второй раз сказал «I'm back», Дэвид Стерн затребовал за трансляции на 2 миллиарда больше и телекомпании безропотно согласились. По мнению многих специалистов, Джордан в очередной раз спас НБА от очень серьезного кризиса.

Вряд ли можно сказать, что ожидания тренеров и болельщиков «Вашингтона», да и самого Майкла, сбылись на все сто процентов. Временами не было никаких сомнений, что на площадке прежний «Воздушный Джордан», но иногда казалось, что Майкл зря вернулся в баскетбол. Характерный пример – две игры с участием Джордана, состоявшиеся в конце декабря 2001 года. 27-го числа «Вашингтон» проиграл «Индиане» 81:108, а Джордан установил антирекорд, набрав в этом матче всего 6 очков. До того наихудшим его результатом были 8 очков в матче

с «Кливлендом» в 1986 году. Реакцию скептиков после этого фиаско представить нетрудно: «Джордану пора на покой, он уже не тот, он должен уступить дорогу молодым» и тому подобное. Однако все эти разговоры очень быстро закончились – через два дня «Его Воздушество» развеял все сомнения в своем величии. 29 декабря Майкл набрал 51 очко, обеспечив «Колдунам» убедительную победу над «Шарлотт Хорнетс» 105:86. Однако в целом сезон 2001/2002 года для «Вашингтона» прошел неудачно. Естественно, никто не надеялся на то, что после прихода Джордана «Колдуны» станут чемпионами. Главной задачей для команды был выход в плей-офф. Но Майкл не мог в одиночку вытащить команду, а «The Jordanaires» (это слегка обидное прозвище, которое после прихода Джордана закрепилось за игроками «Уиззардз», можно перевести как «джорданчики» или «джорданята») играли очень нестабильно и в итоге «Вашингтон» оказался за бортом плей-офф.

Зимой 2003 года в баскетбольной карьере Джордана произошло два знаменательных события, одно со знаком «плюс», второе со знаком «минус», который, правда, перешел через какое-то время в «плюс». До 22 января 2003 года самым результативным в истории НБА был легендарный Карим Абдул-Джаббар (38 387 очков), на втором месте – ветеран «Юты» Карл Мэлоун, а третьим – Уилт Чемберлен с результатом 31 419 очков за карьеру. Забросив за минуту до конца второй четверти двухочковый мяч, Майкл набрал 31 420-е очко и вышел, таким образом, на третье место по результативности.

Как говорится, это была новость хорошая, а теперь будет плохая. Законы природы не обманешь – в 39 лет Майкл не мог играть так, как он играл десять лет назад. Впервые с 1987 года болельщики не выбрали Джордана в первую пятерку Восточной конференции «Матча всех звезд», оставив ему место только в запасе. Узнав о результатах голосования, Майкл хотел вообще отказаться от участия в своем последнем «All-Star Games», хотя и заявил, что абсолютно спокойно воспринял известие и если бы это не было его 14-м участием в «Матче всех звезд», то, возможно, такой итог его бы огорчил.

Однако Джордан принял-таки участие в состоявшемся 9 февраля 2003 года в Атланте матче, причем на площадку он вышел в стартовой пятерке Востока. За него вступились коллеги-баскетболисты. Свое место в основном составе Майклу могли уступить Аллен Айверсон («Филадельфия»), Трэйси Макгрэйди («Орландо») и Винс Картер («Торонто»). Айверсон и Макгрэйди сразу же заявили о своем желании уступить место Джордану, однако тот отказался от их предложения. «Они заслужили право

начать игру с первой секунды, – сказал Майкл, – и я не хочу заставлять их жертвовать своим правом». Узнав о благородном поступке Аллена и Трэйси, американская пресса окрестила их «героями» и одновременно в очень резких выражениях осудила Картера, который тогда промолчал. Однако «жадина» Картер, как назвали защитника «Торонто» журналисты газеты «Спорт-Экспресс», буквально вынудил Майкла выйти в самом начале «All-Star Games». Перед матчем Картер подошел к Джордану и предъявил ультиматум: «Майкл, ты должен быть в стартовой пятерке. Я не приму никаких возражений. Если ты не заменишь меня, я вообще не буду играть!» У Джордана просто не осталось выбора.

Была в этом матче и еще одна интрига – Майкл заочно боролся с великим центровым 1970—1980-х годов Каримом Абдул-Джаббаром за право называться лучшим снайпером «Матча всех звезд» за всю историю НБА. На тот момент в активе Майкла было 242 очка и от результата Абдул-Джаббара он отставал на 9 очков. Для такого снайпера, как Джордан, – сущий пустяк, но баскетболист, очевидно, нервничал, и эти 9 очков дались ему с огромным трудом. Восемь раз он бросал по кольцу в первой четверти, и все восемь раз мяч пролетал мимо кольца. И это происходило с Джорданом, величайшим снайпером всех времен и народов, 38 раз за свою карьеру набиравшим в матче 50 и более очков! Для того чтобы попасть по кольцу хотя бы раз, Майклу понадобилось 9 минут и 9 попыток. К счастью, после первых двух очков он успокоился и начал забивать. За 2 минуты 4 секунды до конца третьей четверти Гэри Пэйтон сфолил на Джордане. Это нарушение стало пятым командным у «Запада» и, соответственно, наказывалось штрафными бросками. Майкл реализовал штрафные и рекорд Абдул-Джаббара был побит. Правда, стать победителем в последнем в карьере «All-Star Games» Джордану не удалось. В отличие от большинства подобных мероприятий, по сути дела являющихся шоу, в котором игроки стараются продемонстрировать все свое искусство и мало думают о победе, «Матч всех звезд» 2003 года напоминал реальную финальную игру с очень драматичной развязкой. Основное время и первый овертайм завершились вничью, и только вторая дополнительная пятиминутка принесла победу Западу со счетом 145:155.

Хозяин «Уиззардз» Эйб Поллин пытался уговорить Майкла, но он не стал продлевать контракт. После того как прославленный игрок объявил о своем решении, каждая гостевая игра «Вашингтона» превращалась, по сути дела, в прощальный матч Джордана. На каждой арене, где он играл в последний раз, устраивались торжества в честь «Его Воздушества». 24 января

великий баскетболист в последний раз вышел на арену своей родной команды «Чикаго Буллз». Перед началом игры зрители в течение пяти минут аплодировали человеку, благодаря которому «Буллз» шесть раз становились чемпионами НБА. В ответ Майкл поблагодарил чикагских болельщиков за поддержку и любовь к нему и команде.

14 апреля Джордан играл один из последних матчей на домашней площадке «Вашингтона». Вообще-то сам Майкл не очень любит всякие торжественные мероприятия (вспомним хотя бы его отказ идти на прием к президенту Бушу-старшему), однако совсем проигнорировать церемонию проводов он не мог. Перед игрой министр обороны США Дональд Рамсфельд вручил «Его Воздушеству» американский флаг, который был водружен над Пентагоном в годовщину трагических событий 11 сентября 2001 года. «Уиззардз» играли с «Нью-Йорком» и уступили со счетом 79:93. Майкл набрал 21 очко. Когда он за 2 минуты до конца сел на скамейку, зрители в зале встали и начали аплодировать. Результат матча был уже ясен, и игроки обеих команд не предпринимали никаких действий, отдавая честь великому баскетболисту.

Последний свой матч «Его Воздушество» сыграл 17 апреля 2003 года в Филадельфии. Местные «Санс» без труда переиграли «Вашингтон», но это, по большому счету, никого не интересовало. 16 участников плей-офф были давно известны и «Вашингтон» в их число не попал. Все внимание было обращено на Майкла Джордана. За игру он набрал 15 очков, 4 подбора и 4 передачи. Каждое его удачное попадание сопровождалось бурной овацией. В середине третьего периода Джордан отправился на скамейку запасных, однако минут за десять до конца игры зрители беспрерывно начали скандировать: «We want Mike! We want Mike! – Мы хотим Майкла!» Тренер «Вашингтона» Даг Коллинз (тот самый, с которым Майкл в составе «Чикаго» начинал карьеру в НБА) чуть ли не вытолкнул Джордана на площадку. Свои последние два очка из 32 292, набранных за карьеру, он заработал за 1 минуту 45 секунд до конца игры, точно реализовав штрафные броски. После этого игра практически остановилась. Майкл Джордан пожал руки всем игрокам и судьям и покинул площадку, накрыв голову полотенцем…

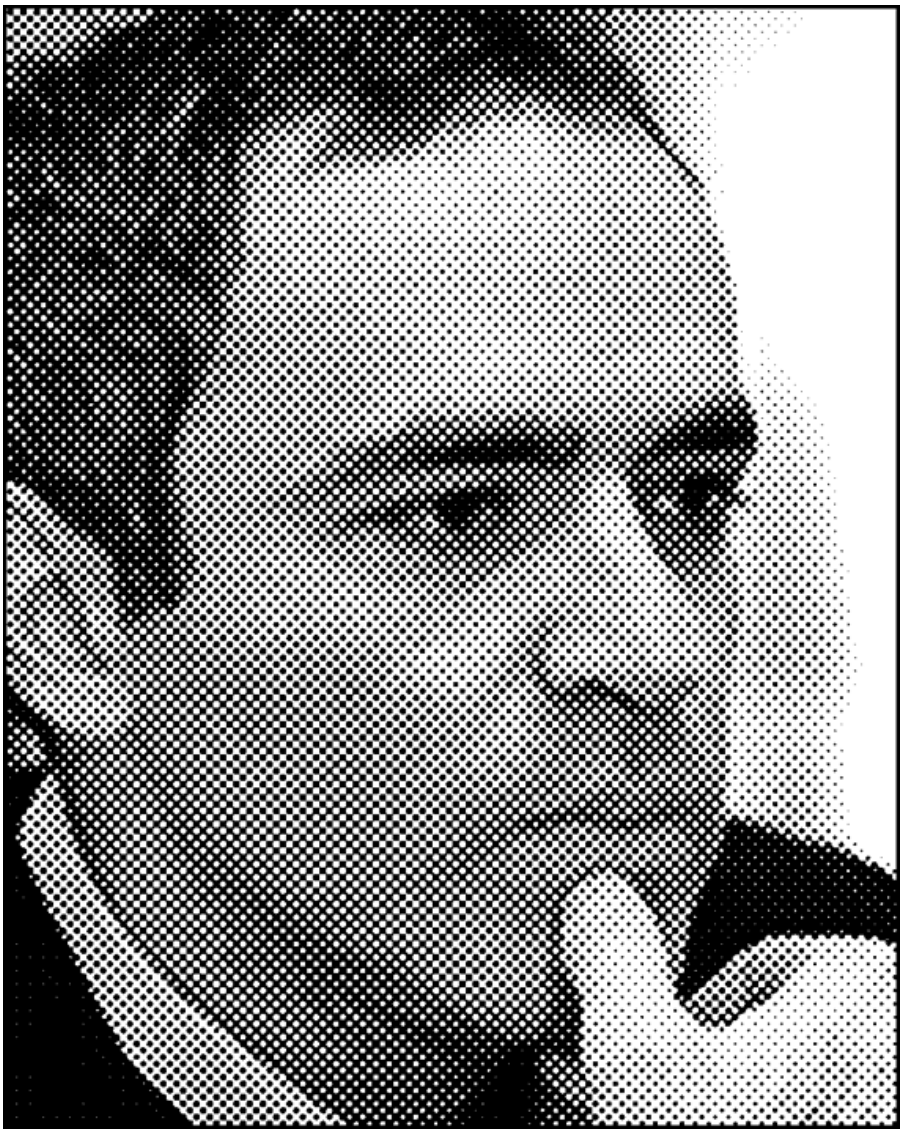
Казалось, что Майкл ушел навсегда, «третье пришествие» Джордана просто невозможно. Но осенью 2004 года в СМИ появились сообщения, что «Его Воздушество» может-таки вернуться. В сентябре Джордан провел несколько тренировок в Чикаго и Санта-Барбаре с сильнейшими игроками студенческих

лиг Америки. После этих сообщений Майкла начали «сватать» в «Майами», якобы он даже сам выражал желание поиграть за «Хитс», но возрастные игроки команды, прежде всего Шакил О'Нил, опасаясь конкуренции со стороны Джордана, воспротивились этому. 27 сентября в интервью каналу ESPN баскетболист опроверг эти домыслы: «Я не знаю, откуда пошли все эти слухи. Я ни с кем из «Майами» не разговаривал. Моего возвращения не будет».

Но журналисты на этом не угомонились. Джордан настолько притягательная фигура, что любой полунамек дает повод пишущей братии рассуждать о его дальнейших планах. В следующий раз ажиотаж вокруг имени Джордана возник после очередного этапа чемпионата мира по мотогонкам серии Гран-при, состоявшегося в Валенсии в октябре 2004 года. Джордан – давний поклонник спортивных мотоциклов, а с недавних пор Майкл всерьез подумывает купить одну из команд, участвующих в чемпионате мира. Появление Джордана в Валенсии привлекло больше внимания, чем собственно мотогонки, особенно после того, как Майкл проехал круг по трассе на мотоцикле «Дукати». Но еще больший ажиотаж вызвала встреча «Его Воздушества» с руководителем спортивного общества «Милан» Адриано Гальяни и известным модельером Джорджио Армани, фирма которого является генеральным спонсором «Милана». Как считают итальянские СМИ, владельцы «Милана» могли предложить Майклу… выйти на баскетбольную площадку в форме «Милана». Особенно журналисты всполошились после загадочной фразы, которую обронил Адриано Гальяни: «Майкл Джордан – это мечта. А мечты иногда сбываются…»

Пока Джордан эти сообщения не подтверждает. Да и вообще возвращение 41-летнего баскетболиста кажется невозможным, даже несмотря на то что и сейчас Майкл находится в прекрасной форме. А с другой стороны, Джордан – «король баскетбола» и всю свою жизнь он доказывал миру, что он способен сделать то, что другим не под силу. Ведь он – Майкл Джордан, лучший баскетболист всех времен и народов…

Гарри Каспаров



«– Скажите, а если начнется Третья мировая война, кто ее выиграет?

– Гарри Каспаров.

– А почему Каспаров?

– А потому, что он всегда выигрывает…»

Кто-то может сказать, что начинать статью о величайшем шахматисте современности с анекдота – проявление неуважения к его таланту. Но это не так. Каспаров вот уже на протяжении почти трех десятков лет остается ключевой и самой популярной

фигурой шахматного мира. Трудно найти другого шахматиста, о котором писали бы и говорили столько, сколько о Каспарове. Да что там пресса – Каспаров стал фольклорным персонажем, героем анекдотов, что означает наивысшую степень признания у народа.

Сразу предупредим тех, для кого Каспаров является кумиром, – здесь не будет сусального портрета шахматного супергероя, Гарри-победоносца, побеждающего всех соперников и карающего своим мечом многочисленных врагов. Но не будет и образа «злого гения», разрушившего, как считают многие, привычный ход шахматной жизни и приносящий в нее только разлад и сумятицу. Каспаров – это личность, со всеми своими достоинствами и недостатками, победами и поражениями…

Каждый великий шахматист когда-то не умел играть в шахматы. Это понятно, не с самого же рождения младенец начинал двигать фигуры по доске. Но рано или поздно начинал. Великий Александр Алехин, например, рос настоящим «вундеркиндом», намного опережая в развитии своих сверстников. Но что интересно, он был «вундеркиндом» во всем, кроме… шахмат. А вот не менее великий Хосе Рауль Капабланка научился играть в четыре года, наблюдая за партиями отца и его гостей. Вскоре он стал указывать взрослым на их ошибки, хотя шахматным правилам его никто не обучал. Нечто похожее произошло и с Каспаровым. Родители Гарика, родившегося 13 апреля 1963 года в Баку, однажды решали шахматную задачу, помещенную в бакинской газете «Вышка». Шестилетний мальчик был рядом и внимательно следил за передвижением фигур на доске. И в определенный момент подсказал родителям выигрышный ход в задаче, над которой долго ломали голову старшие. «Если уж он знает, чем кончается игра, надо показать, как она начинается», – сказал Ким Моисеевич Вайнштейн, отец Гарри, и обучил сына правилам игры. Вскоре мальчика уже невозможно было оторвать от доски.

Вероятно, если бы не этот эпизод, был бы Гарри музыкантом или даже известным композитором. Практически все родственники Кима Моисеевича так или иначе были связаны с музыкой. Дедушка будущего чемпиона мира, Моисей Рубинович Вайнштейн работал художественным руководителем Бакинской филармонии, бабушка, Ольга Юльевна, преподавала в музыкальной школе. Больших успехов достиг младший брат Кима Моисеевича – Леонид Вайнштейн стал известным композитором, автором нескольких опер и симфоний, множества камерных сочинений и музыки к кинофильмам. Правда, старший сын не пошел по родительским стопам и «испортил» музыкальную

родословную семьи. Ким Моисеевич увлекся техническими науками, забросил музыку и стал инженером-энергетиком.

Отец Гарри никогда всерьез не занимался шахматами. Правда, какие-то шахматные гены Гарри все-таки унаследовал. Мама, Клара Шагеновна Каспарова, в детстве серьезно увлекалась шахматами, неплохо играла против старших соперников. Однако дальше увлечения дело не пошло. Она стала инженером по автоматике и телемеханике, долгое время работала старшим научным сотрудником, а затем ученым секретарем Азербайджанского научно-исследовательского электротехнического института.

Бабушка и дедушка считали, что музыкальное образование необходимо любому образованному человеку, и хотели, чтобы Гарик поступил в музыкальную школу. Однако отец был категорически против: «У Гарика прекрасная аналитическая голова, – сказал он. – И он будет заниматься шахматами, а не музыкой!» В шесть лет родители привели мальчика в шахматную секцию бакинского Дворца пионеров.

Однако сам Гарри мечтал стать врачом – по-детски наивный, он хотел вылечить и спасти безнадежно больного отца. В 1970 году Ким Вайнштейн тяжело заболел. В последний раз отец и сын виделись 1 января 1971 года. Гарри накануне получил третий разряд, и отец подарил ему шахматные часы. Ким Вайнштейн скончался от лимфосаркомы в возрасте 39 лет. После смерти отца все заботы по воспитанию сына взяла на себя мама.

Сейчас о Каспарове пишут больше, чем о каком-либо другом шахматисте. А впервые его имя было упомянуто в прессе в 1972 году, когда Гарику было девять лет. Тогда он вышел в финал чемпионата Баку по блицу. «Ученик третьего класса Гарик Вайнштейн (до 13 лет Каспаров носил фамилию отца. – *Авт.*), играющий стоя (сидя он не достает до всех фигур!), добился на первом этапе абсолютно лучшего результата – 9 очков из 9».

Первым тренером будущего чемпиона был Олег Приворотский. Его сразу поразили незаурядные способности юного шахматиста: «У Гарри великолепная шахматная память. Он способен на очень многое. Не знаю, были ли такие новички в других городах, но в Баку второго такого нет».

Летом 1973 года Гарри получил свой первый в жизни приз – на Всесоюзных молодежных играх в Вильнюсе его отметили как самого юного участника соревнований. И хотя все соперники были на четыре-пять лет старше него, в финале он не проиграл ни одной партии. В Вильнюсе Гарика приметил тренер сборной СССР Александр Никитин. «Этот человек очень дорог мне, и не только потому, что он прекрасный тренер и знаток шахмат, – писал

Каспаров об Александре Сергеевиче. – Важно, что он был рядом в самые трудные периоды моей жизни». Никитин всегда был ключевой фигурой в команде Каспарова, место в которой стоило ему поста старшего тренера сборной СССР. Правда до тех пор, пока не поссорился с тринадцатым чемпионом мира и не перешел в лагерь его противников…

Никитин на протяжении всего турнира наблюдал за игрой юного бакинца, а после церемонии закрытия подошел к нему и предложил пройти собеседование во Всесоюзной очно-заочной шахматной школе, которую возглавлял Михаил Ботвинник. Гарик в числе других перспективных ребят был вызван в Москву и в течение двух часов беседовал с прославленным чемпионом мира. Юный шахматист выдержал экзамен и был зачислен в школу. «Я стремился перенять у Ботвинника прежде всего его умение тщательно готовиться к каждому соревнованию в плане аналитическом, – вспоминал будущий чемпион мира. – Тому, что я приобрел за пять занятий у Ботвинника, цены нет!» Михаил Моисеевич, не являясь официальным тренером Каспарова, долгое время опекал и консультировал его, а иногда и помогал в чисто бытовом плане – в трудные времена «выбивал» для семьи Каспарова талоны на питание, а ему самому помог получить небольшую стипендию от общества «Спартак».

В следующем 1974 году Гарри познакомился с еще одним чемпионом мира – Михаилом Талем. Но если с Ботвинником он разговаривал как ученик с учителем, то с Талем ему пришлось встретиться как с соперником за шахматной доской. В финале Всесоюзного турнира Дворцов пионеров юным шахматистам предстояло встретиться в сеансах одновременной игры с капитанами команд-соперниц. И в первом же туре против Гарика играл сам Таль. «Увидев перед собой Таля, живую легенду шахмат, я испытал сильнейшее потрясение, – вспоминал Каспаров. – Я мог даже пожать ему руку!» А на следующем турнире Дворцов пионеров, в ноябре 1975 года, Гарри встретился за доской с еще одним чемпионом мира – Анатолием Карповым…

«– А дерутся, между прочим, не только боксеры, но и шахматисты. Однажды, играя черными, Каспаров дал в ухо Карпову… за то, что тот первый начал». И опять анекдот. И вновь не случайно. Противостояние «двух К» – это не только история шахмат, оно, без преувеличения, стало частью истории всего человечества. Однажды Борис Спасский, десятый чемпион мира, сказал: «У всех великих шахматистов трудные характеры». Когда две сильные личности с трудными характерами встречаются за шахматной доской, и при этом каждый стремится превзойти

соперника не только в игровом, но и психологическом плане – столкновение неизбежно…

Конечно же, история борьбы Карпова и Каспарова началась не в 1975 году. Тогда играли действующий чемпион мира и двенадцатилетний кандидат в мастера спорта. Исход партии был предрешен заранее – пускай и талантливый, но еще очень юный Гарри не мог на равных противостоять чемпиону мира. Но, говорят, что Анатолий Карпов уже тогда понял, что ему еще не раз придется встретиться с Каспаровым, и на уровне куда более высоком, чем турнир команд Дворцов пионеров…

Наверное, бойцовский характер Каспарова сформировался еще в детстве, ведь ему практически на всех турнирах приходилось играть против более опытных соперников. Гарри не очень рассчитывал победить на проходившем в январе 1976 года в Тбилиси чемпионате СССР среди юношей – большинство участников были намного старше его. Однако в душе все-таки теплилась надежда. Он блестяще провел турнир и перед последним туром делил первое место с Рафиком Габдрахмановым. Но Рафик проиграл Зурабу Стуруа из Грузии, и тот вышел вперед. Гарик отставал на полочка, но у него в запасе была партия с Зигурдсом Ланкой. Если Каспаров выигрывал, то он однозначно становился чемпионом, если партия заканчивалась вничью, то в этом случае ситуация была не ясной, поскольку не все партии последнего тура закончились. Надо было играть на победу, однако партию с Ланкой Гарри начал просто безобразно и отложил ее в практически безвыходном положении. О выигрыше в партии можно было забыть, и в лучшем случае рассчитывать на ничью, но положение было настолько тяжелым, что казалось – победа в чемпионате окончательно упущена. Несколько часов Гарри вместе с тремя тренерами, Олегом Приворотским, Александром Аслановым из Баку и Альбертом Арутюняном из Еревана, анализировали отложенную партию и все-таки нашли совершенно фантастический вариант защиты.

Началось доигрывание. Накануне Майя Чибурданидзе (чемпионка мира 1978–1991 годов) завоевала чемпионское звание среди девушек, и грузинская делегация радовалась, ожидая «золотого» дубля. Но радость грузин оказалась преждевременной. Через десять ходов в партии Гарри с Зигурдсом Ланкой была зафиксирована ничья. «То, что произошло потом, навсегда врезалось в мою память, – вспоминал Каспаров. – Асланов вмиг преодолел расстояние от седьмого ряда до сцены и с криком: «Гарик, Гарик, ты – чемпион!» подхватил меня на руки. Не в силах поверить в случившееся, я, наверное, целый час еще твердил про себя: “Я чемпион, я чемпион…”»

Победа на чемпионате страны позволила Гарри попасть на чемпионат мира среди юниоров, проходивший в июле 1976 года во французском городке Ватиньи. В принципе, Каспаров, один из самых юных участников турнира, выступил неплохо – занял 3–6 место при 32 участниках. Но сам он игрой был недоволен, считая, что мог сыграть гораздо лучше.

В следующем году ситуация повторилась. Гарри выиграл чемпионат страны среди юношей, правда, на этот раз очень уверенно, опередив ближайшего преследователя на два очка. И опять был недоволен своей игрой на первенстве мира, хотя и занял третье место.

Турниры, соревнования, разъезды по стране и миру… «Бедный мальчик, – может подумать сердобольный читатель. – В его детстве, кроме шахмат, наверное, ничего другого и не было». Но это не так, Гарри отнюдь не рос «шахматным роботом». Его интересы никогда не ограничивались только игрой. Книги (среди любимых авторов шахматиста – Хемингуэй, Маркес, Толкиен, Айтматов, Лукьяненко, Акунин), спорт, история, философия, в последнее время – бизнес и политика. Не случайно чемпион мира однажды сказал: «Шахматы – стержень моей жизни, но не весь ее смысл».

И конечно, как любой мальчишка, Гарри хотел добиться признания со стороны противоположного пола. Правда, до шестнадцати лет на девочек он не обращал особого внимания, относился к ним свысока, хотя и немного их побаивался. Но однажды… «Я влюбился. Она была младше меня и училась в другом классе, так что нужно было как-то обратить на себя ее внимание. Но как? Я собрал своих друзей, и мы разыграли маленький спектакль. Они встретили ее на улице и сделали вид, что пристают. Момент был критический. И вот тут-то появился я – герой-избавитель, отважный и сильный. Потом я устроил в ее честь фейерверк, даже с настоящими ракетами».

Но вернемся к «стержню жизни» Гарри Каспарова – к шахматам. Изучая биографию нашего героя, можно подумать, что он чуть ли не с пяти-шести лет был уверен, что станет шахматистом. Однако это, как ни странно, не так. Не слишком удачная (по его собственному мнению) игра на чемпионатах мира среди юниоров заставила Гарри всерьез задуматься: «Момент был критический, пожалуй, один из решающих в моей жизни. Скоро мне должно было исполниться пятнадцать лет, и я понимал, что если в самое ближайшее время не получу мастера, то впору будет подумать о другой профессии. Сколько можно ходить в перспективных, не пора ли показывать результаты?» Такие мысли не случайны. Да, Гарри великолепно начал, его талант

производил впечатление на специалистов, недаром еще в 1975 году шахматный обозреватель газеты «Гардиан» Леонард Барден видел его чемпионом мира. «Кто будет чемпионом после Карпова? – писал Барден в своей статье. – По-моему, есть явный фаворит мирового первенства 1990 года. Это одиннадцатилетний Гарри Вайнштейн из Баку – самый молодой участник юношеского чемпионата СССР, самый молодой кандидат в мастера со времени Карпова». Но и до, и после Каспарова были шахматисты, которые в детстве демонстрировали игру и результаты, по крайней мере, не хуже, чем у Каспарова. Начинать-то они начинали, а вот дальше… Шахматный мир всегда был богат талантами, но не все смогли полностью раскрыться и достичь вершин.

«Я понял, что становлюсь шахматистом, и с этим ничего поделать уже нельзя». После состоявшегося в январе 1978 года в Минске мемориала А. Сокольского Гарри окончательно определился в выборе жизненного пути. Турнир был очень представительный, сплошь мастера и гроссмейстеры, и просто добиться участия Каспарова в этом соревновании было нелегко. Только благодаря просьбе Михаила Ботвинника организаторы включили «какого-то бакинского кандидата в мастера» в сетку турнира. Но трепетать перед более опытными соперниками Гарри не стал. В итоге он набрал 13 очков из 17 возможных и стал единоличным победителем турнира. Все было просто идеально – Гарри получил такое желанное звание мастера, перевыполнив мастерскую норму на целых 3,5 очка, по ходу турнира победил нескольких очень сильных мастеров и гроссмейстеров. Правда, ничью с одним кандидатом в мастера он долго не мог себе простить. Подвел Каспарова… Александр Дюма-старший. Он прекрасно играл, добился выигрышной позиции, и, казалось, довести партию до победы не составляло труда. Но во время партии к Гарри подошел известный белорусский тренер Альберт Капенгут и сказал, что в гостинице его ждет книга «Граф Монте-Кристо». Гарри так обрадовался, что тут же грубо ошибся. Но несмотря на эту относительную неудачу, победа в Минске была впечатляющей. «Это был самый большой успех, которого когда-либо добивался столь юный шахматист в Советском Союзе!» – написал Михаил Ботвинник в своей книге «От шахматиста – к машине».

В том же году Каспаров принял участие во Всесоюзном отборочном турнире в Даугавпилсе. Из 64 участников только один напрямую выходил в высшую лигу чемпионата СССР, еще шестерым предстояла переигровка в первой лиге. Тренеры поставили перед Каспаровым весьма скромную цель – набрать по итогам турнира «плюс 2» очка. Однако Гарри сразу же выполнил

задачу максимум; набрав 9 из 13 возможных очков, он победил в турнире и завоевал право играть в высшей лиге чемпионата СССР.

С одной стороны, оказаться в элите советских шахмат – огромный успех для пятнадцатилетнего игрока. А с другой… «Еще недавно, на турнире в Минске, я с волнением ждал первой встречи с гроссмейстером, – вспоминал Каспаров, – теперь же мне противостояли сразу 16 обладателей высшего титула». Конечно, никто не ожидал чудес от юного шахматиста. «Не думай о результате, – сказал ему перед чемпионатом Михаил Ботвинник, – просто сыграй 17 хороших партий».

Начало турнира было ровным – Гарри выиграл у гроссмейстеров Полугаевского и Кузьмина, но проиграл Тимощенко и Разуваеву. Кстати, когда у Юрия Разуваева спросили: «Нужно ли поздравлять вас с победой над пятнадцатилетним школьником?», он ответил: «Думаю, что нужно. Видимо, это была моя последняя возможность выиграть у него».

А Каспаров, между тем, продолжал набирать обороты. После нескольких побед у него появились мысли о попадании в призовую тройку. И тут, как говорил «великий вождь всех народов», наступило «головокружение от успехов». «Я спустился с небес даже не на землю, а прямо на дно ущелья», – сказал Гарри после бездарных проигрышей Михальчишину и Цешковскому. Все же ему удалось показать 50 %-ный результат и сохранить место в высшей лиге.

Весной 1979 года Гарри отправился на представительный международный турнир в югославском городе Баня-Лука, в котором участвовали экс-чемпион мира Тигран Петросян и 13 международных гроссмейстеров. Шахматисты народ своеобразный – кому-то продвижение молодых талантов нравится, а кто-то считает ниже своего достоинства играть с необстрелянными юнцами. К числу последних относился и югославский гроссмейстер Вукич. «Русские присылают нам детей, они нас оскорбляют, – возмущался югослав. – У Каспарова даже нет международного рейтинга. Почему гроссмейстер должен играть с таким слабым шахматистом?» Кстати, руководство Спорткомитета СССР тоже возражало против участия Гарри в этом турнире («А вдруг он провалится, и тогда иностранцы скажут, что советская шахматная школа теряет свои признанные позиции?»). И опять Каспарову помог Ботвинник – в обход Спорткомитета он уговорил устроителей турнира включить юного бакинца в состав участников турнира.

В общем, в Баня-Луке Каспарову была уготована роль мальчика для битья. А этот «мальчик» неожиданно для всех

устроил невероятный переполох в шахматном мире. Набрав 12 из 15 возможных очков, Каспаров опередил всех именитых участников турнира, выполнив при этом первый гроссмейстерский норматив.

С успехами Каспарова в конце 1970-х годов связана одна курьезная история. В Баку была открыта специальная детская шахматная школа. На вступительном занятии одна из наставниц, Нонна Аванесова, сказала:

– Прежде чем сделать первые ходы, давайте, детки, вспомним имена тех, кто создавал историю шахмат. Знаете ли вы каких-нибудь гроссмейстеров?

Тут же поднялся лес рук.

– Гарик Каспаров! – радостно закричали ученицы.

– Ну хорошо. А кто такой Михаил Моисеевич Ботвинник?

Этот вопрос оказался посложнее. Будущие чемпионки задумались, а затем одна из них ответила:

– Тренер Гарика Каспарова!

«1980 год стал для меня поистине “золотым”!» – вспоминал Каспаров. И действительно, в том году он собрал целый урожай золотых медалей. Первую награду Гарри завоевал в составе сборной СССР, занявшей первое место в командном первенстве Европы, проходившем в шведском городке Скара. Затем он одержал убедительную победу на юношеском чемпионате мира в Дортмунде, опередив серебряного призера Найджела Шорта на полтора очка. На Всемирной шахматной олимпиаде Гарри, играя в команде на последней, шестой доске, набрал больше всех очков – 9,5 из 12. В целом на той Олимпиаде велась очень напряженная борьба за лидерство между сборными СССР и Венгрии. Две недели команды шли вровень, в итоге набрали одинаковое количество очков, и только благодаря лучшим дополнительным показателям победителем стала советская сборная. А четвертую золотую медаль в том году Гарри получил за успешное окончание средней школы.

«Я испытал нечто похожее на шок. Ведь я не привык проигрывать…» Да, так бывает – ты выигрываешь один за одним турниры, тебе кажется, что ты уже способен на равных бороться с сильнейшими, и тут приходит расплата за излишнюю самонадеянность – тебя очень жестко «ставят на место». Проигрывать всегда неприятно. Но иногда поражения приносят гораздо больше пользы, чем победы. В 1981 году Гарри попал в число участников очень сильного по составу международного турнира, проходившего в голландском городе Тилбург. Именно здесь он понял, что значит для шахматиста серьезный опыт участия в крупных международных турнирах. Гарри и раньше

встречался с гроссмейстерами, и выигрывал у них, но до определенного момента на него работал эффект неожиданности – сложно было поверить, что сидящий напротив школьник может доставить любому, даже очень сильному шахматисту, какие-либо неприятности. К тому же гроссмейстеры не изучали партии Каспарова и не знали толком манеры его игры. Однако после громких побед, особенно на турнире в Баня-Луке, на него обратили внимание, и соперники стали всерьез готовиться к встречам с юным шахматистом.

На этом турнире Каспаров три партии выиграл, три проиграл и пять свел вничью. В итоге он занял 6–8 место. Выступление, в общем-то, неплохое, однако сам Гарри был очень разочарован подобным исходом. «Больше всего нас с тренерами расстроило мое неумение реализовывать достигнутое преимущество, – вспоминал он. – Гроссмейстеры лучше меня ориентировались в сложных положениях, и особенно в эндшпиле. В глубине души я был убежден, что могу их побеждать, но прежде мне следовало совладать с самим собой… К тому же ведущие гроссмейстеры в большинстве своем оказались дьявольски изобретательны. Впоследствии я понял, насколько полезным и, главное, своевременным был этот «провальный» турнир, ставший ступенью в моем шахматном развитии. Это был отрезвляющий опыт, показавший, что мне еще многое предстоит узнать и усвоить в шахматах».

Надо сказать, что Гарри извлек уроки из своего неудачного выступления в Тилбурге, и сделал это достаточно быстро. Перед 49-м чемпионатом СССР, проходившем во Фрунзе, многие специалисты считали наиболее вероятными претендентами на победу Каспарова и Льва Псахиса. И они не ошиблись, причем попали, что называется, в самую точку. После напряженной борьбы Каспаров и Псахис набрали одинаковое количество очков и были провозглашены чемпионами СССР.

К 18 годам в активе Гарри было немало шахматных титулов: самый молодой в мире гроссмейстер, самый молодой победитель первенства СССР, чемпион мира среди юношей, победитель Всемирной шахматной олимпиады. Но главная цель была еще впереди…

В 1981 году в итальянском городе Мерано завершилась эпоха противостояния Анатолия Карпова и Виктора Корчного, в течение трех лет боровшихся за мировую шахматную корону. Карпов одержал убедительную победу со счетом 6:2 и подтвердил свое право называться сильнейшим шахматистом планеты. В те годы система работала безотказно – как только становилось известным

имя чемпиона, сразу же начинался новый цикл борьбы за мировое первенство. Наверное, тогда, в 1981-м, никто не предполагал, что этот цикл будет самым скандальным за всю историю шахмат…

Когда же это началось, что именно можно считать точкой отсчета событий, будораживших шахматный мир на протяжении многих лет? Вряд ли на этот вопрос можно ответить абсолютно однозначно. Кто-то считает началом 1975 год, когда «шахматный гений» Бобби Фишер отказался играть с Карповым матч на первенство мира. 24 апреля 1975 года президент ФИДЕ (Международной шахматной федерации) доктор Макс Эйве в Москве, на торжественном заседании в Колонном зале дома Союзов провозгласил Анатолия Карпова двенадцатым чемпионом мира. Вообще Карпов, как чемпион мира, для советской системы был фигурой просто идеальной (и никакой вины Анатолия Евгеньевича в этом, собственно говоря, нет). Ведь до него все советские чемпионы мира имели те или иные недостатки, с точки зрения режима, конечно. Ботвинник – убежденный коммунист, не менявший, кстати, своих взглядов до конца жизни, но еврей (что в Советском Союзе всегда было недостатком, хотя открыто об этом, естественно, никто не говорил), к тому же человек достаточно твердый и иногда проявлявший строптивость по отношению к режиму. Василий Смыслов, седьмой чемпион мира, пробыл на шахматном троне очень недолго, всего один год. Таль – еврей, Петросян – армянин (тоже недостаток). Спасский, с точки зрения национального вопроса, – кандидатура подходящая, однако Борис Васильевич всегда был человеком абсолютно независимым в своих взглядах. Когда ему было всего 18 лет, он, находясь в Бельгии, спросил руководителя делегации, почему в этой стране, где никто не изучает марксизм-ленинизм, люди живут намного лучше, чем в СССР, где марксизм-ленинизм изучают чуть ли не с пеленок. А чего стоят хотя бы его слова на одной из парткомиссий, где он сказал, что все советские газеты врут, а «Правда» особенно. К тому же Спасский имел несчастье проиграть американцу Фишеру, и, естественно, этот проигрыш ему не простили.

И вот тут появился Карпов – паренек из рабочей семьи, выходец с Урала, русский, что называется, «до седьмого колена, комсомолец и тому подобное, и ко всему прочему, действительно очень талантливый шахматист. В 1969 году, после многолетнего перерыва, он вернул советским шахматам звание чемпиона мира среди юниоров, а затем выиграл огромное количество крупнейших международных турниров. За три года он прошел все ступени отборочных соревнований на пути к матчу за звание чемпиона мира и должен был встретиться с Бобби Фишером.

Однако этот матч так и не состоялся…

В Советском Союзе был еще один претендент на звание чемпиона мира – Виктор Корчной. Еврей по национальности, человек склонный, в отличие от Карпова, к нонконформизму, всегда презиравший советскую власть и ее «достижения». Естественно, из двоих претендентов – Карпова или Корчного – руководство страны предпочло бы видеть чемпионом мира Карпова. А потому на него и была сделана ставка. Дисциплинированный молодой человек вселял в шахматных чиновников надежду на успешное противостояние Бобби Фишеру. Перед Карповым открывались все двери, ему оказывалась поддержка на самом высоком уровне. Такое явное благоволение одному советскому шахматисту и пренебрежение интересами других игроков не понравилось Корчному. Он даже решился на отчаянный шаг – в 1974 году, после полуфинального матча претендентов между ним и Карповым, в интервью западным изданиям заявил, что на него во время матча оказывалось сильнейшее давление со стороны спортивного руководства и что Карпов был обеспечен самыми лучшими тренерами и условиями для подготовки. Что правда, то правда – все расходы по содержанию группы Карпова брало на себя государство. Кроме материальных благ, были и иные формы привлечения ведущих шахматистов. Например, экс-чемпион мира Михаил Таль в какой-то момент стал «невыездным», однако после того, как он согласился работать с Карповым, проблемы с выездом за границу исчезли. В команду Карпова входили не только шахматисты. Психологи, врачи, массажисты, повара, водители работали не покладая рук на будущего двенадцатого чемпиона мира. Не случайно Карпова в шахматных кругах называли «государственным чемпионом». Любопытно, что группа, работавшая впоследствии с Каспаровым, сформировалась из людей, ненавидевших Карпова, а поскольку таких в конце 1970-х – начале 1980-х годов было немало, то и группа по своему составу получилась достаточно мощная. А вот у Виктора Корчного ничего подобного не было…

«Изменник Родины», «предатель», «отщепенец» – как только не называли Корчного в советских газетах, когда он в 1976 году не вернулся в СССР с турнира в Амстердаме и попросил политического убежища на Западе. В Союзе его лишили всех званий и наград и объявили бойкот на всех международных турнирах. Однако в ФИДЕ подобные действия поддержки не получили. В официальном заявлении советских шахматистов обязали играть с Корчным в матчах на первенство мира, иначе им будет засчитано поражение. Руководители Шахматной федерации

СССР надеялись, что «невозвращенцу» не удастся пройти сквозь сито претендентских матчей, однако Корчному удалось последовательно победить Петросяна, Полугаевского и Спасского. В результате именно Виктор Львович стал соперником Карпова в финальном матче 1978 года, проходившем в филиппинском городе Багио. В шахматном плане матч был очень интересным, но то, что происходило вокруг него, напоминало все, что угодно, только не матч двух сильнейших шахматистов мира. То Корчной требовал запретить подносить Карпову во время игры стакан с йогуртом (по его мнению, таким образом секунданты могли передавать чемпиону мира какой-то зашифрованный сигнал), то Карпов настаивал, чтобы Корчной снял большие зеркальные очки, которые якобы мешали ему. И тот и другой шахматист резко возражали против присутствия психологов противника, считая, что они могут проводить какие-то гипнотические сеансы. Дошло до того, что организаторы под столиком, за которым проходила игра, установили деревянную перегородку, чтобы шахматисты не смогли пнуть друг друга.

Видимо, нервное напряжение сказалось на игроках – матч проходил неровно. Вначале безоговорочно лидировал Анатолий Карпов. Казалось, что его победа – дело решенное. По регламенту матч проходил до шести побед, а счет был уже 5:2 в пользу действующего чемпиона мира. Но неожиданно «претендент» (кстати, в советских СМИ его только так и называли, фамилия Корчной словно перестала существовать) переломил ход поединка. 5:3, 5:4, и наконец после 31-й партии счет в мачте сравнялся – 5:5. Можете себе представить, что чувствовал Карпов. Стоило ему проиграть еще одну партию и все – на блестяще начавшейся карьере можно было бы поставить крест. Ходили даже слухи, что Анатолий Евгеньевич в случае поражения мог последовать примеру Корчного и что в кассе манильского аэропорта уже лежал билет на имя Карпова на самолет, летевший не в Москву, а в Лос-Анджелес. В панике были и руководители советских шахмат. Проигрыш Карпова – это даже хуже, чем поражение Спасского в матче с Фишером. Бобби, хоть и американец, но «американец американский», а Корчной, представлявший Швейцарию, до того 45 лет прожил в СССР, и победа «идеологического врага» была бы настоящим позором. Однако Карпову все-таки удалось выиграть 32-ю партию, а с ней и весь матч. Через три года соперники вновь встретились в финале мирового первенства, но борьбы, как мы уже знаем, не получилось, Карпов был на голову сильнее.

Осенью 1982 года произошло еще одно событие, оказавшее так или иначе большое влияние на судьбу нашего главного героя

– во время XXV Всемирной шахматной олимпиады, проходившей в швейцарском городе Люцерн, новым президентом ФИДЕ был избран Флоренсио Кампоманес. Первый мастер на Филиппинах, организатор множества крупных турниров, в общем, человек очень деятельный. Однако его деятельность оценивается по-разному. Для Каспарова он всегда был одним из самых главных врагов. «Будущее шахмат оказалось в руках человека, который смотрел на шахматистов сверху вниз и который стал не шахматным президентом, а президентом над шахматами!», – писал чемпион мира о Кампоманесе. Есть, правда, и другие мнения. Кампоманес, конечно, не святой, но он, как считают многие, действительно много сделал для развития и популяризации шахмат, прежде всего, подключив к шахматной жизни страны третьего мира.

У президента ФИДЕ множество различных обязанностей, и одна из самых главных – организация цикла для определения сильнейшего шахматиста мира. В числе претендентов на звание чемпиона мира, который должен был определиться в 1984 году, были восемь игроков: Каспаров, Корчной, Смыслов, Хюбнер, Торре, Белявский, Портиш, Рибли. Первым соперником Гарри был Александр Белявский. Матч, состоявшийся в марте 1983 года, для Каспарова оказался достаточно простым, он уверенно победил соперника со счетом 6:3. А вот дальше начались проблемы, непосредственно к игре не имевшие отношения…

Соперником Гарри в полуфинальном матче должен был стать Виктор Корчной. Шахматистам предложили на выбор три города для проведения поединка: Роттердам, Лас-Пальмас и Пасадену. Корчной отдал предпочтение Роттердаму, Каспаров – Лас-Пальмасу. Поскольку мнения шахматистов не совпали, определить место поединка должен был президент ФИДЕ. И Кампоманес выбрал американский город Пасадену, мотивируя свой выбор более выгодными финансовыми условиями. Корчной с мнением Кампоманеса согласился, но советская Шахматная федерация категорически не давала согласия на проведение матча в США. Под угрозой срыва оказался и второй полуфинальный матч между Василием Смысловым и венгерским шахматистом Золтаном Рибли. ФИДЕ предложила провести этот поединок в столице Объединенных Арабских Эмиратов Абу-Даби, что было совершенно неприемлемо для ветерана советских шахмат, тяжело переносившего жаркий климат.

Ситуация зашла в тупик. По правилам оба советских шахматиста должны были быть дисквалифицированы. 6 августа 1983 года в Пасадене, в зале местного колледжа, Виктор Корчной пожал руку главному арбитру матча, сел за столик, сделал ход

d2-d4 и нажал кнопку часов. Через час ожидания ему была присуждена победа в матче. Через три дня примерно то же самое произошло и в Абу-Даби, где должны были играть Смыслов и Рибли.

По сути дела очередной чемпионский цикл оказался под угрозой срыва. В этой ситуации проигрывали все – Каспаров и Смыслов оказывались за бортом соревнований, но и номинальные победители – Корчной и Рибли – чувствовали себя не лучше, им совсем не хотелось быть «бумажными чемпионами». Да и Кампоманес понимал, что зашел в своих требованиях слишком далеко. Ему совсем не хотелось в самом начале президентства поссориться с самой могущественной шахматной страной и настроить против себя подавляющее число ведущих гроссмейстеров мира (практически все сильнейшие игроки планеты однозначно встали на сторону Каспарова и Смыслова и требовали проведения полуфинальных матчей). Конфликт зашел слишком далеко, чтобы противоборствующие стороны могли настаивать на своем до конца. Надо было договариваться и искать компромисс. Переговоры были долгими и трудными, но все-таки результативными. ФИДЕ согласилась аннулировать зафиксированные ранее поражения Каспарова и Смыслова и разрешила проведение матчей в Лондоне, взамен советская Шахматная федерация должна была выплатить компенсацию в размере 210 тысяч долларов и отказаться от бойкота Корчного на крупных турнирах.

21 ноября 1983 года в лондонском отеле «Грейт-истерн» начался долгожданный матч между Виктором Корчным и Гарри Каспаровым. Первую же партию Гарри проиграл, и казалось, что его более опытный соперник одержит легкую победу. Однако в шестой партии Каспаров взял реванш. Как оказалось, эта партия оказалась едва ли не решающей в матче, закончившимся со счетом 7:4 в пользу Каспарова. «После шестой партии я потерял веру в свою технику и своих секундантов, – вспоминал Корчной. – Счет стал равным, но психологически матч был проигран. Мое доматчевое представление о Каспарове, как об игроке одного нокаутирующего удара, было ошибочным. Каспаров очень техничен для своих лет».

«Куда им в чемпионы в таком возрасте!» – говорили об участниках финального матча претендентов. Вот уж действительно «встреча молодости и опыта» – один шахматист был в три раза старше другого. Василию Смыслову, который неожиданно для многих уверенно обыграл Золтана Рибли, исполнилось 63 года, а Каспарову – 21. Матч, проходивший в марте-апреле 1984 года в Вильнюсе, закончился со счетом 8,5:4,5

в пользу Каспарова.

Ну вот и все, добрался-таки наш герой до своего Кащея…

«И при чем тут Кащей?» – может спросить читатель. А вот при чем. «Во многих мифах и сказках герою предстоит пройти тяжелейшие испытания, прежде чем он наконец встретится лицом к лицу с чудовищем невероятной мощи и силы, – писал Гарри Кимович в своей книге воспоминаний. – Но человек, преодолевший все препятствия, уже не тот наивный простак, который когда-то ринулся в пучину неизведанного, не подозревая о грозящих опасностях… Так и в любимом мною «Властелине колец» Толкиена, где Саурон вначале посылает черных всадников, так и в сказке о Кащее Бессмертном… Но ведь тут явная логическая неувязка. Меня еще в детстве мучила мысль: что было бы, соблаговоли Кащей выйти к незваному гостю в начале пути, когда тот еще слаб и неопытен? Исход поединка предсказать нетрудно. Почему же он ждет и дает врагу время окрепнуть? Мне кажется, сейчас я знаю ответ: просто в девяносто девяти случаях из ста Кащею вполне достаточно послать своих подручных. И только один из сотни имеет шанс добраться до него! Начиная борьбу, я понимал, что вступаю «во владения Кащея». Я еще не знал правил этой борьбы, но уже почувствовал мощь своего противника…»

Каспаров всегда считал, что после двух побед в Багио и Мерано Анатолий Карпов стал чуть ли не единоличным правителем в советском шахматном мире. Гарри Кимович утверждал, что все, что сделали шахматные чиновники Советского Союза, зачастую действовавшие в альянсе с Кампоманесом, было направлено на сохранение абсолютной власти Карпова. С таким категоричным мнением можно поспорить, но то, что Анатолий Евгеньевич по степени влияния на шахматную жизнь в СССР превосходил всех остальных игроков вместе взятых – факт очевидный.

10 сентября 1984 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов началась финальная схватка между Иваном-царевичем и Кащеем Бессмертным… то есть начался финальный матч за первенство мира по шахматам между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Первые партии для Гарри сложились просто катастрофически. За два года до того Каспаров проиграл всего-то три партии, а Карпову за первые девять партий удалось одержать четыре победы. Гарри Кимович – человек весьма эгоцентричный и редко признает собственные ошибки, но в данной ситуации он считал, что был гораздо слабее своего противника: «Это была катастрофа!.. Могу сказать, что играл я плохо. Хотя тут

существует известное заблуждение: каждый проигравший уверяет, что он играл плохо, а победитель почему-то говорит обратное: соперник был силен, но я сильнее. Знаю об этом, и все же продолжаю настаивать, что играл плохо. Карпов как шахматист был хитрее и изворотливее меня, не говоря уже об опытности вообще и в матчевой борьбе в особенности…»

Такого неудачного начала никто не ожидал. Конечно, большинство специалистов были уверены в победе гораздо более опытного Карпова, однако хотелось, чтобы матч прошел в острой борьбе. Но… «Мы спешили к середине матча, – рассказывал английский гроссмейстер Джонатан Спилмен, – но, видимо, прибыли к концу. Карпов всегда хорошо играл, но чтобы так, я даже не ожидал. А Каспарова, наверное, подвели нервы. Молодой еще, волю не закалил».

Как говорил Гарри, «в этой ситуации Карпову оставалось завернуть и упаковать противника, то есть меня». И действительно, казалось, что все козыри были на руках у чемпиона мира. Карпов вел со счетом 4:0, противник был явно деморализован, еще две победы (по регламенту матч продолжался до шести побед без ограничения числа партий), и все, победа в кармане. Но, видимо, легкость, с которой Карпов выигрывал партии, несколько расслабила его. До определенного момента он играл очень напористо, в атакующем стиле, что, кстати, было для него нехарактерно. Но когда счет стал 4:0, он снизил обороты, ожидая, что Каспаров рано или поздно начнет ошибаться и проиграет сам. И претенденту удалось если и не переломить ход поединка, то, по крайней мере, выровнять ситуацию.

Никто не хотел рисковать. Карпов выжидал, а Каспаров играл очень осторожно, прекрасно понимая, что буквально один неверный ход может лишить его всех надежд на победу. В итоге последовала рекордная для матчей на первенство мира серия ничьих – в 17 партиях победитель так и не был определен.

Постепенно матч превратился, так сказать, в элемент повседневного быта. Сообщения об очередной ничьей стали такими же привычными, как прогноз погоды на следующий день. «Передаем сводку погоды. Сегодня в Мурманске минус 15 градусов, в Воронеже минус 9, в Сочи плюс 5, в Москве – ничья», – шутили юмористы. Им вторили и карикатуристы. В газетах появился рисунок – два скелета за шахматным столиком, один из них спит, а другой спрашивает: «Ну что, опять ничья?»

Ничейная серия была прервана в 27-й партии, которую выиграл Карпов. Счет стал 5:0 в его пользу. Каспаров оказался в катастрофическом положении. Но, как ни странно, именно в этот

момент он почувствовал некоторое облегчение. Раньше над ним довлел груз ответственности за результат матча. Теперь, когда, казалось, матч был безнадежно проигран, стало легче. Единственная реальная задача, которая у него оставалась, – постараться выиграть хотя бы одну партию и не дать возможность Карпову победить с «сухим счетом».

А в лагере чемпиона мира уже начали подготовку к чествованию своего короля. Решающей должна была стать 31-я партия. Уже был заготовлен лавровый венок победителю, а Карпов, готовясь к торжеству, надел новый костюм. Однако эта партия закончилась вничью, причем чемпион мира не сумел по ее ходу реализовать выгодную позицию. А следующую партию наконец-то выиграл Каспаров…

Тут как раз подошло время тайм-аута. В Колонном зале должна была состояться очередная сессия Академии наук СССР, и шахматисты уступили место академикам. После недельного перерыва была сыграна еще одна партия, завершившаяся вничью, а затем вновь объявили тайм-аут, на этот раз незапланированный. Колонный зал понадобился для панихиды и церемонии прощания с министром обороны СССР маршалом Д. Ф. Устиновым. С каждым днем затянувшийся матч создавал все больше проблем. Организаторы и участники матча рассчитывали, что он продлится месяца два, от силы три, однако бесконечные серии ничьих не предвещали скорого конца.

30 января 1985 года Каспаров выиграл 47-ю партию матча. Если первое поражение не вызвало серьезного волнения в лагере Карпова, то второй проигрыш заставил тренеров чемпиона мира всерьез забеспокоиться. И дело было даже не в том, что разрыв в матче сократился. Было видно, что, говоря боксерскими терминами, Карпов находился в состоянии грогги и явно поплыл. Следующую, 48-ю партию, опять выиграл Каспаров. Это было уже серьезно. Что-то назревало, но что?..

Формат этой статьи не позволяет рассказать обо всем, что происходило в матче и вокруг него в феврале 1985 года. В возникшем противостоянии каждая сторона видела и комментировала события по-своему, поэтому мы просто восстановим хронологию произошедшего.

Итак, по расписанию 48-я партия должна была состояться 1 февраля, однако ее перенесли на три дня, якобы из-за неподготовленности зала. В ночь на 2 февраля по указанию президента ФИДЕ было организовано совещание, на котором присутствовали руководители делегаций участников, главный арбитр матча Глигорич и председатель апелляционного комитета

Кинцель. По мнению руководства ФИДЕ, дальнейшее затягивание матча могло привести к серьезным проблемам со здоровьем шахматистов и поэтому было предложено ограничить дальнейшее продолжение поединка восемью партиями. Если никто не набирал шести очков, то в таком случае Карпов оставался чемпионом, а в сентябре 1985 года начинался новый матч со счета 0:0. В этой ситуации Каспарову пришлось бы выигрывать каждую вторую партию, и поэтому подобное предложение руководителями его делегации было отклонено. Назначенная на 4 февраля 48-я партия не состоялась. Без объяснения причин организаторы матча перенесли ее на 6 февраля. Однако и в этот день шахматисты так и не сели за столик – Анатолий Карпов взял двухдневный тайм-аут.

Многострадальная 48-я партия наконец-то состоялась 8 февраля, и, как мы уже знаем, победу в этой партии одержал Каспаров. Следующая встреча была назначена на 11 февраля, однако на этот раз двухдневный перерыв взял Каспаров. В ночь на 12 февраля в Москву прилетел Кампоманес и вручил руководителю делегации Каспарова новые предложения – ограничить матч 60-ю партиями. Для претендента эти предложения оказались неприемлемыми.

Утром 13 февраля, в тот день, когда должна была состояться 49-я партия, было объявлено о новом тайм-ауте, который взял президент ФИДЕ. На следующий день Кампоманес и главный арбитр матча Глигорич приехали к Каспарову в гостиницу. Кампоманес показал претенденту письмо, подписанное председателем Шахматной федерации СССР В. И. Севастьяновым. В этом письме предлагалось объявить в матче трехмесячный перерыв, мотивируя это состоянием здоровья игроков. Такое решение Каспарова не устраивало. Он заявил, что с его здоровьем все в порядке и что он видит два варианта выхода из сложившейся ситуации. Вариант первый: если Карпов не в состоянии продолжать матч, то он признает себя побежденным. Вариант второй: матч играется до победного конца в соответствии с действующими правилами. В ответ на это Кампоманес сказал: «Есть и третий вариант. Я приму решение сам!» Вечером того же дня членов команды Каспарова уведомили о том, что матч будет прекращен и о решении президента ФИДЕ будет объявлено завтра на специальной пресс-конференции.

Пресс-конференция, состоявшаяся 15 февраля 1985 года в гостинице «Спорт», продолжалась несколько часов. Президент ФИДЕ объявил, что своим решением он прекращает матч без выявления результата, а новый матч начнется 1 сентября со счета 0:0. По словам Кампоманеса, чемпион мира согласился с его

решением, а претендент ему подчинился. В своем выступлении Каспаров все же выразил резкое несогласие с решением президента ФИДЕ, Карпов же ограничился словами, что он хочет продолжения матча. Несмотря на явное нарушение регламента матча, состоявшийся позже Исполком ФИДЕ подтвердил правомерность действий Кампоманеса. Самый длинный в истории шахмат матч, продолжавшийся 159 дней, завершился ничем…

Немного отвлечемся от шахмат. В 1984 году, еще до матча с Карповым, у нашего героя начался роман с известной актрисой театра «Современник» Мариной Нееловой. «Наше знакомство продолжалось более двух лет, с того удивительного вечера в Москве, когда я увидел ее в роли Маши в чеховских «Трех сестрах», – вспоминал Каспаров. – Мы понимали друг друга с полуслова. Духовная связь помогла нам перебросить мостик между короткими и редкими встречами. Я удивлялся и радовался тому, что нам удавалось находить точки соприкосновения в самых различных и далеких друг от друга областях. Однако наши профессиональные занятия – талантливой актрисы и известного спортсмена – разводили наши орбиты все дальше и дальше». Правда люди, хорошо знакомые с Каспаровым, говорят, что была еще одна причина его разрыва с Мариной Нееловой. Кларе Шагеновне Каспаровой в какой-то момент надоело делить сына с другой зрелой и опытной женщиной, и она убедила Гарри прекратить отношения с Мариной.

С переводчицей Марией Агаповой, работавшей в «Интуристе», Гарри встречался три года. Потом они поженились, в 1993 году у них родилась дочь Полина. Однако через пять лет совместной жизни Гарри и Мария развелись. Мария вместе с дочкой уехала в США, а у Каспарова завязался новый роман с ученицей его французской шахматной школы семнадцатилетней Вирджинией Мора. Красивая девушка, происходившая из старинного испано-французского аристократического рода, прекрасно образованная (Вирджиния знает несколько языков, в том числе и русский) – как тут не потерять голову? Они любили друг друга, однако Гарри хотел всего и немедленно. Он хотел, чтобы Вирджиния ради него отказалась от карьеры и родила ему ребенка. Однако французскую аристократку подобное будущее не прельстило, к тому же ее родители не желали видеть Каспарова в качестве жениха дочери.

В 1995 году Гарри принимал участие в проходившем в Риге турнире памяти Михаила Таля. На заключительном банкете он познакомился с очаровательной фотомоделью Юлией Вовк, которую привел на банкет ее одноклассник. В начале 1996 года Гарри и Юлия поженились, а осенью того же года у них родился

сын Вадим. «Сейчас я сажусь играть во многом ради сына, – говорит Каспаров. – Мне нравится проводить время с ним, это куда приятнее для души и больше подходит моему характеру».

Семейная жизнь и продолжение рода – вещи, безусловно, очень важные, однако в 1985 году все мысли Гарри были связаны с предстоящим повторным матчем за звание чемпиона мира. Игрокам были предложены пять вариантов места проведения поединка: Франция; СССР; Франция – СССР; Франция – Англия; Франция – СССР – Англия. Оба шахматиста предпочли играть на родине, однако Карпов хотел играть в Москве, а Каспаров – в Ленинграде. Нетрудно догадаться, какой вариант выбрала шахматная федерация СССР. Естественно, матч должен был состояться в Москве.

В мае 1985 года Каспаров дал обширное интервью западногерманскому журналу «Шпигель», в котором сказал все, что думал о Шахматной федерации СССР, а также о роли Кампоманеса и Карпова в скандальном завершении первого матча. Как считает Гарри Кимович, это интервью руководители советских шахмат пытались использовать для его дисквалификации в преддверии нового поединка с Карповым. Специальное заседание Шахматной федерации СССР, на котором должно было рассматриваться «антигосударственное» поведение Каспарова, было назначено на 9 августа 1985 года. Но накануне Гарри обратился с просьбой оказать поддержку к первому секретарю ЦК компартии Азербайджана Гейдару Алиеву и руководителю отдела ЦК КПСС Александру Яковлеву. Кстати, Каспаров не случайно обратился именно к Алиеву. Всемогущий глава Азербайджана с пятнадцати лет опекал талантливого земляка, Гарри подолгу жил «на полном пансионе» на базе в Загульбе, что недалеко от дачи самого Алиева. Вообще, Каспаров (в двадцать лет вступивший в КПСС), несмотря на свой имидж «борца с коммунистической системой», никогда не был диссидентом вроде Спасского или Корчного. «Должен признать, – писал Каспаров, – что без поддержки влиятельных партийных руководителей мне бы ни за что не удалось пройти весь путь борьбы за мировое первенство».

В итоге никакие серьезные меры приняты не были, но Каспарову рекомендовали впредь без согласования с руководством интервью западным СМИ не давать. Гарри Кимович абсолютно уверен, что его хотели отстранить от предстоящего матча, однако никаких официальных подтверждений этому не найдено. Как бы там ни было, 3 сентября 1985 года в Концертном зале имени Чайковского началась первая партия матча за звание чемпиона мира.

Регламент проведения матча, с учетом прошлых ошибок, был изменен. Шахматисты также играли до шести побед, однако общее число партий было ограничено 24-мя. При ничейном счете 12:12 чемпион мира сохранял свое звание. Это не устраивало Каспарова, он считал, что новый матч игроки должны начинать на совершенно равных условиях. Еще больше возражений со стороны претендента (который, собственно говоря, таковым себя и не считал) вызвал пункт о матче-реванше. В принципе, ФИДЕ отменила это положение, однако, поскольку Анатолий Карпов имел ранее право на матч-реванш, то это право ему сохранили, правда, только для одного матча.

«Тот, кто первым выигрывает партию в матче на первенстве мира, получает серьезное психологическое преимущество», – сказал однажды Анатолий Карпов. Казалось бы, после первой партии этим самым психологическим преимуществом должен был владеть Каспаров. Он играл в своем стиле, очень напористо, в итоге выиграл партию и повел в счете. Карпов же всю партию отбивался от атак противника, подолгу раздумывая над каждым ходом. С учетом двух проигрышей на финише предыдущего матча чемпион мира проиграл уже три партии подряд, чего в его карьере никогда не было. Однако, как ни странно, Каспарова эта победа выбила из колеи, а Карпов сумел собраться и выиграть две партии подряд (4-ю и 5-ю). Понимая, что еще одно поражение поставит его в катастрофическое положение, Гарри стремился играть максимально жестко, чтобы не дать противнику развить инициативу и, по возможности, измотать его. Пять партий завершились вничью, а 11-ю – Гарри выиграл, эффектно воспользовавшись промахом соперника. В 16-й и 19-й партии ему удалось закрепить успех и в итоге его преимущество достигло двух очков. И опять в дело вмешалась психология. Вроде бы для Гарри все шло как нельзя лучше. До конца матча оставалось всего пять партий, и каждая следующая ничья приближала его к победе. Но представьте себе, что вам всего двадцать два года, и последние четыре года вся ваша жизнь была подчинена достижению одной высокой цели. И вот эта цель так близка…

«Близость победы начала затуманивать мое сознание», – вспоминал Гарри. В 21-й партии он не смог при доигрывании реализовать выигрышную позицию, а в следующей попал в цейтнот и в итоге проиграл. Разрыв в счете сократился до минимума. В 23-й партии тактика Каспарова была предельно проста – избегать малейшего риска и играть на ничью. И с этой задачей он справился.

Все решалось в последней партии. Конечно, шансы Каспарова были предпочтительнее, ведь ему достаточно было и ничьей.

Однако он прекрасно понимал, что всего один неверный ход, и Карпов не упустит возможности наказать его за ошибку. А поправить что-либо будет уже невозможно, поскольку это последняя партия…

Карпов играл белыми. Ему нужна была только победа и, естественно, он был просто обязан играть в атакующем стиле. Так и случилось. Карпов бросил все силы на атаку на королевском фланге. В какой-то момент положение Каспарова стало угрожающим. Но он сумел сдержать натиск противника, а затем перешел в контратаку.

Анатолий Карпов всегда обладал железными нервами. В отличие от того же Каспарова, который нередко удивлял своим эмоциональным поведением во время напряженных партий, двенадцатый чемпион мира никогда не показывал своего волнения. Так было и во время 24-й партии. Каспаров нервно кружил по сцене, а Карпов сидел за столиком с бесстрастным выражением лица. На 42-м ходу он на несколько минут словно оцепенел, а затем протянул руку Каспарову, поздравляя его с победой в партии и завоеванием титула чемпиона мира…

«Победа! Не думаю, что мне еще когда-нибудь суждено испытать такой ураган чувств. Достаточно ощутить такое хоть раз в жизни. Меня спрашивают, похоже ли это на восторг любви? Признаться, это даже сильнее!» Восторг Гарри понятен – ему удалось преодолеть препятствия, стать лучшим в мире и войти в историю…

Итак, Гарри Каспаров стал тринадцатым чемпионом мира по шахматам. И что дальше? А дальше ему практически сразу же нужно было готовиться к матчу-реваншу. По традиции, вопрос о месте и времени проведения матча привел к новому противостоянию между Каспаровым, Карповым, ФИДЕ и советской Шахматной федерацией. Карпов настаивал на скорейшем проведении матча в феврале-апреле 1986 года, Каспаров же считал проведение повторного поединка нецелесообразным. После долгих переговоров было решено, что матч-реванш начнется в июле 1986 года, первая его половина пройдет в Лондоне, вторая – в Ленинграде.

Если посмотреть на историю противостояния «двух К», то может показаться, что они были злейшими врагами, только и мечтающими о том, чтобы уничтожить друг друга. Не случайно перед началом матча в Лондоне английские газеты писали: «ЭТО ВОЙНА! Если бы взгляды могли убивать, то величайший матч в истории шахмат закончился еще до того, как он начался». Когда дело касалось шахмат, так оно и было. Но в жизни отношения

между двумя сильнейшими шахматистами мира были вполне нормальными. Они нередко вместе анализировали только что сыгранные партии, когда было свободное время – играли в карты. Однажды Флоренсио Кампоманес был несказанно удивлен, застав в гостиничном номере двух якобы непримиримых противников во время карточных баталий. Это была просто идиллическая картина – со стороны они походили на двух закадычных друзей. А когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС, Каспаров и Карпов договорились перечислить существенную часть призового фонда матча-реванша на закупку медикаментов для пострадавших от взрыва. Однако за шахматной доской идиллия заканчивалась…

В Англии интерес к встрече Каспарова и Карпова был огромный, каждый день за билетами выстраивалась длинная очередь. Церемонию открытия матча посетила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Она даже оделась соответствующим образом: на ней был черный костюм и белая с черными квадратиками блузка.

Начало матча выдалось спокойным – первые три партии завершились вничью. Затем соперники обменялись уколами – Каспаров выиграл 4-ю партию, Карпов – 5-ю. Равновесие сохранялось до 8-й партии. Карпов попал в жесточайший цейтнот и просрочил время за 10 ходов до контроля. Чемпион мира повел в счете и сохранил преимущество в одно очко до конца лондонской половины матча.

Если в Лондоне шахматисты играли, так сказать, на «нейтральной» территории, то в Ленинграде, как считал Каспаров, ему придется играть на чужом поле. Весьма характерный эпизод произошел в аэропорту. Каспарова, действующего чемпиона мира, увезла «Волга» с бакинскими номерами, Карпову же предоставили «Чайку» и эскорт сопровождения военной автоинспекции. Впервые за три матча обе делегации поселились в непосредственной близости друг от друга, в особняках на Каменном острове.

Видимо, ничьи порядком надоели обоим шахматистам – с первых же партий ленинградской части матча началась бескомпромиссная борьба. После выигрыша 14-й и 16-й партий преимущество Каспарова выросло до трех очков.

Наверное, изучая поведение шахматистов во время матча, психологи могли бы написать не одну диссертацию с весьма интересными результатами. Ну казалось бы, у кого в сложившейся ситуации должно быть психологическое преимущество? Кто должен лучше играть? Каспаров, который повел в счете с солидным преимуществом, или Карпов, попавший

в катастрофическое положение и вынужденный отыгрывать четыре очка (по регламенту при равном счете чемпион мира сохранял свое звание)! Ответ очевиден, конечно же, чемпион мира. Однако в подобных ситуациях, судя по всему, нормальная логика не действует. Все произошло с точностью до наоборот. Каспаров проиграл три партии подряд и его преимущество сошло на нет. Правда, был один неприятный момент, который негативно сказывался на игре Гарри. Еще в Лондоне Каспарову показалось, что из его группы происходит утечка информации, слишком уж точно реагировал Карпов на все домашние заготовки, даже на самые неожиданные и нестандартные. «Все ловушки Карпов счастливо обходил, все заготовленные удары своевременно и эффективно упреждал…» А после 19-й партии один из ближайших помощников Каспарова Евгений Владимиров покинул тренерскую группу. Несмотря на действительно серьезные подозрения, доказать, что Владимиров передавал информацию сопернику, Гарри не мог. Так или иначе, Каспарову нужно было продолжать борьбу. Он сумел собраться и выиграл 22-ю партию. В оставшихся двух встречах Карпову нужно было набрать два очка, Гарри же нужна была всего одна ничья. 6 октября 1986 года матч фактически закончился. Претендент, исчерпав все возможности для достижения победы в 23-й партии, предложил ничью. Последняя партия превратилась в формальность, Карпов мог только сравнять счет, что позволило бы ему поделить призовой фонд пополам. Но ему это не удалось, 24-я партия завершилась вничью, и в итоге матч-реванш закончился со счетом 12,5:11,5 в пользу Каспарова. Впервые с 1897 года чемпиону мира удалось отстоять свое звание в матче-реванше.

«Звание сильнейшего не означает, что я достиг потолка в шахматах. Буду стремиться совершенствовать свою игру, поднимать шахматы на новую высоту». Это не просто слова. Каспаров, пользуясь положением безоговорочно сильнейшего шахматиста в мире, начал активную борьбу против руководства Шахматной федерации СССР и ФИДЕ. И надо сказать, небезуспешно. Председатель Шахматной федерации СССР Виталий Севастьянов был отправлен в отставку, вместо него был выбран профессиональный дипломат Александр Давидович Чикваидзе.

Однако главным врагом Каспарова по-прежнему оставался президент ФИДЕ. И вот тут-то чемпион мира переоценил свои силы и возможности. На состоявшемся в конце 1986 года в Дубаи конгрессе ФИДЕ Каспаров предпринял отчаянную атаку на позиции Флоренсио Кампоманеса. День и ночь он агитировал делегатов конгресса голосовать на выборах президента ФИДЕ за

бразильца Линкольна Лусену, однако победить всемогущего Кампоманеса ему не удалось.

Потерпев поражение в борьбе с ФИДЕ, Каспаров решил создать независимую Ассоциацию гроссмейстеров. Целью новой организации были реформы в шахматном мире и привлечение крупнейших мировых фирм в качестве спонсоров. Для подготовительной работы там же, в Дубаи, был создан временный Совет, президентом которого был избран Каспаров, вице-президентами – голландский гроссмейстер Ян Тимман и Анатолий Карпов. Пока речи об отделении от ФИДЕ не было, однако Ассоциация была первым шагом на пути создания подлинно независимых шахматных организаций (или развала шахматного мира, в зависимости от того, кто как думает).

Все эти организационные хлопоты отнимали у Гарри массу времени. А ведь ему нужно было готовиться к очередной защите своего чемпионского титула. В 1987 году Анатолий Карпов выиграл финальный матч претендентов у Ивана Соколова. В четвертый раз за три года Каспаров и Карпов должны были встретиться в матче за звание чемпиона мира.

«Я знаю Каспарова с первых его шахматных ходов и не припомню его в таком тяжелом состоянии, – говорил известный гроссмейстер Артур Юсупов. – Дело не в счете. Как он проигрывает?! Столкнувшись с первой же неожиданностью, надолго задумывается. Жестокие цейтноты. Подставляет ладью. Не переводит свои часы. Может быть, он потерял психологическую устойчивость? Перед матчем Каспаров заявил: «Проблему Карпова я решил». Но решил ли он проблему самого себя?..» Начало матча, проходившего осенью 1987 года в Севилье, для Гарри было крайне удручающим. Из первых пяти партий он проиграл две. Правда, затем ему удалось восстановить равновесие, однако в творческом плане севильский матч явно уступал прошлым поединкам «двух К». Так думал и Каспаров, и шахматные специалисты. Очевидно, что долгое противостояние двух сильнейших шахматистов мира сказалось на качестве их игры. Однако какой был финал!

Итак, до конца матча оставалось всего две партии. Преимущество было на стороне Каспарова, при равном счете он сохранял чемпионское звание. В 23-й партии белыми играл Карпов. Дебют прошел в равной борьбе. В середине партии Гарри сделал два импульсивных и непродуманных хода, что обеспечило противнику весомый стратегический перевес. В обоюдном цейтноте у чемпиона мира была возможность добиться ничьей, однако он не сумел найти лучшего в данной ситуации продолжения. Игра шла очень неровно. Карпов не использовал

выгодного положения и начал повторять ходы. Партия, казалось бы, вновь пошла к ничьей, но неожиданно Каспаров, вместо того, чтобы тоже повторять ходы, вдруг затеял совершенно проигрышную комбинацию. В итоге он сам себя загнал в угол. Анатолию Карпову не составило никакого труда довести партию до победного конца.

«Матч в Севилье стал для меня самым тяжелым жизненным испытанием, – вспоминал Каспаров. – Одних терзаний между 23-й и 24-й партиями хватило бы на всю жизнь. У меня до сих пор такое ощущение, будто я заглянул в бездну». Собственно говоря, матч был проигран, в этом мало кто сомневался. Во время московского матча 1985 года в подобной ситуации оказался Карпов, которому для сохранения звания чемпиона мира нужно было выиграть последнюю партию. Однако он не смог этого сделать. Аналогия не из приятных… Вообще специалисты считали, что только два шахматиста могли, что называется, «на заказ» победить в последней партии – Алехин и Фишер. Но Алехин в свое время этого не сделал, у Фишера же никогда не возникало такой необходимости. А у Гарри выбора не было…

И все-таки шанс оставался и его нужно было использовать. Два года назад Карпов ринулся в отчаянную атаку, почти достиг цели, однако выиграть партию не смог. Поэтому Гарри решил играть как можно спокойнее, чтобы по возможности втянуть соперника в медлительную борьбу, в надежде, что Карпов, стремясь к ничьей любой ценой, допустит ошибку. И этот план сработал. Естественно, претендент играл исключительно на ничью, однако поздно среагировал на надвигающуюся опасность. Оба шахматиста попали в цейтнот. У Каспарова была возможность провести атакующую комбинацию, однако он своим шансом не воспользовался. Затем Карпов не увидел ничейное окончание. Партия была отложена. Как оказалось, оба шахматиста провели время перед доигрыванием в тяжелых раздумьях. Карпов не верил в удачный исход партии и оценивал свои шансы как 30 % на ничью и 70 – на проигрыш. А команда Каспарова не видела реального выигрышного продолжения партии. Гарри понимал, что он может лишиться завоеванного с таким трудом титула. И все-таки он победил…

Через три года Гарри Каспаров и Анатолий Карпов в пятый раз встретились в финальном матче за звание сильнейшего шахматиста мира. В этом матче, проходившем в Нью-Йорке и Лионе, Каспаров был явно сильнее своего соперника и победил со счетом 12,5:11,5. На этом эпоха «великого противостояния» двенадцатого и тринадцатого чемпионов закончилась. В пяти матчах они сыграли 144 партии, 21 – выиграл Каспаров, 19 –

Карпов, 104 партии завершились вничью.

В декабре 2002 года в Нью-Йорке состоялся еще один матч между Каспаровым и Карповым. Конечно, этот поединок, состоящий из четырех партий с ограниченным контролем времени, был мало похож на их матчи 1980-х годов и напоминал скорее шоу, чем истинно шахматное противостояние. Но, тем не менее, этот матч, организованный с присущим американцам размахом, вызвал огромный интерес. В успехе Каспарова не было сомнений, тем более что на тот момент он занимал первое место в мировом шахматном рейтинг-листе, а его давний соперник – только 17-е. В первый день соперники обменялись уколами – первую партию выиграл Каспаров, вторую – Карпов. А на следующий день произошла сенсация. Карпов уверенно победил белыми в третьей партии, а в четвертой умело организовал защиту и сумел свести игру к ничьей. В итоге мини-матч завершился со счетом 2,5:1,5 в пользу Карпова. Конечно же, Гарри Кимович был страшно раздосадован этим поражением. И понятно, что Анатолий Евгеньевич не скрывал своей радости, ведь впервые ему удалось обыграть своего самого главного соперника в матчевой встрече. «В плане турнирных результатов 2002 год был для меня не слишком удачным, – говорил Карпов в одном из интервью. – Несколько раз я был в полушаге от победы, однако так и не смог победить. Но все это, конечно, сполна компенсировалось победой в матче над Гарри Каспаровым. Так что в итоге год оказался весьма позитивным!»

Они всегда были антагонистами. Каспаров – западник и либерал, человек, исповедующий принципы демократии в чистом виде (правда, как говорят недоброжелатели, до тех пор, пока это не касается его личных интересов). И Карпов – «коммунистический чемпион», ставленник и любимец партийной номенклатуры. Интересно, а к кому из них лучше относятся за пределами России, например в Европе? Вроде бы все ясно, однако, как это часто бывает в случае «двух К», очевидный, казалось бы, ответ, оказывается совсем не очевидным. Вот что по этому поводу сказал в интервью польским журналистам Виктор Корчной: «Поскольку я враг Карпова, я самый натуральный союзник Каспарова. Но он не всегда это понимает. Я сделал очень много для того, чтобы принести негативную популярность Карпову в Европе. Очень много. И все равно в западной Европе он имеет более позитивную славу, чем Каспаров. Почему? Потому что у Карпова есть штаб людей, которые советуют ему, и он слушает их. У Каспарова тоже есть штаб людей, которые советует ему, но он всегда делает так, как он хочет. Никого не слушает. В

результате у Карпова реноме в Европе лучше, чем у Каспарова». Да, характер у тринадцатого чемпиона мира, мягко скажем, неоднозначный. «Каспаров принадлежит к числу тех натур, которые могут вызывать самые полярные чувства, но только не равнодушие», – писал известный гроссмейстер и шахматный историк Алексей Суэтин. Каспаров – человек импульсивный, очень категоричный, резко высказывающий свои мысли и не признающий авторитетов. В любых спорах он признает только собственную точку зрения и не слишком считается с мнением собеседников. Однажды Каспаров (да, чемпион мира, но еще очень молодой человек) затеял по какому-то вопросу спор со своими гостями, среди которых были известные академики Абалкин и Аганбегян. Диалога и обмена мнениями не получалось, в основном говорил Каспаров. В конце концов одному из гостей это порядком надоело и он сказал знаменитому шахматисту: «Знаете, Гарри, когда Михаил Ботвинник, уже ставший чемпионом мира, стал уж очень категорично высказываться по совершенно незнакомому вопросу, его тренер весьма остроумно заметил: «Вполне возможно, что в шахматах вы и гений, но в остальном – самый обыкновенный еврей…» Каспаров понял намек. Он вспыхнул и вышел из комнаты. Затем вернулся, пять минут молчал, но все-таки не выдержал. Гарри обвел гостей указательным пальцем и сказал: “И все же вы не правы!..”»

А вот что думают о Каспарове коллеги-шахматисты. Валерий Салов, известный гроссмейстер, один из претендентов на звание чемпиона мира, президент Всемирного совета игроков: «У этого человека жуткое эго! Он думает, что весь мир вращается вокруг него. Он уверенно идет по пути разрушения шахматного сообщества. Он является диктатором в полном смысле этого слова!» Вишванатан Ананд, чемпион мира по версии ФИДЕ: «Нелюдимый, очень жесткий человек». Гарри Кимович, естественно, в долгу не остается и отвечает «взаимностью»: «Последние 15 лет я постоянно встречался с шахматистами, единственной целью, идефиксом которых было побить Гарри Каспарова. Убить шерифа – это все, чем они жили. Я лидирую среди всех чемпионов мира в одной категории – по количеству брошенной в меня грязи. Больше, чем во всех остальных вместе взятых! Несмотря на все попытки моих врагов, я бьюсь, придумываю новые проекты и остаюсь лидером!»

Девизом ФИДЕ являются простые слова – «Gens una sumus» («Мы все одна семья»). Однако отношения между ведущими шахматистами мира никогда не были дружественными и идиллическими. В шахматном мире, особенно современном,

царят весьма жесткие, если не сказать жестокие правила. Уже упоминавшийся нами Валерий Салов однажды признался, что каждая проигранная партия оборачивается для него личным крахом – психическим, интеллектуальным, моральным.

И все-таки до какого-то момента шахматы жили по определенным законам и правилам. Нравились эти законы и правила шахматистам или нет, но они им подчинялись. Пока Гарри Каспаров не решил их изменить…

Напомним историю шахмат. В совсем уж древние времена углубляться не будем, а начнем с 1886 года, когда Вильгельм Стейниц, победив в матче до 10 побед Иоганнеса Цукерторта, стал первым официальным чемпионом мира. До 1946 года порядок розыгрыша звания сильнейшего шахматиста мира носил произвольный характер. Чемпион мира единолично определял регламент и порядок матча и выбирал себе соперника. По предложению третьего чемпиона мира Хосе Рауля Капабланки в 1922 году была предпринята попытка упорядочить проведение чемпионата мира, однако она не увенчалась успехом. Не изменило ситуации и создание в 1924 году Международной шахматной федерации (ФИДЕ).

В 1946 году скоропостижно скончался действующий чемпион мира Александр Алехин. С этого момента организацией чемпионатов мира занялась ФИДЕ. В 1948 году для определения чемпиона мира был организован матч-турнир среди пяти сильнейших шахматистов мира. Победителем в этом матче стал Михаил Ботвинник. С тех пор были установлены основные положения о матчах за звание чемпиона мира. Чемпион мира обязан был раз в три года отстаивать свое звание, а претендент определялся в серии отборочных матчей. Регламент чемпионского матча неоднократно менялся, но главное оставалось незыблемым – чемпионат мира находился под контролем ФИДЕ. Были, конечно, и бунтари, прежде всего Роберт Фишер. Но он не стремился к независимости от ФИДЕ и созданию каких-то параллельных шахматных организаций, а просто выдвигал непомерные требования к регламенту матча, а когда эти требования были отклонены, отказался играть с Карповым. А вот Каспаров пошел дальше…

В 1990 году Каспаров в пятом матче с Анатолием Карповым отстоял звание чемпиона мира, после чего начался новый чемпионский цикл 1993 года. В полуфинальных матчах претендентов встретились английский гроссмейстер Найджел Шорт и Анатолий Карпов, а также российский шахматист Артур Юсупов и голландец Ян Тимман.

Впервые за много лет Анатолий Карпов не смог стать участником финального матча за мировую шахматную корону. Он проиграл Шорту, в другом матче победил Ян Тимман. Шорт и Тимман встретились в финальном матче претендентов. Сильнее оказался английский гроссмейстер, который и должен был стать соперником Каспарова. И вот тут-то привычный ход событий был нарушен. Перед финальным матчем Каспаров и Шорт объявили о своей независимости от ФИДЕ, создании Профессиональной шахматной ассоциации (ПША) и проведении под эгидой этой организации финального матча за звание чемпиона мира. Матч, состоявшийся в 1993 году в Лондоне, легко выиграл Каспаров со счетом 12,5:7,5.

Естественно, что ФИДЕ так просто свою монополию на проведение главного матча в шахматном мире отдавать не собиралась. Оба зачинщика раскола были исключены из международного рейтинг-листа. Однако решение, принятое руководителями ФИДЕ выглядело, по меньшей мере, странно. Был организован параллельный матч между Карповым и Тимманом, на тот момент третьим и четвертым шахматистами в рейтинге. Двенадцатый чемпион мира убедительно победил голландца со счетом 12,5:8,5. Но в данном случае были нарушены права других шахматистов, прежде всего Артура Юсупова, еще одного участника полуфинального матча претендентов. Получилось так, что в матче за мировое первенство по версии ФИДЕ встречались победитель одного полуфинала (Тимман) и шахматист, проигравший в другом полуфинальном матче (Карпов). А еще один участник полуфинальной встречи оказался за бортом чемпионского матча.

В принципе, такие непродуманные действия ФИДЕ (говоря прямо, явное предпочтение одному шахматисту и игнорирование интересов других игроков) было на руку Каспарову с его стремлением отделиться от ФИДЕ и привлечь на свою сторону ведущих гроссмейстеров. Однако подавляющее большинство шахматистов за Каспаровым не пошли. Почему же так получилось, почему ему отказали в поддержке? Вот что по этому поводу сказал сам Гарри Кимович в интервью газете «Новые Известия»: «Большинство гроссмейстеров заняли такую позицию: играем и у тех, и у других и получаем деньги в обеих организациях. При этом в лучшем случае они сохраняли нейтралитет по отношению к ПША. Некоторые же поливали нас грязью, хотя создание ПША было единственной попыткой получить коммерческие деньги для финансирования шахматных мероприятий. Это был прорыв, но прорыв выдохся, как выдыхается любой десант, потому что его никто не поддержал:

дескать, есть – есть, нет – нет, ну и что? Абсолютное равнодушие – как говорится, пусть Каспаров вкалывает. Полностью отсутствует понимание того, что надо помогать – интервью, например, дать или хотя бы достойно себя вести, не устраивая коммунальных скандалов. Этого понимания не было, как не было и понимания того, что эти проблемы отталкивают спонсоров».

Нетрудно догадаться, что мнение других шахматистов не совпадает с мнением Каспарова. Напомним, что в 1987 году по инициативе Гарри Кимовича была создана Ассоциация гроссмейстеров, и тогда Каспарова поддержали практически все ведущие игроки. Если уж «заклятый враг» Карпов согласился занять в Ассоциации пост вице-президента, то что уж говорить о других. Но вскоре методы руководства Каспарова начали вызывать раздражение у членов Ассоциации. Послушаем Виктора Корчного: «Мы были с Каспаровым в прекрасных отношениях. Однако затем он забыл, что я его союзник. Однажды на заседании Ассоциации обсуждался какой-то вопрос, где Каспаров хотел повести членов Ассоциации за собой, а я ему возражал. И гроссмейстеры пошли за мной, а не за Каспаровым! Это был такой удар, который он мне не простил. Когда мы собрались вместе в следующий раз, присутствовал Кампоманес. И вдруг я увидел, что Каспаров дружит с Кампо, и он бьет меня для того, чтобы показать президенту, какой он хороший!» Так или иначе, один за другим шахматисты разочарованно покидали лагерь сторонников тринадцатого чемпиона мира. В итоге, ни Ассоциация гроссмейстеров, ни ПША долго не просуществовали. Кстати, провал ПША был обусловлен еще одной причиной. Главным спонсором этой организации была всемирно известная компьютерная компания «Intel». Поначалу отношения Каспарова и «Intel» складывались очень неплохо, но в 1996 году Гарри Кимович решил сыграть матч с компьютером «Deep Blue», созданным компанией IBM. Естественно, что «Intel» не понравилось сотрудничество Каспарова с главным конкурентом на рынке компьютерной техники, и в итоге финансирование ПША было прервано. Здесь, кстати, мы коснулись еще одной интересной темы – противостояния человека и компьютера.

Еще в 1769 году австрийский инженер Вольфганг фон Кемпелен сконструировал шахматного робота. Современники были потрясены, но вскоре тайну механической игрушки разгадали. Оказалось, что внутри большого агрегата сидел живой человек, который и управлял роботом. Это, конечно, исторический курьез, до появления компьютера заменить живого человека за шахматной доской не могли. Только в 60—70-х годах XX века компьютеры стали постепенно входить в жизнь

шахматистов.

Любопытно, что советская школа долгое время была лучшей в мире и среди «электронных шахматистов». На состоявшемся в 1974 году чемпионате шахматных программ победила созданная российскими электронщиками программа «Каисса», опередившая 15 соперников, в том числе и американскую программу «Chess 4». Правда, в те времена даже самые лучшие творения компьютерщиков не могли на равных соперничать даже с шахматистами среднего уровня. Но ситуация постепенно изменилась – «железо» и программы усовершенствовались настолько, что сама собой возникла идея провести матчи между компьютером и лучшими представителями шахматной элиты.

В 1988 году в открытом первенстве США, собравшем почти 600 шахматистов, принял участие и шахматный компьютер «Deep Thought». Это было, пожалуй, первое удачное выступление компьютера в соревновании такого ранга – «Deep Thought» занял в общем зачете 18 место, обыграв при этом нескольких сильных шахматистов. Но противостоять на равных двенадцатому и тринадцатому чемпионам мира компьютер не сумел – в мини-матчах и Карпов, и Каспаров легко обыграли «силиконового» игрока.

Огромный интерес в мире вызвал матч Гарри Каспарова и супер-компьютера «Deep Blue». Естественно, что всем хотелось узнать, чем же закончится соперничество человеческого мозга и электронной машины. Первый матч, состоявшийся в 1996 году, легко выиграл Каспаров со счетом 4:2. Не видя для себя особых трудностей в игре с компьютером, чемпион согласился на матч-реванш. И вот тут-то его ждало жестокое разочарование. Оказалось, что год, прошедший с момента первого матча, программисты из IBM провели не зря и с лихвой отработали свою зарплату. Усовершенствованный «Deep Blue» выиграл у чемпиона мира со счетом 3,5:2,5. Удар по самолюбию Каспарова был настолько сильным, что он не удержался от обвинений в адрес создателей программы, подозревая, что компьютеру помогали сильнейшие шахматисты мира. Конечно, проигрывать «железяке» очень обидно, все же это не помешало Гарри Кимовичу, как и другим шахматистам, провести новые встречи с компьютерами. Один из таких матчей, привлекших большое внимание публики и журналистов, состоялся в ноябре 2003 года. Каспарову противостояла программа X3D Fritz, в то время – первый номер мирового рейтинга среди шахматных программ. Четыре партии победителя не выявили – одну партию выиграл компьютер, одну – Каспаров и две закончились вничью. Кстати, если раньше против шахматистов играли большие многопроцессорные комплексы, то

сейчас лучшие программы работают на обычных ПК. Против Каспарова создатели X3D Fritz выставили компьютер на базе процессора Pentium IV, стандартную машину, которую можно купить в любом компьютерном салоне.

Сейчас невозможно представить себе жизнь шахматиста без компьютера. Конечно же, ЭВМ серьезно облегчает процесс подготовки игрока к соревнованиям. Если раньше для того, чтобы овладеть каким-то новым дебютным началом, шахматисту недели две нужно было изучать литературу, а затем примерно месяц разучивать дебют, то сейчас этот процесс с использованием компьютера занимает от силы час. Однако первоначальный восторг от повсеместной компьютеризации шахмат сменился определенным скепсисом. Все чаще звучат мнения, что компьютер убивает в шахматистах творческое начало и снижает качество их игры. Даже Каспаров, который одним из первых начал использовать компьютер при подготовке, объяснял причину своих последних неудач тем, что он «слишком много занимался с этой «чертовой машиной».

Но вернемся к живым, так сказать, «белково-углеводным» шахматистам. Если компьютер пока подчиняется (надеемся, что так будет всегда) человеческому разуму, то вот с людьми гораздо сложнее. Уже больше десяти лет шахматный мир находится в состоянии раскола, возникшего в начале 90-х годов прошлого века. Конечно, неоднократно предпринимались попытки тем или иным способом объединить шахматистов. В 1996 году президентом ФИДЕ был избран Кирсан Илюмжинов (по совместительству – Президент Республики Калмыкия). Новоизбранный президент сразу же развил активную деятельность и попытался вернуть под крыло ФИДЕ Каспарова и его немногочисленных сторонников. Илюмжинов предложил совершенно новую формулу розыгрыша чемпионата мира. Вместо многолетнего розыгрыша по системе претендентских матчей он ввел так называемую нокаут-систему коротких матчей (проигравший шахматист сразу же выбывает из соревнований). Если основной матч завершался вничью, то победитель определялся в тай-брейке, сначала в мини-матче по быстрым шахматам, а если и он не давал результата, то тогда в матче по блиц-шахматам. И в этом случае не обошлось без конфликтов. Илюмжинов, желая объединить Каспарова и Карпова и считая их равноправными чемпионами мира, допустил обоих сразу в финальный турнир. Однако Каспаров не признал ни нового президента ФИДЕ, ни его новую систему. А против предоставления привилегий Карпову выступили несколько

ведущих гроссмейстеров во главе с набиравшим тогда обороты российским гроссмейстером Владимиром Крамником. Президент ФИДЕ никак не отреагировал на эти протесты и попытка объединения превратилась в новый раскол…

ФИДЕ проводила свои чемпионаты и объявляла новых чемпионов мира. Первый чемпионат по нокаут-системе, состоявшийся в 1998 году в Лозанне, выиграл Анатолий Карпов, обыгравший в финале Вишванатана Ананда. Через год победителем стал российский гроссмейстер Александр Халифман, который был объявлен четырнадцатым чемпионом мира по шахматам. Через год появился и пятнадцатый чемпион – по версии ФИДЕ им стал Вишванатан Ананд, который, кстати, еще в 1995 году проиграл Каспарову матч за звание чемпиона мира по версии ПША. В общем, чемпионов по разным версиям было много, однако все понимали, что в подобной ситуации любое чемпионское звание полноценным и однозначным считаться не может. Такое положение дел напоминает ситуацию в профессиональном боксе, где, как известно, существует несколько организаций, которые, в соответствии со своими правилами, определяют чемпионов мира. Правда в боксе хотя бы иногда проводятся поединки за звание абсолютного чемпиона мира по всем версиям, в шахматах же с 1990 года так и не удалось выявить сильнейшего игрока, признанного всем шахматным миром…

По своей версии Гарри Каспаров удерживал чемпионское звание семь лет. В 1998 году ПША фактически перестала существовать, и вместо нее появилась организация под названием «Brain Games Network», возглавляемая английским гроссмейстером Р. Кином. Под эгидой «Brain Games» было решено провести матч за звание чемпиона мира между Гарри Каспаровым и победителем матча между Владимиром Крамником и выступающим за Испанию гроссмейстером Алексеем Шировым. В свою очередь, поединок Крамник – Широв был организован так называемым Всемирным шахматным советом (наверное, читатель уже устал от множества всяческих шахматных ассоциаций, федераций, советов и т. п., но что поделаешь, такова сейчас ситуация в современных шахматах). Безусловным фаворитом матча считался Крамник (на тот момент – второй в мировом шахматном рейтинг-листе вслед за Каспаровым), под будущий поединок которого с тринадцатым чемпионом мира уже практически были подписаны контракты со спонсорами. Неожиданно Алексей Широв выиграл у российского гроссмейстера, и тем самым нарушил планы организаторов матча с Каспаровым (собственно говоря, и самого Каспарова). Гарри

Кимович заявил, что поединок с Шировым не заинтересует спонсоров и потому не имеет смысла. Естественно, что Алексей пытался возражать против нарушения ранее достигнутых договоренностей. А поскольку его матч с Крамником проводился в рамках Всемирного шахматного совета, то в «Brain Games» решили, что они вправе сами определять соперника Каспарова. Этим соперником стал Владимир Крамник.

Если с финансовой точки зрения Крамник был самой выгодной кандидатурой для Каспарова, то с игровой – совсем наоборот. Владимир всегда считался одним из самых неудобных соперников для тринадцатого чемпиона мира. К тому же Крамник в 1995 году был в команде Каспарова, когда тот готовился к чемпионскому матчу с Вишванатаном Анандом, и прекрасно знал манеру игры Гарри Кимовича. После матча Каспарову не раз задавали вопрос: «Не было ли приглашение Крамника в качестве консультанта ошибкой, ведь он уже тогда считался реальным претендентом на чемпионскую корону?» – «В 1995 году я не слишком много думал о будущем, – отвечал Каспаров. – Я чувствовал реальную угрозу, исходящую от Ананда. Мне нужен был сильный гроссмейстер в команде, с которым можно было бы играть блиц-партии, анализировать. Может быть, оглядываясь назад, это было не лучшим решением. Но это было пять лет назад. В тот момент мне нужно было реагировать на конкретную угрозу со стороны претендента».

Матч, состоявшийся в октябре 2000 года в Лондоне, стал самым худшим в карьере Гарри Каспарова. И дело не в счете, не в проигрыше Каспарова. Да, он проиграл Крамнику, он потерял звание чемпиона (правда, не совсем понятно, по какой версии), но, в конце концов, от неудач никто не застрахован, тем более если играть приходится с сильным соперником, который очень хочет победить. Дело в другом: в этом матче Каспаров играл без присущего ему блеска, не смог навязать противнику острый, комбинационный стиль, в котором он привык играть. Впервые в своей карьере Гарри не сумел выиграть в матче ни одной партии. Только в последней, 15-й партии он был близок к победе, однако реализовать преимущество не смог. Крамнику же удалось победить в двух партиях, и в итоге он выиграл матч со счетом 8,5:6,5.

Что же стало причиной столь неудачной игры тринадцатого чемпиона мира? Прежде всего, конечно, превосходная игра Владимира Крамника, который великолепно подготовился к матчу. Но были и другие проблемы. «В последние годы Каспарову все меньше хочется играть, – сказал в интервью соратник Гарри Кимовича по ПША английский шахматист Найджел Шорт. – Он

все больше склоняется к анализу, любит получать готовые рецепты перед игрой. Он выглядит расстроенным, когда с ним играют не по его заранее заготовленному плану». Сам же Каспаров так объяснял свое поражение: «Когда часто побеждаешь, то начинает казаться, что так будет всегда, что не надо прилагать дополнительных усилий и чемпионские звания будут сыпаться автоматически. Я потерял бдительность, и это естественный процесс. Победа Крамника не случайна, он ее заслужил, однако мое поражение – незакономерно. Я подошел к поединку в Лондоне не в том состоянии. В итоге – провал».

Возможно, что на состояние Каспарова повлияла его занятость делами, не имеющими отношения непосредственно к шахматам. Сразу же после начала перестройки Гарри Каспаров активно включился в политическую жизнь. Он в числе «демократов первой волны» стоял у истоков зарождавшегося в СССР, а затем в России демократического движения, очень активно поддерживал Бориса Ельцина, боровшегося за пост Президента России. В 1997 году Каспаров неожиданно вошел в команду генерала Александра Лебедя. «Генерал и интеллектуал – что между ними может быть общего?» – для многих подобный союз выглядел весьма странным, но сам Каспаров никогда не считал этот шаг ошибкой. В 2004 году Гарри Каспаров стал одним из лидеров «Комитета-2008. Свободный выбор», целью которого является проведение честных выборов Президента России в 2008 году. «Для нас совершенно неважно, кто именно победит на выборах 2008 года. Главное, чтобы это были выборы, на которых мы не окажемся в роли тех, кого заставляют штамповать решения Кремля», – заявил Гарри Каспаров, объясняя задачи вновь созданной организации.

Каспаров активно занимался в России и бизнесом, однако в последнее время предпочитает вести дела за рубежом. В одном из интервью популярному еженедельнику «Аргументы и факты» Гарри Кимович так объяснил свое решение: «Я получил весьма печальный опыт работы здесь, с меня хватит. Видимо, меня воспитывали в иных традициях, во всяком случае, не испытываю желания иметь дело с «крышами», бандитскими прихватами и прочими атрибутами современного российского бизнеса. Не вижу причин, по которым я должен терять уважение к себе, нарушать кодекс – моральный и уголовный. Проще работать на Западе, где понимают, что такое контракт, джентльменское соглашение, выполнение обязательств… Откровенно скажу: знакомым бизнесменам не рекомендую идти в Россию, инвестировать в нашу экономику. Убежден: здесь еще долго ничего по-настоящему не изменится к лучшему. И вопрос не в том, продавит ли

правительство десять новых экономических законов через Думу или нет. Дело не в законах, а в моральной атмосфере в обществе. Если люди считают, что коррупция – единственный способ выживания, о чем говорить? Многие свято верят: без взятки ничего не добиться. Так, по сути, и есть. А я не хочу платить всякому жулью. Поэтому веду дела там, где играют по правилам. Так мне спокойнее…»

Между тем шахматная жизнь продолжалась. В 2002 году в Москве в финальном матче за звание чемпиона по версии ФИДЕ встретились два украинских гроссмейстера – Василий Иванчук и Руслан Пономарев. Большинство специалистов отдавали предпочтение более опытному Иванчуку. Что же касается Пономарева, то его считали хоть и очень талантливым, уж слишком молодым шахматистом (на тот момент Руслану исполнилось всего 18 лет). Скептически относился к чемпионским амбициям молодого украинского гроссмейстера и Каспаров: «У меня нет четкого представления о Пономареве, поскольку он никогда не играл в самых главных турнирах. Я не уверен, что он когда-нибудь поднимется до моего уровня, либо до уровня Крамника или Ананда». Но для того, видимо, и существуют авторитетные мнения, чтобы их опровергать. Матч выиграл Руслан Пономарев, который стал самым молодым в истории ФИДЕ чемпионом мира.

Вскоре после поединка Пономарев – Иванчук по инициативе известного американского гроссмейстера Ясера Сейравана в Праге собрались все сильнейшие шахматисты мира, а также руководство ФИДЕ во главе с Кирсаном Илюмжиновым. Сам по себе факт встречи деятелей ФИДЕ и шахматистов, игравших под крылом других организаций, был огромным достижением, ведь тот же Каспаров десять лет отказывался контактировать с Международной шахматной федерацией. Результатом долгих переговоров стали так называемые «Пражские соглашения», согласно которым определялся порядок розыгрыша звания абсолютного чемпиона мира. На тот момент существовали два чемпиона мира – Владимир Крамник, ставший победителем турнира по версии Ассоциации шахматных профессионалов (АШП), по сути дела, преемницей распавшихся ПША и «Brain Games Network», и Руслан Пономарев, действующий чемпион ФИДЕ. Финалисты объединительного матча должны были определиться в поединке Крамника и победителя отборочного турнира АШП (им позже стал венгерский шахматист Петер Леко), а также в матче между Гарри Каспаровым и Русланом Пономаревым. В дальнейшем матчи за звание сильнейшего

шахматиста планеты могла проводить только ФИДЕ, только эта организация получала право объявлять легитимного и общепризнанного чемпиона мира. Подобная формула, так или иначе, устроила всех. «Пражские соглашения» подписали Каспаров, Крамник, Илюмжинов, Пономарев, в общем, все заинтересованные стороны. Появилась надежда, что многолетний раскол будет наконец-то преодолен…

Казалось бы, встретились взрослые ответственные люди, договорились, подписали соглашения, значит, все должно пройти согласно этим соглашениям. Но не тут-то было…

Матч Крамник – Леко долго откладывался, но все-таки состоялся 25 сентября – 18 октября 2004 года в швейцарском городе Бриссаго. Поединок получился очень напряженным. Перед последней партией Петер Леко имел преимущество в одно очко. Владимир Крамник оказался в той же ситуации, что и Каспаров во время севильского матча с Карповым 1987 года. И Крамнику удалось повторить подвиг тринадцатого чемпиона мира – Владимир выиграл последнюю партию и сохранил чемпионское звание по версии АШП. А вот матч Каспаров – Пономарев так и не состоялся…

Местом проведения чемпионского поединка по версии ФИДЕ должен был стать Буэнос-Айрес. Выбор Аргентины, страны, в которой совершенно отсутствовали хоть какие-нибудь шахматные традиции, выглядел, по меньшей мере, странно. К тому же в 2003 году в Аргентине разразился финансовый и политический кризис, и в итоге организаторы матча не смогли обеспечить призовой фонд. Решено было провести матч в Ялте. Однако в Украине Пономарев и Каспаров тоже не сыграли. По мнению Кирсана Илюмжинова, украинский гроссмейстер выдвинул неприемлемые финансовые условия, которые ФИДЕ никак не могла принять. Пономарев же мотивировал свой отказ от матча нежеланием Илюмжинова принимать его требования, даже те, которые были согласованы заранее. Трудно судить, кто был прав в этом конфликте. Анатолий Карпов, например, фактически обвинил в срыве матча ФИДЕ и оправдывал Пономарева. «Нельзя так издеваться над парнем, как это делал в последнее время Илюмжинов, – сказал на пресс-конференции двенадцатый чемпион мира. – Я думаю, что если ФИДЕ будет применять подобные методы и дальше, то шахматный мир в очередной раз расколется, и ФИДЕ прикажет долго жить…»

Чемпионская эпопея на этом не закончилась. Подошло время очередного чемпионата ФИДЕ по нокаут-системе, который должен был пройти в Ливии. Большинство ведущих гроссмейстеров, в том числе и Руслан Пономарев, отказались от

участия в этом чемпионате. В ответ на этот шаг ФИДЕ лишило украинского шахматиста звания чемпиона мира. В результате Каспаров остался без соперника. Было решено, что он сыграет с победителем нокаут-чемпионата в Ливии. Сильные игроки в чемпионате не участвовали и новым чемпионом по версии ФИДЕ стал малоизвестный узбекский шахматист Рустам Касымджанов.

Кирсан Илюмжинов торжественно объявил, что поединок Каспаров – Касымджанов состоится в начале 2005 года в столице ОАЭ Дубаи. Но вскоре выяснилось, что в Эмиратах не очень-то заинтересованы в проведении этого матча. Призовой фонд шахматные деятели из ОАЭ вовремя обеспечить не смогли. Матч готовы были принять в Турции, причем в кратчайшие сроки. В ФИДЕ долго думали и наконец предложили провести матч с 25 апреля по 14 мая. Однако Каспаров не выдержал постоянного затягивания сроков начала матча и, в конце концов, отказался играть с Касымджановым. 18 января Гарри Кимович опубликовал открытое письмо, в котором мотивировал причины своего решения. «В 2002 году в Праге я подписал совместный документ с ФИДЕ в попытке объединить шахматный мир и определить единого чемпиона, – писал Каспаров. – За два с половиной года матчи объединительного цикла назначались уже четырежды и всякий раз, когда подходил очередной «последний срок», финансовых гарантий не было.

Четыре раза я откладывал все дела и каждый раз отводил три месяца на подготовку, игру и последующий отдых. В результате я нес не только финансовые потери (что очевидно), но мне также был нанесен и определенный психологический ущерб. Эти постоянные переносы оказывали весьма негативное влияние на мою жизнь как в профессиональном, так и в личном плане. Международная шахматная федерация, как ни странно, даже не находила нужным держать меня в курсе происходящих событий, не говоря уже о том, чтобы компенсировать материальные издержки или хотя бы извиниться за то, что мои планы постоянно срывались…

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало то, что за проходящим сейчас в Голландии супертурниром в Вейк-ан-Зее я вынужден следить всего лишь в качестве стороннего наблюдателя. Мне пришлось отказаться от приглашения на этот турнир после того, как ФИДЕ заверила меня, что в эти же сроки в Дубаи состоится мой матч. Наблюдать за таким великолепным соревнованием со стороны для меня чрезвычайно тяжело. Страдаю не только я: мне кажется, ущерб наносится и шахматам…

Проблема даже не в деньгах и не в завоевании титула –

проблема в том, что я разочарован самим процессом и работой тех, кто должен был участвовать в его осуществлении. В 2002 году я мечтал о законном шансе вернуть былую славу титулу чемпиона мира и вновь завоевать его. Сегодня я уже не считаю, что это возможно. Даже если бы каким-то чудом матч с Касымджановым был проведен и я выиграл его, то на меня легла бы большая ответственность, и это при том, что возможностей объединить титул я по-прежнему не вижу. ФИДЕ доказала, что она не способна решить эту задачу, а другие продемонстрировали, что они не желают этого делать.

Что касается объединения, я не вижу способа в дальнейшем содействовать этому процессу. Те, кто видел во мне препятствие, могут вздохнуть с облегчением. Я не ухожу из шахмат и буду играть настолько долго и настолько хорошо, насколько смогу сохранять свой фирменный стиль. Я продолжаю служить шахматам и всем, кто любит нашу игру. В течение 20 лет я занимаю первую строчку в рейтинг-листах, и намерен впредь защищать свои позиции. Я ухожу не из шахмат, а из шахматной политики…»

В последнее время все чаще слышны разговоры, что Каспаров уже не тот, что если он и дальше будет показывать посредственные результаты, то может вообще лишиться права на матч за звание чемпиона мира по какой-либо версии (и это несмотря на то, что он сохраняет первое место в мировом шахматном рейтинг-листе). Однако недавно Гарри Кимович доказал, что он по-прежнему умеет играть в шахматы. В декабре 2004 года он выиграл чемпионат России по шахматам. Любопытно, что звание чемпиона России, пожалуй, единственное, которого до сих пор не было в обширной коллекции побед Каспарова. И хотя в турнире не участвовали Владимир Крамник и Анатолий Карпов, состав участников был очень сильным. Каспаров победил очень убедительно, обыграв по ходу нескольких претендентов на мировую шахматную корону и, набрав 7,5 очков из 10 возможных, занял первое место, оторвавшись от ближайшего преследователя на полтора очка. Его игра напоминала те самые «золотые годы», когда Каспаров был безусловным лидером мировых шахмат…

10 марта 2005 года, после победы на турнире высшей категории в испанском Линаресе, Гарри Каспаров объявил о своем уходе из профессиональных шахмат. В дальнейшем он собирается принимать участие лишь в соревнованиях по быстрым шахматам и в сеансах одновременной игры. Этот шаг Гарри Кимович объяснил «огромным давлением» и «возрастающими нагрузками», которые он испытывает в последнее время. Каспаров

хочет заняться политикой, а также планирует завершить книгу о чемпионах мира «Мои великие предшественники».

Михаэль Шумахер



Семикратный чемпион мира, обладатель всех мыслимых и немыслимых рекордов в автоспорте, уникальный спортсмен, известный любому человеку на планете, хотя бы раз слышавшему слова «Формула-1»… Вы думаете, его любят? Как бы не так! Конечно, для миллионов болельщиков он является идолом, но очень многие поклонники автоспорта относятся к нему, мягко говоря с прохладцей. Да что там простые болельщики, если даже боссы «Формулы-1» в душе его тихо ненавидят. А как иначе, ведь своими победами Михаэль Шумахер довел отлаженный, казалось

бы, механизм «Большого цирка» до кризиса. Безоговорочное доминирование Шумахера привело к падению интереса к гонкам. Что интересного и интригующего может быть в чемпионате мира, исход которого ясен чуть ли не с самого начала? Нет заинтересованности у болельщиков – нет рекламы и спонсоров, а нет рекламы и спонсоров – нет денег… И вроде бы лет ему уже немало, и выиграл все, что можно, а вот не уходит на покой, хоть ты плачь… Вновь и вновь Шумахер выводит ярко-красный «Феррари» на трассу, вновь и вновь выигрывает гонки, и неизвестно, сколько еще это будет продолжаться. Наверное, в своих самых страшных снах шеф «Формулы-1» Берни Экклстоун видит, как Михаэль остается в «Формуле» еще лет десять и становится… семнадцатикратным чемпионом мира. Какой ужас…

В маленьком немецком городке Керпен-Манхейм много уличных фонарей. Интересный факт, не правда ли? Но какое отношение это имеет к нашему герою? Оказывается, самое прямое. В Керпен-Манхейме Михаэль родился 3 января 1969 года. А однажды, когда ему было четыре года, он пришел домой весь в ссадинах, с залитой кровью футболкой и разорванными штанами. Только что он врезался на своем карте в фонарный столб. «Мама, папа, это я, привет! – беззаботно крикнул Михаэль с порога. – Я тут немного поцарапался, но со мной все в порядке, не волнуйтесь!»

Минуту назад он хотел броситься на шею к матери и разрыдаться от жалости к себе. Но мальчик понимал, что тогда у него могут забрать его любимый карт. Пусть эту машинку смастерил в гараже отец, пусть на ней стоял мотор от старой газонокосилки, но ведь это был его карт!

Он вошел в комнату. Родители, Рольф и Элизабет, с ужасом посмотрели на сына, однако вслух ничего не сказали. Только когда Михаэль ушел умываться, мама дала волю чувствам и разрыдалась. В душе у Рольфа Шумахера тоже бушевал ураган эмоций, однако он сказал жене: «Не плачь, бери пример с сына. Посмотри на него – ему всего четыре года, ему больно, но он держится молодцом. Наш Михаэль – настоящий боец. Если ради гонок он готов терпеть боль, значит, ему не жить без гонок. Мы должны ему помочь!»

Родители решили, что их чадо и фонарные столбы будут в большей безопасности, если сын начнет ездить на местной картинговой трассе. Так в картинг-клубе Керпена появился самый молодой в его истории пилот. Отец сделал Михаэлю новый карт из деталей выброшенных на свалку машин и с мотором со старого мотоцикла. На таком вот «чуде техники» Михаэль через два года выиграл клубный чемпионат, несмотря на то что его соперники

были старше, опытнее и имели настоящие гоночные карты, а не самоделку, как у Шумахера. Это была первая настоящая победа Михаэля. После церемонии награждения он со всех ног бежал домой, чтобы показать родителям полученный за победу кубок.

Что испытывает шестилетний мальчик, когда первый раз в жизни ему удается добиться чего-то действительно стоящего и опередить своих сверстников-соперников? Естественно, что радость от победы и гордость за самого себя. Михаэль вихрем ворвался в дом и закричал: «Мама, папа, я чемпион! Я победил, я сделал их всех!» Но Рольф Шумахер, по крайней мере с виду, не разделял восторгов сына. Он строго посмотрел на Михаэля и сказал: «Ты действительно победил, но это еще не значит, что ты кого-то, как ты говоришь, «сделал». Ты многому научился, показал хорошее время, обогнал многих, но это еще не значит, что стал настоящим чемпионом. Запомни, Михаэль, – хвастуны, которые одержали только одну победу, никогда не становятся настоящими чемпионами! Тебе еще многому нужно научиться, очень многому!» После этих слов «чемпион» сразу же превратился в обычного обиженного мальчика. Когда расстроенный Михаэль ушел плакать в свою комнату, Элизабет с укоризной посмотрела на мужа.

– Зачем ты с ним так строго обошелся, ему ведь всего шесть лет и это его первая победа, – сказала она.

– Ничего, пусть учится уже сейчас. Я на самом деле доволен, что он выиграл этот кубок. Но если Михаэль действительно станет чемпионам, а я в это верю, не только я, но и другие будут строго судить каждый его шаг. Так что пусть привыкает…

Картинг – это, пожалуй, самый простой и дешевый вид автоспорта, однако и для занятий картингом требуются большие деньги, ведь только за то, чтобы бороться за место в первой десятке европейского или мирового чемпионата мира, требуются десятки и даже сотни тысяч долларов. У семьи Шумахеров таких денег никогда не было. Отец Михаэля работал строителем, временами подрабатывал автомехаником, а мама продавала картошку фри в маленьком ресторанчике. Семья Шумахеров, конечно, не бедствовала, однако самостоятельно обеспечить довольно дорогостоящее увлечение сына не могла. Это не Сенна, отец которого, бразильский миллионер, построил на семейной ферме специальную трассу, на которой будущий «бразильский волшебник» наматывал первые круги. Рольф Шумахер мог дать своему сыну только карт, сделанный из всякого хлама, собранного на автосвалке. Для картинг-клуба Керпена этого, с грехом пополам, хватало, но вот дальше…

Отец с тревогой ждал того момента, когда сыну придется

оставить автоспорт, тем более что кроме картинга Михаэль увлеченно занимался футболом и дзюдо. В школьной футбольной команде он пользовался большим уважением. Говорят, правда, что свой авторитет Михаэль завоевывал во многом благодаря тому, что сумел доказать одноклассникам, что он и известный немецкий вратарь 1970-х годов Тони Шумахер – близкие родственники. Как бы там ни было, Михаэль неплохо играл в футбол и был одним из лучших в школьной команде. И сейчас он нередко принимает участие в различных благотворительных и показательных матчах, а специалисты, наблюдая за его игрой, утверждают, что, возможно, он стал бы выдающимся футболистом. Правда, сам гонщик оценивает свои футбольные способности достаточно скромно: «В юности я хотел попасть хотя бы в какую-нибудь профессиональную футбольную команду. Но, видимо, был недостаточно хорошим игроком. Приходилось просиживать штаны на скамейке, в глубоком резерве. Если честно, я с тех пор не слишком продвинулся… Хотя когда я переехал из Монако в Швейцарию, у меня снова появилась возможность заниматься футболом, что я с большим удовольствием и делаю. Мне удается регулярно тренироваться и играть. В общем, мне это дело нравится».

Он вырос и стал осознавать, что в жизни не всегда удается заниматься любимым делом, хотя, по большому счету, слишком серьезно к своим увлечениям не относился. Да и в школе Михаэль учился не слишком усердно. «Я занимался тем, что мне нравилось, в общем, был самым обычным мальчишкой, – вспоминал Шумахер. – Мне в детстве никогда не приходила в голову мысль, что мои забавы станут основой всей последующей жизни… Ни одному ребенку не нравится ходить в школу (спорное мнение, но так думает Шумахер. – *Авт.*), и мне не нравилось. Но сегодня я жалею, что что-то упустил, хотелось бы знать больше о некоторых вещах. Мудрость всегда приходит позже предусмотрительности».

В одиннадцать лет ему пришлось выбирать: принять участие в очередной гонке или в соревнованиях по дзюдо. Он и сам уже стал понимать, что гонки требуют больших денег, которых взять негде. Да и дзюдо, в общем-то, ему нравилось. И Михаэль предпочел борьбу на татами борьбе на гоночной трассе. Он был уверен в своей победе, да и тренер постоянно говорил ему, что он сильнейший в своей группе…

«Я и сегодня не могу смириться с этим. Ведь я тогда проиграл, а уходить побежденным я не привык». С тех пор прошло больше двух десятков лет, Михаэль уже давно стал лучшим гонщиком мира, но до сих пор вспоминает те

соревнования по дзюдо, на которых занял всего лишь третье место. Тренер утешал его, говорил, что в следующем году он обязательно станет первым, однако Михаэль понял, что выбрал неверный путь, и решил вернуться в картинг-клуб.

К счастью, черная полоса в жизни Михаэля сменилась белой. Наконец-то решилась проблема финансирования его выступлений в картинге. На счастье юного Шуми, в Керпене жил некий небедный человек Юрген Дилк. Вряд ли Дилк, сын которого Гвидо гонял вместе с Михаэлем в картинг-клубе, думал о том, что помогает будущему лучшему автогонщику всех времен и народов, и все же именно он, разглядев талант Михаэля Шумахера, купил ему новый карт и оплатил его участие во всех соревнованиях по картингу, проводимых в Германии.

В 1984 году Михаэль занял первое место в чемпионате Германии по картингу среди юниоров, в 1985-м – повторил свой успех в германском чемпионате и завоевал второе место в мировом первенстве по картингу. А в 1987 году стал первым и в Германии, и в Европе. Но что же дальше, ведь картинг Михаэль явно перерос, а для серьезных «формул» был еще молод и неопытен? Как будто специально для Шумахера в 1988 году в Германии появилась «Формула-Кениг» – состязания пусть и маломощных, но уже настоящих гоночных автомобилей. Михаэль выиграл девять гонок из десяти и стал чемпионом. В это же время он завоевал второе место в европейской «Формуле-Форд» и шестое – в немецкой «Формуле-Форд».

Успешное развитие карьеры гонщика зависит не только от его таланта и трудолюбия, но еще и от того, сможет ли подающий надежды пилот попасть в поле зрения боссов автоспорта. Михаэлю Шумахеру повезло – его заметил Вилли Вебер, один из ведущих менеджеров автоспорта в Германии. «Некий Михаэль Шумахер заинтересовал меня сразу же, как только я увидел его в гонке, – вспоминал Вебер. – Я, собственно говоря, даже не знал, как он выглядит. Однако его техника пилотирования сразу бросилась мне в глаза. Мы с ним познакомились и я предложил попробовать себя в «Формуле-3» на одной из моих машин. Он был в восторге от моего предложения. Ему хватило нескольких кругов, чтобы полностью почувствовать новую для него машину. Он сразу же проехал круг на полсекунды быстрее, чем гонщики, которые ездили за мою команду целый год!»

Вилли сразу же разглядел в юном пилоте будущую звезду автоспорта и подписал с ним десятилетний контракт на ведение всех финансовых дел Шумахера. Это уже серьезно – в 1989 году Михаэль попал в немецкую «Формулу-3», от которой до заветной

«Формулы-1» оставался всего один шаг. Именно тогда он встретился со своими будущими соперниками по «Формуле-1» австрийцем Карлом Вендлингером и немцем Хайнцем-Харальдом Френтценом. Весь сезон между тремя пилотами шла упорная борьба за титул чемпиона. В результате Карлу удалось опередить Хайнца-Харальда и Михаэля лишь на одно очко. Интересно, что в те времена специалисты считали Вендлингера и Френтцена будущими чемпионами «Формулы-1», Шумахеру же отводилась роль «крепкого середняка». Да, Карл Вендлингер и Хайнц-Харальд Френтцен – известные имена в автоспорте, но разве могут их достижения сравниться с шестью чемпионскими титулами Михаэля Шумахера в «Формуле-1»? Справедливости ради отметим, что карьеру Вендлингера в 1994 году сломала страшная авария в Монако, в результате которой австриец почти месяц пробыл в коме. Через несколько лет Карл Вендлингер вернулся на гоночные трассы, однако попасть в «Формулу-1» уже не смог.

Сезон 1990 года начался неудачно – из-за механических проблем Михаэль не смог финишировать в первых двух гонках сезона в Цолдере и Хоккенхайме, а на следующем этапе в Нюрнбургринге сумел занять лишь пятое место. Но Михаэль не сломался. Из оставшихся семи гонок он выиграл пять и завоевал звание чемпиона в «Формуле-3». В том же 1990 году Шумахер принял участие в немецком чемпионате в классе спорт-прототипов. Именно тогда он узнал, что такое по-настоящему мощный автомобиль, ведь мощность болидов «Формулы-3» в то время составляла не более 170 лошадиных сил, а под капотом его спорт-прототипа «Мерседес-Бенц» было 700 «лошадей».

Следующий год Шумахер вместе с Карлом Вендлингером начинал за рулем «Мерседеса». И вновь в начале сезона сходы следовали один за одним. «Мерседес-Бенц» был явно слабее других автомобилей чемпионата, и все же Михаэлю удалось выиграть последнюю гонку сезона.

Казалось бы, что еще нужно боссам «Формулы-1» – появился молодой талантливый пилот, умеющий побеждать, имея в своем распоряжении не самые лучшие автомобили? Но «Формула-1» – это прежде всего большие деньги. За место в команде нужно платить, а денег ни у Михаэля, ни у его менеджера Вилли Вебера не было. Вилли попробовал было пристроить своего подопечного в «Джордан», но безуспешно. Эдди Джордан, хозяин команды, за место в кокпите своего болида запросил деньги, причем немалые. Читателю, мало знакомому с миром «Формулы-1», может показаться странным, что за место в команде нужно платить. Однако это обычная практика – начинающие пилоты, не показавшие ничего сверхъестественного на юношеском уровне,

платили малобюджетным командам, или за них платили менеджеры и спонсоры. А Михаэля, еще раз повторимся, будущей суперзвездой никто не считал, среди молодых немецких гонщиков самыми перспективными называли Френтцена и Вендлингера.

«Эх, как же я так прокололся!» – наверное, думал Эдди Джордан в 1991 году. За место в своей команде он запросил у Вилли Вебера слишком много. В принципе, его можно понять – Шумахер не звезда, в то же время за «Джордан» выступали два вполне приличных пилота – итальянец Андреа де Чезарис и бельгиец Бертран Гашо. Вилли Вебер и Эдди Джордан так и не договорились, и, возможно, Михаэлю еще долго пришлось бы ждать места в «королевской Формуле». Однако летом 1991 года как нельзя кстати (для Шумахера, конечно) Бертран Гашо избил какого-то безвестного таксиста и угодил в кутузку. Сезон был в самом разгаре, и тут уже Эдди Джордану пришлось обращаться к Шумахеру. «В пятницу Гашо загремел в тюрьму, – вспоминал Джордан, – а в понедельник я позвонил Шумахеру и попросил приехать на нашу базу в Англию. Во вторник днем он уже познакомился с машиной. В четверг утром в Бельгии я встретился с Вилли Вебером, и мы подписали соглашение».

Дебют молодого немца в «Формуле-1», состоявшийся в конце августа 1991 года, был впечатляющим. Сев за руль незнакомой машины и не зная толком трассы Спа-Франкошам, где проходил Гран-при Бельгии, Михаэль сумел занять седьмое место в квалификации. Правда, накануне трассу гонки Михаэль все-таки изучил, проехав по ней… на велосипеде.

И хотя в гонке Шумахер сошел из-за поломки коробки передач уже на первом круге, стало ясно – его будущее в «Формуле-1» обеспечено. После гонки в Бельгии в боксах только и говорили о Шумахере. Надо сказать, что Вилли Вебер постарался как можно сильнее «раскрутить» своего подопечного, рассказывая всем, каким огромным талантом обладает молодой гонщик. И нужный эффект был достигнут. Возможно, именно поэтому Вилли Вебер до сих пор является менеджером Михаэля Шумахера и получает около 20 % с немалых доходов своего клиента.

На Михаэля «положил глаз» руководитель итальянской команды «Бенеттон» Флавио Бриаторе. Как мы уже знаем, Эдди Джордан заключил с Шумахером соглашение, и это было его ошибкой. Именно соглашение, а не долгосрочный контракт. Пользуясь тем, что юридически Шумахер не принадлежал «Джордану», Бриаторе решил переманить гонщика в «Бенеттон». Эдди Джордан, который до этого не горел желанием видеть Шумахера в своей команде, теперь уже ни за что не хотел его

отпускать. «Может быть, Михаэлю действительно было лучше уйти в «Бенеттон», – говорил Эдди Джордан. – Но ведь в 1991 году они были в том же положении, в котором моя команда находится сейчас, и останься Михаэль у нас на какое-то время, «Джордан» мог бы добиться гораздо большего. Я прекрасно понимаю, кого потерял». Эдди попытался в судебном порядке отстоять свои права на молодого пилота, однако юристы «Бенеттона», обнаружив «дыру» в соглашении, легко «отбили» Михаэля.

«Бенеттон» подписал с Михаэлем контракт на остаток сезона 1991 года. По иронии судьбы на Гран-при Бельгии 1991 года лучшее время прохождения круга показал пилот «Бенеттона» Роберто Морено. Однако перед следующим этапом Флавио Бриатторе уволил Роберто из команды, чтобы освободить место для Шумахера. В первой же гонке за итальянскую команду Михаэль занял пятое место, обогнав, кстати, своего партнера по команде. А его партнером был не кто-нибудь, а трехкратный чемпион мира бразилец Нельсон Пике. Отношения между Пике и Шумахером не сложилось, что, в общем-то, вполне объяснимо. Нельсон хоть и являлся признанным авторитетом в мире «Формулы-1», к тому времени уже был на закате своей славной карьеры, и поэтому не пришел в восторг от талантливого новичка, способного ехать быстрее его. Невольно Михаэль стал причиной ухода великого бразильца из «Формулы-1». Но был в «Формуле» еще один бразилец, и тоже, как и Пике, трехкратный чемпион мира…

– Я не думаю, что Сенна ехал сегодня, как чемпион. Сам не может и другим не дает…

«Вот это да… А этот Шумахер – смелый парень, – подумали журналисты, присутствовавшие на пресс-конференции после третьего этапа сезона 1992 года, состоявшегося на бразильской трассе «Интерлагос». – Сказать такое про Сенну, да к тому же у него на родине, мог позволить себе только «профессор» Прост, а тут какой-то юнец, который не провел в «Формуле» еще и десяти гонок…»

Однажды известный австралийский журналист Пол Трэтхарт сказал об Айртоне Сенне: «Сенна – особенный. И дело не только в том, что он – водительский гений. Даже если бы Айртон был посредственным гонщиком, знакомством с ним я мог бы гордиться. Мягкий, умный, удивительно интеллигентный человек, с которым часами можно говорить о тысячах разных вещей, не коснувшись ни разу «Формулы-1» и автоспорта вообще». И действительно, в обычной жизни Айртон был именно

таким. Но как только дело касалось гонок, ангел превращался в дьявола – ради победы Сенна ни перед чем не останавливался.

В 1991-м, в год дебюта Шумахера, Сенна завоевал свой третий чемпионский титул. Тогда на шумиху вокруг молодого немца он не обращал никакого внимания. Однако на следующий год ситуация изменилась. Из «Формулы» ушел давний соперник «бразильского волшебника» Ален Прост, и Сенна думал, что легко завоюет очередной титул. Однако его новый «Мак-Ларен», который перед началом сезона называли «электронным чудом», на поверку оказался «электронной телегой», медленной и ненадежной. А тут еще этот выскочка Шумахер…

Михаэль очень быстро освоился в «Формуле» и понял, что способен бороться на равных с великими гонщиками. «Я никогда не смотрел на других гонщиков, как на образец для подражания. Я никогда не хотел стать Айртоном Сенной или Аленом Простом, – говорил Михаэль. – Я всегда хотел быть самим собой. И после моей первой гонки за «Бенеттон», я знал, что могу соревноваться с этими парнями. Я ехал позади Проста, и на самом деле тогда был гораздо быстрее, чем он… Вы спрашиваете, считаю ли я Алена и Айртона нормальными людьми, или же суперменами? Если посмотреть со стороны, то может показаться, что они супермены и гоняются в каком-то другом мире. Мне было очень интересно, смогу ли я бороться с ними, и я получил ответ. Я понял, что они обычные люди. Они делают все то же самое, что и все мы. Нет, они не супермены…»

Айртон невзлюбил Михаэля и сразу же попытался «поставить выскочку на место». В Бразилии Сенна откровенно блокировал ехавшего гораздо быстрее Шумахера. Именно тогда Михаэль сказал о Сенне все, что думал. Следующий, уже более серьезный инцидент произошел в том же году в Хоккенхайме, где проводится Гран-при Германии. То ли Айртон на какую-то долю секунды потерял бдительность, то ли Михаэль решил проверить, умеет ли Сенна экстренно тормозить, и подставил ему свой автомобиль… Так или иначе, в безобидной ситуации «Мак-Ларен» Сенны чуть было не врезался в «Бенеттон» Шумахера. А когда Айртон вернулся в боксы, он, не замечая десятка наблюдавших за ним журналистов, схватил Шумахера за горло и только нескольким механикам «Мак-Ларена» удалось оттащить Сенну от Михаэля. А Шумахер был абсолютно спокоен. «Парни, все нормально, – сказал он журналистам. – Просто Айртон решил сделать мне массаж шеи». Именно психологическая устойчивость и помогла Михаэлю противостоять всем «проискам» Сенны и успешно закончить чемпионат.

30 августа 1992 года Михаэль завоевал свой первый Гран-при.

Счастливой для Шумахера оказалась трасса Спа-Франкошам, та самая, на которой он дебютировал в «Формуле» год назад. В квалификации Михаэль был третьим, вслед за пилотом «Уильямса» Найджеллом Мэнселлом (который на предыдущем этапе в Венгрии досрочно завоевал чемпионский титул) и Сенной. Гонщики стартовали на сликах (гоночной резине без протектора), однако на четвертом круге начался дождь. Практически все гонщики поехали в боксы, чтобы сменить слики на дождевую резину, и только Сенна пытался «переждать» дождь и на пит-стоп заезжать не стал. Однако дождь не прекращался, и в результате Айртона обогнали пилоты «Уильямса» Мэнселл и Рикардо Патрезе, а затем и Шумахер.

В середине гонки дождь прекратился. В одном из поворотов Михаэль не удержал свой «Бенеттон» на трассе, едва не врезался в ограждение, но все-таки сумел продолжить гонку. На 31-м круге на пит-стоп отправился шедший вторым Патрезе, а еще через круг – лидер гонки Мэнселл. Шумахер вышел на первое место, опережая вернувшегося из боксов Мэнселла на 6 секунд. За пять кругов Найджелл сумел сократить отставание до трех секунд, и казалось, что ему рано или поздно удастся обойти Михаэля. Но на 38-м круге «Большой Найдж» допустил ошибку, как это с ним часто бывало, «Уильямс» развернуло поперек трассы и в итоге преимущество Шумахера возросло до 15 секунд. На этом борьба за первое место прекратилась, и Михаэль спокойно закончил гонку. «Этот день – самый счастливый в моей жизни, – сказал Шумахер после финиша. – Я понимаю, что обыграть «Уильямс» сейчас практически невозможно. Но сегодня был не их день, и все сложилось в мою пользу. Победа есть победа, тем более, если она первая в жизни!»

В итоговой таблице чемпионата Шумахер с 53-мя очками оказался на третьей строчке. И хотя Сенна одержал три победы, стабильность результатов помогла Михаэлю опередить «бразильского волшебника» на 3 очка. Правда, ни Шумахер, ни Сенна не могли конкурировать с Найджеллом Мэнселлом, а точнее, с моделью «FW 14», гениальным творением конструкторов «Уильямса». «Большой Найдж», конечно, классный гонщик и давно заслуживал чемпионского титула, однако, как говорили тогда, на «Уильямсе» мог победить любой гонщик среднего уровня. Недаром в 1993 году Ален Прост решил вернуться в «Формулу», чтобы сесть за руль «Уильямса». А Сенна после нескольких гонок чемпионата-93 во всеуслышание заявил, что готов ездить за «Уильямс» совершенно бесплатно.

Сезон 1993 года тоже прошел под диктовку «Уильямса». Прост выиграл чемпионат, что называется, «в одни ворота». Об

этом говорит хотя бы то, что из 16 квалификаций Прост выиграл 13 (!) и трижды был вторым. Для Шумахера же сезон 1993 года не был удачным. Часто подводила техника – семь раз Михаэль сходил с трассы из-за поломки автомобиля. Особенно ему досаждал «тракшн-контроль», электронная антипробуксовочная система ведущих колес. Когда эта система работала как положено, то позволяла Михаэлю в среднем на секунду улучшить время прохождения круга. Но в том-то и дело, что пресловутый «тракшн-контроль» нередко ломался. В Монако Шуми по ходу гонки лидировал и постепенно отрывался от шедшего вторым Сенны. Но затем в гидросистеме «тракшн-контроля» возникла течь, жидкость попала на провода, и в результате Шумахеру пришлось сойти. В Бельгии из-за сбоя антипробуксовочной системы на старте откатился в конец пелетона, однако сумел пробиться на второе место и едва не догнал «Михаэль Уильямс» Дэймона Хилла.

Единственную победу в 1993 году немецкий гонщик одержал на португальской трассе «Эшторил». Шумахер не слишком удачно провел квалификацию и на стартовой решетке оказался лишь на 6-й позиции. Однако сошли Хилл и Сенна, затем Михаэль смог обойти Жана Алези и Мику Хаккинена, а после удачно проведенного пит-стопа – и лидера, Алена Проста. Правда, француз вскоре догнал Шумахера, но атаковать его не стал, поскольку второе место в гонке гарантировало Алену чемпионский титул. После этой победы Михаэль мог бы побороться за третье место в чемпионате, однако две заключительные гонки закончились неудачей. В итоге Шумахер, набрав всего на одно очко меньше, чем в 1992 году, занял четвертое место. Это был шаг назад, и молодой гонщик надеялся, что в следующем году он сможет прорваться наверх. На чемпионский титул рассчитывал и Айртон Сенна…

Любители статистики и истории «Формулы-1» могут найти массу интересной информации в различных списках. Списки победителей чемпионатов и отдельных Гран-при, обладателей поул-позиций и рекордов круга на различных трассах и многое другое. Есть и еще один список, самый трагичный. В этом списке – фамилии 24 гонщиков. Последними значатся Роланд Ратценбергер и Айртон Сенна. Они погибли в 1994 году…

После окончания сезона 1993 года Ален Прост покинул «Уильямс» и его место занял Сенна. Бразильца считали главным претендентом на победу в чемпионате 1994 года, тем более что он, как казалось, перешел в самую сильную команду «Формулы» тех лет. Перед началом сезона ФИА сильно изменила

технический регламент соревнований, запретив использовать на автомобилях многие электронные устройства – активную подвеску, автоматическую коробку передач, антиблокировочную и антипробуксовочную системы. На эти меры руководство «Формулы» пошло, чтобы уравнять шансы команд и пилотов, что, в принципе, понятно и оправданно – малобюджетные команды не могли тратить много денег на разработку и усовершенствование электронных систем и поэтому заведомо проигрывали грандам «королевских гонок». Однако новые автомобили, лишенные электроники, получились очень «нервными» и трудноуправляемыми. Неприятности начались еще до начала чемпионата – 21 января во время тестовых заездов на английской трассе «Сильверстоун» попал в тяжелую аварию новый партнер Шумахера по «Бенеттону» Юкки-Ярви Лехто. Финский гонщик так и не восстановился до начала сезона, и на первых двух гонках его заменял голландец Йос Ферстаппен. Были проблемы и у «Уильямса» – Сенна жаловался на труднопредсказуемое поведение новой модели «FW16», из-за которого он несколько раз во время тестов вылетал с трассы.

Квалификация первого этапа в Бразилии, казалось бы, подтвердила первоначальные прогнозы о лидерстве «Уильямса» – Сенна уверенно занял первое место, опередив Шумахера на 0,3 секунды. Да и гонка поначалу складывалась в пользу Сенны – он без проблем стартовал и сразу же начал уходить в отрыв. Шумахер же на старте чуть-чуть замешкался и пропустил вперед Жана Алези на «Феррари». Однако затем Михаэлю удалось отвоевать у француза второе место, а вскоре он догнал и Сенну. Они шли вместе до 19-го круга и одновременно заехали на первый пит-стоп. В боксах и решилась судьба гонки. Механики «Бенеттона» оказались проворнее коллег из «Уильямса» и на трассу Михаэль вернулся быстрее своего главного конкурента. Медленно, но уверенно Шуми отрывался от Айртона, а на 55-м круге, когда «Уильямс» Сенны после разворота застрял в гравии зоны безопасности, Михаэль спокойно доехал до финиша, опередив второго пилота «Уильямса» Дэймона Хилла на 26 секунд.

По похожему сценарию развивался и следующий этап, Гран-при «Тихого океана», проходивший в Японии. Сенна опять выиграл квалификацию, а Шумахер был вторым. Но уже на втором круге Сенна сошел с трассы после столкновения с Хаккиненом, после чего Михаэль без особых проблем выиграл вторую гонку подряд.

После разгрома в первых двух гонках, учиненного «Бенеттоном» «Уильямсу», в командах, естественно, царило

совершенно противоположное настроение. «На первых двух этапах сезона мы были лучше, чем ожидали, – сказал Михаэль. – Я не думал, что наша новая машина будет такой быстрой, и при этом надежной. Мы оказались готовы к сезону раньше соперников, и именно это и обеспечило мне солидный отрыв». В «Уильямсе» же понимали, что дело не только в невезении. «Бенеттон» оказался гораздо лучше подготовлен к условиям нового технического регламента, даже несмотря на то что новый мотор «Форд» уступал по мощности двигателю «Рено», который устанавливался на «Уильямсе». Если раньше электроника позволяла устранить недостатки шасси, то в новых условиях не доведенный до совершенства автомобиль не прощал гонщику даже малейшей ошибки. «Машина очень неустойчива в поворотах, – жаловался Сенна. – Именно поэтому «Бенеттон» явно сильнее нас. Да, это преимущество. И я пока не вижу, что мы можем противопоставить им в ближайшее время».

Конечно, два выигранных этапа еще не означали, что «Бенеттон» уже может праздновать победу в чемпионате. Тем более, что следующая гонка должна была пройти на итальянской «Имоле», одной из самых скоростных трасс «Формулы-1», где «Уильямс», за счет более мощного мотора, имел определенное преимущество перед «Бенеттоном». Айртон и команда очень надеялись, что в Италии им наконец-то удастся выиграть и прервать полосу невезения…

Уже после трагических событий в Имоле многие гонщики говорили, что подсознательно чувствовали, что что-то должно произойти. Вспоминали и слова Сенны, сказанные им перед началом чемпионата 1994 года: «Нам предстоит сезон со множеством аварий. И если не произойдет чего-то действительно серьезного, мы можем считать, что родились под счастливой звездой…» Но первые две гонки чемпионата прошли достаточно спокойно, без серьезных аварий (?), и слова Сенны быстро забыли…

В пятницу, 29 апреля 1994 года, на 16-й минуте квалификации молодой бразильский пилот Рубенс Баррикелло на «Джордане» врезался в отбойник. Скорость во время удара составляла около 250 км/ч. К счастью, Рубенс достаточно легко отделался – перелом носа и ребер. Первым, кто пришел к Баррикелло в больницу, был Сенна. «Я никогда не видел Айртона таким расстроенным, у него в глазах стояли слезы, – вспоминал Рубенс. – У меня сложилось впечатление, что он воспринял мою аварию, как собственную».

В субботу, 30 апреля, на 18-й минуте субботней квалификации на скоростной прямой у автомобиля «Симтек-

Форд» Роланда Ратценбергера развалилось заднее антикрыло, болид подпрыгнул на поребрике и на скорости 320 км/ч врезался в бетонную стену. На несколько сантиметров выше предохранительных покрышек… Австрийского гонщика сразу же отвезли в госпиталь. Вскоре оттуда пришло страшное известие – Роланд Ратценбергер скончался, не приходя в сознание…

12 лет смерть обходила стороной «Формулу-1»… Естественно, настроение у гонщиков было подавленным. Многие пилоты, в том числе и Сенна, отказались продолжать заезды. Подруга Айртона Адриана Галистеу вспоминала, что Сенна не хотел стартовать в воскресной гонке, но затем передумал – ему нужно было догонять Шумахера, который оторвался от него на 20 очков…

Стоп, а при чем тут, собственно, говоря, чувства и черные мысли? В случае гибели гонщика организаторы этапа *должны* были отменить гонку, а полиция *должна* была арестовать трассу и провести тщательное расследование в связи со случившимся. Но… Роланд Ратценбергер не был звездой и чемпионом. Он любил красивых женщин, анекдоты и был не прочь выпить хорошего пива. «Мы не замечали этого, а Роланд был просто хорошим парнем», – сказал позже австрийский гонщик Герхард Бергер. Но жизнь просто хорошего парня не стоит миллионов долларов, которые организаторы потеряли бы из-за отмены гонки. На срочно созванном совещании руководство ФИА сумело договориться с итальянскими полицейскими чинами, и гонку не отменили. Смерть Ратценбергера могла сохранить жизнь Сенны, но не сохранила…

1 мая 1994 года на старте воскресной гонки Сенна сразу же опередил Шумахера, но сзади «Лотос» Педро Лами врезался в «Бенеттон» Юкки-Ярви Лехто. Оторвавшееся от «Лотоса» колесо полетело в толпу и попало в полицейского и троих зрителей. Один из пострадавших оказался в коме…

После столкновения «Бенеттона» и «Лотоса» на дорожном полотне осталось много обломков, но гонку не остановили, а выпустили на трассу «пейс-кар», машину сопровождения. Пять кругов пелетон ехал под желтыми флагами, означающими запрет каких-либо активных действий. Наконец «пейс-кар» ушел в боксы и гонка возобновилась.

На седьмом круге «Уильямс-FW16» лидера гонки Айртона Сенны вошел в поворот «Тамбурелло». Этот быстрый поворот пилоты прошли на шестой передаче на скорости более 300 км/ч. Но несмотря на высокую скорость, здесь у гонщиков обычно не возникало особых проблем.

Пройдя вершину поворота, «Уильямс» неожиданно сорвался с

трассы, пролетел восемьдесят метров по вспаханной зоне безопасности и врезался в бетонную стену. По данным телеметрии, скорость в момент удара составляла 220 км/ч. Через 20 секунд стюарды гонки выбросили красный флаг, означающий остановку гонки, еще через 30 секунд к разбитому «Уильямсу» подъехала машина «скорой помощи». 40 минут врачи пытались стабилизировать состояние Сенны. Видя безжизненно повисшую голову знаменитого пилота и пропитанный кровью песок, все понимали, что произошло, но не решались об этом сказать. Прилетевший из Болоньи вертолет отвез Сенну в госпиталь «Маджиоре». Через четыре часа доктор Мария-Тереза Фиандри констатировала угасание функций головного мозга гонщика, еще через полчаса был отключен аппарат искусственной жизнедеятельности…

Смерть Ратценбергера и Сенны сильно повлияла на гонщиков, в какой-то степени изменив их мировоззрение. «То, что произошло в Имоле в 1994 году, полностью лишило меня иллюзий, – вспоминал Шумахер. – Я ведь до этого думал, что такие жестокие, фатальные аварии не могут происходить в виде спорта, который я так люблю». Но бизнес есть бизнес. Это звучит кощунственно, но смерть двух гонщиков только подогрела интерес к «Формуле-1». Часть зрителей, и, к сожалению, значительная часть хочет видеть не просто гонки, а гонки с «приправой чего-то остренького». А что может быть острее зрелища смерти, которую ты видишь своими глазами? Конечно, погибших парней жалко, но ведь погибли они, а не ты…

Колеса механизма под названием «Формула-1» продолжали крутиться. Никто даже не стал останавливать гонку в Имоле, хотя все понимали, что должны чувствовать гонщики и их родные, на глазах которых только что попал в страшную аварию их коллега. Достаточно было посмотреть на жену Дэймона Хилла Джорджию, метавшуюся в боксах «Уильямса» и кричавшую своему мужу: «Куда ты едешь, остановись! Ты с ума сошел!» Но Дэймон, как и другие, ехал дальше, ведь не он решал, ехать или не ехать… Гонку выиграл Шумахер. Прошла и церемония награждения, один эпизод которой стал предметом обсуждения на долгие годы – Михаэль, стоя на верхней ступени пьедестала почета, улыбался. Что это было? Минутная расслабленность от того, что эта страшная гонка наконец-то закончилась, и он все-таки победил? Или же Михаэль понимал, что его главного соперника больше нет и чемпионский титул практически у него в кармане? Да, в тот момент о смерти Сенны еще не объявили, но Шумахер не мог не знать, что Айртон находится в критическом состоянии. Как бы

там ни было, поклонники «бразильского волшебника» этих улыбок Михаэлю не простили, да и другие болельщики высказывали недоумение по поводу его поведения.

Конечно, в ФИА понимали, что с безопасностью надо что-то делать. Череда аварий в начале сезона, смерть Ратценбергера и Сенны не могли пройти бесследно. Мало того, перед следующим этапом в Монако разбился Карл Вендлингер. Только чудом немецкий пилот остался жив. Первым этапом борьбы за безопасность стало снижение скорости. Под днищем болидов начали устанавливать специальную деревянную планку, повышающую дорожный просвет, и, соответственно, ухудшающую аэродинамику (этой планке еще придется сыграть определенную роль в чемпионате 1994 года). Объем двигателей был снижен с 3,5 до 3 литров. Изменились требования к шинам, габаритам автомобилей и аэродинамическим приспособлениям. Подверглись ревизии и трассы. Некоторые этапы из-за несоответствия нормам безопасности были исключены из календаря «Формулы-1», другие подвергнуты серьезной реконструкции. Все эти меры существенно не изменили количества аварий, однако их тяжесть все-таки снизилась.

Вернемся к чемпионату 1994 года. После ухода Проста и гибели Сенны в «Формуле» не осталось ни одного чемпиона мира. Из более чем двух десятков гонщиков только четверо побеждали на Гран-при: Шумахер, Хилл, Бергер и итальянский гонщик Микеле Альборето, вице-чемпион мира в далеком 1985 году. Так что с точки зрения чистой статистики чемпионат-94 оказался самым слабым за последние годы. Шумахер и «Бенеттон» сполна воспользовались сложившейся ситуацией, в середине чемпионата отрыв Михаэля от шедшего вторым Дэймона Хилла стал просто до неприличия большим. Не помогло и кратковременное возвращение Найджелла Мэнселла – Шумахер был все также неудержим. И тогда ФИА решила попридержать не на шутку разогнавшегося претендента. Конечно, это не значит, что у Михаэля отбирали очки на ровном месте. Так или иначе, но поводы для наказания немецкого гонщика были. Во время прогревочного круга перед гонкой в Сильверстоуне Шумахер обогнал Дэймона Хилла, что запрещено правилами. За это нарушение Михаэль был наказан так называемым штрафом «стоп-энд-гоу» (гонщик обязан заехать в боксы, отстоять пять секунд и только потом вернуться на трассу). Однако Шуми долго игнорировал указание маршалов гонки. Как выяснилось позже, шеф «Бенеттона» Флавио Бриаторе не давал своему пилоту разрешения заезжать в боксы. Зачем Михаэлю понадобилось обгонять Хилла на прогревочном круге и почему Бриаторе не

пускал Шумахера в боксы – понять трудно. Михаэль закончил гонку вторым, однако после он был лишен заработанных очков. «Бенеттон» подал протест, однако Всемирный совет ФИА не только не удовлетворил его, но еще больше ужесточил наказание – Шумахер был дисквалифицирован на две гонки. Слишком жестко? Да, но так или иначе налицо было явное и преднамеренное нарушение правил и ФИА в этой ситуации действовала строго в рамках регламента. Однако то, что произошло на этапе в Бельгии, иначе как абсурдом не назовешь. Квалификацию выиграл Рубенс Баррикелло на «Джордане», однако Михаэль уже на первом круге обошел бразильца. На 19-м круге «Бенеттон» под номером 5 развернуло на 360 градусов. Машина прошлась днищем по поребрику и задела гравийную зону безопасности, однако Михаэлю удалось вернуть болид на трассу. Он выиграл гонку, однако после финиша было обнаружено, что деревянная планка под днищем «Бенеттона» оказалась на 1,6 миллиметра тоньше положенных десяти. Даже комиссары гонки признавали, что доска стерлась в результате вылета с трассы, однако Шумахер, тем не менее, был лишен законных десяти очков за победу! Правда, еще до гонки представители ФИА предупреждали команды о возможности износа злополучной планки. В «Уильямсе» решили подстраховаться и увеличили клиренс (расстояние от низшей точки автомобиля до поверхности дорожного полотна) на несколько миллиметров, что, соответственно, ухудшило аэродинамические и скоростные показатели болида. В «Бенеттоне» же пошли на риск и оставили все как есть.

16 очков, отобранных у Михаэля, и две гонки, пропущенные им из-за дисквалификации, сделали свое дело – если в середине сезона преимущество Шумахера над Хиллом достигало 37 очков, то перед последним Гран-при Австралии гонщиков разделяло всего одно очко. Судьба чемпионата решалась 11 ноября 1994 года в Аделаиде. Понятно, что оба претендента на титул изрядно нервничали, что проявилось уже в квалификации. К концу квалификационной сессии в лидеры вышел Найджелл Мэнселл. Шумахер попытался вернуть себе первую позицию, но вылетел с трассы и потерпел, пожалуй, самую серьезную аварию за карьеру. Мэнселл так и остался на первом месте, за ним на стартовой решетке располагались Шумахер и Хилл.

Сразу же после старта Шумахер и Хилл обошли Мэнселла – Найджелл то ли слегка зазевался, то ли решил сразу от греха подальше пропустить вперед претендентов на титул. Михаэль несколько раз пытался оторваться от Дэймона, но британец не отпускал противника. На 18-м круге они вместе заехали на пит-

стоп, после чего продолжили борьбу. Так и ехали до 36-го круга…

«Я принял решение заранее – если Ален обгонит меня в первом повороте, то тогда… У меня не было другого выбора…» Говорят, что «Формула-1» стала другой 21 октября 1990 года, когда Айртон Сенна в повороте не убрал ногу с педали газа и врезался в «Феррари» Алена Проста. Перед последней гонкой на японской трассе «Сузука» Ален и Айртон имели одинаковые шансы на победу в чемпионате, и когда Сенна почувствовал, что соперник может обогнать его и уйти в отрыв, он принял решение…

На 36-м круге Гран-при Австралии 1994 года в одном из поворотов Шумахер ошибся и потерял контроль над автомобилем. Неуправляемый «Бенеттон» слетел с трассы и ударился в отбойник. Шедший сзади Хилл из-за ограждения не заметил момента удара «Бенеттона» об отбойник. Все, что увидел Дэймон – замедлившийся болид соперника и место для обгона с внутренней стороны поворота. Хилл просунул нос своего «Уильямса» в образовавшийся просвет, и в этот момент почувствовал сильный удар с левой стороны…

После столкновения «Бенеттон» подпрыгнул вверх, вылетел с трассы и замер возле стенки. «Уильямс» же замедлился, но продолжил гонку. Дэймон понимал, что его болид поврежден, но надеялся, что механики в боксах смогут починить автомобиль… Можно себе представить, что чувствовал Михаэль, когда увидел удаляющийся от него «Уильямс» соперника… И надо было видеть полные отчаяния глаза Дэймона, когда в боксах механики сказали ему, что из-за поломки подвески и рулевого управления он не сможет выехать на трассу…

Споры об этом столкновении не утихали очень долго. Был ли это обычный гоночный инцидент или Шумахер преднамеренно устранил своего главного соперника? Планировал ли Михаэль, как и Сенна в 1990 году, подобный ход событий или же действовал спонтанно, под воздействием обстоятельств? Вряд ли мы когда-нибудь получим однозначные ответы на эти вопросы. По мнению автора, видевшего этот эпизод по телевизору, Шумахер вполне мог избежать столкновения. Примерно так же, но более категорично, высказывалась и британская пресса. В Англии считали, что Шумахер обворовал их соотечественника, а британские СМИ, не особенно выбирая выражения, называли Михаэля «наглецом» и «потенциальным убийцей». Шумахер своей вины не признавал: «Когда у меня возникли проблемы с управлением, я был занят собой и не смотрел в зеркала. В тот момент я пытался вернуться на нужную траекторию, чтобы пройти поворот, как вдруг увидел «Уильямс». Мы столкнулись…

Я понимаю, что английские болельщики считают, что я специально столкнулся с Дэймоном. Что ж, это их право. Главное во всем этом то, что я знаю, что произошло на самом деле и что об этом знает и Дэймон. Мне кажется, между нами нет никаких взаимных обид. После гонки, в понедельник утром, Дэймон подошел ко мне и поздравил с победой. Думаю, он бы не сделал этого, если бы имел что-то против меня». Хилл, правда, так не думал. «Бить ниже пояса – это в стиле Шумахера». Большинство же, так сказать «независимых» специалистов и болельщиков (то есть не англичане и немцы) считали, что Михаэль намеренно столкнулся с Хиллом, однако четыре дисквалификации по ходу сезона служили для него неким моральным оправданием такого поступка. Видимо, по этой причине ФИА не применила к Шумахеру и «Бенеттону» штрафных санкций. Даже «Уильямс», пострадавшая, казалось бы, в этой ситуации сторона, не стал подавать протест. Очевидно, Фрэнк Уильямс, хозяин британской «конюшни», решил, что завоеванный таким образом титул не сделает чести его команде.

Целью сезона 1995 года для «Бенеттона» было не только выиграть чемпионский титул в личном зачете, но и победить в Кубке Конструкторов. В 1994 году ни Юкки-Ярви Лехто, ни Йос Ферстаппен не могли на равных тягаться со стабильными пилотами «Уильямса» и поэтому на место второго пилота был приглашен молодой, но уже достаточно опытный английский пилот Джонни Херберт. Забегая вперед, можно сказать, что Джонни хоть и не оправдал всех надежд Флавио Бриатторе, но со своей задачей – находясь в тени Шумахера, исправно привозить очки – в общем-то, справился.

Для Шумахера чемпионат 1995 года начался очень нервно. Перед первым этапом, Гран-при Бразилии, Михаэль вынужден был больше думать не о предстоящей гонке, а о собственной безопасности. Бразильские болельщики открыто угрожали Шумахеру, считая его чуть ли не главным виновником гибели их кумира Сенны (что было явным преувеличением), припомнили Михаэлю его улыбку во время церемонии награждения в Имоле в прошлом году (а вот это действительно было). В Бразилии Шумахер находился под круглосуточной охраной, а на автодром добирался на вертолете.

Нелегко ему было и в квалификации. В пятницу Михаэль вылетел с трассы и основательно разбил автомобиль. Как показал осмотр, причиной аварии стала неисправность рулевого управления. В субботу на разминке испытал прочность «Бенеттона» уже по собственной инициативе. Правда, в основной

квалификации он боролся за поул с Хиллом, но опередить своего главного соперника так и не сумел. Преимущество «Уильямса» чувствовалось и в гонке – Михаэль безнадежно отставал от Дэймона. Но вылет Хилла на 31-м круге позволил Шумахеру выйти в лидеры и закончить гонку первым. Однако победный финиш еще не означал, что он может спокойно записать в свой актив 10 очков. ФИА опять, как и в прошлом году, решила «поэкспериментировать» с дисквалификациями. На этот раз «вне закона» было объявлено топливо французской фирмы «Эльф», которым заправлялись автомобили Шумахера и второго призера гонки в Бразилии Дэвида Култарда. Вердикт ФИА был суров – топливо «Эльф» не соответствует техническому регламенту и поэтому и гонщики, и команды лишаются зачетных очков. «Бенеттон» и «Уильямс» подали апелляцию, и уже после следующего этапа в Аргентине она была частично удовлетворена. Гонщикам набранные ими очки вернули, а команды все-таки были оштрафованы.

Очевидно, все эти передряги с дисквалификациями сказались на Михаэле. Второй и третий этапы закончились для него не слишком удачно. В Аргентине он занял третье место, а в Италии в довольно безобидной ситуации потерял контроль над машиной и вылетел с трассы. Но зато четвертый этап в Испании стал триумфальным для «Бенеттона». Команде удался второй в истории дубль. Джонни Херберт, несмотря на курьезный случай в боксах (после одного из пит-стопов Джонни слишком рано стартовал и уехал с задним домкратом, но, к счастью, он оторвался от машины без всяких последствий), наконец-то сумел проявить себя и пришел к финишу вторым вслед за первым номером «Бенеттона». Шумахеру эта победа позволила захватить лидерство в чемпионате, и до самого конца чемпионата он никому не позволил занять первую строчку в общем зачете. Любопытно, что большинство квалификаций выигрывал «Уильямс», однако в гонке сильнее был «Бенеттон». Конечно, Шумахер – гениальный гонщик, а «Бенеттон» образца 1994—95 годов – команда, идеальная с точки зрения тактики и стратегии гонки. Но, справедливости ради, следует сказать, что нередко соперники из «Уильямса» буквально своими руками отдавали победу Михаэлю. Грандиозные по глупости ошибки в выборе тактики пит-стопов не раз приводили к тому, что Шумахеру, отставшему по ходу гонки, удавалось выиграть, казалось бы, безнадежную гонку. Гран-при Бельгии 1995 года – очень характерный пример. Из-за проблем с коробкой передач в квалификации Михаэль показал шестнадцатый результат – худший за всю карьеру в «Формуле-1». Казалось бы, у него было

немного шансов выиграть гонку. Правда, в первой половине гонки лидирующая группа из-за сходов и аварий изрядно поредела. Но Хилл оставался на трассе. Дэймон опережал Михаэля примерно на 15 секунд. В этот момент в ход гонки вмешалась погода. В тот день над трассой в Спа-Франкошам нависали тучи, однако до старта трасса оставалась сухой. Гонщики стартовали на сликах. На 20-м круге потихоньку стал накрапывать дождь. Хилл заехал в боксы, чтобы сменить резину на дождевую, а Михаэль продолжал ехать на сликах. Вскоре дождь, казалось бы, прекратился, и трасса стала подсыхать. Хилла долго держали на дождевой резине, пока Михаэль не догнал его. Наконец-то стратеги из «Уильямса» дали команду своему пилоту заехать на смену резины. Хилл проехал на сликах где-то полкруга, после чего полило уже по-настоящему. Ливень был настолько сильным, что оставаться на сликах было безумием. Дэймону вновь пришлось заезжать в боксы. Два лишних питстопа занимают, с учетом заезда в боксы и собственно дозаправки и смены резины, в среднем минуту. Естественно, что Шумахер не мог не воспользоваться таким подарком со стороны «Уильямса».

Михаэль удачно сыграл и на проблемах своего главного соперника. Дэймон Хилл, чтобы там ни говорили поклонники Шумахера о его водительском мастерстве, классный пилот. Случайно выиграть 22 Гран-при за карьеру, пускай и за рулем лучшего автомобиля «Формулы-1», невозможно. Дэймон – человек мягкий и интеллигентный, таким же он остается и в гонках. Да, Хилл хотел быть первым, но он не добивался, как Сенна или Шумахер, победы любой ценой. После гибели Сенны на него свалился невероятный груз ответственности – из второго номера, «тени бразильского волшебника», он вдруг стал лидером самой лучшей команды «Формулы-1». И не всегда с этой ролью справлялся – то был излишне осторожен, то вдруг бросался в безрассудные атаки, которые заканчивались вылетом с трассы. А Шумахер очень быстро понял, что на соперника можно «давить» не только во время гонки. Нередко Михаэль не слишком лестно высказывался о водительских способностях Дэймона в интервью. Это уже потом, после завоевания чемпионского титула, Шуми «сменял гнев на милость» и говорил нечто вроде: «Прошедший чемпионат был великим соревнованием между мной и Дэймоном. Я думаю, мы были равны на трассе. За последние несколько недель я наговорил про него много всякого. Я был не прав. Дэймон доказал, что он великий соперник». Цель-то достигнута, можно и сопернику сказать что-то приятное…

В том же 1995 году в жизни Михаэля Шумахера состоялось

еще одно знаменательное событие. 1 августа он женился на своей давней подруге Коринне Беч. Со своей будущей женой Михаэль познакомился в самом начале выступлений в «Формуле-1». Тогда Коринна была подругой Хайнца-Харальда Френтцена и молодые люди часто встречались на вечеринках. Молодой Шуми был известным ловеласом и менял девушек как перчатки. А Кори сопровождала Френтцена практически на всех соревнованиях. Однажды Михаэль понял, что присутствие Коринны ему просто необходимо. Знакомство с ней полностью изменило его характер. Он часто признавался ей, что на самом деле мечтает встретить ту единственную, которая станет его женой и матерью его детей. Коринна полностью разделяла взгляды Михаэля на семейную жизнь, а вот Хайнц-Харальд всегда говорил, «что один ребенок отнимает у гонщика минимум одну секунду на каждом круге гонки». Вскоре Коринна поняла, что семейная жизнь с Михаэлем ей гораздо ближе, чем непонятные отношения с Хайнцом-Харальдом. Шумахер действительно оказался образцовым мужем и отцом. «Когда в 1997-м у нас родилась Джина-Мария, я все делал сам – не спал ночами, купал, пеленал, менял подгузники. Если бы я мог, то и кормил бы ее. Но эту обязанность, по понятным причинам, пришлось уступить маме», – несмотря на то что доходы Михаэля позволяли ему при необходимости нанять хоть сотню нянек, он никому не позволял ухаживать за дочерью. В 1999 году у Шумахеров родился второй ребенок – сын Мик.

В 1996 году состоялась еще одна «свадьба» – Михаэль Шумахер «женился» на «Феррари». Что это было – брак по расчету или по любви, что заставило Михаэля уйти из «Бенеттона», с которым он выиграл два титула подряд, в «скудерию», переживавшую тогда не самые лучшие времена?

Инициаторами приглашения Шумахера в «Феррари» были директор команды Лука ди Монтеземоло (с недавних пор – президент концерна ФИАТ) и главный менеджер Жан Тодт. В последний раз чемпионский титул для итальянской команды завоевал в 1979 году бразильский гонщик Джоди Шектер, и с тех пор «Феррари» находилась в глубоком кризисе. «Феррари» в каждом чемпионате входила в четверку ведущих команд, однако по сравнению с былыми победами эти достижения не впечатляли. Каждый год команда представляла новый «супер-болид» и заверяла многочисленных фанатов, что уж в этом году «скудерия» точно завоюет чемпионский титул. Все это напоминало предвыборные обещания политиков – в лучшем случае гонщикам «Феррари» удавалось одержать одну-две победы в сезоне.

Не помогло даже приглашение в начале 1990-х Алена Проста, который был тогда уже трехкратным чемпионом мира. «Большая

любовь» довольно быстро сменилась взаимным недоверием гонщика и руководства, а когда в одном из интервью «профессор» назвал болиды «телегами», его сразу же уволили из команды, даже не дали завершить сезон. В конце концов, в «Феррари» решили пойти простым, но самым эффективным путем – есть действующий чемпион мира, объективно лучший гонщик в данный момент времени, и его надо переманить к себе.

Михаэль, конечно, понимал, что он очень нужен «Феррари», и именно он является хозяином положения. Шумахер затребовал 48 миллионов долларов за два года – рекордный контракт в истории автогонок, астрономическая сумма. От сотрудничества с «Феррари» даже отказался один из главных спонсоров команды итальянская нефтяная компания «Аджип». Однако менеджеры «Шелл» и «Филлип Моррис», двух других спонсоров «скудерии», оказались более дальновидными и нашли деньги. В итоге Лука ди Монтеземоло предложил Михаэлю подписать контракт.

Деньги, безусловно, одна из главных причин перехода Михаэля в «Феррари». Но были и другие мотивы. Уже позже Шумахеру делали более привлекательные в финансовом плане предложения. Особенно усердно его обхаживала «Тойота», недавно пришедшая в «Формулу-1». Японцы предлагали немцу самому назначить себе зарплату (!) и при этом готовы были предоставить фактически полномочия директора команды. Но он на эти посулы не купился и остался верен «Феррари». Возможно, в 1995 году Михаэль решил сделать вызов и доказать, что он способен побеждать не только в «Бенеттоне», но и в «Феррари». «Впервые сев в «Феррари», я подумал: «Черт побери, сколько же работы впереди!» – говорил Шумахер. – Но затем я и перешел сюда – мне стало скучно побеждать на машине, не имеющей проблем».

Ради Михаэля в «скудерии» пошли даже на изменения годами устоявшихся принципов. Вообще «Феррари» всегда считалась самой диктаторской командой в «Формуле-1». Гонщики, конечно, не были бессловесными рабами, но все, на что они могли повлиять, касалось только конкретных настроек автомобиля на ту или иную гонку. По другим же вопросам мнение пилотов руководство не интересовало. А если кто-то пытался выразить сомнение в правильности выбранной тактики и стратегии команды – тут же следовало увольнение. Так было и при основателе фирмы Энцо Феррари, так было и после того, как «коммендаторе» ушел из жизни. Легендарный гонщик 1950-х годов Альберто Аскари, чемпионы мира Ники Лауда и Джоди Шектер, тот же Ален Прост – всех их уволили из «скудерии» только за то, что они пытались отстоять свое мнение. Однако с

Шуми все было по-иному. Михаэль сразу же дал понять итальянцам, что команда должна подстраиваться под него, а не он под команду. Ну когда такое было, чтобы пилот «Феррари» решал кадровые вопросы в команде? А Михаэль мог себе это позволить, причем в отношении не только рядовых работников, а самого что ни на есть высшего руководства. Одним из обязательных условий его нового контракта было приглашение работавших с ним в «Бенеттоне» технического директора Росса Брауна и главного конструктора Рори Берна. И в «Феррари» даже не пытались возражать против таких требований.

Поначалу сотрудники «Феррари» не слишком тепло встретили Шумахера. Из-за него из команды ушли признанные авторитеты в мире «Формулы-1» – опытный Герхард Бергер и считавшийся почти своим француз итальянского происхождения Жан Алези. Но Михаэлю быстро удалось найти общий язык с персоналом команды, причем не только с руководителями, но и с простыми инженерами и механиками. В своих интервью он не раз подчеркивал, что ему нравится психологический климат, царящий в итальянской команде: «С одной стороны, я не привык доверяться кому-то. Но я, в общем-то, открытый человек и встретил в «Феррари» много радушных и гостеприимных людей. Итальянцы – искренние и общительные люди, с ними проще завязать дружеские отношения. Вообще в «Феррари» психологически мне гораздо лучше, чем в «Бенеттоне». Сейчас все идет хорошо. Мы быстро нашли общий язык с инженерами, наша работа основана на хорошем диалоге и взаимопонимании».

Но с помощью одного только хорошего психологического климата чемпионского титула не завоюешь. Собственно говоря, Михаэль сразу же предупредил всех, что не рассчитывает сразу же привезти «Феррари» чемпионский титул. «Я хочу как следует изучить команду и стоящие перед ней проблемы. Мне нужно прояснить обстановку внутри «Феррари». И конечно, хочу выиграть как можно больше. Хотя повторю – у меня нет надежд на завоевание чемпионского титула в этом году. Это все несбыточные мечты. Я же всегда был реалистом и намерен им оставаться».

Михаэль знал, о чем говорил, хотя, только сев за руль «Феррари», начал делать комплименты своей новой команде. «Оказывается, у итальянцев очень даже неплохой автомобиль!» – улыбался Михаэль на пресс-конференциях. Но это было, скорее, лукавство, еще до начала сезона стало ясно, что новая «Феррари F310» не обладает ни чемпионской скоростью, ни особой надежностью. В первых трех гонках Шумахер и второй пилот команды ирландец Эдди Ирвайн набрали на двоих 10 очков,

тогда как в прошлом сезоне Бергер и Алези привезли 23 очка за те же три гонки. «А зачем, собственно говоря, нужно было платить такие деньги за этого Шумахера?» – спрашивали раздраженные итальянские «тиффози». Нет, самого Михаэля ни в чем не обвиняли, он-то ошибок не делал, но какой смысл сажать самого дорогого пилота в машину, которая не едет? Кто-то из «доброжелателей» даже нашептал президенту ФИАТа (а «Феррари», как и вся итальянская автопромышленность, принадлежит ФИАТу) Джованни Аньелли, что в его империи есть человек, не вполне заслуженно получающий огромные деньги, и этот человек – Михаэль Шумахер. Аньелли не пожалел времени и лично решил посмотреть, на что способен Михаэль и стоит ли он тех денег, которые ему платит «Феррари». Как оказалось, синьор президент не зря потратил свое драгоценное время. «Знаете, а этот Шумахер – классный гонщик, – сказал Аньелли после этапа в разговоре с Лукой ди Монтеземоло. – Так здорово ездить на том убожестве, что вы ему подсунули, – настоящий подвиг. Так что любым способом продлите с ним контракт и заплатите ему столько, сколько он потребует!»

Казалось, что после седьмого этапа чемпионата Гран-при для «скудерии» наступили лучшие времена. Михаэль наконец-то выиграл свою первую гонку за «Феррари». Но и здесь был тревожный звоночек – в конце гонки двигатель «Феррари» не развивал полной мощности. Если бы гонка проходила при хорошей погоде, то Михаэля наверняка бы догнал ехавший на втором месте Жан Алези. Но в Испании шел дождь, и в этих условиях Михаэлю хватило мощности, чтобы без проблем доехать до финиша. Естественно, что первая победа настроила «скудерию» и ее первого пилота на боевой лад. «Вопрос о чемпионе мира 1996 года снова открыт, – сказал Михаэль после гонки в Барселоне. – В начале сезона я говорил, что буду оставаться реалистом, но после Испании чувствую оптимизм. Две следующие гонки, в Канаде и Франции, станут для нас ключевыми». Следующие этапы действительно стали ключевыми. Они показали, что… в «Феррари» рано радовались, и бороться за титул со сверхнадежными «Уильямсами» итальянцам не светит. Гонка в Канаде стала сплошным мучением для Михаэля и «скудерии». Проблемы с двигателем на старте, проблемы со сцеплением в середине гонки, и, в конце концов, «Феррари» буквально начала разваливаться – при выезде с пит-стопа из автомобиля Шумахера вывалилась полуось. Казалось бы, куда уж хуже, однако во Франции с «Феррари» произошел еще больший конфуз. Михаэль выиграл квалификацию, но уже на прогревочном круге у его болида сгорел двигатель.

Гран-при Англии стал для «Феррари» новым позором. Михаэль из-за проблем с гидравлической системой коробки передач сошел уже после второго круга, немногим дольше продержалась в гонке и «Феррари» Эдди Ирвайна. Тут уже у поклонников итальянской команды попросту стали сдавать нервы. «Знаете, почему «Феррари» красного цвета? Потому что она сгорает от стыда!» – писали газеты. Или, например: «Посмотрите, что сделали эти клоуны из «скудерии» с легендарной машиной!» Не отставали от итальянских коллег и немецкие журналисты, в открытую говорившие, что против их любимого Шумахера явно составлен заговор. Да и сам Михаэль в интервью достаточно прозрачно намекал, что не исключает возможности заговора: «Когда ты падаешь с лестницы – тебе либо не повезло, либо кто-то тебя подталкивает или подпиливает ступеньки. А может быть, и то и другое вместе… Совершенно очевидно, что у нас серьезные проблемы, и нужно что-то делать, чтобы их исправить». В какой-то момент пошел даже слух, что «роман» Михаэля и «Феррари» может быстро закончиться и Шумахер по окончании сезона уйдет в «Мак-Ларен». Видимо, эти угрозы подействовали на команду – к концу сезона проблемы с надежностью были практически решены и «Феррари» на равных смогли бороться с «Уильямсами». Две победы Михаэля в Бельгии и Италии, второе место в Японии и третье в Португалии уже не могли поколебать турнирных позиций пилотов «Уильямса», но, по крайней мере, внушали определенный оптимизм.

В целом, первый сезон Михаэля в «Феррари» провальным, конечно же, не назовешь. Михаэль с 59 очками занял третье место среди пилотов и сумел вытянуть «Феррари» на вторую позицию в Кубке конструкторов. Шумахер выиграл три Гран-при, столько же, сколько Алези и Бергер за прошлые три года. Но и особых поводов для радости у поклонников «скудерии» не было. Чемпионат, по сути дела, разыграли между собой пилоты «Уильямса» Дэймон Хилл, завоевавший, наконец, титул чемпиона мира, и новичок «Формулы» канадец Жак Вильнев. В Кубке конструкторов преимущество «Уильямса» было вообще до неприличия большим – британская команда набрала 175 очков, а «Феррари» – всего 70, на три очка меньше, чем в 1995 году. В том, что Шуми – лучший гонщик в «Формуле, «тиффози» уже не сомневались, но вот сможет ли команда наконец-то построить быстрый и надежный автомобиль? Ответ на этот вопрос должен был дать чемпионат 1997 года.

«Я думаю, что в этом году главной задачей для нас будет надежность машины и ее улучшение по сравнению с прошлым

годом. Настоящий чемпионат начнется для нас только в следующем, 1998 году». На словах Михаэль, как и всегда перед началом нового сезона, был осторожен, однако на самом деле настроился на борьбу. Не дремали и главные соперники – Фрэнк Уильямс отправил в отставку слишком уж возрастного Дэймона Хилла, на его место пришел старый знакомый Шумахера Хайнц-Харальд Френтцен. Приглашая Френтцена, Уильямс рассчитывал, что немецкий пилот сможет стать достойным противником набирающему обороты Шумахеру. Однако Хайнц-Харальд особенно себя не проявил. Но в «Уильямсе» был еще один пилот – Жак Вильнев. Именно с Жаком, сыном трагически погибшего в 1982 году вице-чемпиона мира Жиля Вильнева, Шумахеру пришлось бороться за чемпионский титул. Первое впечатление, которое производит Жак, – интеллигентный спокойный очкарик, совершенно неспособный к какой-то жесткой борьбе. Но первое впечатление, как известно, обманчиво – за миролюбивым обликом скрывался очень твердый и неуступчивый гонщик, к тому же наделенный огромным водительским талантом.

С первых этапов Шумахеру удалось захватить лидерство, однако Вильнев не отставал от него. Чемпионат получился очень интересным и напряженным, борьба особенно обострилась к концу сезона. Не обошлось и без разного рода дисквалификаций. Вильнев в течение двух этапов подряд обгонял соперников под желтыми флагами (что запрещено правилами ФИА) и был за это лишен двух очков, заработанных на Гран-при Японии. Шумахер во время гонки в Австрии был наказан штрафом «стоп-энд-гоу» и в результате закончил гонку только шестым. А на старте Гран-при Люксембурга Михаэль стал жертвой разборки двух «Джорданов». Один из болидов после столкновения буквально рухнул на «Феррари» Шумахера, основательно разворотив переднюю подвеску. Можно себе представить, что чувствовал Шумахер, выбывший из гонки по чужой вине, и это в ситуации, когда на счету каждое очко. Но самым обидным было то, что управлял злополучным «Джорданом»… младший брат Михаэля Ральф, дебютировавший в том году в «Формуле-1».

Перед последним этапом чемпионата, Гран-при Европы, проходившем на трассе в испанском Хересе, Шумахер опережал Вильнева на одно очко. Это было дежа-вю, ситуация очень напоминала 1994 год – Шумахер на первом месте, разрыв в одно очко, главный соперник на «Уильямсе». Правда, на этот раз Михаэль выступал за «Феррари», а место Дэймона Хилла занял Жак Вильнев. Все помнили, чем закончилась гонка в Аделаиде три года назад, и поэтому обстановка перед последним этапом накалилась до предела. В своих интервью люди из «Уильямса»

недвусмысленно намекали, что ожидают повторения чего-то подобного, причем в «нехороших» намерениях подозревали не только Шумахера, но и второго пилота «Феррари» Эдди Ирвайна. Эдди не стал скрывать своих планов на гонку от журналистов: «Моя цель не столкновение с Вильневом, но я буду мешать ему при любой возможности, – сказал ирландский пилот. – Если Жак в очной схватке сотворит какую-нибудь глупость, я с огромным удовольствием ему не уступлю, и дальше… Вы понимаете, что будет дальше».

Шумахер в свою очередь опасался Хайнца-Харальда Френтцена. «Я хочу, чтобы чемпионат решился на трассе, а не на обочине после столкновения. Я знаю, что Жак – честный спортсмен. Я чувствую себя в безопасности, соревнуясь с ним. Он такой же честный игрок, как и я (позже Шумахеру еще не раз припомнят эти слова. – *Авт.*) Но вот насчет Хайнца-Харальда я не уверен. Кто знает, насколько далеко он зайдет, пытаясь блокировать меня?»

Естественно, хозяева «Формулы» не хотели превращать свое детище в «грязную войну». И Берни Экклстоун и президент ФИА Макс Мосли строго предупреждали команды и гонщиков о недопустимости умышленных столкновений и блокирования вторыми пилотами претендентов на титул. «Нечестная игра будет строго наказана, а виновники могут оказаться среди зрителей на первых этапах следующего чемпионата, – строго говорил Экклстоун. – Также мы ударим и по самому больному месту – по кошельку. Столкновения в гонках происходили и будут происходить всегда. Но мы не хотим, чтобы подобным способом, причем умышленно, решалась судьба чемпионского титула».

В общем, такая вот «приятная» обстановка была перед последней гонкой чемпионата. В квалификации произошел уникальный случай в истории «Формулы-1» – сразу три пилота показали абсолютно одинаковый, с точностью до тысячной доли секунды, результат. Первым круг за 1.21,072 проехал Вильнев, и поэтому именно он занял первую позицию в стартовой решетке, за ним расположились Шумахер и Френтцен. Сама же гонка поначалу складывалась в пользу «Феррари» и Шумахера. Правда, квалификацию выиграл Вильнев, но старт никогда не был сильным козырем канадского пилота. Жак пропустил не только Шумахера, но и своего партнера по команде. Однако Михаэлю не удалось далеко оторваться. На восьмом круге Френтцен пропустил Вильнева вперед, а когда Шумахер выехал со своего первого пит-стопа, то оказался как раз за Френтценом, который еще не заезжал в боксы. В «Уильямсе» никто в джентльменов, понятное дело, играть не стал – Хайнц-Харальд на протяжении

пяти кругов старательно сдерживал Михаэля, но делал это строго в рамках правил. «Помощь» Френтцена в итоге помогла Вильневу вплотную приблизиться к Шумахеру. Однако Вильневу нужно было обгонять немца, а сделать это на узкой, извилистой трассе в Хересе было очень тяжело. Не изменила ситуацию и вторая волна пит-стопов. Так и ехали они рядом до 48-го круга – впереди Шумахер, сзади, с отставанием в одну-две секунды, Вильнев…

Их часто сравнивали между собой, и практически всегда сравнение было не в пользу Вильнева. «Да, Жак, конечно, талантливый пилот, – говорили люди из «формулической тусовки», – но до уровня Шумахера он все-таки не дотягивает. «Уильямс», гениальный супербыстрый и супернадежный «Уильямс» – вот что дает возможность канадцу на равных бороться с двукратным чемпионом мира». А между тем, Жак за два сезона не раз очень красиво, с выверенной до миллиметра точностью, обгонял Шумахера…

Длинная прямая заканчивалась поворотом, получившим название «Драй Сэк». В этом повороте обгоны обычно не происходят. Недолго, совсем недолго Михаэль не смотрел в зеркала заднего вида, полностью сосредоточившись на правильном прохождении поворота. И вдруг увидел сбоку обгоняющий его «Уильямс». Жак подловил его, подловил неожиданно и как всегда красиво. Шумахер понял, что прозевал момент атаки и соперник сейчас его обойдет. Что сделал бы Сенна на его месте? Правильно, Айртон, не раздумывая, попытался бы использовать свой последний шанс и просто вытолкнул бы соперника на обочину. Шумахер принял решение. Движение руля вправо – и «Феррари» колесом ударил «Уильямс» в левый борт. Три года назад он таким же способом сумел вывести из боя своего главного соперника. Однако на этот раз не получилось. Видимо, Михаэль все-таки действовал инстинктивно, а не сознательно, иначе сделал бы свое дело более «профессионально». А так он бил куда попало и, не причинив серьезного вреда автомобилю Вильнева, разбил свою «Феррари». Михаэль стоял на обочине и ждал. Вильнев проехал один раз, потом другой… «Уильямс» канадца практически не пострадал, только сбились настройки шасси, что привело к повышенному износу резины. Вильнев пропустил вперед два «Мак-Ларена» и пришел на финиш третьим. Четырех очков, набранных за эту гонку, Жаку Вильневу вполне хватило, чтобы стать чемпионом мира…

По поводу произошедшего в повороте «Драй Сэк» высказывались, наверное, все, кто так или иначе имеет отношение к «Формуле-1»: бывшие и действующие гонщики,

руководители команды, журналисты и болельщики. Однако наиболее точно общее настроение выразил человек, который от гонок был весьма далек. «Я разочарован и расстроен, – сказал знаменитый итальянский певец Пласидо Доминго, который должен был на специальных торжествах спеть гимн в честь победы «Феррари». – Я приехал сюда, чтобы вместе со всеми праздновать победу, но мне испортили праздник. Сегодня меня оскорбили, оскорбили очень сильно. Мне стыдно за Шумахера». Пожалуй, только новоиспеченный чемпион мира был спокоен и не требовал «крови». «Это было инстинктивное действие, – говорил Жак Вильнев. – Вы и сами видели, что я уже почти прошел Михаэля, так что его поступок был уже бессмысленным. Я не держу на него зла. Он проиграл, а я смог успешно завершить гонку. Я новый чемпион и должен быть великодушным».

А что же «главный обвиняемый»? Михаэль, видимо, был настолько подавлен случившимся, что не совсем понимал, что же он наделал и что вообще происходит. Иначе чем объяснить, что сразу же после финиша гонки Шумахер заявил, что это Вильнев пошел в безрассудную атаку (!), совершил ошибку (!!) и что если бы он, Шумахер, не подставил канадцу свою «Феррари», то Жак непременно улетел бы с трассы в гравий (!!!). Правда потом он все-таки понял, что публика раздражена его поступком, а попытка обвинить во всем Вильнева только подливает масла в огонь. «Я признаю, что совершил ошибку, – сказал Михаэль в своем интервью. – Я не думал, что в том повороте Жак сможет меня обогнать. Сначала я считал, что это Жак виноват в случившемся. Но когда десятки раз пересмотрел повтор нашего столкновения, то понял, что произошло. Это была непроизвольная реакция. Поймите, если кто-то намеренно попробует вынести противника с трассы, то у ФИА всегда есть возможность дисквалифицировать этого гонщика. Я был слишком заряжен на сохранении своего первого места и поэтому ошибся. Я обычный человек и могу совершать ошибки. Поверьте, что я извлеку урок из того, что случилось».

В принципе, итоги чемпионата всех устраивали. Но «дело Шумахера», естественно, требовало серьезного разбирательства. В любимом Шумахером футболе игрока, получившего две желтые карточки или совершившего слишком грубое нарушение, удаляют с поля, а затем отстраняют от игры на несколько матчей. ФИА тоже показала Михаэлю красную карточку и дисквалифицировала его. Но выглядело это так, словно футболиста дисквалифицируют задним числом на уже отыгранный и проигранный командой матч. 11 ноября 1997 года Всемирный совет ФИА лишил

Шумахера всех очков, набранных им за сезон, и второго места в итоговой таблице чемпионата. Строго? На первый взгляд, да. Но только на первый взгляд. В Кубке конструкторов «Феррари» оставили все заработанные очки, результаты всех этапов пересчитывать не стали, финансово ни Шумахер, ни «скудерия» не пострадали. А самое главное – немец не был дисквалифицирован на предстоящие Гран-при 1998 года. Так что получается, что Михаэль за свой поступок, который немецкая прокуратора даже пыталась классифицировать как покушение на убийство (правда, из этой затеи ничего не получилось и дело очень быстро было закрыто), не понес никакого наказания. Ну да, его лишили второго места, так Михаэлю от этого «ни холодно, ни жарко», любое место ниже первого его все равно не интересовало. Решение Всемирного совета ФИА вызвало шок, не меньший, чем само столкновение в повороте «Драй Сэк». Перед гонкой в Хересе руководство ФИА обещало дисквалифицировать любого пилота, ведущего нечестную игру, однако фактически действия Шумахера остались безнаказанными. Почему же так произошло?

Во-первых, когда руководители ФИА давали свои обещания, то они надеялись, что все пройдет гладко. Но не это главное. В «Феррари» понимали, что вся эта заварушка может плохо кончиться для Шумахера, ходили упорные слухи, что первого пилота итальянской команды могут дисквалифицировать не на две-три гонки, а на весь сезон 1998 года. И итальянцы сделали ответный ход, благо у них на руках были сильные карты. В распоряжении ФИА оказались записи радиопереговоров между пилотами и руководством «Уильямса» и «Мак-Ларена». Из этих переговоров, по мнению «Феррари», следовало, что между главными соперниками «скудерии» во время гонки в Испании созрел сговор. Что же такого ужасного замыслили коварные британцы?

Когда речь не шла о реальной борьбе за чемпионский титул, две английские команды всегда поддерживали между собой хорошие отношения. Так было и в Хересе – «Уильямс» и «Мак-Ларен» заключили «пакт о взаимопомощи». Хаккинен и Култард, пилоты «Мак-Ларена», должны были не мешать Вильневу и, по возможности, прикрывать Жака от непредсказуемых атак Эдди Ирвайна. Действительно, после схода Шумахера Хаккинен и Култард стали быстро догонять «подбитого» Вильнева, а затем снизили темп и спокойно ехали позади лидера гонки. Ирвайн, правда, догнать «Уильямс» не смог, и за несколько кругов до финиша сошел с дистанции. После этого «Мак-Ларены» без проблем обошли Вильнева и обеспечили команде победный дубль.

Наверное, если бы титул достался Шумахеру, на эти «шалости» не обратили бы внимания. Но в сложившейся ситуации ФИА, сказав «А», надо было говорить и «Б» – нужно дисквалифицировать и Шумахера, и «Уильямс» с «Мак-Ларен» в полном составе. Представим себе, что ФИА проявила бы принципиальность и так бы и поступила. Много зрителей пришло бы посмотреть на этапы, в которых не участвуют пять ведущих пилотов и фактически три самых сильных команды? А спонсоры? А телевидение? То есть самое главное – много денег заработали бы хозяева «Формулы-1» на таких «ущербных» этапах?..

Положение было сложным, однако решение лежало на поверхности. Символически наказать Шумахера, «Уильямс» и «Мак-Ларен» вообще не трогать, никого от следующего чемпионата не отстранять и… И все довольны, все остались при своих интересах. Вот только были ли довольны таким исходом миллионы поклонников «Формулы-1»? Нет. А что, их мнение кого-то интересовало?..

Сезон 1998 года начался с двух нокаутирующих ударов «Мак-Ларена». На первых двух этапах Мика Хаккинен и Дэйвид Култард заняли верхние ступени пьедестала почета, причем их преимущество по ходу гонок выглядело просто тотальным. В принципе, взлет «Мак-Ларена» не был большой неожиданностью. Британской команде наконец-то удалось соединить вместе все, что необходимо для победных выступлений. Из «Уильямса» в «Мак-Ларен» перешел гений конструкторской мысли Эдриан Ньюи. Созданный им автомобиль по праву считался лучшим автомобилем чемпионата. Мотористы «Мерседес-Бенца» сумели создать мощный и надежный двигатель. Да и пилоты «Мак-Ларена», Хаккинен и Култард, находились в самом расцвете сил.

Шумахеру удалось выиграть третий этап в Аргентине, однако затем три раза подряд победа доставалась пилотам «Мак-Ларена» – дважды Хаккинену и один раз Култарду. Наверное, кто-то подумал, что судьба чемпионата уже решена, однако Шумахер выдал великолепную серию из трех выигранных этапов подряд, и борьба обострилась. После четырнадцати этапов счет между двумя главными претендентами был равным. Михаэль рассчитывал нанести решающий удар на родной для него гонке в Германии, но на трассе в Нюрбургринге сильнее был Хаккинен. В итоге перед последним этапом финн опережал Шумахера на четыре очка.

Японская трасса «Сузука» не раз становилась ареной решающих схваток за чемпионский титул. Положение в чемпионате предвещало очень интересную гонку, тем более что в

квалификации Шумахеру удалось опередить главного соперника. Однако борьбы не получилось. Из-за сбоя в системе автоматического сцепления двигатель «Феррари» заглох на старте. Это означало, что Шумахер, согласно правилам, при рестарте был отодвинут на последнее место стартовой решетки. Естественно, что в таких «тепличных» для Хаккинена условиях Шумахер мог надеяться только на сход главного соперника, при этом самому Михаэлю нужно было пробиться с последнего места как минимум на второе. После третьего круга Шумахеру удалось подняться на девятое место, однако затем он уперся в «Джордан» Дэймона Хилла. Дэймон в 1998 году за чемпионский титул не боролся, однако сделал все, чтобы отомстить своему «старому знакомому» за столкновение в последней гонке 1994 года. Десять кругов Хилл успешно отбивался от атак Шумахера. А на 31-м круге у «Феррари» Михаэля лопнуло заднее колесо. Шуми попытался доехать до боксов, но не сумел и был вынужден свернуть на обочину. После этого Мика Хаккинен мог даже прекратить гонку, но, естественно, продолжал ехать дальше. Его «Мак-Ларен» вел себя просто безупречно. Почему бы не выиграть еще один Гран-при, если есть такая возможность?

«Очень обидно, что все мои усилия пошли насмарку из-за пустяковой технической проблемы, – Михаэль, конечно, был расстроен подобным окончанием сезона. – В моем «Феррари» ничего не сломалось. Просто заглох двигатель и все…» Если бы он знал, что будет в следующем году…

Перед началом сезона 1999 года в число фаворитов зачисляли Хаккинена и Шумахера, ждали удачного выступления и от второго пилота «Мак-Ларена» Дэйвида Култарда. А вот «тень Шумахера» Эдди Ирвайна никто в расчет не принимал. У «Феррари» есть единственный и неповторимый Шумахер, и никакой второй пилот «скудерии» стать чемпионом не может. Начало для Михаэля было неплохим – второе место в Бразилии, первое в Испании и Монако. Он лидировал и в Канаде, однако в одном из поворотов грубо ошибся, вылетел с трассы и разбил машину. «Я допускаю подобные ошибки только один раз за сезон. Надеюсь, это была моя последняя ошибка в сезоне», – заявил Михаэль после гонки…

Прогнозы, как известно, дело неблагодарное. Ну кто мог предположить, что перед последней гонкой чемпионата Эдди Ирвайн будет опережать Мику Хаккинена на 4 очка? Все карты спутал седьмой этап чемпионата в английском Сильверстоуне. Авария на первом же круге гонки, в которой Шумахер получил двойной перелом ноги, вывела его из строя на следующие шесть этапов. О чемпионстве можно было забыть.

Поклонники «Феррари» уже считали сезон потерянным, однако неожиданно выяснилось, что «королевский шут» (таким не очень-то приятным прозвищем журналисты наградили Эдди Ирвайна) сам способен быть королем. Эдди не только сумел ликвидировать отставание от Хаккинена, но и опередить действующего чемпиона мира. Правда, не обошлось и без представлений, традиционных для «Большого цирка». В гонке в Малайзии, в предпоследнем этапе чемпионата, «Феррари» удалось сделать победный дубль. Однако ФИА дисквалифицировала «Феррари» за применение якобы не соответствующих техническому регламенту аэродинамических элементов. Итальянцы подали протест. Почти неделю все были в неведении – то ли считать Хаккинена двукратным чемпионом мира, то ли вся борьба еще впереди. Кстати, сам Мика очень не хотел стать «бумажным чемпионом» и возражал против дисквалификации главного соперника. К всеобщему удовольствию Всемирный совет ФИА удовлетворил апелляцию «Феррари» и чемпион должен был определиться, как и в прошлом году, в последней гонке на японской «Сузуке». В Японии Хаккинен был безупречен – он выиграл гонку и во второй раз стал чемпионом мира.

Сейчас, когда Михаэль являлся семикратным чемпионом мира, вряд ли остались сомневающиеся в том, что он – лучший гонщик всех времен и народов (по крайней мере, по количеству чемпионских титулов и победам в Гран-при ему точно нет равных). Однако в 2000 году ситуация была несколько другой. Когда Михаэль только пришел в «Феррари», он и руководство команды клятвенно заверяли болельщиков, что победным станет 1998 год. Однако уже наступил 2000-й, а титула как не было, так и нет. Мало того, в 1999 году Ирвайн чуть было не стал чемпионом, и это при том, что он половину сезона работал «подносчиком снарядов» для Шумахера. Естественно, что поклонники «скудерии» стали сомневаться в «исключительной гениальности» Михаэля. Кто знает, как закончилась бы борьба в чемпионате и кто бы принес «Феррари» первый после многолетнего перерыва титул, если бы команда с самого начала работала на Ирвайна, а не на Шумахера? И нужен ли команде самый дорогой пилот в мире, если «середнячок» на этой же машине вполне способен бороться за победу? В общем, перед началом чемпионата перед Михаэлем стоял вопрос: или сейчас, или..?

Три гонки – три победы, 30:6 – счет по очкам в пользу Шумахера в его борьбе с Хаккиненом. Возможно, кое-кто из

поклонников Михаэля уже купил шампанское, чтобы достойно отметить победу своего кумира в чемпионате. Однако в середине сезона Шумахер заставил своих болельщиков изрядно поволноваться. Проблемы с подвеской в Монако, отказ двигателя во Франции, аварии на первых кругах в Австрии и Германии и в итоге преимущество Михаэля быстро растаяло. Мика долго «висел на хвосте» у Шумахера, а после победы в Бельгии на шесть очков опередил его. Решающими стали две победы Шумахера в Италии, на трассе в Монце, и США, на знаменитом треке в Индианаполисе. А окончательно Михаэль оформил чемпионский титул 8 октября 2000 года. Гонка в Японии на этот раз не была последней в чемпионате, но и в 2000 году именно на «Сузуке» определился чемпион мира. Старт выиграл Хаккинен, однако благодаря удачной тактике пит-стопов Шумахер вышел вперед и обеспечил себе чемпионский титул. Нетрудно представить, что творилось в Италии, когда «Феррари» Михаэля пересекла финиш на 1,8 секунды впереди «Мак-Ларена» Хаккинена. А новый чемпион только через несколько дней смог внятно рассказать о прошедшем сезоне и своих чувствах: «На протяжении всего сезона у нас были подъемы и спады, но, в конце концов, мы победили. Борьба шла до последнего и я хочу сказать «спасибо» Мике за то, что он сделал все возможное, чтобы победа не досталась мне без борьбы. Мы долго не могли выиграть чемпионат, и конечно, это огорчало, ведь мы чувствовали, что можем победить. И вот, наконец-то, это произошло… Если кто-то думает, что «Мак-Ларен» был в этом году слабее, чем раньше, то он ошибается. Мы победили очень сильного соперника. И в этом не только моя заслуга. Никому еще не удалось точно определить, чей вклад в победу больше – гонщика, конструктора или механика, заливающего бензин в бак моего болида!» Последний этап в Малайзии превратился в формальность. Правда, теоретически пилоты «Мак-Ларена» могли завоевать Кубок конструкторов для своей команды, однако убедительная победа Шумахера все расставила по своим местам.

Сезоны 2001 и 2002 годов прошли в «одни ворота» – полное доминирование «Феррари» и Михаэля Шумахера. Случались, конечно, интересные гонки, однако реальной борьбы за чемпионский титул не было. 9 побед и 123 очка в 2001 году и фантастические семнадцать подиумов в семнадцати гонках и 144 очка в 2002 году говорят сами за себя. Единственным неприятным моментом в 2002 году стал Гран-при Австрии, причем неприятности пилоты и руководители «Феррари» устроили сами себе. Шестой этап проходил по обычному сценарию – «Феррари» полностью доминировала на трассе «А1-ринга», правда,

лидировал Рубенс, а не Михаэль. Бразилец проводил гонку очень уверенно, и у Шумахера было мало шансов обогнать его. Но тут из боксов Рубенсу приказали пропустить Михаэля…

В принципе, такое происходило и раньше, причем не только в «Формуле-1», но и других гонках, где за одну команду выступают несколько гонщиков. Конечно, подобная практика не поощрялась, однако все понимали, что автогонки – это ведь не только спорт, но еще и серьезный бизнес, требующий немалых финансовых вложений. Понятно, что работодатели (то есть хозяева и руководители команд) имеют право требовать от работников подчинения личных интересов интересам команды. «Командный ордер» – негласный, но довольно строго соблюдаемый порядок разделения пилотов на «первый» и «второй» номера – существует столько же, сколько и сами гонки. Первоначально владельцы гоночных машин иногда одалживали машины другим пилотам, но при этом они, естественно, не хотели быть побежденными гонщиком, который управлял их собственной машиной.

С командными приказами связано немало интересных случаев, нередко курьезных, а иногда и трагичных. Несколько раз победители чемпионатов «Формулы-1» и других соревнований определялись еще до решающей гонки. А в 1982 году в Имоле пилот команды «Феррари» Дидье Пирони не подчинился приказу из боксов и не пропустил вице-чемпиона мира Жиля Вильнева. Канадец рассвирепел до такой степени, что любой ценой стремился превзойти время Пирони на квалификации перед следующей гонкой. В итоге Жиль Вильнев, чрезмерно рискуя, попал в страшную аварию и погиб.

В памяти еще свежи были воспоминания о «бедном» Роне Деннисе, шефе команды «Мак-Ларен», и временах конца 1980-х годов, когда за «британскую конюшню» выступали Айртон Сенна и Ален Прост. Казалось бы, в распоряжении Рона Денниса было все, о чем только мог мечтать руководитель команды «Формулы-1» – лучший на тот момент автомобиль и два самых лучших гонщика, два гения автоспорта. Однако шеф «Мак-Ларена» нередко хватался за голову, когда Ален и Айртон, соперничая на трассе, готовы были вдребезги разбить автомобили, только бы не уступить друг другу, и при этом никаким уговорам и приказам не подчинялись.

В общем, хотя в регламенте «Формулы-1» и существовал пункт, согласно которому «наказуемы любые действия, дискредитирующие спортивный дух соревнований», фиктивные обгоны гонщиков из одной команды были обычным явлением и на них мало обращали внимания. Наверное, так было бы и на Гран-при Австрии-2002, однако Баррикелло, выполнив команду

из боксов, сделал это демонстративно, буквально остановившись за несколько метров до финиша. Да и дальнейшее награждение превратилось в неприятный фарс. Михаэль отказался принимать кубок из рук канцлера Австрии, занял вторую ступеньку подиума, заставив Рубенса взойти на первую, где бразилец выслушал немецкий гимн.

После этого на «скудерию» и ее пилотов обрушился шквал критики и упреков. Боссов «Феррари» критиковали за то, что они превращают гонки в цирк. Даже Берни Экклстоун, всегда занимавший сторону «Феррари», был взбешен. «Очень многие хотели увидеть, как кто-то обгонит Шумахера, но их обманули. Если нечто подобное будет повторяться и в будущем – не выдержат ни болельщики, ни я». Михаэль вынужден был оправдываться перед журналистами, словно нашаливший школьник перед учителем. «Почему вы не затормозили и позволили Баррикелло обогнать себя?» – спрашивали журналисты. «Ну я вообще-то пытался затормозить, но Рубенс тормозил сильнее», – отвечал Михаэль, опуская глаза. Баррикелло пресса поначалу даже сочувствовала, однако затем досталось и ему. Да, все знали, что Рубенс – однозначно второй номер «скудерии» и, как говорится, «при живом и здоровом» Шумахере никогда не станет первым. Еще в 1999 году, до перехода из команды «Стюарт» в «Феррари», Баррикелло сказал в интервью, что «приглашение в «Феррари» – случай просто исключительный, и я не могу отказаться, хотя прекрасно понимаю, что мне придется укрощать свои амбиции». Но, тем не менее, совершенно безвольное поведение Рубенса одобрения не вызвало. Больше всего были возмущены соотечественники бразильца, считавшие, что своим поступком он опозорил всю Бразилию. «Я не понимаю, как можно заставить себя пойти на такое унижение, зная, что на тебя смотрят миллионы людей, – сказал знаменитый бразильский гонщик, чемпион мира 1972 и 1974 годов Эмерсон Фиттипальди. – Конечно, контракт – это контракт, но должны же быть хоть какие-то пределы покорности».

Был грандиозный скандал. Дело дошло даже до официальных извинений президента ФИА Макса Мосли перед канцлером Австрии. Конечно, если бы на тот момент Шумахер находился в сложной турнирной ситуации, вряд ли кто-то сильно осудил бы действия «Феррари», но какой смысл устраивать комедию, когда отрыв от ближайшего преследователя составляет почти сорок очков? «Феррари» явно перестаралась.

Через три дня после гонки «дело «Феррари» должен был рассматривать Всемирный совет ФИА. Поскольку «победа» Шумахера в Австрии приобрела такой резонанс, публика ждала

суровых санкций в отношении итальянской команды и ее пилотов. Поговаривали, что ФИА может даже лишить Шумахера и Баррикелло набранных на «А1-ринге» очков. Однако никаких серьезных мер против «Феррари» принято не было. В своем решении Всемирный совет ФИА указал, что: «Гонщики выполняли приказы руководства команды, и поэтому не могут быть наказаны, а правила не запрещают команде самой определять порядок финиша своих пилотов». «Феррари» была оштрафована на 500 тысяч долларов, но не за то, что Рубенс пропустил Михаэля, а за «безобразия» на церемонии награждения. Не слишком страшное наказание для «Феррари» с ее практически не ограниченным бюджетом.

В целом же сезон 2002 года получился откровенно скучным. Вялые попытки других команд навязать хоть какую-то борьбу быстро разбились о фантастическую надежность «Феррари», помноженную на великолепную технику пилотирования ее первого гонщика. Уже в середине сезона стало ясно, что Шумахер и «Феррари» опять взойдут на высшую ступень пьедестала почета. Михаэль окончательно оформил свою победу в чемпионате на Гран-при Франции, за шесть (!) этапов до окончания сезона.

Естественно, что такой ход событий привел к унынию в стане болельщиков «Формулы-1». Даже Берни Экклстоун был вынужден признать, что чемпионат 2002 года оказался не слишком запоминающимся зрелищем: «Сезон получился какой-то однобокий, и, понятное дело, это никому не нравится – ни зрителям, ни спонсорам, ни лично мне. Не скажу, что «Формула-1» оказалась на краю пропасти, однако нужны какие-то перемены». В общем, сезон 2003 года обещал быть таким же унылым, как и предыдущие два, но к счастью, в этом году наконец-то «проснулись» «Мак-Ларен» и «Уильямс». После того как Мика Хаккинен в 2001 году покинул «Формулу», руководство «Мак-Ларена» сделало основную ставку на Дэвида Култарда, уже много лет выступавшего за британскую команду. Приглашение же в команду молодого финского гонщика Кими Райкконена скорее рассматривалось как работа на далекую перспективу. Однако уже на второй год выступления за «Мак-Ларен» Кими сумел превзойти своего более опытного товарища по команде и бросить вызов самому Шумахеру. Вообще Райкконен – типичный пример того, что руководители команд «Формулы-1» обладают каким-то чутьем, помогающим распознать среди молодых гонщиков будущих звезд «королевских гонок». Как и практически все пилоты «Формулы-1», Кими начинал с картинга, однако никаких серьезных успехов не добился. Его единственным более-менее

серьезным достижением была победа в британском молодежном чемпионате «Формулы «Рено». Ничего выдающегося, но Петер Заубер в 2001 году неожиданно пригласил молодого финна в свою команду, предпочтя его другим начинающим пилотам, которые на первый взгляд казались гораздо перспективнее Райкконена. Зауберу даже пришлось уламывать ФИА, которая поначалу отказывалась дать Кими лицензию пилота первой «Формулы». И Райкконен оправдал доверие. Он очень неплохо провел в «Заубере» сезон 2001 года, а по окончании чемпионата его переманил к себе «Мак-Ларен». В «Уильямсе» наконец заблистал колумбийский гонщик Хуан-Пабло Монтойя, который в 2001 году перешел в «Формулу-1» из американской гоночной серии CART.

Наверное, в 2003 году за Райкконена и Монтойю болели не только фанаты «Мак-Ларена» и «Уильямса», но и поклонники других команд (кроме «Феррари», конечно). Шутка ли, после двух откровенно скучных чемпионатов, когда победитель определялся чуть ли не в середине сезона, в 2003 году за три этапа до конца на звание чемпиона реально претендовали три пилота! Перед Гран-при Италии, четырнадцатым этапом чемпионата, у Шумахера было 72 очка, у Райкконена – 71 и у Монтойи – 70. Правда, перед решающей гонкой, проходившей на японской «Сузуке», Монтойя выбыл из борьбы за чемпионство. Шумахеру нужно было набрать всего одно очко, то есть закончить гонку как минимум восьмым (в 2003 году привычная система очков была несколько изменена – теперь зачетные очки получали восемь первых пилотов, а не шесть, как раньше), Райкконену нужна была только победа. И в какой-то момент показалось, что чудо может произойти…

Интрига начала закручиваться еще в квалификации, во время которой неожиданно пошел дождь. Естественно, что пилоты, успевшие проехать свои круги еще по сухой трассе, показали лучшее время, чем гонщики, проходившие квалификацию на мокрой трассе. Первую линию на стартовой решетке заняли Баррикелло и Монтойя. Райкконен оказался на восьмом месте, Шумахер же вообще стартовал с четырнадцатой позиции. После старта Монтойе удалось опередить Рубенса, однако наибольшее внимание привлекли претенденты на чемпионское звание. Райкконен отыграл две позиции, Шумахер начал постепенно приближаться к очковой зоне, однако при попытке обгона Такума Сато сломал передний спойлер о заднее колесо «БАРа» неуступчивого японца. Шумахеру пришлось делать вынужденный пит-стоп, после которого он оказался в самом конце пелетона. На 9-м круге из-за технических проблем сошел с трассы лидер гонки

Монтойя. Через несколько кругов пилоты из лидирующей группы практически одновременно заехали на плановую остановку в боксах. После пит-стопа лидером остался второй номер «Феррари», Райкконен переместился на третью позицию. Прояснилась ситуация с пит-стопами – оба пилота «Феррари» шли с тремя остановками, тогда как «Мак-Ларен» выбрал для Райкконена тактику двух пит-стопов, однако эта тактика не принесла дивиденды финскому пилоту – после второй остановки в боксах Баррикелло опережал шедшего к тому моменту вторым Райкконена на восемь секунд.

К концу гонки началась «игра на нервах». С одной стороны, Баррикелло уверенно лидировал, все дальше и дальше отрываясь от Райкконена. Однако Михаэль Шумахер никак не мог прорваться в очковую зону, и сход Рубенса означал бы победу Райкконена и в гонке, и в чемпионате. За двенадцать кругов до финиша Михаэль вышел-таки на заветное восьмое место. Но вскоре братья Шумахеры и шедший перед ними пилот «Тойоты» Кристиано да Матта попытались одновременно пройти поворот. Да Матта перерезал траекторию «Феррари», в результате чего Михаэль вынужден был экстренно тормозить. Шедший сзади Ральф коснулся спойлером заднего колеса болида брата. Если бы удар был чуть-чуть сильнее, не исключено, что колесо «Феррари» оказалось бы пробитым и Михаэль, в лучшем случае, смог бы добраться до боксов. Но ему повезло, шина осталась целой и Шумахер дехал до финиша. Восьмое место принесло ему одно очко и шестой чемпионский титул.

Это была, пожалуй, самая трудная чемпионская гонка в карьере Михаэля и поэтому чувства, которые он испытывал после Гран-при Японии были несколько странные и, так сказать, «не совсем чемпионские». «Этот год был трудным, особенно его концовка, да и гонка выдалась невероятно тяжелой, честно, одной из самых тяжелых в моей жизни, – сказал Михаэль на пресс-конференции. – Сегодня я хотел бы прежде всего поблагодарить команду – они сделали свою работу просто фантастически. На всех этапах обе «Феррари» были конкурентоспособны. Рубенс провел классную гонку, выиграл ее, что позволило нам в пятый раз подряд завоевать Кубок конструкторов, так что сегодняшняя победа – особая в истории «Феррари». Для меня же гонка прошла очень нервно – после столкновения с Сато у меня возникли проблемы, и я с большим трудом пробрался наверх. Потом был инцидент с да Маттой, Ральф ударил меня в заднее колесо… В общем, странная гонка и странные ощущения. Я очень рад за «Феррари», однако сам особой радости не испытываю. Я чувствую себя совершенно истощенным, однако горжусь нашими

достижениями».

Видимо, нервное напряжение во время гонки было настолько сильным, что последовавшая после вечеринка по случаю окончания чемпионата стала самой, так сказать, «запоминающейся» в истории «Формулы-1». Михаэль, человек достаточно спокойного нрава и не особенно увлекающийся горячительными напитками, на этот раз спустил пар по полной программе. Поначалу все протекало вполне благопристойно – чемпион и вице-чемпион мира исполнили знаменитую песню группы «Queen» «We are the champions», последовали обычные в таких случаях тосты и поздравления. Однако когда дозы спиртного увеличились, пилоты «расшалились по-настоящему». Когда несколько механиков зашли вечером в боксы, то увидели в VIP-комнате, среди пустых бутылок и объедков торжественного ужина, полуголого Михаэля с большой сигарой в зубах. Новоявленный шестикратный чемпион мира с упорством носорога толкал холодильник, пока тот наконец не перевернулся. Рядом Ральф Шумахер настойчиво пытался выбросить из окна телевизор, а пилот «Тойоты» Оливье Пани методично разбивал стулья о стены. Затем веселая троица изрядно пьяных гонщиков решила, что им пора освежиться, и вышла на улицу. Тут им на глаза попался трактор, который увозил с трассы разбитые и заглохшие болиды. Видимо, в тот момент Михаэль решил, что он чемпион мира не только в гонках на автомобилях класса «Формула-1», но и в гонках на транспортных средствах «типа трактор».

Подобное поведение отнюдь не украшает лучшего гонщика планеты. Однако об этом случае мы рассказали только лишь для подтверждения старой банальной истины: спортсмены, даже самые великие – обычные люди, со своими проблемами и недостатками. Когда гонщик выходит на старт, поклонников мало волнует, что их кумиру накануне ночью могли сниться плохие сны, что он не выспался, у него болит голова или, простите, возникли проблемы с желудком. Зато когда спортсмен вне соревнований выходит из созданного в воображении простых людей образа, то тут же начинается волна осуждения, как же, «великий спортсмен – всем детям пример, он всегда должен быть идеалом». «В какой-то момент вам может все не нравиться, вы можете чувствовать себя совершенно подавленным, – говорил по этому поводу Шумахер. – Но вы не можете изменить порядок вещей… Проблема в том, что простые люди ждут слишком многого от своих кумиров. Люди часто забывают, что звезды спорта так же уязвимы и так же могут совершать ошибки, как и любой другой человек».

Чемпионат 2003 года вселял в болельщиков «Формулы» надежды, что и следующий сезон пройдет в острой борьбе. На это надеялись и поклонники «Феррари», которые, желая победы Шумахера, хотели увидеть настоящие сражения. Говорят, что даже Берни Экклстоун, всегда симпатизировавший Михаэлю, перед началом сезона поставил деньги на победу Кими Райкконена. Однако для «Мак-Ларена» сезон получился просто провальным. Видимо, сказалось то, что он занимался всем, чем угодно (например, разработкой специального зонда для исследования Марса), кроме подготовки нового болида.

С первых же гонок все пошло по старому сценарию. «Феррари» под номером 1 исправно приходила к финишу первой, «Феррари» под номером 2 практически всегда финишировала вслед за первой машиной. «Мелкие неприятности» вроде столкновения в Монако, когда в тоннеле Михаэль неожиданно решил проверить эффективность тормозной системы «Уильямса» Хуана-Пабло Монтойи, на исход борьбы (а точнее, на отсутствие таковой) повлиять не могли. Шумахер выиграл 13 гонок из 18, набрал 148 очков, оторвавшись от третьего призера, Дженсона Баттона из команды «БАР-Хонда», на 63 очка (Баррикелло, занявший второе место, по понятным причинам соперником Шумахеру не является).

Что же заставляет Михаэля Шумахера вновь и вновь выходить на трассу? Деньги? В последние годы только зарплата Михаэля в «Феррари» составляет больше 50 миллионов долларов в год, а если учесть доходы от участия в рекламе, то состояния гонщика хватит его внукам и правнукам даже при самом роскошном образе жизни. Титулы? Шумахер уже побил практически все возможные рекорды в «Формуле-1». Желание опять проверить свои силы и почувствовать ни с чем не сравнимый дух гонок? Еще в 1999 году Михаэль говорил: «В прошедшем сезоне многое приходилось делать через силу. Не могу сказать, что «Формула-1» мне приелась, но ощущение свежести и новизны происходящего несколько притупилось. К тому же за девять сезонов выступления в «королевских гонках» накопилась немалая психологическая усталость». Дэймон Хилл в последней гонке 1999 года вдруг понял, что нет смысла сражаться в ничего не решающем поединке и просто сошел с трассы. Почувствует ли когда-нибудь такое Шумахер? Или он захочет уйти непобежденным? Слухи о том, что Михаэль собирается завершать карьеру гонщика, ходят уже давно. Однако Шумахер уходить еще не собирается. «Я буду участвовать в чемпионате до тех пор, пока смогу участвовать в серьезной борьбе, – заявил Михаэль на пресс-конференции в сентябре 2004

года. – Возможно, мои победы стали причиной того, что работа журналистов сейчас не так забавна, как раньше, но я до сих пор люблю свою работу и не вижу причин прекращать участие в гонках…»

notes

Примечания

1

Знаменитый бразильский игрок 1930—1940-х годов.

2

Гарринча – знаменитый бразильский футболист, у которого от рождения одна нога короче другой, отчего его и прозвали за своеобразную походку вразвалочку «Чаплиным футбола»; говорят, в Европе на Гарринчу из-за его дефекта не посмотрел бы ни один футбольный тренер, но Бразилия – другое дело, там главное, что ты умеешь делать с мячом.